

Б.Е.ШТЕЙН

«РУССКИЙ ВОПРОС»
НА ПАРИЖСКОЙ
МИРНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

(1919-1920 гг.)

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1949

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
<i>Глава 1</i>	
НАЧАЛО ИНТЕРВЕНЦИИ.....	27
<i>Глава 2</i>	
ВОПРОС О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ НА ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.....	62
<i>Глава 3</i>	
ОБЩАЯ ДИСКУССИЯ ПО «РУССКОМУ ВОПРОСУ».....	70
<i>Глава 4</i>	
ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА.....	94
<i>Глава 5</i>	
МИССИЯ БУЛЛИТА.....	140
<i>Глава 6</i>	
ИНТЕРВЕНЦИЯ ПОД ФЛАГОМ «ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОМОЩИ»	165
<i>Глава 7</i>	
• ОРГАНИЗАЦИЯ «ПРИКРЫТОЙ» ИНТЕРВЕНЦИИ (ВОСТОЧНАЯ ГАЛИЦИЯ).....	181
<i>Глава 8</i>	
ПРИБАЛТИКА В ПЛАНЕ ВООРУЖЁННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	203

<i>Глава 9</i>	
ПРИЗНАНИЕ АНТАНТОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА КОЛЧАКА.....	230
<i>Глава 10</i>	
ПЛАНЫ АНТАНТЫ ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАН В АНТИСОВЕТСКИЙ ПОХОД.....	246
<i>Глава 11</i>	
МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ ПРИБАЛТИКИ.....	265
<i>Глава 12</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕМЕЦКОЙ АРМИИ В ЦЕЛЯХ ИНТЕР- ВЕНЦИИ ПРОТИВ РОССИИ.....	282
<i>Глава 13</i>	
РОЛЬ АРХАНГЕЛЬСКО-МУРМАНСКОГО УЧАСТКА ИН- ТЕРВЕНЦИИ В ПЛАНАХ СОЮЗНИКОВ.....	294
<i>Глава 14</i>	
РЕШЕНИЕ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ О БЕССАРАБИИ	305
<i>Глава 15</i>	
ЮЖНЫЙ ФРОНТ ВООРУЖЁННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ПРО- ТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЛАНАХ СОЮЗНИКОВ	316
<i>Глава 16</i>	
ПЛАНЫ ОТТОРЖЕНИЯ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ ОТ РОССИИ.....	327
<i>Глава 17</i>	
БЛОКАДА КАК ОРУЖИЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	361
<i>Глава 18</i>	
«РУССКИЙ ВОПРОС» НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ПАРИЖ- СКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.....	383
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	404
Источники и литература.....	420
Библиография.....	442
Указатель имён.....	457

ВВЕДЕНИЕ

Парижская мирная конференция была официально созвана с целью положить конец состоянию войны, начавшейся 1 августа 1914 г. между державами Антанты и центральными державами. Это состояние войны было закончено в момент подписания мирных договоров: с Германией—28 июня 1919 г., Австрией—10 сентября 1919 г., Болгарией—27 ноября 1919 г., Венгрией—4 июня 1920 г. и Турцией—10 августа 1920 г.

Было бы, однако, абсолютно неправильно сводить работу Парижской мирной конференции только к составлению текстов упомянутых мирных договоров. На конференции речь шла не столько о выработке формальных мирных договоров, сколько о послевоенном переделе мира. Мирные договоры должны были легализовать результаты империалистической борьбы не только во время четырёх лет войны, но и за столом Мирной конференции.

Задачей настоящей работы является исследование лишь одного вопроса, обсуждавшегося на Парижской конференции,— «русского вопроса». Расположение исследуемого материала в основном следует хронологической последовательности обсуждения отдельных проблем на Парижской мирной конференции. Эта последовательность относится прежде всего к главам о Принцевых островах, миссии Буллита, плане продовольственной помощи и, наконец, признании Колчака. Глава об интервенции в Прибалтике делится на три части и разбивается

в своём изложении, поскольку другие события (например, признание Колчака) влияли на обсуждение прибалтийского вопроса и вынесение решений по этому вопросу. В остальном хронологический порядок изложения не нарушен, включая и последние главы (интервенция в Закавказье, блокада и её отмена).

«Русский вопрос» был не просто одной из многих проблем парижской тематики. Этот вопрос по своей роли и влиянию на всю работу конференции, на все принятые ею решения превосходил, несомненно, остальные вопросы.

Не было почти ни одного заседания Совета десяти и сравнительно мало заседаний Совета четырёх, на которых не обсуждался бы прямо, а чаще всего в связи с другими проблемами «русский вопрос». Так было в первый период конференции, т. е. до подписания Версальского договора — 28 июня 1919 г., так было и после его подписания и до окончания конференций — в январе 1920 г. Бывали периоды, когда Парижская мирная конференция превращалась в конференцию по «русскому вопросу». Так было, например, когда обсуждались такие проблемы, как отношение к «правительству» Колчака, помощь Колчаку, Деникину и Юденичу, взаимоотношение с Прибалтийскими государствами, признание Закавказских республик, блокада Советской России и ряд других важнейших вопросов.

Для истории взаимоотношений Советского государства с капиталистическими странами исследование, посвящённое «русскому вопросу» на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг., является чрезвычайно важным. В. И. Ленин говорил ещё 8 ноября 1918 г., что «...с самого начала Октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отношениях стал перед нами, как самый главный вопрос...»¹ Дискуссия по «русскому вопросу» в Париже в значительной мере вскрыла основные линии «русской политики» ряда буржуазных государств, политики, развивавшейся в течение последующих лет. Политика вооружённой интервенции во всех её видах — «санитарный кордон», блокада, экономическое давление,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 261.

дискриминация и т. д. — всё это развивается, опираясь в определённой степени на положения, выработанные в ходе дискуссии на Парижской мирной конференции.

Исследование «русского вопроса» на Парижской мирной конференции позволяет нарисовать картину того, как союзники рассматривали Советскую Россию в качестве объекта международных отношений. На протяжении всей конференции не было и речи о Советской России как суверенном субъекте международных отношений. Между тем вопреки отсутствию официального признания и попыткам третировать Советскую Россию в качестве территории, на которой можно устанавливать «зоны влияния», вопреки недопущению советского правительства к участию в самой конференции Советская Россия играла на ней огромную роль именно в качестве субъекта международной политики. Без исследования именно этой роли Советской России картина Парижской мирной конференции будет искажённой.

Дело не только в том, что «русский вопрос» в дискуссиях Совета десяти, Совета четырёх и других органов конференции занимал большее место, нежели другие вопросы, для разрешения которых официально была созвана Парижская конференция.

Роль Советской России в качестве субъекта международной политики сказалась в двух аспектах. Первым из них была активная борьба советского народа против вооружённой интервенции союзников. Эта борьба велась не только в чисто военном плане, но и в плане политико-дипломатическом. Вторым аспектом являлось то воздействие, которое оказывал «русский вопрос» на разрешение всех других проблем Парижской конференции.

Вопреки планам и расчётам версальских победителей, которым казалось, что после военного поражения Германии и её союзников они являются полновластными распорядителями и устроителями послевоенного мира, им пришлось встретиться с другой программой мира, представленной Советской Россией, несмотря на то, что последняя не числилась в списке участников Парижской мирной конференции.

Эта программа мира была выставлена первым социалистическим государством, и как бы союзники ни

пытались делать вид, что они с ней не считаются, из этих попыток ничего не выходило.

Таким образом, речь шла не только о том, что Советское государство в период Парижской мирной конференции вело навязанную ему борьбу против вооружённой интервенции, но и о том, что советское правительство вело активную борьбу за осуществление своей демократической программы мира. Советская Россия в борьбе за эту программу применяла активную тактику. Политико-дипломатическая борьба советского правительства против интервентов имела с самого начала активный характер. Два метода применялись Советской Россией в её активной политико-дипломатической борьбе против интервентов. Одним из этих методов было беспощадное и систематическое разоблачение действительных целей и задач военной интервенции Антанты и США. Другим методом являлось столь же систематическое предложение мирных переговоров с правительствами стран, участвовавших в интервенции. Роль и значение метода разоблачения внешней политики империализма подчёркивал В. И. Ленин, который писал в 1918 г.:

«Возьмите внешнюю политику. Ни в одной, самой демократической, буржуазной стране она не делается открыто. Везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке, Англии во сто раз шире и тоньше, чем в других странах. Советская власть революционно сорвала покров тайны с внешней политики»¹.

Разоблачение подлинных целей иностранной вооружённой интервенции сыграло огромную роль в деле разложения непосредственных вооружённых сил интервентов и формирования оппозиции политике интервентов в различных странах. Разоблачение советской дипломатией лживого лозунга интервентов о том, что вооружённое вмешательство в Советской России преследует цели борьбы с Германией, послужило основанием неоднократных запросов в парламентах Англии и Франции и массовых выступлений, направленных против политики интервенции. Вскрытие истинных мотивов интервенции (борьба против социалистического государства с целью

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 349.

реставрации капитализма, расчленение России, захват русской территории, овладение естественными богатствами России, займы царского правительства и т. д.) способствовало росту революционных настроений и отказу от участия в интервенции английских, американских и французских войск, воевавших в России.

Огромную роль в борьбе против вооружённой интервенции сыграли систематические обращения советского правительства к странам-интервентам с предложениями о мирных переговорах. Эти предложения, как известно, делались в течение 1918—1920 гг. много раз. Хотя столь же систематически правительства, по адресу которых посылались эти предложения, не отвечали на них, отказывались подтвердить факт их получения, тем не менее предложения мира делали своё дело. Их было трудно (вопреки усилиям соответствующих правительств) скрыть от общественного мнения. Становясь известными общественному мнению стран-интервентов, эти предложения затрудняли дальнейшее ведение интервенции, поскольку советское правительство не ставило никаких условий для мирных переговоров, кроме прекращения военных действий. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что ряд мирных предложений советского правительства сопровождался предложениями о некоторых экономических уступках по отношению к странам-интервентам (например, ответная нота по вопросу о конференции на Принцевых островах или проект соглашения, переданный через Буллита). Это обстоятельство также затрудняло дальнейшее проведение политики вооружённой интервенции.

Содержание «русского вопроса» не исчерпывалось проблемой непосредственной борьбы против вооружённой интервенции. Речь шла о том, что «русский вопрос» представлял собой поле столкновения двух систем послевоенного устройства мира. Первая система была представлена версальскими победителями, которые намеревались делить мир согласно империалистическому принципу. Этой системе была противопоставлена другая программа, выдвинутая социалистическим государством.

В 1919 г., именно тогда, когда Парижская мирная конференция обсуждала «русский вопрос», И. В. Сталин писал:

«На два лагеря раскололся мир решительно и бесповоротно: лагерь империализма и лагерь социализма.

Там, *в их* лагере, Америка и Англия, Франция и Япония с их капиталами, средствами вооружения, испытанными агентами, опытными администраторами.

Здесь, *в нашем* лагере, Советская Россия с молодыми советскими республиками, с нарастающей пролетарской революцией в странах Европы, но без капиталов, без испытанных агентов, без опытных администраторов, зато с опытными агитаторами, умеющими зажечь сердца трудящихся освободительным огнём.

Борьба этих двух лагерей составляет ось всей современной жизни, она наполняет всё содержание нынешней внутренней и внешней политики деятелей старого и нового мира.

Эстляндия и Литва, Украина и Крым, Туркестан и Сибирь, Польша и Кавказ, наконец, сама Россия — не самоцели, а лишь арена борьбы, смертельной борьбы двух сил: империализма, стремящегося укрепить ярмо рабства, и социализма, борющегося за освобождение от рабства»¹.

Не присутствуя на Парижской мирной конференции, Советская Россия тем не менее явилась серьёзнейшим препятствием, мешавшим осуществлению *империалистической* программы мира. Об этом впервые было возведено в день рождения Советского государства декретом о мире, принятым II Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 г. Демократический мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов — таково было советское предложение послевоенного устройства.

Декрет разъяснял:

«Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 232.

присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»¹.

Эта советская программа мира и послевоенного устройства оказалась сильнейшим оружием народов в борьбе против империализма и его планов бесконтрольного передела мира. Стремясь уменьшить колоссальное влияние, которое оказала на все народы и государства советская программа послевоенного устройства, изложенная просто и понятно широким массам в декрете о мире, представитель наиболее крупной империалистической державы — Соединённых Штатов Америки — глава американских миллиардеров Вильсон выступил с контрпрограммой, изложенной в «14 пунктах».

Вильсону оказалось необходимым выступить с программой, основной задачей которой явилась раскраска и ретушировка империалистических вождельний при помощи пацифистской фразеологии. «14 пунктов» должны были скрыть притязания мирового империализма, сделать империалистическую программу мира приемлемой в глазах широких народных масс. Центральное место в этом обмане народных масс заняло предложение о создании Лиги наций, которая должна была осуществлять вильсоновскую империалистическую программу мира.

Характерно, что в «14 пунктах» неоднократно упоминается принцип самоопределения народов, выдвинутый советским правительством в его программе мира. В устах американского и мирового империализма упоминание об этом принципе должно было усыпить бдительность народов и скрыть от них действительные, подлинные намерения империалистических монополий. Например, пункт 6 вильсоновской программы, провозглашавший на словах право народов России на самоопределение, на деле означал, как это показала интервенция, одним из вдохновителей и организаторов которой был Вильсон, программу расчленения России.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXII, изд. 3, стр. 13—14.

Именно в течение Парижской мирной конференции было вскрыто реальное содержание, которое вкладывал империализм в лозунг «самоопределения» народов, в вильсоновские «14 пунктов».

В теснейшей связи с советским принципом права народов на самоопределение находилась и советская программа по национальному вопросу. Эта программа зафиксирована в «Декларации прав народов России» — документе, написанном И. В. Сталиным и опубликованном 3 ноября 1917 г. за подписями И. В. Сталина и В. И. Ленина. В этом документе величайшего исторического значения программа по национальному вопросу была изложена так:

«1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»¹.

Что мог противопоставить империалистический мир этой программе, которая положила действительное начало полному разрешению национального вопроса, программе дружбы и сотрудничества между нациями, программе, устранявшей вражду и борьбу между ними? Известно, что все попытки «разрешить» национальный вопрос в рамках капиталистического государства систематически кончались крахом.

Как и в вопросе о праве народов на самоопределение, империализм стремился использовать национальный вопрос в своих корыстных классовых интересах. Империалистическая пропаганда маскировала подлинный смысл борьбы национальной буржуазии окраинных государств против советской власти, за свои классовые капиталистические интересы.

¹ В. И. Ленин и И. В. Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. II, Партиздат, 1936, стр. 18.

Чудовищная ложь буржуазной пропаганды была разоблачена И. В. Сталиным, который писал:

«Иные изображают борьбу окраинных «правительств» как борьбу за национальное освобождение против «бездушного централизма» Советской власти. Но это совершенно неверно. Ни одна власть в мире не допускала такого широкого децентрализма, ни одно правительство в мире не предоставляло народам такой полноты национальной свободы, как Советская власть в России. Борьба окраинных «правительств» была и остаётся борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристёгивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии». И далее: «Разбитые наголову, «национальные правительства» «вынуждены» были обратиться за помощью против «своих» рабочих и крестьян к империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплуататорам национальностей всего мира.

Так началась полоса иностранного вмешательства и оккупации окраин,— полоса, лишняя раз разоблачившая контрреволюционный характер «национальных» и областных «правительств»¹.

Национальный вопрос понадобился империализму в данном случае отнюдь не для осуществления программы действительного национального равенства и национальной свободы. Поддерживая борьбу окраинной буржуазии против советской власти и прикрывая эту борьбу лозунгами «национального освобождения», империалисты, собравшиеся на Парижской мирной конференции, в действительности стремились осуществить свою программу расчленения России. Создание «национальных» государств на окраинах России им нужно было как средство ослабления России, как прикрытия эксплуатации этих «национальных» государств, а главное — для уничтожения советской власти.

Дискуссия на Парижской мирной конференции воочию разоблачила действительное содержание империалистической поддержки борьбы «за освобождение», которую

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 161—162.

якобы вели «национальные правительства» окраинных государств. Эта дискуссия показала, что союзникам было вообще мало дела до действительной свободы и прав отдельных наций. Когда основная ставка вооружённой интервенции была поставлена на Колчака и Деникина, являвшихся прямыми продолжателями царского режима и его угнетательской политики по отношению к нациям, населяющим Россию, Вильсон и Ллойд Джордж, Клемансо и Орландо «забыли» о «защите» прав на национальное самоопределение окраинных территорий и согласились на программу, на которой настаивал Колчак, программу, возвращавшую национальный вопрос в России к тому состоянию, в котором он находился во времена царизма. Это было сделано «демократом» Вильсоном и «либералом» Ллойд Джорджем потому, что их поддержка национально-буржуазных правительств окраинных государств являлась лишь одним из средств для достижения основной цели — свержения советской власти, восстановления единства капиталистической системы. Поскольку Колчак и Деникин, по их мнению, в тот момент (лето 1919 г.) представляли собой наиболее надёжные силы, способные обеспечить победу над советским правительством и, следовательно, реставрацию капитализма, всё остальное — вильсоновские лживые лозунги о «самоопределении народов», «о защите» малых стран — было отброшено в сторону; осталась реальная империалистическая политика.

Велико было прогрессивное воздействие Советской России, и это отражалось на работах Парижской мирной конференции, в частности в отношении стран Востока.

В ноябре 1918 г., т. е. накануне открытия Парижской мирной конференции, И. В. Сталин писал: «Империалисты всегда смотрели на Восток, как на основу своего благополучия. Несметные естественные богатства стран Востока (хлопок, нефть, золото, уголь, руда), — разве не они послужили «яблоком раздора» для империалистов всех стран. Этим, собственно, и объясняется, что, воюя в Европе и *болтая* о Западе, империалисты никогда не переставали *думать* о Китае, Индии, Персии, Египте, Марокко, ибо речь шла, собственно говоря, всё время о Востоке. Этим, главным образом, и объясняется то рвение,

с каким они поддерживают в странах Востока «порядок и законность»: без этого глубокий тыл империализма не был бы обеспечен»¹.

К моменту начала Парижской мирной конференции её руководители уже знали о том, какое влияние на страны Востока имела Великая Октябрьская социалистическая революция и в частности «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», опубликованное 3 декабря 1917 г. за подписями В. И. Ленина и И. В. Сталина.

В. И. Ленин, И. В. Сталин, обращаясь к мусульманам Востока — персам и туркам, арабам и индусам, всем тем, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, ко всем тем странам, которые хотят поделить начавшие войну империалистические грабители, писали:

«Не от России и ее революционного правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран, от тех, которые превратили вашу родину в расхищаемую и обираемую свою «колонию»².

Парижская мирная конференция не только занималась разработкой конкретных решений по отдельным проблемам послевоенного империалистического раздела мира, но и боролась с демократической программой мира, провозглашённой Советской Россией.

Руководители Парижской конференции всячески вуалировали и затушёвывали империалистический характер ряда конкретных решений, вынесенных ими. Целью «14 пунктов» Вильсона было затушевать империалистический характер программы американского империализма, которую он стремился положить в основу решений Парижской конференции. Такая же маскировка прдельвалась в отношении важнейших проблем и решений.

После опубликования советского декрета о мире, провозгласившего мир без аннексий, нельзя было говорить

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 171—172.

² В. И. Ленин и И. В. Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. II, стр. 20.

о простом присоединении той или иной территории к государству-победителю вопреки воле населения этой территории. Этим, несомненно, объясняется то обстоятельство, что за исключением решения о возвращении Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых Германией у Франции в 1871 г., все остальные территориальные решения Версальского договора сопровождаются постановлениями о плебисците. Правда, все плебисциты, упомянутые в Версальском и других мирных договорах, имели в виду голосование, проведённые в присутствии и под контролем оккупационных войск или союзнических комиссий. Таким образом, говорить о подлинном волеизъявлении населения спорных территорий не приходилось.

Прогрессивное воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на зависимые и полузависимые народы Востока поставило перед империалистами во всей широте проблему колоний и колониальной системы в целом. Оставить довоенную колониальную систему в неприкосновенности оказалось в этих условиях невозможным. Открыто делить между победителями колонии, отобранные у побеждённых, оказалось затруднительным. На выручку пришла «мандатная система», которая на словах объявляла конец системы колониальной эксплуатации, а на деле стремилась сохранить существо этой эксплуатации.

Руководители Парижской мирной конференции ставили перед собой две основные задачи: империалистический передел мира, удушение советской революции и восстановление единства капиталистической системы. Решение второй задачи являлось условием для осуществления первой. Руководители Парижской конференции — Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо — приложили огромные усилия, чтобы подавить революционное движение в странах Запада, подавить национально-освободительное движение в странах Востока, а главное, разгромить страну Советов — Россию. Вот почему «русский вопрос» стоял в качестве центральной проблемы на Парижской мирной конференции. Советская страна оказывала своим существованием, своей программой мира, своей активной внешней политикой величайшее воздействие на политику и тактику руководителей империали-

стических стран, собравшихся в Париже. Ни одно решение Парижской мирной конференции не могло быть принято без учёта позиции Советской страны и влияния этой позиции на народы, судьбами которых стремились распоряжаться империалисты. В этом сказалось огромное международное значение советской программы мира, которая была противопоставлена империалистическому плану нового передела мира, обсуждавшемуся в Париже.

Существовало ли единство интервентов в отношении основной цели интервенции — уничтожения советской власти? Изучение опубликованных протоколов заседаний Совета четырёх и Совета десяти не оставляет никаких сомнений в положительном ответе на этот вопрос. Такое единство существовало. Ллойд Джордж и Вильсон, в отношении которых существуют легенды (созданные ими же и гиперболизированные апологетами американского и британского империализма) об их «примирительном» отношении к советской власти, нисколько не меньше Клемансо и Черчилля добивались уничтожения советской власти, всячески стремясь при этом замаскировать подлинную империалистическую сущность своей политики.

Ещё накануне Октябрьской революции со стороны держав Антанты делались неоднократные попытки задуть революционное движение в России путём империалистического сговора за счёт России. Через несколько дней после Октябрьской революции, 14 ноября 1917 г., И. В. Сталин говорил:

«...англо-немецкие империалисты сговаривались о мире за счёт *России*. На почве *такого* мира империалисты, действительно, могли сорвать дело русской и, может быть, международной революции. Но Октябрьская революция пришла во-время. Она взяла дело мира в свои собственные руки, она выбила из рук международного империализма самое опасное оружие и тем оградила революцию от смертельной опасности»¹.

Эта опасность шла от англо-франко-американской коалиции, щедро финансировавшей США. В августе 1917 г. И. В. Сталин разоблачил замыслы американского империализма в следующих словах:

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 2—3.

«В момент, когда русская революция напрягает силы для отстаивания своих завоеваний, а империализм старается добить её,— американский капитал снабжает миллиардами коалицию Керенского — Милюкова — Церетели для того, чтобы, обуздав вконец русскую революцию, подорвать разрастающееся на Западе революционное движение»¹.

И. В. Сталин отмечал:

«Коалиция будет существовать на американские миллиарды, за которые придётся потом отдуваться русским рабочим и крестьянам.

Американская империалистическая буржуазия, финансирующая коалицию русской империалистической буржуазии (Милюков!), военщины (Керенский!) и мелкобуржуазных верхов, лакейски служащих «живым силам» России (Церетели!) — вот она, картина нынешнего положения..

«Симпатии» американского капитала к Московскому совещанию, подкреплённые пятимиллиардным займом,— не этого ли добивались господа, созвавшие совещание?..»²

Поскольку англо-франко-американскому империализму в контакте с русской буржуазией и соглашательскими партиями не удалось предотвратить Октябрьскую революцию, они немедленно начали ожесточённую борьбу против молодой Советской республики. Ввиду продолжавшейся смертельной схватки двух империалистических лагерей Антанты не смогла сразу после Октябрьской революции развернуть полностью вооружённую интервенцию в достаточно больших размерах. Одним из методов вооружённой борьбы против Советской России был метод навязывания и разжигания гражданской войны. В. И. Ленин неоднократно подчёркивал ответственность международного империализма за навязывание и развитие гражданской войны. Он говорил:

«Всемирный империализм... вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягива-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 234—235.

² Там же, стр. 234.

нии...»¹ Гражданскую войну «...нам навязал международный империализм...»²

Антанта, навязывая Советской России гражданскую войну и разжигая её, бросала на помощь белогвардейцам средства как деньгами, так и снаряжением, лишь бы они вели войну против Советской республики. 13 марта 1919 г. В. И. Ленин говорил:

«...война эта нам навязана; в начале 1918 г. мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, причем громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистской войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам...»³ И дальше: «Империалисты всего мира бросились на Российскую республику, чтобы задуть её...»⁴

Существовало ли единство по отношению к важнейшей цели интервенции — расчленению России? Обычным стало у буржуазных историков этого периода изображать следующую расстановку главных сил интервенции: расчленения России добивалась Великобритания, ведшая борьбу с Россией в течение XIX в. и пытавшаяся воспользоваться Октябрьской революцией для ослабления своего долголетнего противника. Наоборот, Франция, которая, дескать, была союзницей России с 90-х годов XIX в. и основным кредитором России и которая видела в России естественный оплот против Германии, стремилась якобы и во время интервенции сохранить «единую и неделимую Россию». Наконец, якобы США вообще не были заинтересованы в расчленении России и даже как будто противились такому расчленению. Подобная искажённая картина абсолютно не соответствует исторической действительности, за исключением части, касающейся позиции Великобритании. В позиции Великобритании относительно расчленения России сомнений, конечно, быть не может. Вся её политика в период интервенции эту позицию

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 559.

² Там же, стр. 542.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же.

целиком подтверждает. Что касается Франции, то она была заинтересована в «единой и неделимой России» *царского* типа, что подтверждается фактами. Франция стояла за отделение Украины и активно поддерживала сепаратизм Петлюры. Клемансо более чем кто-либо настаивал на присоединении к Румынии Бессарабии, её отторжении от России. Интерес, который Франция питала к России до войны 1914—1918 гг. в этом аспекте, она полностью перенесла после Октябрьской революции на Польшу, в которой она видела оплот против Германии с востока и одновременно плацдарм против Советской России. Таким образом, существовало фактическое единство взглядов Великобритании и Франции по вопросу о расчленении России.

Остаётся позиция США.

Изучение протоколов конференции и дневника полковника Хауза, ближайшего друга и советника Вильсона, его «мозгового треста», даже в том виде, в каком они опубликованы, даёт все основания покончить и с американской легендой о непричастности США к интервенции и политике расчленения России. В период непосредственного участия президента Вильсона в работах конференции сн на деле (не на словах, маскировавших суть его политики) был активнейшим участником, организатором, вдохновителем общей политики антисоветской интервенции «союзных и ассоциированных» стран, которая вела к расчленению России. План Принцевых островов — план Ллойд Джорджа — Вильсона — был прежде всего планом расчленения России. Активное участие Вильсона в составлении плана о мандате США на Армению в части русской Армении было направлено на расчленение России. Стремясь скрыть, замаскировать подлинную роль США, её президента Вильсона в интервенции и политике расчленения России, буржуазные историки всячески выпячивают «сдержанную позицию» делегации США во второй период Парижской конференции (т. е. после подписания Версальского договора и отъезда Вильсона) по таким вопросам, как признание окраинных государств, блокады и т. д. Но эта «сдержанная» на словах позиция объяснялась вовсе не тем, что США якобы были против расчленения России, а тем, что именно после

отъезда Вильсона из Парижа в США разгорелась отчаянная борьба вокруг Версальского мира и американская делегация в целях маскировки, скрытия от общественного мнения империалистической политики Вильсона, Лансинга, Хауза — правительства США — не высказывала открыто своей точки зрения, ограничиваясь заявлением, что она «доводит до сведения» Вашингтона мнение конференции. Это был грандиозный обман, блеф, как и «14 пунктов», в духе великого демагога Вильсона. Американская легенда о том, что США были «против» расчленения России, не выдерживает никакой критики фактов, она антиисторична и преследует цели пропаганды.

После того как империалистам Антанты удалось разбить Германию и её союзников, руководство мировой контрреволюцией и вместе с тем вооружённой интервенцией перешло в руки англо-франко-американской коалиции. Вскоре после Октябрьской революции и до поражения Германии В. И. Ленин писал:

«Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой»¹.

В момент поражения Германии В. И. Ленин (8 ноября 1918 г.) отметил:

«...англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции»².

Значит ли это, что на Парижской конференции не существовало разногласий и противоречий между интервентами, между Вильсоном, Ллойд Джорджем, Клемансо и другими в вопросах интервенции? Конечно, не значит. Эти противоречия были, но не по вопросу об основных целях интервенции. Они были и выявлялись по вопросу о том, кто из интервентов подчинит своему империалистическому влиянию ту или иную часть России. Были противоречия между США и Японией по вопросу о господстве на Дальнем Востоке, между Великобританией

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 176—179.

² Там же, стр. 267.

и Францией — по вопросу о господстве в Прибалтике, на Украине, о влиянии на Польшу. Будучи едиными в основных империалистических задачах интервенции (уничтожение советской власти и расчленение России), интервенты соперничали и дрались между собой как *империалисты*, за раздел «добычи», за интересы *своего* империализма.

Обсуждение «русского вопроса» на Парижской мирной конференции — этом политическом и организационном штабе интервенции в России — убедительно опровергает американскую легенду о «гуманитарной», «демократической», «дружеской» политике США к народам России в 1917—1920 гг. Факты, известные сотням миллионов людей, и *документы*, анализу которых мы посвятили свой труд, неопровержимо доказывают, что Вильсон и правительство США были активными участниками и организаторами вооружённой интервенции в России и попыток её расчленения.

* *
*

В произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина вскрыто действительное содержание политики и тактики ведущих держав капиталистического окружения в «русском вопросе». В этих трудах дан глубокий анализ движущих пружин политики капиталистического окружения, его отдельных звеньев и руководителей буржуазных правительств. Правильность и точность этого анализа тем более гениальна, что в период 1918—1920 гг. в отношении Советской России, кроме других видов блокады, существовала и информационная блокада, через которую в Советскую страну проникали чрезвычайно скудные сведения о том, что делалось в странах капиталистического окружения. Более того, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в период работы Парижской мирной конференции не только сведения о ней проникали весьма скудно, но и вообще заседания Совета четырёх и Совета десяти были секретными. Когда историк изучает протоколы заседаний Парижской мирной конференции, он не может не восхищаться гениальным анализом

политики и тактики союзников на Парижской мирной конференции, даваемым в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина.

В произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина содержится ключ для понимания и изучения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции.

Необходимо отметить следующие установленные В. И. Лениным и И. В. Сталиным положения, без которых невозможно действительное изучение и понимание «русского вопроса».

Одно положение, установленное в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина, касается темпов развёртывания вооружённой интервенции. В этом отношении весь период вооружённой интервенции после Великой Октябрьской социалистической революции делится на два этапа — до и после капитуляции Германии. В течение первого этапа капиталистическое окружение не могло обрушиться со всей силой на молодую Советскую республику, поскольку две империалистические группировки этого окружения находились в смертельной схватке друг с другом. Это обстоятельство позволило Советской России окрепнуть до того момента, когда победившая в мировой войне 1914—1918 гг. группировка Антанты — англо-франко-американская коалиция — смогла приступить к вооружённой интервенции в широких масштабах. Этот анализ важен потому, что именно он позволяет составить правильное представление о соотношении сил между вооружёнными интервентами, с одной стороны, и Советской Россией — с другой, к моменту начала Парижской мирной конференции.

Второе положение относится к периоду начала Парижской мирной конференции, т. е. к январю 1919 г. К этому моменту государства Антанты — Англия, Франция, США, Япония, Италия — имели двойной опыт вооружённой интервенции: в замедленных темпах до капитуляции Германии и в развёрнутых темпах в период ноябрь 1918 г. — январь 1919 г. С гениальной прозорливостью В. И. Ленин уже в январе 1919 г. заметил колебания в среде капиталистического окружения в вопросе о дальнейших методах интервенции и установил две группировки: одну, которая высказывалась за продолжение вооружённой интервенции

и посылку иностранных армий в Советскую Россию, и другую, которая искала иных методов решения (в своих интересах) «русского вопроса». Для понимания всей истории вооружённой интервенции, а равно сущности обсуждения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции эта констатация наличия колебаний в среде буржуазии Антанты и образование двух тенденций играют огромную роль.

Развивая далее мысль о наличии двух тенденций в «русском вопросе», В. И. Ленин и И. В. Сталин установили третье положение, дающее ключ к пониманию всей дальнейшей истории вооружённой интервенции. Они установили, что колебания буржуазии Антанты в начале 1919 г. происходили не по вопросу о продолжении или полном отказе от вооружённой интервенции, а по вопросу о том, какую форму должна принять интервенция в дальнейшем. С исчерпывающей чёткостью И. В. Сталин установил два метода вооружённой интервенции: неприкрытой, т. е. при помощи собственных войск Антанты, и прикрытой, т. е. при помощи войск окраинных государств и белогвардейских «правительств», с тем что Антанта берёт на себя снабжение их оружием, припасами и средствами. Таким образом, в начале 1919 г. между руководящими деятелями Антанты шёл спор не о том, продолжать или отказаться от вооружённой интервенции, а о том, продолжать ли неприкрытую интервенцию или заменить её прикрытой. Это исключительно важное положение ведёт к правильному пониманию характера «разногласий», которые имели место в Париже между Вильсоном и Ллойд Джорджем, с одной стороны, и Клемансо и Черчиллем — с другой. Именно это положение позволяет сорвать с Вильсона и Ллойд Джорджа ореол «миротворцев», развенчать ими же созданную и пущенную в оборот легенду о том, что они были против вооружённой интервенции. В действительности в свете положения, установленного И. В. Сталиным, делается совершенно очевидным, что и Вильсон и Ллойд Джордж возражали лишь против формы неприкрытой интервенции, а не её существа.

В. И. Ленин и И. В. Сталин установили причины отказа буржуазии Антанты от неприкрытой формы воору-

жённной интервенции. Основная причина этого отказа заключалась в том, что на советской земле войска Антанты делались ненадёжными, отказывались сражаться с русскими рабочими и крестьянами. С другой стороны, прикрытая форма интервенции при помощи чужих войск позволяла руководителям Антанты обманывать «собственные» народные массы, требовавшие прекращения вооружённой интервенции в Советской России.

Что касается прикрытой формы интервенции, В. И. Ленин и И. В. Сталин установили несколько исключительно важных положений. Первое из них касается так называемых «национальных» правительств (речь шла о буржуазных правительствах окраинных государств), при помощи которых Антанта осуществляла прикрытую интервенцию. И. В. Сталин разоблачил «национальный» характер этих буржуазных правительств, показав, что, ведя между собой ожесточённую борьбу во имя «национальных» интересов, они по приказу Антанты прекратили эту борьбу с тем, чтобы бросить вооружённые силы против Советской России. С другой стороны, В. И. Ленин выявил колебания в среде национальной буржуазии окраинных государств, колебания, которые препятствовали этой буржуазии целиком поддерживать белогвардейские «правительства» Колчака и Деникина в их борьбе против Советской России. Национальная буржуазия окраинных государств отдавала себе отчёт в том, что Колчак и Деникин стремятся к возрождению царского режима, угнетавшего нации, населяющие Россию.

В. И. Ленин и И. В. Сталин вскрыли действительное содержание политики англо-франко-японо-американской интервенции и её программу, заключающуюся в уничтожении советской власти и расчленении России с целью превращения её в колонию иностранного капитала.

Имея руководящие указания В. И. Ленина и И. В. Сталина, советские историки должны, анализируя конкретный материал, относящийся к работам Парижской мирной конференции, разоблачить фальсификацию буржуазной историографией значения «русского вопроса» на Парижской *мирной* конференции — этого

политического и организационного центра *вооружённой* интервенции в России; должны показать подлинную роль каждой империалистической державы — Англии, Франции, Италии, Японии, США — в стремлении свергнуть советскую власть и расчленить Россию; показать подлинную роль, которую играли в обсуждении и решении «русского вопроса» «идол пацифизма» *Вильсон* и «гуманная» *Америка*. Этой цели посвятил автор своё исследование.

ГЛАВА I

НАЧАЛО ИНТЕРВЕНЦИИ

Парижская мирная конференция открылась официально 18 января 1919 г. Между тем съезд её участников начался ещё в ноябре 1918 г. Верховный совет союзников заседал уже в октябре и обсуждал условия перемирия с Германией и её сателлитами. Как только перемирие с Германией было подписано (11 ноября 1918 г.), в Париж начали съезжаться политические деятели и делегации ряда стран. С ноября 1918 г. шли совещания как по вопросу о подготовке мирной конференции и её процедуры, так и по отдельным проблемам. К числу таких важнейших проблем принадлежал в первую очередь «русский вопрос».

Но ещё за год до этого Парижская конференция Верховного совета, открывшаяся 28 ноября 1917 г., положила начало обсуждению политики вооружённой интервенции союзников по отношению к Советскому государству.

«...Союзники примут меры, чтобы установить... *действительный контроль над развитием русской внешней политики*. В осуществлении этого контроля главную роль будут играть Соединённые Штаты и Япония...»¹

Подчёркнутое нами место вскрывает содержание переговоров о военной интервенции, которые происходили

¹ Газета «Утренние ведомости», выходившая в 1917 г. в Петрограде, тесно связанная с французским посольством.

во время Парижской (1917 г.) конференции Верховного совета. Ещё до начала мирных переговоров между Советской Россией и Германией, не отвечая на неоднократные призывы Совета Народных Комиссаров принять участие в этих мирных переговорах и сделать их общими, правительства Антанты решили установить контроль над внешней политикой Советского государства.

В. И. Ленин писал:

«Именно англо-французская и американская буржуазия не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно *она* поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистскую бойню!»¹

Как показали последующие события, «контроль» означал не что иное, как вооружённую интервенцию.

В. И. Ленин говорил:

«Это основной факт, что теперь действуют империалистические силы другой коалиции, не германской, а англо-французской, захватившей часть территории и опирающейся на нее. Если до сих пор географическое положение мешало им напасть прямым путем на Россию, то теперь, обходным путем, англо-французский империализм, который уже четыре года заливает кровью весь мир из-за господства над всем миром, подошел непосредственно к России для удушения Советской Республики и для того, чтобы ввергнуть Россию в империалистическую войну»².

В результате переговоров между Англией и Францией, начатых в период Парижской конференции Верховного совета, 23 декабря 1917 г. был подписан специальный англо-французский договор, определявший французскую и английскую «зоны влияния». Этот договор гласил:

«п. 1. Франция будет развивать свою активность против врага на севере Чёрного моря. Англия будет развивать свою активность против турок на юго-востоке.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 180.

² Там же, стр. 156.

п. 2. Так как генерал Алексеев предложил в Новочеркасске осуществление программы, которая предполагает организацию армии для открытия враждебных действий против врага (Германия), и просил о предоставлении кредита в миллион фунтов стерлингов с одновременным предложением организации междусоюзного контроля,— осуществление этой программы должно продолжаться до новых соглашений между Францией и Англией.

п. 3. С этими ограничениями зоны влияния, предоставленные каждому правительству, являются следующими: английская зона — Казачьи области, Кавказ, Армения, Грузия, Курдистан; французская зона — Бессарабия, Украина, Крым.

п. 4. Расходы должны учитываться и регулироваться центральным межсоюзным органом».

Договор этот был подписан председателем Совета министров и военным министром Франции Клемансо и военным министром Великобритании Милнером.

Англо-французский договор означал, что, отвергнув советское предложение о всеобщем мире и не дожидаясь начала советско-германских переговоров о мире, союзники, Англия и Франция, приняли решение о вооружённой интервенции против Советского государства.

Распределение зон влияния отражало грабительский план империалистов Запада, план захвата советских территорий и расчленения России. Этот грабительский характер договора от 23 декабря 1917 г. был настолько ясен, что даже верный слуга союзников генерал Деникин писал: «Эта странная линия не имела никакого смысла в стратегическом отношении... Она удовлетворяет скорее интересам оккупации или эксплуатации...»

В ответ на мирные призывы советской власти Англия и Франция подписали договор, целью которого были захват и расчленение России, уничтожение советского строя. Эти империалистические цели руководители Антанты стремились прикрыть ссылкой на «необходимость воссоздать Восточный фронт» для продолжения борьбы с Германией.

В. И. Ленин писал, разоблачая лживую пропаганду Антанты: «...англо-французская и американская буржуазная пресса распространяют в миллионах и миллионах

экземпляров ложь и клевету про Россию, лицемерно оправдывая свой грабительский поход против нее стремлением «защитить» будто бы Россию от немцев!»¹

В действительности главной целью вооружённой интервенции Англии, Франции, США, Японии, Италии, Германии был разгром Великой Октябрьской социалистической революции.

Практическое осуществление соглашения от 23 декабря 1917 г. о разделе «зон влияния» началось вооружённой интервенцией с целью захвата Бессарабии. 3 декабря 1917 г. генерал Щербачёв объявил, что «по соглашению с румынами» он решил заключить перемирие с немцами на всех фронтах русских и румынских армий. В этот же день он обратился к фельдмаршалу Макензену и эрцгерцогу Иосифу с предложением немедленно начать переговоры о перемирии. 5 декабря 1917 г. был получен утвердительный ответ от обоих командующих австро-германскими войсками.

Документы свидетельствуют о том, что генерал Щербачёв, заключая перемирие с немецко-австрийским командованием, действовал с ведома представителей союзных держав. Союзники направляли и всячески одобряли действия генерала Щербачёва. Они осуществляли в полной мере контроль над условиями перемирия и его выполнением. Перемирие было подписано в Фокшанах 9 декабря 1917 г. У генерала Щербачёва и румынского командования оказались на руках два козыря: во-первых, они подписали перемирие и, следовательно, удовлетворили требование солдатских масс, добивавшихся мира, а во-вторых, получили свободу рук на «внутреннем фронте» против революционно настроенных частей. В ночь на 18 декабря все штабы на Румынском и Юго-Западном фронтах были одновременно заняты контрреволюционными частями.

Ещё 11 декабря 1917 г. советскими властями была перехвачена директивная телеграмма французского правительства французской военной миссии Румынского фронта. Этой миссии предлагалось «всеми мерами поддерживать Украинскую Раду и поддерживать те полити-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 180.

ческие организации, которые стремятся к восстановлению боеспособности Румынского фронта». Таким образом, давая генералу Щербачёву согласие на перемирие с центральными державами, Франция начала вооружённую интервенцию на Украине, опираясь при этом на Центральную Раду, с одной стороны, и генерала Щербачёва, а также Каледина — с другой.

В статье «Что такое Украинская Рада?» И. В. Сталин, касаясь перехваченной шифрованной телеграммы французской военной миссии, писал: «...существует, оказывается, союз Рады, Каледина и французской военной миссии на предмет срыва мира, на предмет его «оттяжки» «до весны». При этом французская военная миссия действует не самостоятельно, а по «срочным инструкциям французского правительства»¹.

Данный И. В. Сталиным анализ намерений французского правительства сорвать мирные усилия Советской республики и «оттянуть» мир получил полное подтверждение в последующих событиях, разыгравшихся на Румынском фронте (цитированная статья И. В. Сталина была опубликована в «Правде» 15 декабря 1917 г., а переворот на Румынском фронте произошёл в ночь на 18 декабря 1917 г.). Захватывая при помощи румын Бессарабию, французские империалисты стремились помешать мирным усилиям советского правительства, стремились сорвать дело мира, разгромить революцию.

Немедленно вслед за захватом контрреволюционными частями штабов начались массовые аресты сторонников советской власти в войсках Юго-Западного и Румынского фронтов. После переворота при всех штабах Румынского фронта были организованы контрреволюционные комитеты, главной задачей которых являлась борьба с большевизмом.

После заключения перемирия с австро-германцами начался захват румынскими войсками Бессарабии. Захват этот производился по соглашению между союзниками в лице генерала Бертелло, румынским командованием, генералом Щербачёвым и комитетом «национальных комиссаров» Центральной Рады.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 19—20.

Характерно было распределение ролей между отдельными участниками вооружённой интервенции в Бессарабии. Представители Антанты оставались в тени, хотя были основными двигателями интервенции, а румыны прикрывались приказом белогвардейского генерала Щербачёва.

Проводя при помощи румын захват Бессарабии, союзники ещё до подписания англо-французского соглашения от 23 декабря 1917 г. о разделе зон влияния начали практически осуществлять это соглашение, на основании которого Бессарабия входила во французскую «зону влияния». В Яссах находился штаб генерала Бертелло, уполномоченного союзного командования, который фактически руководил этим захватом.

На том отрезке времени интересы румынского и французского правительств сходились: и то и другое стремились к разгрому революции, расчленению России, в частности к захвату Бессарабии. И Германия способствовала захвату Румынией Бессарабии, поскольку такой захват означал участие союзников в вооружённой интервенции против Советской России и вбивал клин между Румынией и Россией, что было выгодно Германии.

28 декабря в Петрограде была получена телеграмма Военно-революционного комитета Румынского фронта из Кишинёва, в которой описывались приведённые выше события на фронте. Немедленно по получении телеграммы Военно-революционного комитета Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) обратился с нотой к румынскому посланнику. НКИД запрашивал: «...какие меры приняло румынское правительство до настоящего дня для того, чтобы покарать преступные элементы из румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившиеся поднять руку на Российскую революцию», и предупредил: «...мы считаем нужным через ваше посольство поставить на вид всем румынским властям, что Советская власть не остановится перед самыми суровыми мерами против контрреволюционных румынских заговорщиков, сообщников Каледина, Щербачёва и Рады...»¹

В ответной ноте румынское посольство заявляло, что указанные в ноте НКИД события действительно имели место, но не получили якобы дальнейшего развития ввиду

¹ «Известия» от 1 января 1918 г.

своевременно принятых румынскими властями мер. Это было ложью.

Осуществляя директиву союзников, румынское командование и не думало прекращать выполнение захватнической программы, намеченной союзниками. 12 января Совнарком получил сообщение из полков, расположенных на Румынском фронте, о новых арестах русских солдат, разоружении советски настроенных частей. 14 января 1918 г. Совнарком потребовал от румынского правительства «освобождения арестованных, наказания производивших аресты, прекращения беззакония и бесчинных действий румынских властей».

Захват румынскими войсками с согласия Антанты Бессарабии являлся вопиющим нарушением международного права. Бесчинства по отношению к русским войскам Румынского фронта продолжались. 26 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией:

«1. Все дипломатические сношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путём...»¹

Между тем оккупация Бессарабии румынскими войсками продолжалась. Французская военная миссия, румынское командование, генерал Щербачёв и его штаб, Центральная Рада и контрреволюционная организация бессарабских помещиков и мелкобуржуазных партий «Сфатул Церий» действовали согласованно.

Роль Антанты и в частности Франции в захвате Бессарабии выясняется из документа, опубликованного 22 января 1918 г.:

«Для того чтобы успокоить население, взволнованное слухами, циркулирующими по вопросу о приходе румынских войск и цели, которую они преследуют, Директория постановила опубликовать следующий дипломатический документ, адресованный правительству Молдавской республики *от имени французского правительства, равно как прочих союзных правительств*².

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, ВПШ, Москва 1944, стр. 46.

² Курсив мой.— Б. Ш.

«Французская миссия в Румынии. Яссы. 15 января 1918 г.

Французский посланник в Румынии г-ну французскому консулу в Кишинёве М. Сарре.

Полковник Дальбия передал мне просьбу Директории, желающей получить письменную гарантию как с нашей стороны, так и со стороны наших союзников, касательно вопроса о вступлении румынских войск в Бессарабию. Все мои коллеги, гослы союзных держав и я сам уполномочены вам официально сообщить, что вступление румынских войск в Бессарабию является мерой исключительно военной, имеющей целью охрану нормального функционирования тыла румынско-русского фронта, согласно правилам, установленным всеми воюющими державами.

Вследствие этого вступление румынских войск в Бессарабию не будет влиять ни в чём ни на нынешнее политическое состояние Бессарабии, ни на судьбу этой страны в будущем.

Я вас уполномочиваю сообщить официально всё изложенное Директории, и если будет выражено пожелание, то передать ей заверенную копию этого сообщения.

Посланник Франции в Румынии Д. Сент-Олер»¹.

Союзники расписались в том, что они руководили оккупацией, и выдали вексель относительно её скорого прекращения.

Осуществляя оккупацию Бессарабии, румынское командование в то же время при помощи консульского корпуса вело в Одессе переговоры с представителями советской власти. Целью этих переговоров было выиграть время, уверить представителей советской власти в «искренности» союзников и возможности уладить вопрос при помощи «дружеских переговоров». Эта коварная тактика была разоблачена представителями советской власти. Румынскому правительству было передано требование «немедленно распорядиться о выводе из Бессарабии войск».

Пока румынское правительство обдумывало свой ответ, союзный дипломатический корпус в Яссах в качестве

¹ «История дипломатии», т. II, Госполитиздат, 1945, стр. 354.

хозяина ответил за румынское правительство. 21 февраля за подписью старшины дипломатического корпуса, итальянского посланника Фасциотти, была послана консульскому корпусу в Одессе телеграмма, в которой заявлялось, что «вмешательство румынских войск является военной операцией без всякого политического характера, предпринятой в полном согласии с союзниками и бессарабскими властями»¹.

Союзные посланники заботились о том, как бы выиграть время и не допустить перехода советских войск в наступление на румын, в военной надёжности и устойчивости которых у них не было уверенности. Союзные посланники прилагали усилия к тому, чтобы добиться возобновления русско-румынских переговоров. 22 февраля произошла встреча английского и французского представителей с советскими представителями. Последние вручили англичанам и французам от имени советской власти предложение, представлявшее собой основу для мирного урегулирования русско-румынского конфликта. 28 февраля от имени румынского правительства за подписью премьер-министра генерала Авареску последовал ответ, в котором советское предложение было в основном принято. 5 марта 1918 г. из Одессы была послана телеграмма от имени советской власти. В этой телеграмме говорилось, что «с момента, когда румынское правительство подтвердит получение данного документа, мы будем считать мир установленным между Россией и Румынией». 9 марта последовал за подписью генерала Авареску ответ: румынское правительство считает конфликт с сегодняшнего дня урегулированным.

Основой соглашения 5—9 марта 1918 г. было заявление председателя Совета министров и министра иностранных дел Румынии генерала Авареску об обязательстве Румынии эвакуировать Бессарабию в течение двухмесячного срока. Румынское правительство, поощряемое державами Антанты, не собиралось выполнять взятое на себя обязательство. Захватив Бессарабию при содействии союзников, румынское правительство намерено было

¹ L'Ukraine Sovietiste, Berlin 1922, p. 240.

закрепить этот захват при помощи Германии, что и было достигнуто Бухарестским договором 7 мая 1918 г.

Следующим актом вооружённой интервенции явилась высадка союзных интервентов в Мурманском крае. Мурманский Совет возглавлялся неким Юрьевым, оказавшимся предателем, действовавшим в контакте и по указке предателя Троцкого и белогвардейских офицеров. Английские, французские и американские представители, находившиеся в Мурманске, начали переговоры с Юрьевым «об оказании союзной помощи». Программа переговоров сразу обозначилась как программа союзной оккупации.

Об этих переговорах рассказывает в своём дневнике один из белых офицеров. «Вечером, 30 января я имел специальную и совершенно секретную беседу с английским адмиралом Кемпом в доме английского консула. В беседе участвовали: адмирал Кемп, английский консул Холл, генерал Звегинцев и я. Вкратце изложив [свою] точку зрения, ...я указал, что считаю возможным [продолжать] свою работу на Мурмане только в том случае, если буду иметь поддержку со стороны адмирала... Адмирал Кемп ответил согласием...

О содержании этого разговора был немедленно мною осведомлён начальник французской военной миссии капитан де Лагатинери и несколько позже представитель северо-американской военной миссии лейтенант Мартин»¹.

Позднейшие утверждения о том, что союзники вступили в соглашение с Мурманским Советом, были не чем иным, как словесным прикрытием тайной сделки, заключённой с местными белогвардейскими офицерами, руководившими делами Совета, и его председателем. Только тогда, когда эти тайные переговоры были закончены, на сцену выступила фикция «соглашения с Советом». 1 марта 1918 г. Мурманский Совет телеграфно запросил Петроград, как быть в связи с создавшимся положением.

Предательская директива Троцкого — «принять всякое содействие союзных миссий»² — соответствовала англо-франко-американским интервенционистским планам: при

¹ М. Кедров, Без большевистского руководства, изд. «Красная газета», Л. 1930, стр. 26.

² Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, Госполитиздат, 1940, стр. 191.

помощи фикции «соглашения» оккупировать Мурманский край.

Вот текст так называемого «Словесного соглашения англо-французского командования и Мурманского Совета о совместных действиях по обороне Мурманского края»:

«§ 1. Высшая власть в пределах Мурманского района принадлежит Мурманскому Совдепу.

§ 2. Высшее командование всеми вооружёнными силами района принадлежит под верховенством Совдепа Мурманскому военному совету из 3 лиц — одного по назначению Советской власти, и по одному от англичан и французов.

§ 3. Англичане и французы не вмешиваются во внутреннее управление районом: о всех решениях Совдепа, имеющих общее значение, они осведомляются Совдепом в тех формах, какие по обстоятельствам дела будут признаны нужными.

§ 4. Союзники принимают на себя заботу о снабжении края необходимыми запасами»¹.

Англичане, французы, американцы с помощью белогвардейцев и предателя Юрьева установили свой контроль над Мурманским краем. Первый пункт соглашения провозглашал автономию Мурманского края, независимость его от Советской республики, поскольку в этом пункте говорилось о том, что верховная власть в Мурманском крае принадлежит Мурманскому Совету. Пункт второй устанавливал единое военное командование в лице тройки, причём два голоса должны были принадлежать союзникам. Пункт третий установил обязательство Мурманского Совета информировать англичан и французов о мероприятиях власти, причём в нём глухо говорилось о формах этой информации. По существу этот пункт устанавливал необходимость предварительной информации, и, таким образом, Мурманский Совет сообщал союзникам о предпринимаемых им мероприятиях, иначе говоря, спрашивал у представителей Антанты разрешения на те или иные действия в области внутренней политики.

Непосредственным результатом «словесного соглашения» явилась высадка в Мурманском районе иностранных

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 54.

воинских сил. 9 марта 1918 г. в Мурманске с английского крейсера «Глори» высадились английские солдаты. 18 марта в Мурманск прибыл французский крейсер «Адмирал Об» и 14 марта — английский крейсер «Кокрэн». Одновременно в городе Коле, в 12 километрах от Мурманска, разместились находившиеся под командой французских офицеров различные воинские части. Интервенты стали захватывать русский Север.

В это время дипломатический корпус переселился в Вологду, где образовался центр интервенции. Многочисленные иностранные агенты расселялись по всем значительным городам Севера и станциям Северной и Мурманской железных дорог. Эти агенты находились в связи как с дипломатическим корпусом в Вологде, так и с белогвардейскими офицерскими организациями Петрограда, Архангельска, Вологды и других мест.

«Соглашение», высадка десанта и оккупация края оправдывались союзниками необходимостью оказать «помощь» Мурманскому краю ввиду опасности, якобы угрожавшей последнему со стороны немцев, оккупировавших в это время Финляндию.

Советское правительство применило в вопросе о ликвидации «соглашения», заключённого между союзниками и руководителями Мурманского Совета, искусную тактику. В докладе на объединённом заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. В. И. Ленин говорил: «Есть внешняя оболочка, есть юридическое выражение, созданное международным положением Советской республики, которое предполагает, что на нейтральной территории не может выступить вооруженная сила ни одного воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной. Англичане высадили на Мурмане военные силы, и мы не имели возможности воспрепятствовать этому военной же силой. В результате нам предъявляют требования, носящие характер, близкий к ультиматуму, если вы не можете охранять своей нейтральности, то мы будем воевать на вашей территории»¹.

В специальной ноте от 22 апреля 1918 г. германское правительство заявило протест советскому правительству

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 15.

по поводу высадки в Мурманском крае английских и французских войск.

Осуществляя свою вооружённую интервенцию в Мурманске, союзники не только предвидели протест Германии, но и надеялись на возможность того, что германский протест приведёт к срыву Брестского договора и втягиванию Советской республики в войну с Германией. А это им и нужно было. Вот почему советскому правительству пришлось проявить большое дипломатическое искусство, чтобы предотвратить дальнейшее обострение положения. С другой стороны, советское правительство располагало данными о подготовляющейся вооружённой интервенции союзников на Дальнем Востоке; в начале апреля 1918 г. этот план интервенции стал осуществляться во Владивостоке.

Необходимо было сохранить контакт с союзниками, не дать им формального повода для разрыва отношений и для агрессивных действий против Советской России и в то же время предупредить разрыв Брестского договора и агрессивные действия со стороны Германии.

2 апреля 1918 г. Народный комиссариат иностранных дел обратился к английскому официальному агенту в Москве Локкарту со следующим заявлением:

«Ввиду распространившихся на нашем северном побережье тревожных слухов и опасений по отношению к намерениям Англии касательно Архангельска, мы были бы Вам глубоко благодарны, если бы Вы дали нам разъяснения о положении дел в этой местности, могущие успокоить наше встревоженное северное население и рассеять его тревогу»¹.

4 апреля 1918 г. Локкарт ответил, что «слухи, распространяющиеся на Севере России о предполагаемой оккупации Архангельска британскими силами, лишены всякого основания»².

Это сообщение английского представителя было лживым.

В конце апреля Совет Народных Комиссаров счёл нужным послать в Мурманск чрезвычайного комиссара,

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 67.

² Correspondence diplomatique se rapportant aux relations entre la Republique Russe et les Puissances de l'Entente, p. 18 (изд. НКВД, на франц. языке).

который на месте мог бы представлять позицию центральной советской власти. Этот комиссар в начале мая выехал в Мурманск. Немедленно по приезде он заявил протест адмиралу Кемпу по поводу пребывания в порту союзных судов и других вооружённых сил Антанты.

22 мая 1918 г. Народный комиссариат иностранных дел прислал на имя краевого Совета следующую телеграмму¹:

«Никакая местная советская организация не должна обращаться за помощью к одной империалистической коалиции против другой. В случае наступления германцев или их союзников будем протестовать и по мере сил бороться. Также протестуем против пребывания в Мурманске англичан. Ввиду общего политического положения, обращаться за помощью к англичанам совершенно недопустимо. Против такой политики надо бороться самым решительным образом»².

6 июня 1918 г. Народный комиссариат иностранных дел обратился к официальному английскому агенту в Москве Локкарту со следующим заявлением:

«Судя по полученным НКИД известиям, можно опасаться посылки Великобританским Правительством вооружённой экспедиции к Мурманскому берегу. Народный Комиссариат указывает, что в силу Брестского договора военные суда Великобритании и её союзников не могут быть Русским Правительством допускаемы в прилегающих к северному побережью России водах. Народный Комиссариат по Иностраным Делам выражает надежду,

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 78.

² Решение союзников об оккупации Мурманска было принято 3 июня 1918 г. Посол США в России Френсис телеграфировал государственному секретарю Лансингу:

«Французский министр иностранных дел телеграфировал французскому посольству здесь, что на Парижской военной конференции 3 июня было решено занять сперва Мурманск, затем Архангельск, если не окажется возможным сделать это одновременно, и высадить для занятия этих портов батальоны американских, британских, французских и итальянских войск с необходимым количеством боевых припасов и продовольствия, причём до иного распоряжения все войска будут находиться под британским командованием. Парижская конференция также решила держать в настоящее время в России чешские отряды» («Советско-американские отношения. Сборник документов», изд. НКИД, 1934, стр. 14—15).

что со стороны Великобритании не будут принимаемы меры, влекущие за собой недопустимое для Русского Правительства нарушение как его нейтралитета, так и взятых им на себя обязательств, вытекающих из Брестского договора. Твёрдо намереваясь соблюдать с великобританским народом неизменно самые дружественные отношения, Русское Правительство ожидает, что Великобританское Правительство со своей стороны будет соблюдать линию поведения, обеспечивающую для России полную возможность исполнения вышеуказанного желания»¹.

Видя, что игра в «соглашение» с Мурманским Советом не приводит к желательным результатам, в частности не вовлекает советское правительство в войну с Германией, союзники перешли к прямой, открытой оккупации Мурманского края. В дневнике уже упомянутого белогвардейского капитана Веселаго записано: «На совещании с генералом Пулем и адмиралом Кемпом... было решено... *продолжать выигрывать время до прибытия на Мурман достаточных союзных военных сил*»².

В этом выигрыше времени была несомненно суть вопроса. Было очевидно, что английский десант не мог рассматриваться иначе, как враждебный против Республики. Его целью было — пройти на соединение с чехословаками и, в случае удачи, с японцами, чтобы низвергнуть рабоче-крестьянскую власть и установить диктатуру буржуазии. Очевидно, следовало выдвинуть для обороны Мурманской железной дороги необходимые войска. На Мурманский краевой совдеп, таким образом, выпадала задача принять все меры к тому, чтобы вторгающиеся в советскую территорию наемники капитала встретили решительный отпор. Само собою разумеется, всякое содействие, прямое или косвенное, вторгающимся насильникам должно было рассматриваться как государственная измена и караться по законам военного времени. Однако Мурманский Совет под руководством изменника Юрьева действовал иначе.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 90—91.

² М. Кедров, Без большевистского руководства, стр. 109.

26 июня между Москвой и Мурманском произошёл разговор по прямому проводу. Ввиду того что Юрьев настаивал на своей предательской линии, разговор не дал никаких практических результатов. Изменник Юрьев отказался понять, что советская власть боролась против английского империализма, как и против германского.

30 июня 1918 г. предатель Юрьев, англо-французские агенты, белогвардейские офицеры Веселаго, Звегинцев и др. провели через Мурманский Совет резолюцию в интересах Антанты. В ответ на это из Москвы по поручению В. И. Ленина сообщили, что все те, которые стоят на точке зрения оставления союзных войск в Мурманске, «будут рассматриваться как изменники революции и Советской России. Советская армия будет исполнять до конца свой революционный долг в борьбе против обеих империалистических коалиций». Советская Россия, передали из Москвы в Мурманск, отвергает соглашения, заключённые с лакеями империализма и мирового капитала. «Мы будем бороться всеми силами против всякого вторжения армий, как германского, так и англо-французского империализма. Советская Россия не ждёт никакой выгоды или поддержки от мирового капитала и от своих классовых врагов, к какому бы лагерю они ни принадлежали. Мы слишком хорошо знаем и мы видим на примере, как Украины, так и чехословацких захватов, чем нам угрожают оба лагеря наших классовых врагов. Мы не звали англичан на нашу территорию. По вопросу о Мурманском крае мы всё время рассматриваем их пребывание как кратковременное и подлежащее скорой ликвидации»¹.

Несмотря на это предупреждение, 6 июля 1918 г. договор между Мурманским Советом и союзниками был подписан, и, прикрываясь им, как ширмой, союзники заняли (в период с 2 до 15 июля) все главнейшие пункты Мурманского края; численность союзных войск (английских, американских, французских и др.) значительно возросла. Этими оккупационными войсками командовал английский генерал Пуль. Открытая интервенция союзников на Севере началась.

¹ М. Кедров, Без большевистского руководства, стр. 130—131.

28 июня Народный комиссариат иностранных дел обратился с формальной нотой на имя Локкарта, в которой был заявлен протест по поводу «не вызванного никакими агрессивными действиями с русской стороны вторжения английского вооружённого отряда, только что прибывшего в Мурманск». НКИД «самым решительным образом настаивает на необходимости того, чтобы в Мурманске, гор. нейтральной России, не находились вооружённые силы Великобритании или какой-либо другой иностранной державы»¹.

13 июля 1918 г. НКИД снова обратился с нотой, в которой говорилось:

«Несмотря на неоднократные заверения Великобританского Правительства, что высадка английских войск на Мурманском побережье, якобы, не является враждебным актом против Российской Советской Республики, Великобританское Правительство не только не исполнило нашего элементарного требования об уводе войск с Советской территории, но вместе с французскими и сербскими вспомогательными силами его отряды продвинулись дальше к югу внутрь страны; арестовываются и иногда даже расстреливаются должностные лица Советской власти, обезоруживается железнодорожная охрана, учреждается контроль над железной дорогой и телеграфом. Заняв Кемь и Сороки, английские войска двинулись далее к востоку и заняли Сумский Посад по дороге к Онеге. При таких действиях английских войск речь может идти только о захвате территории Российской Советской Республики»².

14 июля НКИД вручил представителям Англии, Франции и США в Москве протест против пребывания союзных военных сил в северных портах России³.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 96.

² Там же, стр. 111.

³ В. И. Ленин и И. В. Сталин приняли меры обороны Севера от интервентов. И. В. Сталин направил в Архангельск специальную комиссию по разгрузке архангельского порта и повседневно следил за её работой (см. документы, опубликованные в журнале «Красный архив» № 1 (98) за 1940 г., стр. 125—145). Благодаря В. И. Ленину и И. В. Сталину почти все военные запасы, находившиеся в Архангельске, были вывезены и использованы Красной Армией в борьбе с интервентами. И. В. Сталин, находясь на Восточном фронте,

Почти одновременно с началом интервенции в Мурманске началась интервенция во Владивостоке. В начале января 1918 г. во Владивостокский порт прибыли японские крейсера. В этой связи в японской ноте от 12 января 1918 г. говорилось:

«Императорское японское правительство... нисколько не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России, которое будет решено русским народом для своей страны; тем более цель нынешней отправки военных судов вовсе не имеет никакого отношения к этому вопросу.

Японский генеральный консул Киккучи»¹.

Японский десант предполагался ещё в декабре 1917 г. Он являлся частью широко задуманного интервенционистского плана с участием США, Англии и Франции.

Повод для вооружённой интервенции во Владивостоке был создан оккупантами при помощи примитивного приёма провокации. В ночь с 4 на 5 апреля 1918 г. «неизвестные» лица произвели во Владивостоке нападение на контору японской фирмы «Исидо». Это нападение сопровождалось убийством двух японских граждан. Через несколько часов после того, как это убийство было «обнаружено» (самими японцами), утром 5 апреля, японский адмирал Като высадил десант и захватил Владивосток².

В тот же день, т. е. 5 апреля 1918 г., было выпущено официальное сообщение советского правительства о японском грабительском выстулении во Владивостоке. В этом сообщении говорилось:

Из Сибири от советских властей Владивостока и Иркутска получено сообщение о том, что адмирал Като,

осуществил ряд мер, способствовавших укреплению Северного фронта. Руководство В. И. Ленина и И. В. Сталина привело к краху планов главарей белогвардейцев «с помощью союзников России утвердить свою власть в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской и Вятской губерниях, чтобы впоследствии слиться с всероссийским правительством» («Интервенция на Севере в документах», М.—Л. 1933, стр. 14).

¹ «Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири», Госиздат, 1925, Приложения, стр. 64.

² Там же, стр. 65.

командующий японским флотом, высадил во Владивостоке десант и обратился с воззванием к местному населению, извещая его о том, что Япония берёт на себя охрану порядка. В качестве повода для десанта указывается на происшедшее во Владивостоке убийство двух японцев неизвестными лицами.

Об этом убийстве, его причинах, обстановке и виновниках советскому правительству в данный момент ещё не известно ничего. Но ему известно, как известно всему миру, что японские империалисты уже в течение нескольких месяцев готовили высадку во Владивостоке. Правительственная японская печать писала, что Япония призвана восстановить порядок в Сибири до Иркутска и даже до Урала. Японские власти искали подходящих предлогов для своего грабительского вторжения на территорию России. В генеральном штабе Токио изобретались чудовищные сообщения о состоянии Сибири, о роли германских военнопленных и пр. и пр. Японский посол в Риме заявил несколько недель тому назад, будто пленные немцы вооружены и готовятся захватить Сибирскую железную дорогу. Это сообщение обошло печать всего мира. Военные власти Советской республики отправили английского и американского офицеров по Сибирской линии и дали им полную возможность убедиться в лживости официального японского сообщения. Когда этот довод оказался выбитым из рук японских империалистов, им пришлось искать других поводов. Убийство двух японцев явилось с этой точки зрения как нельзя более кстати. 4 апреля произошло убийство, а 5 апреля японский адмирал, не дожидаясь никакого расследования, уже произвёл свою высадку.

Ход событий не оставляет никакого места сомнениям в том, что всё было заранее организовано и что провокационное убийство двух японцев составляло необходимую часть этой инсценировки.

Таким образом, давно подготовлявшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян.

Буржуазная Япония выступает как смертельный враг Советской республики ¹.

5 апреля 1918 г. вечером в НКИД были вызваны представители Англии, Франции и США, которым был заявлен официальный протест по поводу японского десанта, причём их внимание было обращено на то, что это выступление японцев не могло иметь места без согласия союзников. На следующий день это заявление было повторено в форме нот на имя этих же представителей. В этих нотах было выражено пожелание немедленных разъяснений со стороны соответствующих правительств.

10 апреля Локкарт, дипломатический представитель Великобритании в Москве, написал на имя НКИД письмо, в котором излагал сообщение, полученное им из Лондона. В письме говорилось: «Британская Миссия в Москве получила сегодня утром телеграмму от Британского Правительства по вопросу о десанте союзных войск во Владивостоке... Британское правительство просит своего представителя в Москве уверить Русское Правительство, что этот десант состоялся с единственной целью обеспечения жизни и собственности иностранных подданных граждан во Владивостоке и что он не должен быть рассматриваем иначе, чем в качестве меры, направленной исключительно к достижению этой цели» ².

Так английское правительство пыталось скрыть тот факт, что высадка десанта была произведена по соглашению между союзниками об интервенции на Дальнем Востоке.

В. И. Ленин, советское правительство не были введены в заблуждение дипломатической ложью, стремившейся извратить действительное положение вещей и усыпить бдительность советской власти. Советское правительство считало положение весьма серьёзным и требовало от Владивостокского Совета не делать себе иллюзий, так как японцы наверное будут наступать, и, вероятно, им помогут все без изъятия союзники. Правительство требо-

¹ См. Документы по истории гражданской войны, т. 1, стр. 185—186.

² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 73.

вало готовиться без малейшего промедления, серьёзно и изо всех сил.

Как и в вопросе о мурманском десанте, союзники по поводу владивостокского десанта распространили версию относительно необходимости этого мероприятия в целях борьбы с Германией. Эта версия о «борьбе» с Германией явилась одним из основных «оправданий» вооружённой интервенции. Известно, однако, что вооружённая интервенция продолжалась в течение двух с половиной лет после того; как Германия была разгромлена и капитулировала. Несмотря на это, государства Антанты продолжали оправдывать интервенцию в Россию ссылками на «борьбу» с... Германией.

Для «оправдания» высадки десанта во Владивостоке первая версия (защита иностранных граждан и «наказание убийц» двух японских подданных) была подкреплена новой: печать союзников заявила на весь мир о том, что Сибирской железной дороге угрожает опасность со стороны германских и австро-венгерских пленных в Сибири, которые будто бы собираются её захватить.

Лживость этой версии была разоблачена представителями самих же союзников. В марте 1918 г. военный атташе американского посольства в Китае Вальтер Дриздель был послан в Сибирь «для изучения вопроса о военнопленных». Дриздель проехал от Владивостока до Иркутска, останавливаясь во всех местах, где были расположены лагеря военнопленных, и весьма тщательно изучал вопрос на месте. 29 марта 1918 г. Дриздель вернулся в Пекин и представил своему послу отчёт, в котором говорилось следующее: «От Владивостока до самой китайской границы абсолютно не имеется вооружённых военнопленных. Все военнопленные тщательно охраняются русскими»¹.

Таким образом, эта версия была разоблачена. Это не помешало, однако, союзникам снова пустить её в ход для оправдания чехословацкого мятежа.

Подлинные цели десанта во Владивостоке — захват русского Дальнего Востока, разгром советской власти,

¹ Цит. по указ. изд. НКВД на франц. языке, стр. 4.

восстановление капитализма — скоро стали ясны для всех.

Так началась интервенция на Дальнем Востоке, продолжавшаяся свыше четырёх с половиной лет и стоившая советскому народу много крови, страданий и средств.

Интервенция на Дальнем Востоке была связана с общесоюзным планом вооружённой интервенции в Советской России. После того как Англия и Франция заключили 23 декабря 1917 г. соглашение о разделе зон влияния в Советской России, они приступили к осуществлению плана военной интервенции как собственными силами, так и при помощи других держав, в частности Японии.

В. И. Ленин указывал на противоречия между Японией и Америкой как на фактор, задерживающий наступление японского империализма против России. Тут же, однако, В. И. Ленин предупреждал, «...что группировки между империалистскими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы священной частной собственности, священные права на концессии и т. п. И, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав, и тогда указанные противоречия не смогут уже служить нам защитой»¹.

Так в действительности и случилось. Хотя противоречия между Японией и Америкой (в частности, в отношении русского Дальнего Востока) продолжали существовать, Япония и США сговорились по вопросу о вооружённой интервенции против Советской России. В III томе своих мемуаров друг и помощник президента Вильсона полковник Хауз рассказывает об этом периоде подготовки США, Англией, Францией, Японией вооружённой интервенции. Редактор его дневника профессор Сеймур писал, что руководители США; Англии, Франции, Японии «...предполагали, что с помощью союзников боевой фронт может быть вновь восстановлен, а большевистское правительство свергнуто»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 5.

² «Архив полковника Хауза», т. III, Госполитиздат, 1939, стр. 272.

8 января 1918 г. в речи перед американским Конгрессом, а 14 марта 1918 г. в приветственной телеграмме IV съезду Советов Вильсон демагогически декларировал «любовь» к русскому народу, стремясь громкими фразами прикрыть действительную позицию Соединённых Штатов Америки в вопросе об интервенции в Советской России. Эта позиция была, конечно, не такой, какой рисовало её демагогическое послание президента Вильсона. В самом деле, в момент отправки этого лживого послания американские представители принимали деятельное участие в обсуждении вопроса о вооружённой интервенции как с Англией и Францией, так и с Японией. Телеграмма Вильсона съезду Советов была рассчитанным ходом, имевшим целью помешать ратификации Брест-Литовского договора при помощи обещания поддержки против немцев и представить в ложном свете интервенционистскую позицию правительства США. Вильсон делал вид, что возражает против интервенции, выступал с различного рода демагогическими заявлениями о «благожелательном» отношении к народам России, и в то же время подчинённые ему люди занимались в глубокой тайне разработкой совместно с союзниками планов интервенции — вооружённой и экономической, планов, призванных опрокинуть советскую власть, реставрировать в России капитализм, расчленив Россию.

Действительно, все без изъятия союзники участвовали в организации и осуществлении интервенции на Дальнем Востоке. Особую активность проявили США. Ещё 23 февраля 1918 г. генеральный консул США в Москве Соммерс послал государственному секретарю Лансингу телеграмму, в которой вместе с Пулем настаивал на интервенции в Сибири. Соммерс, присоединяясь к мнению генерала Пуля, писал:

«Я снова искренне хочу обратить внимание министерства на необходимость быстрого, энергичного выступления союзников в Сибири. Крайне необходимо, чтобы Соединённые Штаты сразу начали операции на Сибирской железной дороге...»

Необходимо, писал далее Соммерс, создать временное русское правительство за Уралом. «Это правительство получало бы прямую поддержку союзников и тем самым

могло бы *избежать одиума названия иностранной интервенции*»¹.

Этот документ снова и снова свидетельствует о том, что американцы стремились организовать интервенцию, но при этом «избежать одиума названия иностранной интервенции». В этом было существо вильсоновской тактики в вопросе об интервенции.

Хауз вскрывает те мотивы, которые вызывали внешне «отрицательное» отношение президента Вильсона к японской интервенции. «Президент Вильсон боялся, очевидно, одного — как бы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не остались там; он опасался, что трудно будет убедить их уйти оттуда. Их военные руководители, вероятно, не придавали бы интервенции большого значения, если бы они не рассчитывали, что её результатом будет их контроль над Восточной Сибирью, чему президент Вильсон упорно противился»².

Рассказывая о боязни Вильсона, как бы японцы не закрепились на русском Дальнем Востоке и в Сибири, Хауз излагает позицию Вильсона весьма односторонне и скрывает от своих читателей другую её сторону. Он сознательно стремится создать впечатление полного бескорыстия Вильсона, который, дескать, хотел «защитить русский Дальний Восток» от японских хищников. Однако он ничего не говорит об американских хищниках, которые имели свои собственные планы захвата русского, в частности дальневосточного, рынка и подчинения его своему влиянию, планы превращения России в полуколонию американского империализма. Именно эти планы привели Вильсона к сговору, в частности с японцами, об интервенции и фактическом дележе русского Дальнего Востока.

Нотой от 5 марта 1918 г. Вильсон дал принципиальное согласие на начало интервенции Японией. А в конце июля 1918 г. президент Вильсон достиг с японцами соглашения, в результате которого имела место высадка во Владивостоке как американских, так и японских сил.

«Именно теперь, — писал В. И. Ленин в августе 1918 г., — американские миллиардеры, эти современные

¹ «Советско-американские отношения (1919—1933 гг.). Сборник документов» № 9, изд. НКВД, 1934, стр. 11.

² «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 291.

рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики»¹.

Соглашение об интервенции² на Дальнем Востоке и лживые мотивы этого империалистического акта нашли своё отражение в прокламации представителей союзного командования во Владивостоке, опубликованной 6 июля 1918 г.:

«Ввиду опасности, угрожающей Владивостоку и союзным силам, здесь находящимся, от открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шписнов и эмиссаров, настоящим город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав...»³

Прокламация была подписана командующими военными силами США, Японии, Великобритании, Франции, Китая и чехословацкого корпуса.

В августе 1918 г. последовали декларации правительств Японии, США, Великобритании. 19 сентября была выпущена декларация верховного комиссара Франции в Сибири и 3 декабря 1918 г. — итальянского правительства. Все эти декларации объявляют основанием для интервенции необходимость «борьбы с Германией»

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 176.

² Верховный Военный совет союзников решил 2 июля 1918 г., что «интервенция должна носить союзнический характер, должна сопровождаться обращением к русскому народу, как о том согласились на последней конференции в Версале, и должна обнимать следующее:

Союзнические силы для операций в Сибири. Обстоятельства настоятельно требуют, чтобы эти силы были значительными по своей численности, имели военный характер и союзный состав и, главное, чтобы они должны были начать действовать немедленно; отсрочка была бы роковой. Признаётся, что в силу географических условий и условий морского транспорта японские войска составят большую часть сил, но они должны сохранять союзнический характер и включать американские и союзнические войсковые единицы. Силы должны находиться под единым командованием, назначаемым державой, которая предоставит большую часть войск» («Советско-американские отношения. Сборник документов», стр. 15).

³ «Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири», Приложения, стр. 64—75.

и «защиты чехословаков», находившихся в Советской республике.

Каждая из деклараций лишь добавляет те или иные характерные заявления. Так, японская декларация вновь подтверждает свою «неизменную политику уважения территориальной целостности России и воздержания от всякого вмешательства в её внутреннюю политику». Японское правительство заявляет, что, «по осуществлении вышеуказанных целей, оно непосредственно за сим отзовет все японские войска с российской территории и оставит всецело неприкосновенным суверенитет России во всех его проявлениях, как в политическом, так и в военном».

В пространной декларации США лживо говорится, что американское правительство решилось на интервенцию, только «чтобы оказать возможное покровительство и помощь чехословакам против нападающих на них вооружённых австрийских пленных...»

В английской декларации, подписанной Бальфуrom, со свойственным английским империалистам фарисейством говорится о защите независимости России и завоеваний революции, которым угрожает... Германия.

Декларация итальянского правительства, подписанная министром иностранных дел Соннино и выпущенная в декабре 1918 г., т. е. в момент, когда о «германской опасности» *уже не могло быть и речи*, тем не менее повторяет все «аргументы» других деклараций — о защите России опять же от Германии.

Только во французской декларации откровенно заявлялось о том, что интервенция союзников направлена против советского строя и призвана оказать поддержку элементам, «оставшимся верными союзным обязательствам и стремящимся положить конец большевистской дезорганизации»¹.

Мятеж чехословацкого корпуса явился крупным козырем в руках интервентов. Коварная идея о том, чтобы использовать чехословацкий корпус в борьбе против советской власти, зародилась в кругах Антанты вскоре после Октябрьской революции. Один из активных участников

¹ «Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири», Приложения, стр. 64—75.

мятежа, офицер Черенский, в своих мемуарах рассказывает, что в конце ноября 1917 г. в Яссах состоялось совещание, на котором представители Антанты обсуждали вопрос об использовании чехословацкого корпуса в борьбе против советской власти. В начале апреля 1918 г. в здании французского посольства в Москве состоялось совещание английских и французских представителей с участием нескольких белогвардейских генералов. Было решено растянуть двигавшиеся в целях эвакуации из России чехословацкие эшелоны по всей линии Сибирской железной дороги. В начале мая 1918 г. в Челябинске состоялось совещание представителей чехословаков, англичан, французов и русских белогвардейцев. На этом совещании был разработан подробный план эшелонирования чехословацких отрядов и их концентрации.

Через несколько дней после начала чехословацкого мятежа дипломатические представители Англии, Франции, Италии и США сделали заявление о том, что «чехословацкие отряды являются союзными войсками и находятся под покровительством и защитой держав Согласия». Далее в этом заявлении указывалось, что если «разоружение чехословаков будет приведено в исполнение, то указанные правительства будут рассматривать это как недружелюбный акт, направленный против них». Таким образом, правительства Антанты признали, что руководителями мятежа чехословацкого корпуса являются они.

В речи 29 июля 1918 г. В. И. Ленин вскрыл сущность чехословацкого мятежа и роль, которую сыграла Антанта в этом нападении изнутри на Советскую республику. Он говорил: «На чехо-словацкое восстание многие сначала смотрели, как на эпизод контр-революционных бунтов. Мы недостаточно оценивали сведения из газет об участии англо-французского капитала, об участии англо-французских империалистов в этом восстании»¹. Приведя далее данные о субсидиях, выданных англичанами и французами чехословацкому национальному совету на организацию восстания, В. И. Ленин подчеркнул, что это восстание является частью общего, тщательно обдуманного и подготовленного империалистами военного и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 151.

финансового контрреволюционного похода на Советскую республику¹.

«Выступление чехословаков, оккупация войсками Антанты Мурманска, Архангельска, Владивостока, Баку, объявление Антантой войны Советской России, — всё это окончательно определило поворот от начинавшегося мирного строительства к военным операциям, к обороне очага мировой революции от нападений со стороны внутренних и внешних врагов»², — писал И. В. Сталин.

Руководящим центром в России, откуда шли директивы как по подготовке чехословацкого мятежа, так и ряд других контрреволюционных директив, была Вологда, куда переехали послы союзных стран. Активную роль в дипломатическом корпусе играл французский посол Нуланс. На процессе правых эсеров в 1922 г. показания о контрреволюционной деятельности Нуланса были даны одним из свидетелей — бывшим работником французской военной миссии Паскалем: Нуланс со времени переезда в Вологду сделался центром контрреволюции и создал великий план наступления против России. На окраинах военная миссия начала создавать базы для будущего вмешательства в дела России. В ряд городов были посланы французские агенты, которые устанавливали связи с местными контрреволюционными организациями. Союзные консулы установили контакт с русскими белогвардейскими организациями. При содействии союзных дипломатов возникли такие контрреволюционные организации, как «Тактический центр», «Союз возрождения», «Союз защиты родины и свободы», ставившие своей целью свергнуть советскую власть, реставрировать в России капитализм.

Дипломатические агенты союзников установили контакт с белогвардейским «Национальным центром», в частности через сотрудника английской контрразведки Поля Дюкса. Для объединения белогвардейских подпольных организаций по инициативе союзников был создан «Союз возрождения», руководимый меньшевиками и эсерами. Со времени возникновения «Союза возрожде-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 152.

² И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 69—70.

ния» союзные миссии перешли к непосредственной подготовке и осуществлению вооружённой борьбы с советской властью.

Связь иностранных дипломатов с антисоветским савинковским «союзом», организовавшим контрреволюционные выступления в Ярославле, Рыбинске, Костроме и других городах, была раскрыта на судебном процессе по делу эсеров. Савинков получил от французов свыше двух с половиной миллионов рублей для организации в различных городах России контрреволюционных мятежей. Органами ВЧК 31 августа 1918 г. было разоблачено основное шпионско-заговорщическое гнездо дипломатических агентов Антанты. В результате этого разоблачения был арестован один из активнейших организаторов заговора — английский представитель Локкарт. Выяснилось, что планы заговора обсуждались на совещаниях иностранных дипломатов. Заговорщики ставили себе целью (как выяснилось впоследствии, в блоке с предателями Троцким и Бухариным) сорвать Брестский мир. Они готовили провокационные выступления воинских частей, арест членов ЦИК, убийство В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердловца.

К концу 1918 г. вооружённая интервенция союзников была в полном разгаре.

В Сибири и на Дальнем Востоке продолжал развиваться мятеж чехословацкого корпуса. В течение лета 1918 г. чехословаками были захвачены Сибирь и Урал. 7 августа 1918 г. была захвачена Казань. Интервенты хозяйничали в Мурманске. 31 июля отряды союзников захватили Онегу, а 3 августа — Архангельск. Вскоре союзники покончили с фикцией «соглашения» с Юрьевым и сформировали эсеровско-белогвардейское правительство Чайковского, получившее признание со стороны правительств Антанты.

В середине лета 1918 г. развернулась интервенция на Кавказе. Власть в Баку захватили эсеры, дашнаки, меньшевики и муссаватисты, из представителей которых было создано марионеточное правительство, выполнявшее волю иностранных правительств. 26 бакинских комиссаров во главе с Ст. Шаумяном были увезены в Красноводск и по приказу англичан 20 сентября 1918 г. расстреляны. Баку был оккупирован английскими войсками; оккупация

продолжалась до сентября 1918 г., когда англичане вынуждены были уйти и Баку захватили турки. Оккупация Баку турецкими войсками продолжалась до ноября 1918 г. После капитуляции Турции англичане снова оккупировали Баку.

Летом 1918 г. «партия объявила страну военным лагерем и перестроила ее хозяйственную и культурно-политическую жизнь на военный лад. Советское правительство объявило, что «социалистическое отечество — в опасности» и призвало народ к отпору. Ленин дал лозунг — «все для фронта», и сотни тысяч рабочих и крестьян пошли добровольцами в Красную армию, на фронт... Партия подняла народ на *отечественную войну* против нашествия войск иностранной интервенции, против мятежей свергнутых революцией эксплуататорских классов»¹.

В. И. Ленин писал в августе 1918 г.:

«Внешний враг российской советской социалистической республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся (если верить французским газетам) до Никольска Уссурийского. Этот враг подкупил генералов и офицеров чехо-словацкого корпуса. Этот враг наступает на мирную Россию так же зверски и грабительски, как наступали германцы в феврале, с тем однако отличием, что англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти для «восстановления фронта», т. е. для вовлечения России опять в империалистскую (проще говоря: разбойничью) войну Англии с Германией»².

Оценивая положение в этот период, И. В. Сталин писал 1 декабря 1918 г.: «...англо-французский империализм сосредоточивает войска и готовит десант в Крыму для оккупации Украины. Они, англо-французские империалисты, хотят занять теперь вакантное место немецких оккупантов Украины»³.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 218.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 205.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 176.

И. В. Сталин предупреждал, что настоящая борьба ещё впереди.

Союзная интервенция на юге России расширялась. На совещании в Яссах осенью 1918 г. дипломатические представители стран Антанты обсуждали совместно с представителями белогвардейских организаций вопрос об организации антисоветской интервенции. Ясское совещание постановило просить союзников немедленно прислать вооружённые силы на Украину. 21 ноября 1918 г. французский посланник, как старшина дипломатического корпуса в Румынии, отправил в Париж следующую радиограмму: «Мы считаем необходимым, во-первых, немедленно продвинуть отряд союзных войск в Одессу и приступить немедленно к оккупации Киева и Харькова. Во-вторых, издать специальную декларацию, в которой твёрдо указать на решение Антанты поддерживать в России слои общества, стоящие за порядок»¹.

27 октября 1918 г. Клемансо отправил генералу Франшэ д'Эспере, командовавшему военными силами союзников на Востоке, телеграмму, предлагавшую ему совместно с генералом Бертелло начать интервенцию в южной России, как только «окончательная капитуляция Турции позволит нам проникнуть в Одесский район через Чёрное море», предварительно же заняться «изучением условий выполнения возможных действий в южной России»².

За пять дней до отправки телеграммы Клемансо, 22 октября 1918 г., Ленин говорил: «...англичане и французы ни в Сибири, ни в Архангельске не имели большого успеха,— наоборот, потерпели ряд поражений, но они теперь направляют усилия на то, чтобы напасть на Россию с юга, либо с Дарданелл, либо с Черного моря, либо сухим путем через Болгарию и Румынию»³.

23 ноября 1918 г. эскадра союзников прибыла в Новороссийск; в конце ноября — начале декабря союзные войска произвели высадку в Одессе, Севастополе, на Кавказе и в Закаспийской области.

¹ *Андре Марти*, Восстание на Чёрном море, 1932, стр. 49.

² Там же.

³ *В. И. Ленин*, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 233.

Империалистический характер союзной интервенции на юге России, её цели и методы могут быть иллюстрированы соглашением, которое французское командование заключило с так называемой Украинской директорией во главе с Петлюрой. По этому соглашению Франция обещала Петлюре помочь сформировать (экипировать, снабдить оружием, прислать инструкторов) в течение года армию в 300 тыс. человек. За это Франция должна была:

получить концессию на все украинские железные дороги на 50 лет, таможни на Чёрном море, излишки зерна и три четверти добычи угля и все долги царского и Временного правительств;

вся финансовая, торговая, промышленная и военная политика Украины должна была в течение пяти лет быть под контролем Франции¹.

Это соглашение может служить наглядным образчиком «порядка», который стремились ввести в Советской России державы Антанты, осуществляя интервенцию.

На VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов 8 ноября 1918 г. В. И. Ленин говорил: «...если нам удалось просуществовать год после октябрьской революции, то этим мы обязаны тому, что международный империализм был расколот на две группы хищников: англо-французов-американцев и германцев, которые были в мертвой схватке друг с другом, которым было не до нас. Ни одна из этих групп целиком серьезных сил против нас направить не могла, а, конечно, они обе направили бы на нас эти силы, если бы могли»².

«...Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы,— писал И. В. Сталин,— будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьёзное внимание борьбе с Октябрьской революцией»³.

¹ См. *Андре Марти*, Восстание на Чёрном море, стр. 51. Текст договора напечатан в книге *André Dolmaine, La Alliés contre la Russie*, Paris 1926.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 264.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 358.

24 октября 1918 г., т. е. накануне капитуляции Германии и в момент, когда империалисты Антанты готовились шире развернуть вооружённую интервенцию, советское правительство в ноте президенту США Вильсону разоблачило как всю предшествующую политику союзнической интервенции, так и планы её развёртывания. В ноте говорилось: «...русский народ имел достаточно времени, чтобы испытать на деле добрые чувства к нему Вашего правительства и Ваших союзников, их понимание его нужд, их мудрость и бескорыстие их симпатий. Выразилось же это отношение к нему Вашего правительства и Ваших союзников прежде всего в том, что при денежной поддержке со стороны Ваших французских союзников и при дипломатическом содействии также и Вашего правительства организован был на русской территории заговор чехо-словаков, которым Ваше правительство оказывает всякую помощь. В течение некоторого времени происходили попытки создать повод для войны между Северо-Американскими Соединёнными Штатами и Россией распространением небывлиц о том, что будто бы германские военнопленные захватили Сибирскую жел. дорогу, но Ваши собственные офицеры, а после них начальник миссии Вашего Красного Креста, полковник Робинс, могли убедиться в том, что всё это сплошной вымысел»¹.

«Лучше всего доказывается истинный характер чехословацкого восстания тем фактом, что, имея в своих руках Сибирскую жел. дор., чехо-словаки не воспользовались этим, чтобы уехать, но по приказанию руководивших ими правительств держав Согласия предпочли сделаться в самой России оплотом русской контр-революции. Их контр-революционный мятеж, сделавший невозможным передвижение хлеба и нефти по Волге, отрезавший рабочих и крестьян России от хлебных и других запасов Сибири и обрекший их на голод, вот что прежде всего испытали на деле рабочие и крестьяне России со стороны Вашего Правительства и Ваших союзников после данных Вами в начале года обещаний. А вслед за тем они испытали и другое: нападение на Север России

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 144—145.

союзных войск, при участии также американских, вторжение их в Русские пределы без всякого повода и без объявления войны, захват русских городов и деревень, расстрелы Советских должностных лиц и всякие акты насилия над мирным русским населением.

Вами было дано обещание, Господин Президент, оказать содействие России с целью получения ею полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно её собственного политического развития и её национальной политики, на деле же это содействие выразилось в том, что войска чехо-словаков, а вслед за тем и Ваши собственные войска и войска Ваших союзников в Архангельске, в Мурманске, на Дальнем Востоке пытались навязать насильственно русскому народу власть тех угнетателей, тех эксплуататорских классов, господство которых рабочие и крестьяне России свергли ещё в октябре прошлого года. Оживление русской контрреволюции, которая сама превратилась уже в труп, попытки восстановить путём насилия её кровавое господство над русским народом, вот что последний испытал вместо содействия беспрепятственному выражению его воли, которое было обещано ему, Господин Президент, в Ваших заявлениях.

Точно так же Вами было обещано русскому народу, Господин Президент, оказать ему помощь в его борьбе за свою независимость. На самом же деле произошло то, что в то время, когда на Южном фронте русский народ вёл борьбу против продавшейся германскому империализму и угрожавшей его независимости контр-революции, когда на своей западной границе русский народ напрягал свои силы для организации защиты своей территории, он принуждён был бросить свои войска на Восток против приносивших ему порабощение и угнетение чехо-словаков и на Север против вторгшихся в его пределы войск Ваших союзников и Ваших собственных, и организуемой этими войсками контр-революции»¹.

После капитуляции Германии и её союзников державы Антанты усилили борьбу с Советской Россией, стали раз-

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 145—146.

рабатывать и осуществлять более обширные планы вооружённой интервенции. Собравшись в Париже для разработки *мирного* договора с Германией и её союзниками, для обсуждения вопроса о послевоенном устройстве Европы, руководители США, Англии, Франции, Японии, Италии и других капиталистических государств занялись прежде всего обсуждением «русского вопроса», разработкой общих согласованных планов *вооружённой* интервенции, планов ликвидации советского строя, реставрации капитализма в России и её расчленения.

«...Антанта — англо-франко-американская коалиция,— разгромив Германию, направил, — писал И. В. Сталин, — все свои свободные силы против Советской России»¹.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 383.

ГЛАВА 2

ВОПРОС О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ НА ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

На предварительных совещаниях союзных делегаций, начавшихся в ноябре 1918 г., за три месяца до официального открытия Парижской мирной конференции (18 января 1919 г.), встал вопрос об участии России на конференции. Обсуждение этого вопроса происходило как в устной дискуссии, так и в виде обмена нотами между Великобританией и Францией.

В декабре 1918 г. Ллойд Джордж обратился к Клемансо с нотой, в которой предлагал, чтобы делегаты советского правительства были допущены на Мирную конференцию в качестве представителей России. 5 января 1919 г. французское правительство отклонило предложение Ллойда Джорджа¹.

Ллойд Джордж отмечает, что «первая дискуссия между союзниками на тему о России происходила на межсоюзнической конференции в начале декабря. Эта дискуссия возникла по вопросу о том, должна ли Россия быть представлена на мирной конференции»². Она происходила, повидимому, на Лондонском совещании между Ллойд Джорджем, Клемансо и Орландо 2—3 декабря 1918 г.

Мнения по вопросу о представительстве России распределились на совещании следующим образом. Клемансо высказывался против какого-либо представительства

¹ См. *Mermeix*, *Le combat des trois*, p. 117.

² *Lloyd George*, *The Truth about the Peace Treaties*, p. 320.

ства от России. «Мир, который теперь должен быть установлен,— сказал Клемансо,— России уже не касается»¹.

Ллойд Джордж высказал противоположное мнение. «Россия в конце концов представляет собою почти две трети Европы и большую часть Азии. Это проблема, от которой мы не можем никогда уйти. Может ли она быть рассмотрена, если русский народ не получит права высказаться на конференции по вопросам, его касающимся... Большевики, что бы о них ни думали, ведут, повидимому, за собою большинство населения. Это — факт, печальный факт, без сомнения, но нельзя игнорировать факты только потому, что они неприятны»².

Таким образом, в этой дискуссии Ллойд Джордж занял, казалось бы, политически ясную позицию. Но он не довёл эту дискуссию до конца, сославшись на отсутствие представителя США. Дискуссия была отложена. Она возобновилась, но уже в рамках британского имперского кабинета. Здесь, однако, Ллойд Джордж занимал не столь последовательную позицию. Эта дискуссия касалась уже не только вопроса о приглашении большевиков на Мирную конференцию, но всего «русского вопроса».

Основным документом, позволяющим нарисовать обстановку дискуссии по «русскому вопросу» в имперском кабинете начиная с 31 декабря 1918 г., является протокол заседания, приводимый Ллойд Джорджем в его книге «Правда о мирных договорах». Открытыми сторонниками продолжения вооружённой интервенции были Керзон и Черчилль.

Керзон «чувствовал особую страсть к Кавказу. За несколько лет до того он сам побывал на Кавказе и проникся нежностью к храбрым горцам. Мысль о том, что Грузия может оказаться во власти большевиков, наполняла Керзона ужасом, и он до конца боролся за то, чтобы в Грузии остались английские войска»³,— писал Ллойд Джордж.

В основе «нежности Керзона к храбрым горцам Кавказа» лежали не сентиментальные эмоции, а реальная империалистическая концепция. Дело было в кавказской

¹ *Lloyd George*, op. cit., p. 320.

² *Ibid.*, p. 321.

³ *Ibid.*, p. 324.

нефти и других естественных богатствах Кавказа. Английские войска в Грузии должны были обеспечить британским монополистам путь к нефти. Ещё в своём выступлении на объединённом заседании ВЦИК 29 июля 1918 г. В. И. Ленин говорил об империалистических планах Англии, «...которая теперь скушала всю Персию и давно подбирается своими военными силами для захвата юга Кавказа...»¹ Это намерение английских империалистов захватить Южный (а вслед за ним и Северный) Кавказ и лежало в основе «нежности» Керзона к «горцам Кавказа», о которой демагогически разглагольствует Ллойд Джордж в своих мемуарах.

Позиция Черчилля, изложенная им на заседании имперского военного кабинета 31 декабря 1918 г., сводилась к предложению совместных действий пяти великих держав — Англии, США, Франции, Японии, Италии, — осуществляемых соединёнными силами. «Мы должны сказать русским, — заявил Черчилль, — *мы применим силу, чтобы восстановить прежнее положение вещей*».

Программа ясная, включая формулу «прежнее положение вещей».

Ллойд Джордж выступил за более гибкую тактику. Он подчеркнул сложность вопроса и признался, что «сам уже не раз склонялся то к одному, то к другому решению, ввиду полной противоречивости сообщений, поступающих из России от людей, одинаково заслуживающих доверия»². Это признание Ллойд Джорджа свидетельствует о зигзагах его тактики по отношению к Советской России. Он выступил за приглашение представителей России на Парижскую конференцию. Какие аргументы он привёл в пользу своей позиции? Пример немцев, которые были на расстоянии выстрела от Петрограда, имели совместно с австрийцами около 1 млн. солдат, но «застраив в тылу русского фронта». Между тем у союзников в России меньше войск, и то только на окраинах страны. «Где нам найти войска, которые могли бы совершить поход в сердце России и оккупировать всю страну?» — спрашивал Ллойд Джордж. Согласятся ли английские солдаты

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 155.

² Lloyd George, op. cit., p. 326.

пойти в этот поход? Военная интервенция может только укрепить ту силу, которую мы собираемся уничтожить, заявлял Ллойд Джордж. Смысл выступления Ллойд Джорджа сводился к следующему: пока не подготовлены войска, способные оккупировать Россию, следует попытаться разрешить «русский вопрос» в желательном Англии духе дипломатическими средствами, а для этой цели нужно пригласить представителей всех основных группировок в России предстать перед Мирной конференцией.

Выступивший на заседании кабинета Роберт Сесиль клеветнически заявил, что «большевики собираются напасть на Румынию и другие соседние страны, например Польшу». «Имперский военный кабинет, — сказал он, — должен будет помочь этим странам...»¹

Аргументация Роберта Сесилия была положена в основу решения военного кабинета. Решение, как пишет Ллойд Джордж, *общего характера*² заключалось в том, что в случае выступления советского правительства против какого-либо из тех правительств, с которыми Англия сотрудничает, она их поддержит.

Практически решение британского кабинета означало такой компромисс между сторонниками лобовой атаки против Страны Советов (Черчилль, Керзон) и сторонниками применения более гибкой, замаскированной, облечённой в лжедемократические фразы тактики (Ллойд Джордж, Барнс), который предопределял развитие интервенции. В самом деле, решения об отзывании британских войск из России и о прекращении военной интервенции вынесено не было. Формулировка, которая разрешала помощь всеми средствами правительствам, «с которыми мы сотрудничаем», относилась и к Деникину, Колчаку, Юденичу и им подобным. Ллойд Джорджу была предоставлена возможность вести переговоры по «русскому вопросу» с союзниками на весьма широкой базе.

На заседании Совета десяти 12 января 1919 г. началось обсуждение «русского вопроса». Маршал Фош представил меморандум об использовании русских военнопленных в Германии. Фош предлагал организовать

¹ *Lloyd George*, op. cit., p. 329.

² *Ibid.*, p. 330. Курсив мой.— Б. Ш.

отправку русских военнопленных в Польшу и в южную Россию, к Деникину¹, т. е. использовать русских военнопленных для борьбы с советской властью.

В начале обсуждения меморандума Ллойд Джордж заявил, что вопрос, поднятый в этом документе, является частью общей проблемы политики в отношении России и должен поэтому обсуждаться в общем плане. Тем не менее меморандум Фоша вызвал краткий обмен мнениями по существу. Было решено поручить Фошу отредактировать статью договора о перемирии, дающую право союзникам выбирать пункты, куда должны быть отправлены русские военнопленные из Германии. По сути дела это решение означало подтверждение точки зрения Фоша об использовании русских военнопленных против Советов.

В тот же день, 12 января, на послеобеденном заседании Совета десяти снова встал «русский вопрос» в виде проблемы представительства России на Мирной конференции. Пишон доложил, что ряд лиц, таких, как Сазонов, князь Львов и др., «включая социалистов», просит о допуске их на Мирную конференцию в качестве представителей России. Пишон предложил, чтобы Мирная конференция, не признавая названных им лиц в качестве представителей России, выслушала их мнение. Россия как государство, предложил Пишон, не будет представлена на конференции, но последняя может выслушать лиц, которых он наметил.

Ллойд Джордж сказал, что прежде всего считает необходимым установить контуры общей политики по отношению к России. Что должны делать союзники: отозвать войска из России или, наоборот, усилить их? Львов и другие представляют различные мнения, за исключением того, которое является господствующим в России.

Вильсон спросил: что Ллойд Джордж считает «господствующим мнением»? Он ответил: «Русские крестьяне принимают большевизм... Возможно, что большевики не представляют Россию, но князь Львов безусловно её не представляет и тем менее Савинков...»²

¹ Foreign Relations of the USA. Paris Peace Conference, 1919, v. III, p. 479, 480.

² Ibid., p. 491.

Было решено, что Россия не будет представлена на конференции, но что лица, названные Пишоном, и другие могут быть опрошены персонально или при помощи меморандумов¹.

Решение 12 января 1919 г. представляет собой несомненную победу Пишона — Клемансо. Вся филиппика Ллойд Джорджа осталась словесным упражнением, пустозвонной риторикой. Фактом было решение Совета десяти от 12 января 1919 г., что Россия не будет представлена на конференции.

Характерно поведение президента Вильсона на этом заседании. Его участие в обсуждении вопроса выразилось в вопросительной реплике, которую он бросил Ллойд Джорджу. Но по существу Вильсон согласился с точкой зрения представителя Франции в том, чтобы Россия, а тем более Советская Россия не была представлена на конференции. Вопрос о представительстве России на Мирной конференции не был для Вильсона новым. Он занимался этим вопросом и раньше. В начале 1918 г. «Лига возрождения свободной России» (одна из русских белогвардейских эмигрантских организаций в США) подала Вильсону меморандум, в котором требовала признания США омского правительства Колчака, признания за этим правительством представительства от имени России на Мирной конференции. Вильсон переслал этот меморандум государственному секретарю Лансингу с запиской, в которой писал: «...Осуществимо ли, с точки зрения нынешнего, по крайней мере, расчленения России на пять частей — Финляндию, Балтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь и Украину — дать России представительство на конференции...»

Вильсон хорошо знал, что русский народ, русская армия принесли неисчислимые жертвы в войне на стороне союзников, что своим героизмом русская армия спасла союзников от поражения, что победа над Германией была одержана в значительной мере благодаря России, и тем не менее он лицемерно ставил под вопрос представительство России на Мирной конференции.

¹ Foreign Relations of the USA, v. III, p. 491.

Лансинг ответил на эту записку 26 ноября письмом, представляющим интерес для оценки американской позиции в «русском вопросе». После некоторого вступления Лансинг предложил, чтобы «признанные представители существующих элементов порядка в России были допущены конференцией и заслушаны по вопросам, которые их касаются...»¹

Ответ Лансинга означал: не может быть и речи о признании советского правительства, а равно о признании его права представлять Россию на Мирной конференции, ибо такое признание сводило бы на-нет программу расчленения России, которой придерживалось правительство Соединённых Штатов.

Американская точка зрения на «русский вопрос» была высказана и в другом документе, датированном октябрём 1918 г. и известном в качестве официального комментария к «14 пунктам» Вильсона. В этом комментарии шестой пункт интерпретировался следующим образом:

«Итак, в ближайшем будущем сущность русской проблемы, повидимому, сведётся к следующему:

1. Признание временных правительств.

2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства.

Кавказ придётся, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т. е., коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придётся предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората»².

При наличии программы расчленения России (цитированный официальный комментарий был составлен полковником Хаузом и одобрен Вильсоном), конечно, не могло быть и речи о допущении представительства Советской России на Мирную конференцию. Для американского правительства удобнее и свободнее было решать «русский вопрос» без русских.

¹ Foreign Relations of the USA, v. I, p. 271.

² «Архив полковника Хауза», т. IV, Госполитиздат, 1944, стр. 152.

«Лицемерные фразы Вильсона и «вильсонистов» о «демократии» и «союзе народов» разоблачаются удивительно быстро, когда мы видим захват левого берега Рейна французской буржуазией, захват Турции (Сирия, Месопотамия) и части России (Сибирь, Архангельск, Баку, Красноводск, Асхабад и т. д.) французскими, английскими и американскими капиталистами...»¹, — писал В. И. Ленин.

К вопросу о представительстве России на Мирной конференции союзники вернулись 13 января на заседании Совета десяти. Пишон, излагая протокол предыдущего заседания по вопросу о представительстве различных стран, сказал, что этот вопрос уже решён и относительно России. Ллойд Джордж заметил, что было лишь решено не допускать на конференцию представителей отдельных течений в России, но вопрос об общем представительстве России не обсуждён. Совет десяти решил отложить вопрос об общем представительстве России и обсудить его вместе с вопросом о политике по отношению к России². Обсуждение «русского вопроса» началось на заседании Совета десяти 16 января 1919 г.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 495.

² Foreign Relations of the USA, v. III, p. 533.

ГЛАВА 3

ОБЩАЯ ДИСКУССИЯ ПО «РУССКОМУ ВОПРОСУ»

Обсуждение вопроса о представительстве России на Мирной конференции привело к постановке общего вопроса о политике по «русскому вопросу». Генеральная дискуссия началась на заседании Совета десяти 16 января 1919 г.¹

Заседание 16 января (утреннее) началось (в части, касающейся «русского вопроса») с заявления Ллойд Джорджа о том, что его позиция, как и позиция британского правительства по вопросу о представительстве России, высказанная на предыдущем заседании, была неправильно понята. Он никогда не предлагал признания большевистского правительства в том смысле, чтобы советскому правительству было предоставлено место на Мирной конференции. Единственное, что он предлагал, это чтобы различным борющимся группировкам в России было предложено заключить перемирие. Когда это перемирие будет заключено, представителям различных правительств будет предложено явиться в Париж изложить свою позицию и получить, если возможно, от союзников те или иные предложения для улажения разногласий

¹ Об этой дискуссии мы имеем данные из ряда источников: глава «Россия» в книге Ллойд Джорджа «Правда о мирных договорах», протокольная запись заседания Совета десяти от 16 января и последующих заседаний, опубликованная государственным департаментом США в третьем томе *Foreign Relations Paris Peace Conference*, соответствующие места из книги Черчилля «Мировой кризис» и, наконец, отдельные замечания в ряде мемуаров.

между ними. Британское правительство, в полном согласии с французским, считает, что Россия не может быть поставлена в такое же положение, как, например, Бельгия¹. Пишон, заявил Ллойд Джордж, неправильно понял его, думая, что британское правительство считает нужным предоставить России права члена конференции².

Характерно, что эти «разъяснения» своей позиции, которые Ллойд Джордж давал Пишону, он опускает в главе «Россия» книги «Правда о мирных договорах». Разъяснения понадобились Ллойд Джорджу вследствие того, что французская печать немедленно после первых его выступлений подняла невероятный вой по поводу того, что Ллойд Джордж намерен пригласить большевиков в Париж. Эта газетная кампания была инспирирована Клемансо и Тардые.

Ллойд Джордж пишет по этому поводу: «Когда разнёсся слух, что я предлагаю пригласить их³ на конференцию, парижская правая печать подняла шум, а в кулуарах палаты депутатов поднялась буря негодования. Имущие классы были очень встревожены тем обстоятельством, что среди парижских рабочих, в особенности среди тех, кто после демобилизации оказался без работы, усиливалось серьёзное недовольство; солдатские и рабочие комитеты, созданные по большевистскому образцу, привлекали недовольные элементы во французских городах»⁴.

Ллойд Джордж поспешил успокоить французов. «Я принял,— пишет он,— в виде компромисса предложение о том, чтобы мы пригласили делегатов от всех борющихся в России группировок, которые должны были в ближайшем будущем в подходящее время и в подходящем месте встретиться с союзниками, чтобы затем притти к соглашению»⁵.

Ллойд Джордж пишет, что он «принял в виде компромисса это предложение». Получается, что предложение

¹ То-есть должна быть поставлена в худшее положение, нежели Бельгия.— *Б. III.*

² *Foreign Relations of the USA*, v. III, p. 581.

³ Большевиков.— *Б. III.*

⁴ *Lloyd George*, *op. cit.*, p. 353.

⁵ *Ibid.*, p. 331.

сделал кто-то другой, а он лишь принял его. В действительности это не так. Предложение, о котором идёт речь, принадлежит Ллойд Джорджу. Его повторил несколько более чётко президент Вильсон. Таким образом, предложение об особой конференции было предложением Ллойд Джорджа — Вильсона. Оно существенно отличалось от того, что Ллойд Джордж предлагал несколько дней назад: представители русских группировок приглашались отнюдь не на конференцию для того, чтобы последняя выслушала их и эвентуально вступила с ними в переговоры. Представители русских группировок должны были встретиться *прежде всего между собой* и попытаться *договориться между собой*, вне Мирной конференции. Иначе говоря, предлагалось созвать другую мирную конференцию представителей борющихся в России групп. На этой конференции должны были присутствовать, притом *с очень неопределёнными полномочиями*, представители союзников. Это было, конечно, нечто отличное от первоначальной идеи — заслушать представителей русских партий на Мирной конференции — и ещё более отличное от декабрьского предложения Ллойд Джорджа, сделанного Клемансо, — пригласить советское правительство на Мирную конференцию.

На заседании 16 января Ллойд Джордж выступил с большой программной речью по «русскому вопросу». На этом же заседании выступили президент Вильсон, Клемансо, Соннино и Орландо.

Существо выступления Ллойд Джорджа на заседании 16 января 1919 г. можно изложить следующим образом:

1. Фактическое положение в России неизвестно. Информация, получаемая о положении в России, противоречива и неточна.

2. Одно совершенно ясно: «Большевистское правительство теперь сильнее, чем несколько месяцев тому назад». «Крестьяне боятся, что любые другие партии, если им удастся восстановить старый режим, отнимут землю, которую дала крестьянам революция».

3. Украина, которая считалась до сих пор оплотом против большевизма, вовсе не является таким оплотом. «На Украине начинается то же движение, которое нашло своё полное завершение в Великороссии».

4. Для уничтожения большевизма силою нужна армия в миллион человек. Кто из западных союзников готов на это? Во всяком случае, не Англия. Союзные войска в Сибири и на севере России отнюдь не склонны продолжать кампанию и решили вернуться домой. Что касается добровольцев, то вряд ли найдётся тысяча человек, которые согласились бы отправиться в Россию добровольно.

5. Вторая возможная политика по отношению к России (если продолжать военную интервенцию) — это так называемая политика «санитарного кордона». Это означает попытку уморить Россию голодом. Могут сказать, что это приведёт к падению власти большевиков. Но это неверно. Кто может в России опрокинуть большевиков? Генерал Нокс сообщает, что чехословацкие войска в России уже заражены большевизмом и не могут более считаться надёжными. Войскам Колчака это тоже не под силу.

6. Единственно возможный путь — это план, который он предлагал ранее; он имеет в виду пригласить представителей различных русских правительств встретиться в Париже после того, как они заключат между собой временное перемирие. «Нас уверяют, что если большевистские посланцы приедут во Францию и Англию, они сразу же обратят в свою веру французский и английский народы. Вполне возможно, что большевизм распространится в этих странах, но это не будет результатом визита нескольких русских»¹.

В основном Ллойд Джордж повторил с большим количеством фактов ту же аргументацию, которую развивал во время предыдущей дискуссии в Совете десяти по вопросу о представительстве России на Мирной конференции.

Президент Вильсон сказал, что нельзя ничего возразить против тех соображений, которые выдвинул Ллойд Джордж. «Совершенно несомненно,— сказал он,— что за большевизмом стоит огромная сила». Большевистские лидеры черпают свои силы отчасти из постоянной угрозы иностранной интервенции. Эта угроза помогла им объединить вокруг себя народ. Он полагает поэтому, что

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. III, p. 581—582; *Lloyd George*, op. cit., p. 332—334.

«английское предложение — единственное, которое может дать какие-нибудь результаты»¹.

В конце своей речи Вильсон выставил одно конкретное условие, формулировка которого сразу поясняет непосредственную цель предложения о перемирии. Он сказал: «Если бы большевики воздержались от нашествия на Литву, Польшу и Финляндию и т. д., мы очень хорошо поступили бы, если бы позволили всем русским группировкам без исключения послать своих представителей в Париж».

Известно, что в декабре 1918 г. и январе 1919 г. советская власть установилась в Литве, Латвии и Эстонии. Известно также, какую тревогу это географическое распространение советского строя вызвало у держав Антанты. Теперь этот мотив был повторен Вильсоном. И Ллойд Джордж и Вильсон хотели преградить путь распространению большевизма. Если это не удалось при помощи силы, может быть, удастся при помощи предложения перемирия и допущения представителей советского правительства (в числе других) на Мирную конференцию.

Французы (Клемансо, Пишон) и итальянцы (Орландо, Соннино) на этом заседании не выступали. Пишон предложил заслушать прибывшего в Париж из Советской России бывшего французского посла Нуланса, а Соннино рекомендовал заслушать бывшего датского посланника в России Скавениуса. Решено было это сделать на следующем заседании.

Это заседание состоялось 20 января и было продолжено 21 января 1919 г. Сначала был заслушан Нуланс. Как известно, эта фигура оставила наиболее отвратительные воспоминания в Советской России в связи с той ролью, которую Нуланс играл в руководстве вооружённой интервенцией в 1918 г. во время своего пребывания (вместе с дипломатическим корпусом) в Вологде. Когда позже, в 1921 г., Нуланс, стоявший во главе так называемого «международного комитета помощи России», просил разрешения приехать в Советскую Россию, в телеграмме советского правительства от 7 сентября 1921 г. говорилось: «Трудящиеся России не забыли имени того,

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. III, p. 584; *Lloyd George*, op. cit., p. 336—337.

кто был одним из самых злостных и коварных врагов их во время борьбы не на жизнь, а на смерть, которую они вели против контр-революции и иностранного вмешательства. Они не забыли того, что с самых первых дней существования Рабоче-Крестьянского правительства в России господин Нуланс среди иностранных представителей больше всех прилагал усилий, чтобы не допустить соглашения и взаимного понимания между Советским правительством и правительствами Антанты»¹.

Именно Нуланса французское правительство избрало в качестве «свидетеля», который должен был произвести впечатление на Совет десяти и тем самым способствовать принятию решения о продолжении вооружённой интервенции. Нуланс не оправдал надежд, которые на него возлагались. Вот как рисует Ллойд Джордж «свидетельские» показания Нуланса: «Он не был беспристрастным свидетелем. Это был человек напыщенный, склонный к сентенциям, а не к тому, чтобы сообщать факты. Это были не показания свидетеля, а неумные и неглубокие взгляды сторонника определённой партии; Нуланс повторял сплетни и пересуды парижской крайне правой прессы об «ужасах большевизма»².

Другое впечатление произвели показания датского посланника в России Скавениуса. По словам Скавениуса, за большевиков стоит большинство крестьян и рабочих. Что касается антибольшевистских сил, то последние рекрутируются из числа «представителей высших классов, помещиков и офицеров». Скавениус высказался за продолжение вооружённой интервенции, но только большими силами. С малыми силами выступать бесполезно, ибо «наши войска через несколько месяцев могут заразиться большевизмом». С другой стороны, антибольшевистские войска (русские) без поддержки иностранных армий явно ненадёжны. Большевики апеллируют к патриотизму мелкой буржуазии. Они убеждают её, что союзники — империалисты, которые намерены эксплуатировать Россию точно так же, как делали это немцы³.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 155.

² *Lloyd George*, *op. cit.*, p. 338.

³ *Foreign Relations of the USA*, 1919, p. 634—642; *Lloyd George*, *op. cit.*, p. 341.

На утреннем заседании 21 января президент Вильсон огласил телеграфное сообщение дипломатического чиновника США Буклера о его разговоре в Стокгольме с представителем Советской России. По телефонному распоряжению Вильсона из Парижа 8 января 1919 г. сотрудник американского посольства в Лондоне Буклер выехал в Стокгольм для свидания с советским представителем М. Литвиновым. 18 января Буклер прислал телеграфный отчёт о разговорах, которые он имел с представителем советского правительства 14, 15 и 16 января 1919 г.

Ещё до получения телеграммы Буклера, а именно 16 января, государственный департамент в Вашингтоне получил и переслал в Париж американской делегации телеграмму от поверенного в делах Дании в Петрограде Нордлиена. Последний передал по просьбе народного комиссара иностранных дел РСФСР обращение на имя правительства США. Ссылаясь на выступление председателя комиссии по иностранным делам сената США Хичкока, народный комиссар по иностранным делам Советской республики требовал прекращения вооружённой интервенции союзников в России и, напоминая о многочисленных советских предложениях мирных переговоров, снова предлагал начать переговоры о мире.

Текст советского послания гласил: «Полученная из Лиона 12 января радиотелеграмма передаёт заявления Председателя Комитета Иностранных Сношений Сенатора Хичкока относительно причин отправки в Россию американских войск.

Первая из перечисленных им целей заключается в том, что надо было воспрепятствовать созданию в Архангельске германской базы для подводных лодок. Имелись ли для этого в своё время основания или нет,— во всяком случае в настоящее время такая цель перестала существовать. Что касается второй из перечисленных целей — охраны складов держав Согласия,— то уже весной прошлого года мы вступили в переговоры с целью обеспечения интересов правительств Согласия в этом отношении, и мы готовы теперь дать им полное разумное удовлетворение по этому вопросу. Что же касается якобы существовавшей опасности захвата этих складов немцами, то независимо от того, имелись ли в своё время основания

для таких опасений или нет, в настоящее время они являются беспредметными.

Третья указанная цель — сохранение открытым пути для приезда и отъезда дипломатов и других лиц — может, по нашему мнению, быть лучше всего достигнута путём соглашения с нашим правительством. В то время, когда американский посол г. Френсис покидал Россию, он мог беспрепятственно уезжать и приезжать. Мы просили его не оставаться в Вологде единственно потому, что его пребывание в этом городе было связано с серьёзной опасностью для его жизни, и мы предлагали ему, как наиболее подходящую резиденцию, какую-либо виллу в Москве или её окрестностях. Четвёртая цель — обеспечение безопасности чехословакам — может быть вполне достигнута путём соглашения с нашим правительством. Мы официально предложили чехословакам возвращение на родину через Россию при условиях, обеспечивающих как их, так и нашу безопасность, и мы достигли полного соглашения с председателем чехословацкого национального Совета в России профессором Макса. Он отправился в Богемию с тем, чтобы передать наше предложение чехословацкому правительству. Что касается последней указанной сенатором Хичкоком цели, создания препятствий для образования армии из германских и австрийских пленных, в настоящее время единственное, что мешает всем германским и австрийским пленным вернуться на родину, есть присутствие войск держав Согласия или защищаемых ими белогвардейцев, которые преграждают путь пленным.

Мы не видим поэтому, чем может быть оправдано дальнейшее пребывание американских войск в России. Как видно из той же полученной из Лиона радиотелеграммы, наше недоумение разделяется некоторыми из наиболее видных лидеров основных политических партий Америки. Они выразили пожелание, чтобы американские войска были возможно скорее возвращены из России. Мы разделяем их желание восстановления нормальных отношений между Америкой и Россией, и мы готовы устранить всё то, что может этим нормальным отношениям препятствовать. Мы не впервые выступаем с такими заявлениями. Ещё 24 октября мы послали сообщение в

том же смысле через норвежского посланника в России. Когда неделю спустя норвежский атташе г. Кристенсен покидал Москву, мы через него сделали устное предложение о прекращении кровопролития. 3 ноября мы пригласили всех находившихся в Москве нейтральных представителей и через их посредство передали письменное предложение державам Согласия об открытии переговоров с целью прекращения вооружённого конфликта между нашими армиями и армиями держав Согласия. 8 ноября шестой съезд Советов России заявил перед лицом мира державам Согласия, что предлагает им начать мирные переговоры, и это заявление было повсюду распространено путём радио. 23 декабря наш представитель Литвинов ещё раз довёл до сведения посланников держав Согласия в Стокгольме о желании русского правительства мирно разрешить все спорные вопросы. В дополнение к этому циркулярному письму он послал телеграмму приехавшему в Лондон президенту Вильсону, предлагая снова мирный исход. Не от нас зависит поэтому, если такой исход ещё не был достигнут. Недоумение о причинах пребывания американских войск в России было разделяемо также самими американскими офицерами и солдатами, и мы имели случай слышать непосредственно из уст некоторых из них выражение этого недоумения. Когда мы им указывали на то, что фактически их присутствие сводится к попытке снова возложить на русский народ иго угнетателей, которое он с себя сбросил, то результаты наших разоблачений были вполне благоприятны для отношения к нам этих американских граждан. Мы надеемся, что миролюбивые взгляды упомянутых выше сенаторов будут разделяемы американским правительством, и мы просим его любезно сообщить нам, в каком месте и в какое время могут начаться мирные переговоры с нашими представителями»¹.

Телеграмма народного комиссара иностранных дел и телеграфный отчёт Буклера пришли почти одновременно. Сообщение Буклера интересно не только как новое подтверждение готовности советского правительства добиться

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 218—219.

прекращения военной интервенции, но и в той части, где Буклер делает собственные выводы относительно политики, проводившейся союзниками по отношению к Советской России.

Буклер сообщает, что советский представитель не ограничился лишь общим заявлением о готовности советского правительства пойти на уступки. Он заявил, что если удастся заключить мир с союзниками, то сразу обнаружится немногочисленность русских антисоветских вооружённых сил, представляющих собой меньшинство в России, обнаружится, что их местные успехи являются лишь результатом помощи со стороны союзников. «Враждебные действия,— заявил Буклеру представитель советского правительства,— существующие в настоящее время против России со стороны Финляндии и других стран, которые нуждаются в русских товарах, прекратятся. Русские не имеют никаких империалистических планов по отношению к Финляндии, Украине или Польше и хотят только обеспечить этим народам право на самоопределение»¹.

Изложив содержание своих бесед с представителем Советской России и прибавив, что он ждёт либо дальнейших инструкций, либо разрешения на возвращение в Париж, Буклер присовокупил к сказанному свои личные выводы. Эти выводы представляют значительный интерес. Буклер пишет: «Военная интервенция и оккупация России, даже если они в конечном итоге будут успешными, потребуют неопределённо большого времени... я полностью убедился в том, что мы можем заключить соглашение, обеспечивающее иностранные интересы и иностранные долги, *если мы не очень урежем русскую территорию. Если Сибирь и угольные и нефтяные месторождения будут потеряны Россией, то условия относительно долгов будут пропорционально ухудшены*»².

В подчёркнутых мною строчках формулированы именно те вождения интервентов, которые они пытались реализовать при помощи силы: территория, нефть, уголь.

После того как президент Вильсон зачитал доклад Буклера, утреннее заседание Совета десяти закрылось.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. III, p. 644, 645.

² Ibid., p. 646.

Оно возобновилось в тот же день (21 января 1919 г.) в 3 часа. На этом заседании было принято решение о созыве конференции представителей всех русских правительств и партий. Вильсону было поручено составить соответствующее воззвание.

Ввиду важности этого заседания мы считаем необходимым привести значительные выдержки из протокольной записи.

Президент Вильсон предложил различным организованным группам в России прислать своих представителей не в Париж, а в какое-либо другое, более доступное место, например в Салоники, где они встретили бы представителей, назначенных союзниками, с тем чтобы попытаться выработать программу, на базе которой можно было бы прийти к какому-либо соглашению.

Ллойд Джордж выразил мнение, что можно было бы пригласить большевистских представителей в Салоники или, может быть, в Лемнос. Необходимо заключить мир.

Президент Вильсон сказал, что все они ненавидят большевизм и поэтому выставили против большевиков вооружённые силы. В русской ситуации ясно одно: борясь с большевиками с оружием в руках, союзники на самом деле помогают делу большевизма. Союзники дают большевикам возможность говорить, что империалистические и капиталистические государства пытаются эксплуатировать их родину, хотят вернуть землю помещикам и вызвать реакцию. Если бы было возможно доказать, что всё это не так и что союзники готовы вести переговоры с правителями России, этот аргумент в большой степени потерял бы свою моральную силу. Вильсон полагает, что это могло бы вызвать известную реакцию против большевизма.

Клемансо: Большевистская опасность очень велика в настоящий момент. Большевизм распространяется. Он охватил Прибалтику и Польшу, а сегодня утром мы получили очень тревожные сведения относительно его распространения на Будапешт и Вену. Италия также подвергается опасности. Там угроза сильнее, чем во Франции. Если большевизм, охватив Германию, пересечёт Австрию и Венгрию и дойдёт таким образом до Италии, вся Европа окажется в угрожающем положении. Поэтому

надо предпринять что-то против большевизма. Надо срочно найти выход. Если бы ему (Клемансо) предстояло действовать от себя одного, он вёл бы переговоры, одновременно воздвигая барьеры против большевиков.

Бальфур: Так как всех этих представителей пригласят на равных основаниях, он полагает, что *большевики откажутся от участия в конференции и тем самым поставят себя в невыгодное положение.*

Соннино выразил сомнение в том, что большевики откажутся притти; напротив, он полагает, что большевики придут первыми, так как они сами захотят быть на равной ноге с другими. Его предложение заключается в том, чтобы собрать все антибольшевистские партии, составить сильное правительство и помочь ему.

Ллойд Джордж спросил, в чём выражалась бы помощь.

Соннино ответил, что помощь можно было бы организовать вооружёнными силами, оружием, продовольствием и деньгами. Ни одна партия не решится идти в наступление против большевиков без поддержки союзников. Соннино предложил вербовать добровольцев в антибольшевистскую армию.

Ллойд Джордж сказал, что таким образом нельзя собрать войско в 150 тыс. человек. Вместе с тем он спросил, какие средства выделили бы Америка, Италия и Франция для содержания подобной армии. Большевики, заявил Ллойд Джордж, обладают армией в 300 тыс. человек, которые в скором времени сделаются хорошими солдатами. Чтобы воевать с ними, понадобится по крайней мере 400 тыс. солдат. Кто станет их кормить, вооружать и платить им? Станут ли это делать Италия, Америка и Франция? Если они не могут этого сделать, какой смысл воевать с большевизмом?

Орландо согласен, что большевизм представляет серьёзную опасность для Европы. Для того чтобы предотвратить распространение эпидемии, санитары воздвигают *санитарный кордон*. Если бы такие же меры были приняты против распространения большевизма, его можно победить, так как изолировать большевизм значило бы задушить его... Поэтому он настаивает на том,

чтобы были приняты все меры для того, чтобы воздвигнуть этот санитарный кордон.

Вильсон заявил: Делегатам союзных держав не следует давать полномочий занять ту или иную позицию в отношении большевиков. Они должны только сообщить своим правительствам о выяснившемся на конференции положении вещей.

По мнению Ллойд Джорджа, представителям союзных держав на совещании с представителями различных русских правительств должно быть предоставлено право заключить соглашение в случае, если конференция придёт к какому-нибудь разрешению задачи, например, если им удастся прийти к соглашению по вопросу организации Учредительного собрания.

Президент Вильсон предложил снабдить представителей союзников соответствующими инструкциями.

Бальфур заявил: «Отказ от военных действий по отношению к окружающим должен быть поставлен предварительным условием посылки большевистских представителей на эту конференцию».

Президент Вильсон согласился с этим.

Клемансо предложил обратиться с воззванием к русским партиям. Надо сказать русским: «Вам угрожает голод. Нами руководит чувство гуманности; мы заключаем мир. Мы не хотим, чтобы люди умирали. Мы готовы принять меры для предотвращения угрозы голода». Это, по мнению Клемансо, заставит русских прислушаться к тому, что скажут союзники. Надо будет тут же прибавить, что продовольствие может быть послано только тогда, когда в России восстановятся мир и порядок. Словом, надо объяснить, что представители различных партий созываются единственно из гуманных побуждений.

Было решено, что президент Вильсон составит прокламацию и представит её на обсуждение на следующем заседании. В прокламации должно быть сказано, что все организованные партии в России приглашаются принять участие в конференции, которая будет иметь место в Салониках или Лемносе, для того чтобы обсудить с представителями союзных держав средства восстановления порядка и мира в России. К участию в конференции

представители допускаются только по прекращении военных действий¹.

Мы ещё вернёмся к анализу заявлений, сделанных отдельными государственными деятелями Антанты на этом заседании. Теперь же отметим лишь некоторые из них. Так, очень важно заявление Бальфура о том, что «большевики, вероятно, откажутся принять такие условия (равенство всех участников конференции) и тем самым поставят себя в очень невыгодное положение»². Это заявление Бальфура не свидетельствует о его способности прогноза (советское правительство, как известно, приняло приглашение участвовать на конференции на равных условиях с другими «правительствами», а именно последние отвергли это приглашение и тем самым поставили себя и своих покровителей в невыгодное положение), но оно свидетельствует о том, что у ряда участников заседания Совета десяти и в том числе у Бальфура была провокационная идея относительно конференции на Принцевых островах. Они соглашались на эту конференцию в расчёте, что советское правительство откажется принять это приглашение и тогда, продолжая прямую военную интервенцию в России, можно будет свалить вину в этом на советское правительство.

Второе заявление Бальфура о том, что «отказ от военных действий по отношению к окружающим должен быть поставлен предварительным условием посылки большевистских представителей на эту конференцию», не менее важно для разоблачения подлинной политики руководителей Англии, Франции, США по отношению к Советской России, чем его первое заявление.

Характерно, что условия выдвигаются Бальфуром только по отношению к советскому правительству, в то время как перед этим он говорил о «равенстве» участников конференции. Подобная тактика не может быть названа иначе, как провокационной. Бальфур желал во что бы то ни стало *остановить наступление* Красной Армии. Именно это предложение Бальфура, поддержанное Вильсоном,

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. III, p. 647—653; *Lloyd George*, op. cit., p. 363.

² Курсив мой.— Б. Ш.

было использовано для срыва конференции на Принцевых островах. Не менее интересно заявление президента Вильсона о том, что «делегатам союзных держав не следует давать полномочий занять ту или иную позицию в отношении большевиков. Они должны только сообщить своим правительствам о выяснившемся на конференции положении вещей». Вильсон хотел оставить для себя свободу рук, он опасался, что конференция, намечавшаяся в целях обмана общественного мнения, может принести реальные результаты — стороны придут к соглашению, и это затруднит осуществление его интервенционистских планов.

В промежутке между утренним и дневным заседаниями Совета десяти 21 января 1919 г. Ллойд Джордж собрал имперскую британскую делегацию и сделал доклад о заседании Совета и о предполагавшемся решении.

Ллойд Джордж изложил имперской делегации уже известные нам сообщения Нуланса и Скавениуса. Он сообщил, что сегодня же имел беседу с генералом Франшэ д'Эспере, командующим войсками союзников на Украине. Эта беседа происходила в присутствии Пишона. Генерал изложил французскую позицию, осуществление которой, по мнению Ллойда Джорджа, «фактически означало бы, что союзники организуют войну с большевиками».

Представитель Канады Роберт Борден заявил, что не может быть и речи о посылке канадской армии, и высказался в пользу переговоров с советским правительством.

Представитель Австралии Юз сказал: «Поскольку мы не можем вмешаться достаточно эффективно, надо, по крайней мере, удержать большевизм в пределах России, а для этого необходимо применить экономические меры воздействия. Применение силы может и не понадобиться, если большевики не выйдут за пределы России; в противном случае придёт с ними воевать»¹.

Когда Ллойд Джордж спросил, откуда взять для этого войска и пошлёт ли Юз для этого австралийские части, последний ответил отрицательно. Борден и Юз согласились, что удерживать уже находящиеся в России

¹ *Lloyd George, op. cit.*, p. 345—346.

части союзников удастся не долго, так как солдаты не хотят воевать против Советов.

Ллойд Джордж сказал: «Мы должны либо по-настоящему поддержать русских противников большевизма или не поддерживать их вовсе». Он предложил следующее решение: «Если не удастся примирить враждующие партии в России, мы должны открыто объявить, что прекращаем интервенцию и какие бы то ни было субсидии. *Для защиты государств, которые, по нашему мнению, должны быть самостоятельными, мы присоединимся к мероприятиям, предлагаемым великими державами, для предотвращения всякого вторжения*»¹.

Что означала эта «защита» государств, да и притом таких, которые, «по нашему (т. е. по английскому) мнению», должны были быть самостоятельными,— мы знаем: это означало продолжение и развитие вооружённой интервенции. «Защищая» Польшу Пилсудского и Финляндию Маннергейма, союзники использовали армии этих стран для вооружённой борьбы против Советской России.

Недаром, когда член делегации Ридинг задал Ллойд Джорджу вопрос: «Не пришли ли мы к выводу, что не будем более принимать участия в интервенции, как бы ни сложились обстоятельства», Ллойд Джордж поспешил ответить, что это не так. «Если французы согласятся допустить встречу с большевиками где-нибудь, скажем, в Салониках или на Лемносе, нам придётся временно, до окончания переговоров *задержать в России войска*»².

В решении имперской делегации было записано: «Если будет предпринята попытка примирить русские враждующие партии, которую британские имперские уполномоченные могли бы признать удовлетворительной, например, вызов представителей различных партий для встречи в Салониках или на Лемносе, *то военные силы Британской империи, находящиеся в настоящее время в России, не будут отозваны немедленно.*

Мы готовы участвовать во всех мероприятиях, какие великие державы признают необходимыми для защиты

¹ *Lloyd George*, op. cit., p. 347. Курсив мой.— Б. Ш.

² *Ibid.*, op. cit., p. 352. Курсив мой.— Б. Ш.

от вторжения любого из государств прежней России, независимость которого державы намерены установить»¹.

Решение очень ясное: английские войска остаются в России, Великобритания будет принимать участие во всех мероприятиях, какие «великие державы признают необходимым» осуществить в России.

21 января в промежутке между утренним и дневным заседаниями Совета десяти, кроме заседания британской имперской делегации, состоялась встреча Клемансо с Ллойд Джорджем и Вильсоном. Клемансо заявил о невозможности позволить большевистским делегатам приехать в Париж, но согласился на встречу представителей Антанты, советского правительства и других русских «правительств» где-либо в районе Средиземного или Черного моря.

Окончательное место предполагаемой конференции (Принцезы острова) было принято также не без дискуссии. После того как приезд делегатов русских групп в Париж отпал, в качестве места конференции фигурировали Салоники или Лемнос. Однако и эти два места вызвали возражения. Известный свет на эти возражения проливают следующие замечания Ллойд Джорджа: «Очень характерно,— пишет он,— для всеобщего страха, вызванного большевиками, что нам было довольно трудно найти подходящее место для встречи с этой грозой Востока. Нельзя было найти ни одной страны, которая согласилась бы принять посланца Советов»².

22 января 1919 г. на утреннем заседании Совета десяти президент Вильсон огласил текст составленного им «Обращения к русским политическим группировкам». Было решено этот текст перевести на французский язык и рассмотреть на послеобеденном заседании. На заседании Совета, открывшемся 22 января в 3 ч. 15 м., как сказано в протокольной записи, «после дискуссии был одобрен следующий текст обращения для открытого (по радио) сообщения приглашаемым сторонам».

Содержание дискуссии по поводу текста, предложенного Вильсоном, в протокольной записи не приведено.

¹ *Lloyd George*, op. cit., p. 353.

² *Foreign Relations of the USA*, 1919, v. III, p. 647—653.

Обращение гласило:

«Единственной целью, которую имели в виду представители объединившихся держав при обсуждении своей политики в отношении России, была помощь русскому народу, а не создание ему препятствий и не вмешательство каким-либо образом в его право устроить свои собственные дела по своему собственному решению. Они смотрят на русский народ, как на друзей, но не как на врагов, и они хотят помочь ему всеми теми способами помощи, на которые он будет согласен. Им ясно, что бедствия русского народа будут продолжать расти, голод и лишения всякого рода... будут всё более и более распространяться и что будет всё более и более трудным побороть их, пока не будет восстановлен порядок и пока не будут созданы нормальные условия труда, торговли и транспорта. Объединившиеся державы ищут путь, которым они могут помочь русскому народу в деле восстановления порядка.

Они признают абсолютное право русского народа устраивать свои собственные дела без какой бы то ни было диктовки или без указания извне. Они не желают эксплуатировать или использовать Россию каким-либо образом. Они безоговорочно признают революцию, и они никсим образом и ни при каких условиях не будут помогать или оказывать поддержку каким-либо посягательствам контрреволюции. В их желания и цели не входит содействовать или помогать какой-либо из организованных групп, борющихся за власть в России. Их единственным и искренним желанием является сделать всё возможное, чтобы умиротворить Россию и дать ей возможность найти выход из теперешнего беспорядка. Объединившиеся державы ныне заняты торжественной и ответственной работой по установлению мира в Европе и во всём свете, и они вполне отдают себе отчёт в том, что Европа и весь мир не могут быть умиротворены, поскольку не умиротворена Россия. Они признают поэтому своей обязанностью и принимают её — притти на помощь России в этом великом деле столь же великодушно, незаинтересованно, продуманно и охотно, как они пришли бы на помощь любому другому другу и союзнику, и они готовы оказать эту услугу путём, наиболее приемлемым для русского народа.

Действуя в этом духе и в этих целях, они приняли следующее решение. Они приглашают все организованные группы, которые ныне осуществляют и пытаются осуществлять политическую власть или военный контроль где-либо в Сибири или в пределах Европейской России, какими они были до только что законченной ныне войны (кроме Финляндии), послать представителей, не более чем по три представителя от каждой группы, на Принцевы острова в Мраморном море, где они будут встречены представителями Объединившихся держав, при том, однако, условии, что на это время будет заключено перемирие между приглашёнными сторонами и что все вооружённые силы, куда-либо посланные или направленные против любого народа или территории, находящихся вне границ Европейской России, какими они были до войны, или против Финляндии или против иного народа или территории, право которых на автономное существование предусмотрено в 14 пунктах, на которых основаны настоящие переговоры,— будут тем временем отозваны и наступательные действия прекращены. Эти представители приглашаются вступить в совещание с представителями Объединившихся держав самым свободным и откровенным образом, дабы убедиться в пожеланиях всех частей русского народа и дабы притти, если возможно, к некоторому соглашению, путём которого Россия могла бы определить свои собственные намерения и могли бы быть установлены счастливые отношения сотрудничества между её народом и иными народами мира.

Ожидается скорый ответ на это приглашение. Все возможные облегчения будут даны союзниками для поездки представителей, включая перевозку через Чёрное море, и все заинтересованные стороны получают одни и те же облегчения. Представители ожидаются в назначенном месте 15 февраля 1919 г.»¹

В письме к рабочим Европы и Америки, написанном 12 января 1919 г., В. И. Ленин говорил: «Среди буржуазии и правительств Антанты замечаются теперь некоторые колебания. Часть видит, что разложение союзнических войск в России, помогающих белогвардейцам,

¹ Foreign Relations of USA, 1919, v. III, p. 676.

служащих самой черной монархической и помещичьей реакции, уже начинается; — что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты. Пример немецких оккупационных войск на Украине достаточно убедителен.

Другая часть буржуазии в странах Антанты стоит по-прежнему за военное вмешательство в России, за «экономическое окружение» (Клемансо) и удушение советской республики»¹.

Заседания Совета десяти в январе 1919 г. полностью отразили анализ, данный В. И. Лениным. В самом деле, Ллойд Джордж говорил, что «для уничтожения большевизма силой нужна армия в миллион человек. Об этом свидетельствует пример немцев», что «союзные войска в Сибири и на севере России отнюдь не склонны продолжать кампанию и уже твёрдо решили вернуться домой», что «чехословацкие войска в России уже заражены большевизмом и не могут более считаться надёжными». Это именно те причины колебания одной части буржуазии, о которых писал В. И. Ленин. Ллойд Джордж и Вильсон отражали настроения именно этой части буржуазии.

Давая 12 января 1919 г. свой исключительно точный анализ причин колебаний части буржуазии и правительств, В. И. Ленин не останавливался, да и не мог останавливаться на том, что же предлагает для решения «русского вопроса» эта часть буржуазии вместо посылки собственных войск в Россию. Это и понятно, ибо до 12 января 1919 г., т. е. до написания цитированного письма, никаких предложений, заменяющих путь прямой интервенции, не было (напомним, что выступление Ллойд Джорджа имело место 16 января 1919 г.). На этом вопросе (о замене метода прямой военной интервенции при помощи собственных войск) остановился И. В. Сталин в статье «Резервы империализма», опубликованной 16 марта 1919 г., т. е. уже после получения приглашения на Принцёвы острова (т. е. тогда, когда по инициативе

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 499.

Ллойд Джорджа и Вильсона была конкретизирована попытка замены прямой интервенции другими более сложными и коварными методами той же интервенции). И. В. Сталин писал: «Месяца четыре назад союзный империализм, победивший своих австро-германских соперников, поставил вопрос резко и определённо о вооружённом вмешательстве (интервенция!) в «русские дела». Никаких переговоров с «анархической» Россией! Перебросить часть «освободившихся» войск на территорию России, влить их в белогвардейские части *Скоронадских и Красновых, Деникиных и Бичераховых, Колчаков и Чайковских* и сжать в «железное кольцо» очаг революции, Советскую Россию,— таков был план империалистов. Но план этот разбился о волны революции. Рабочие Европы, охваченные революционным движением, открыли яростную кампанию против вооружённого вмешательства. «Освободившиеся войска» оказались явно непригодными для вооружённой борьбы с революцией. Более того, соприкасаясь с восставшими рабочими, они сами «заразились» большевизмом... Что же касается предполагаемого «железного кольца», то оно не только не оказалось «смертельным», но получило ещё ряд трещин. План прямой, неприкрытой интервенции оказался, таким образом, явно «нецелесообразным». *Этим, собственно, и объясняются последние заявления Ллойд-Джорджа и Вильсона о «допустимости» переговоров с большевиками и «невмешательстве» во внутренние дела России, отправка в Россию Бернской комиссии¹ и, наконец, проектируемое приглашение (повторное!) всех «фактических» правительств в России на «мирную» конференцию².*

¹ Товарищ Сталин имеет в виду комиссию, назначенную Бернской конференцией социал-шовинистов «для исследования социального и политического положения в России». Советское правительство 19 февраля 1919 г. заявило (в ответ на просьбу о разрешении въезда комиссии), что хотя оно не считает Бернскую конференцию ни социалистической, ни представляющей в какой бы то ни было мере рабочий класс, тем не менее разрешает въезд комиссии. Поездка «знатных ревизоров из Берна», как назвал членов комиссии В. И. Ленин, не состоялась (см. примечания к 4-му тому Сочинений И. В. Сталина, стр. 429).

² *И. В. Сталин*, Соч., т. 4, стр. 245, 246. Последние строки цитаты подчёркнуты мной.— Б. Ш.

Провал неприкрытой интервенции был, однако, не единственной причиной отказа англо-франко-американских империалистов от *этой* формы интервенции. И. В. Сталин продолжает: «Но отказ от *неприкрытой* интервенции диктовался не только этим обстоятельством. Он объясняется еще тем, что в ходе борьбы наметилась новая комбинация, новая, *прикрытая* форма вооружённого вмешательства, правда, более сложная, чем открытое вмешательство, но зато более «удобная» для «цивилизованной» и «гуманной» Антанты. Мы имеем в виду наскоро сколоченный империализмом союз буржуазных правительств Румынии, Галиции, Польши, Германии, Финляндии *против* Советской России»¹.

Дальше мы ещё остановимся на блестящем анализе, который был дан И. В. Сталиным этой форме вмешательства (интервенции) при помощи окраинных государств, и покажем, что обсуждение «русского вопроса» на Парижской конференции подтвердило этот анализ.

И. В. Сталин заканчивает анализ перехода интервенции от неприкрытой к прикрытой её форме следующими словами: «К чему «опасная» для империализма открытая интервенция, требующая к тому же больших жертв, раз есть возможность организовать прикрытую национальным флагом и «совершенно безопасную» интервенцию за чужой счёт, за счёт «малых» народов?»²

В этом анализе И. В. Сталина находится ключ к пониманию действительного смысла прений в Совете десяти и заявлений Ллойд Джорджа и Вильсона, выступивших за переговоры с большевиками. Как ни клялся Ллойд Джордж в своих «добрых чувствах» к России и русскому народу, в действительности он не отказывался от любой интервенции. Ведь именно он, Ллойд Джордж, говорил о «защите (против России!) государств, которые, по нашему мнению, должны быть самостоятельными», ведь это он поспешил «поправить» лорда Ридинга, который спросил, «не пришли ли мы к выводу, что не будем принимать участия в интервенции, как бы ни сложились обстоятельства», и высказался в пользу того, чтобы

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 246.

² Там же, стр. 247.

британские войска, находящиеся в России, не были отозваны.

Выступая против продолжения неприкрытой интервенции, Ллойд Джордж ещё не раскрыл всех своих карт, т. е. что он является сторонником прикрытой интервенции, сторонником вооружённой борьбы против Советской республики с помощью окраинных государств. Ллойд Джордж создавал в тот период предпосылки для дальнейшего развития плана, сущность которого была разоблачена И. В. Сталиным в цитированной статье. В выступлениях 16—22 января 1919 г. Ллойд Джордж часто говорит о «защите окраинных государств от возможного вторжения России». Он ведёт речь именно о тех государствах, которые, по его замыслу, должны были образовать антисоветский блок и предоставить вооружённые силы для интервенции.

Такова была главная, так сказать, стратегическая линия Ллойд Джорджа—Вильсона. Спор Ллойд Джорджа—Вильсона с Клемансо был, таким образом, не спором противников интервенции с её сторонниками, а спором о различных формах интервенции. В то время как Клемансо настаивал на продолжении неприкрытой интервенции собственными вооружёнными силами («освободившиеся» армии), Ллойд Джордж и Вильсон, учитывая рост симпатий к Советской России со стороны рабочих капиталистических стран и общую невыгодную для буржуазии политическую ситуацию, учитывая невыгодность для держав Антанты неприкрытой интервенции, подготавливали почву для замены её прикрытой (с помощью вооружённых сил окраинных, малых государств). Сторонниками интервенции и её продолжения были и Клемансо, и Черчилль, и Вильсон, и Ллойд Джордж, различие между ними в разрешении «русского вопроса» заключалось только в методах, в тактике.

Обращение 22 января 1919 г., сочинённое Вильсоном, должно было явиться ширмой, которая прикрывала переход США, Англии, Франции, Италии и других империалистических держав от неприкрытой интервенции к прикрытой.

Вместе с тем это обращение может служить наглядным документом, показывающим, насколько широко при-

менял Вильсон демагогические, лжедемократические слова и словечки для прикрытия антисоветских планов США, сколь искусно использовал он словесную шелуху для маскировки империалистических действий магнатов капитала, чью волю осуществлял. В свете реальных расчётов, каким цинизмом звучат все эти вильсоновские слова и выражения о «невмешательстве каким-либо образом» в дела русского народа и «его право устроить свои собственные дела по своему собственному усмотрению», о нежелании «эксплоатировать или использовать Россию каким-либо образом», о стремлении «великодушно, незаинтересованно, продуманно и охотно» помочь русскому народу и России! Подлинную цену вильсоновского «великодушия» и «незаинтересованности» народы Советской России познали очень скоро.

ГЛАВА 4

ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА

Как отнеслись приглашаемые «политические группировки России» к обращению Совета десяти от 22 января 1919 г.?

Начнём с советского правительства.

В своей книге «Правда о мирных договорах» Ллойд Джордж пишет: «Эта доброжелательная попытка умиротворения России и восстановления дружеских отношений между нею и другими нациями оказалась безуспешной. Ни одна из враждующих партий не пожелала встретиться на совместной конференции со своими противниками. Большевики не желали признать какие-либо права за своими противниками, которых они рассматривали как мятежников, восставших против законного правительства, и не могли согласиться вести с ними переговоры на равных основаниях под эгидой иностранных правительств»¹.

Ллойд Джордж написал заведомую ложь. Со стороны советского правительства последовал не «презрительный отказ», а *согласие* на конференцию совместно с представителями Деникина, Колчака, Чайковского и др. Ллойд Джорджу понадобилась эта явная ложь для того, чтобы свалить вину за срыв конференции на Принцевых островах на советское правительство и тем самым оправдать продолжение и развитие интервенции Антанты в Советской России. Особенно станет ясной ложь Ллойд

¹ *Lloyd George, op. cit., p. 366.*

Джорджа в свете тех событий, которые действительно произошли, а не были им выдуманы. Что же в действительности произошло после того, как союзники приняли и опубликовали (а не послали) 22 января 1919 г. обращение к политическим группировкам России?

23 января 1919 г. советские радиостанции перехватили парижское радио, отправленное без обозначения адресата, с сообщением, что державы Согласия предлагают всем воюющим сторонам в России заключить перемирие и послать на Принцевы острова близ Константинополя представителей, которые при участии представителей держав Согласия вели бы переговоры о соглашении¹. Текст перехваченного радиостанциями обращения был идентичен тексту, принятому Советом десяти 22 января 1919 г. и приведённому нами выше².

В тот же день, 23 января, Царскосельская радиостанция приняла второй текст декларации союзников о России, несколько отличавшийся от первого³. Разница в текстах имела место вследствие того, что первый текст, посланный из Парижа, представлял собой точный текст обращения, принятого Советом десяти, в то время как обращение, принятое Царскосельской станцией 23 января, представляло собой английское (радио было из Карнарвона) изложение принятой резолюции. Существо обоих текстов было идентично.

Как реагировало советское правительство на это радиовоззвание?

Хотя советское правительство знало, что «когда буржуазные дипломаты готовят войну, они начинают усиленно кричать о «мире» и «дружественных отношениях»⁴; хотя советское правительство знало, что у империалистов «добренские слова о мире»⁵ прикрывают «решительную поддержку политики войны и захватов», тем не менее оно согласилось послать делегацию на Принцевы острова.

¹ См. отчёт НКВД VII съезду Советов, ноябрь — декабрь 1918 г., стр. 5, 6, 7.

² См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 222.

³ См. там же, стр. 223.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 276.

⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 197.

4 февраля 1919 г. Народный комиссариат по иностранным делам опубликовал полный отчёт о всех шагах, которые были им предприняты после получения обращения от 22 января и в связи с ним. Немедленно по получении радиотелеграмм из Парижа и Карнарвона, а именно 24 января, народный комиссар иностранных дел обратился с радиотелеграммой к полномочному представителю РСФСР в Стокгольме В. В. Воровскому с просьбой выяснить ряд вопросов, неясных в проекте конференции на Принцевых островах. Форма приглашения была необычной, содержание тоже вызывало ряд недоуменных вопросов. Внимание В. В. Воровского было обращено на отсутствие формального приглашения советского правительства. Второй вопрос был вызван выбором места конференции. Это место могло быть избрано только при желании «окружить конференцию непроницаемой тайной или создать для неё неполную гласность, в зависимости от желания держав Согласия». Неясной представлялась и цель предстоящей конференции. Если её целью является прекращение гражданской войны в России, то «единственный способ положить ей конец заключался бы в прекращении оказываемой контрреволюции извне поддержки», ибо «там, где власть Советов утвердилась и контрреволюция побеждена, господствует полное спокойствие, но повсюду, где, благодаря поддержке со стороны иностранных штыков, господствуют реакционные группы, гражданская война продолжается и является неизбежной».

Вопрос об участии представителей держав Согласия на предполагаемой конференции в качестве посредников также был затронут в телеграмме. «Самое посредничество возможно со стороны незаинтересованных третьих держав, но в данном случае предложение исходит от правительства, фактически участвующих в борьбе против нас и занимающих своими армиями некоторую часть нашей территории». Можно ли такие правительства назвать незаинтересованными и какова в таком случае цель их посредничества?

Наконец, были неясны и вызывали недоумение военные условия, которые парижская радиограмма выставила как предварительные для созыва конференции. «Предложение о приостановке военных действий не было

выставлено в то время, когда Советская республика испытывала серьёзные затруднения в военном отношении, но выставляется теперь, когда контр-революция находится накануне окончательного краха»¹.

И всё же, несмотря на то, что предложение о приостановке военных действий было на пользу белогвардейскому правительству, советское правительство, к разочарованию всех тех, кто ждал его отказа, специальной нотой от 4 февраля 1919 г., адресованной правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США, ответило согласием «...немедленно начать переговоры или на Принцевых островах или в каком бы то ни было другом месте со всеми державами Соглашения совместно или же с отдельными державами из числа их или же с какими-либо российскими политическими группировками, согласно желанию держав Соглашения. Русское Советское Правительство просит державы Соглашения немедленно сообщить ему, куда направить ему своих представителей, когда именно и каким именно путём»².

Докладывая на VIII съезде партии 18 марта 1919 г. о переговорах, связанных с проектом созыва конференции на Принцевых островах, В. И. Ленин говорил: «Мне кажется, что то предложение, которое сделала Советская власть союзным державам, или вернее то согласие, которое наше правительство дало на известное всем предложение насчет конференции на Принцевых островах,— мне кажется, что это предложение и наш ответ кое в чем, и довольно существенном, воспроизводит отношение к империализму, установленное нами во время Брестского мира»³.

В. И. Ленин далее продолжил аналогию Принцевых островов с Брестом. Он сказал: «Когда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах, мы знали, что идем на мир чрезвычайно насильственного характера»⁴.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 226.

² Там же, стр. 229.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 116.

⁴ Там же, стр. 118.

Действительно, аналогия, на которую ссылается В. И. Ленин, несомненна. Во время Бреста германский империализм, вооружённый до зубов, наступая на Советскую республику, угрожал её существованию. Во время предложения конференции на Принцевых островах та же роль, что и германский империализм, играл империализм держав Антанты. Военная интервенция, активная помощь русским белогвардейцам, блокада Советской республики — всё это угрожало существованию Советского государства. В период Бреста Советская республика нуждалась в передышке, за которую она готова была заплатить рядом существенных экономических уступок. Во время Принцевых островов Советская республика была уже значительно сильнее, нежели в период Бреста. Однако необходимость передышки была и в начале 1919 г. для Советской республики также настоятельна. Кайзеровская Германия использовала предательские действия Троцкого для того, чтобы навалиться всей своей тяжестью на Советскую страну. Отказ советского правительства принять приглашение на Принцевы острова также, несомненно, помог бы сторонникам военной интервенции в осуществлении их тактики.

Вот почему В. И. Ленин говорил, что «...по отношению к Западной Европе, к странам Антанты нам приходится или придется повторить многое из того, что мы совершили во время Брестского мира»¹.

Нота 4 февраля начиналась с подчёркивания того факта, что советское правительство не получило формального приглашения на конференцию. Это напоминание было далеко не случайным. Мы видели выше, насколько тактика Совета десяти по вопросу о приглашении советского правительства была провокационной: с одной стороны, Совет десяти выносил резолюцию о созыве конференции на Принцевых островах, причём на эту конференцию приглашались «все фактические правительства России». Казалось бы, что подобная резолюция требовала посылки официального приглашения советскому правительству. Однако, с другой стороны, такое приглашение никогда не было послано, и президент Вильсон на

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 118—119.

заседании Совета десяти 1 февраля 1919 г. раскрыл секрет этого, сказав, что послать приглашение советскому правительству означало бы признать его. Союзники заботились о сохранении такой свободы рук в отношении Советской республики, которая давала бы им возможность осуществить планы прикрытой интервенции. Подчёркивая это обстоятельство, нота 4 февраля показывала, что советское правительство прекрасно поняло провокационную тактику союзников.

Советское правительство заявило, что, несмотря на всё более и более благоприятное положение Советской России как в военном, так и в других отношениях, оно готово пойти на мирное соглашение «даже ценою серьёзных уступок, поскольку они не будут угрожать дальнейшему развитию Советской республики». Советская нота подчёркивала в частности улучшение военного положения Советской России. В ней говорилось:

«На северном фронте Советские войска только что овладели Шенкурском. На восточном фронте, временно потеряв Пермь, они взяли обратно Уфу, Стерлитамак, Белебей, Оренбург и Уральск, в результате чего, между прочим, железнодорожное сообщение со Средней Азией находится теперь в их руках. На южном фронте они недавно взяли важные железнодорожные станции «Поворино», «Алексино», «Урюпино», «Таловая», «Калач», «Богучар», и, таким образом, в их власть перешли железные дороги этого края, в то время как с юго-запада движущиеся со стороны Луганска Украинские Советские войска угрожают тылу Краснова. На Украине местные Советские войска завоевали Харьков, Екатеринослав, Полтаву, Кременчуг, Чернигов, Овруч, а также многочисленные менее важные города. Белоруссия, Литва, Латвия почти целиком перешли в руки Советских войск этих республик, вместе с большими городами — Минском, Вильно, Ригой, Двинском, Митавой, Виндавой и другими»¹.

Советское правительство соглашалось сделать уступки по вопросу о займах царского правительства, гарантировать уплату процентов по этим займам известным

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 228—229.

количеством сырых материалов и т. д. Равным образом оно заявляло о готовности предоставить подданным держав Согласия горные, лесные и другие концессии «на условиях, подлежащих ещё точному определению, с тем, чтобы экономический и социальный строй Советской России не был затронут внутренними распоряжениями этих концессий».

Кроме перечисленных экономических уступок советское правительство не уклонилось в своём ответе и от вопроса, связанного с так называемым территориальным размежеванием власти отдельных правительств (Колчака, Деникина и др.) на определённых территориях. Нота прибавляла, что «Русское Советское Правительство не имеет в виду во что бы то ни стало исключить из этих переговоров рассмотрение вопроса о каких-либо аннексиях державами Согласия русских территорий». Тут же нота разъясняла, что, по мнению советского правительства, «под аннексиями следует подразумевать сохранение на той или другой части территории бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии, военных сил Согласия, или же таких, которые содержатся правительствами Согласия, или пользуются их финансовой, технической, военной или иной поддержкой».

Таким образом, в ноте не шла речь об обычном термине аннексии, под которой понимается насильственное присоединение той или иной территории, не ограниченное каким-либо сроком. Здесь шла речь об оккупации территории иностранными войсками или белогвардейскими «правительствами».

Нота 4 февраля выставляла два неперемennых условия: немедленный отзыв всех иностранных войск с территории России и размежевание соответственно тому военному положению, которое будет иметь место к моменту этого размежевания. Нота 4 февраля довольно подробно обрисовала военное положение, создавшееся на фронтах к началу февраля 1919 г., и успехи, достигнутые Красной Армией¹.

6 февраля 1919 г. советское правительство Украины, требуя немедленного вывода войск держав Согласия из

¹ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 227—229.

Украины, заявляло, что оно также «готово войти в переговоры, отправив своих делегатов» на Принцевы острова¹.

Советское правительство Литовско-Белорусской Республики в ноте от 1 марта, посланной державам Согласия, тоже выражало «полную готовность послать своих представителей на Принцевы острова или в любое иное место, как только ему будет указан срок и маршрут»².

Нота советского правительства от 4 февраля произвела сильное впечатление как на сторонников прикрытой, так и на сторонников неприкрытой военной интервенции в Советской России. Ответ советского правительства спутал карты тех, кто рассчитывал на отказ Советской России принять участие в конференции на Принцевых островах.

Характерная черта. Если события, предшествовавшие решению Совета десяти о созыве конференции на Принцевых островах, описываются различными участниками этих событий довольно подробно и детально, то, наоборот, весь период, начинающийся с опубликования ноты советского правительства — с 4 февраля по 15 февраля, — страдает значительными пропусками.

Мы уже видели выше, что один из главных участников и авторов решения о созыве конференции на Принцевых островах — Ллойд Джордж — в объяснении причин срыва конференции прибегает к прямой лжи, заявляя, что никто из приглашённых правительств не принял этого приглашения. Факты, о которых Ллойд Джордж прекрасно знал, уличают его в этой лжи, к которой он прибег с целью скрыть действительные причины провала конференции.

Что касается другого участника событий и одного из основных виновников провала конференции, злейшего врага советского народа — Черчилля, то последний, правда, не скрывает положительного ответа советского правительства на обращение союзников, но пытается опочинить этот ответ и также возложить вину за провал конференции на советское правительство. Черчилль

¹ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 231.

² Там же, стр. 241.

пишет: «4 февраля большевики ответили на это предложение согласием, которое по своей форме допускало, впрочем, различные толкования». «Белые в Сибири и Архангельске, а также Набоков, Сазонов и другие представители антибольшевистских групп,— продолжает он,— с презрением его отвергли. Самая мысль о переговорах с большевиками была совершенно неприемлемой для представителей господствующей части общественного мнения как в Великобритании, так и во Франции»¹.

В этой цитате нагромождены столь характерные для Черчилля прямая неправда, извращение фактического положения вещей и огромная доля лицемерия. Сообщая о том, что белогвардейские группировки «с презрением отвергли» предложение участвовать в конференции, Черчилль замалчивает происхождение этого «презрения» белых правительств. Он сознательно умалчивает о том, что вслед за принятием Советом десяти резолюции от 22 января о созыве конференции на Принцевых островах белогвардейским правительствам был послан «дружеский совет» — не принимать этого предложения. Такой совет был послан французским правительством, которое пользовалось большим влиянием у белых. «Французское министерство иностранных дел сообщило украинскому правительству² и ряду других антисоветских правительств, что если они откажутся принять предложение, Франция их поддержит и будет продолжать поддерживать»³.

Что же происходило на Совете десяти и вокруг него в период между 22 января и 14 февраля? Выше мы привели данные, относящиеся к дипломатической активности советского правительства в этот период. Что же делали другие? США, Англия, Франция, Япония, Италия, с одной стороны, и антисоветские группировки в России — с другой?

В период между 22 января и 14 февраля Совет десяти несколько раз возвращался к «русскому вопросу». На следующий день после принятия резолюции о конферен-

¹ У. Черчилль, *Мировой кризис*, 1932, стр. 108, 109.

² Имеется в виду Петлюра.— Б. III.

³ «The Bullitt Mission to Russia», p. 32.

ции на Принцевых островах, 23 января, в повестке дня Совета десяти под пунктом 2 значится: «Комиссия по вопросу о русской конференции» (т. е. на Принцевых островах). Клемансо заявил, что он назначил французских представителей в эту комиссию, а именно Контти и генерала Рампона. Японский делегат барон Макино сказал, что он намерен также назначить своих представителей и сообщит их имена. Остальные делегаты заявили, что они сообщат имена своих представителей в этот же день после обеда ¹.

На заседании 27 января «русский вопрос» снова был затронут. Клемансо сообщил о получении им телеграммы от Братиану, который настаивал на том, что Бессарабия не должна посылать делегатов на конференцию на Принцевы острова. Пишон добавил к этому, что согласно телеграмме Братиану Польша и Финляндия прямо исключены из числа тех правительств, которые должны посылать представителей на Принцевы острова, а Бессарабия, по словам Пишона, добровольно присоединилась к Румынии, и поэтому её не должно касаться приглашение, посланное различным правительствам России. Он, Пишон, считает, что нужно предоставить самой Бессарабии право решить, хочет ли она или нет посылать представителей на Принцевы острова. Лично он думает, что она не захочет. Было решено, что необязательно отвечать на телеграмму Братиану немедленно и что этот вопрос встанет тогда, когда будет обсуждаться общий вопрос о конференции на Принцевых островах. В связи с вопросом, поставленным Братиану, Бальфур спросил, следует ли понимать, что все те элементы старой России, которые, по мнению союзников, являются её наследниками и находятся в стадии создания независимых государств, как, например, Эстония, Грузия и, возможно, русская Армения и Дагестан, приглашаются на конференцию. По этому вопросу было решено, что все страны, кроме тех (Польша, Финляндия), которые были прямо исключены ², приглашаются.

В этой связи любопытно привести заявление ряда «правительств», образовавшихся на территории России

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. III, p. 693.

² Ibid., p. 733, 744.

и претендовавших на отделение от России. Так, в телеграмме, посланной из Берна 5 февраля 1919 г., посланник США в Швейцарии сообщал американской делегации в Париже, что к нему явился министр иностранных дел «Республики союза народов Черкессии и Дагестана» и заявил следующее: он будет с нетерпением ждать ответа президента Вильсона на вопрос о том, должна ли его страна быть включена в состав тех частей России, которые примут участие в конференции на Принцевых островах. Он пояснил, что его правительство готово и счастливо будет принять это приглашение и что он и другие представители правительства готовы будут немедленно отправиться на Принцевы острова, если таково желание президента. Он от имени правительства заявляет, что находится полностью в руках президента и готов вести переговоры с большевиками и другими русскими правительствами, существующими в России, если только этого желает президент. Посланник США добавляет к изложенному, что Хандар Баммат в разговоре с ним выразил пожелание, чтобы его страна была поставлена под защиту Соединённых Штатов и чтобы последние были назначены Лигой наций в качестве страны-мандатария¹.

О том, что собой представляло «правительство» Хандар Баммата, писал И. В. Сталин в статье «Положение на Кавказе», опубликованной в «Правде» 23 мая 1918 г. «Еще в 1917 году кучка северо-кавказских генералов в отставке, вроде Филимоновых, Карауловых, Чермоевых и Бамматовых, объявив себя союзом горцев, присвоила себе название правительства Северного Кавказа от Чёрного моря до Каспийского и втихомолку готовилась к выступлению совместно с Калединым. В ноябре 1917 года, после победы Советской власти в центре России, это, с позволения сказать, «правительство» заигрывало с англо-французскими военными миссиями, подкапываясь под перемирие на русско-германском фронте. В начале 1918 года, после провала калединской авантюры, это загадочное «правительство» исчезло с политического горизонта, ограничиваясь организацией разбойничьих набегов на поезда и коварных нападений на мирных жителей»

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 43, 44.

городов и деревень. К весне этого (1918.— *Ред.*) года о нём все забыли...

Но империализм не был бы империализмом, если бы он не умел вызывать с «того света» тени мёртвых для своих земных целей. Не далее как неделю назад нам передали официальное заявление, подписанное воскресшими из мёртвых Чермоевым и Бамматовым, говорящее об образовании независимого (не шутите!) Северо-Кавказского государства от Чёрного моря до Каспийского (ни больше, ни меньше!)»¹. Далее товарищ Сталин пишет: «Авантюристы Северного Кавказа, разочаровавшись в англо-французах, рассчитывают теперь на врагов последних. А так как рвение турко-германцев к захватам не знает пределов, надо думать, что не исключена возможность «соглашения» северо-кавказских искателей приключений с турко-германскими «освободителями»².

После поражения Германии и Турции авантюристы Северного Кавказа пытались вновь поставить ставку на англо-франко-американцев и из... Швейцарии нагло предложили США мандат на территорию Кавказа.

8 февраля 1919 г. делегация Грузинской республики (меньшевицкой) обратилась к американской делегации на Мирной конференции с нотой. Делегаты меньшевицкой Грузии требовали от Мирной конференции признания «независимости», а равно настаивали на том, чтобы «грузинский вопрос был отделён от всех других русских проблем: он должен быть немедленно поставлен перед Мирной конференцией»³.

Таким образом, по мнению меньшевицкого грузинского правительства, не конференция на Принцевых островах, а Мирная конференция в Париже должна заниматься Грузией: грузинское правительство не намерено посылать своих представителей на Принцевы острова. Им там делать нечего, ибо там будет решаться проблема России, а Грузия, заявляли меньшевики,— не Россия.

Если ответ авантюристического «правительства» «Республики союза народов Черкессии и Дагестана» представлял собой безоговорочное согласие принять

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 97—99.

² Там же.

³ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 47, 48, 49.

приглашение участвовать в конференции на Принцевых островах, а ответ меньшевиков Грузии — такой же безоговорочный отказ, то заявления белых правительств Латвии и Эстонии представляли собой условное согласие.

10 февраля 1919 г. председатель латвийской делегации в Париже, председатель государственного совета Латвии Чаксте (впоследствии президент буржуазной Латвийской республики) направил президенту Вильсону ноту, в которой, ссылаясь на резолюцию Совета десяти о Принцевых островах, писал, что временное правительство Латвии «считает себя приглашённым в соответствии с заявлением, сделанным генеральным секретарём Мирной конференции 10 февраля 1919 г.»¹

Одновременно с нотой Чаксте на имя Вильсона последовало заявление главы эстонской делегации и министра иностранных дел Эстонии Поска на имя председателя Мирной конференции Клемансо. Письмо Поска базируется на тех же аргументах, что и декларация Чаксте, и заканчивается следующим: «Участие представителей Эстонии в этой конференции должно иметь своей целью только заключение мира между Эстонией и Коммунистической республикой Советской России и переговоры о будущих отношениях между Россией и Эстонской республикой»².

Таким образом, как Латвия, так и Эстония принимали приглашение участвовать в конференции на Принцевых островах, ставя условием этого участия признание их со стороны великих держав и ограничивая это участие переговорами о мире с Советской Россией. Латвийская и эстонская декларации лишней раз опровергают слова Ллойд Джорджа о том, что никто из приглашённых на конференцию не согласился в ней участвовать. Обратимся к ответу русских белогвардейских «правительств».

12 февраля 1919 г. на имя генерального секретариата конференции поступила нота за подписью Сазонова и Чайковского. Эта нота была адресована Мирной конференции от имени «объединённых правительств Сибири, Архангельска и Южной России». В Париже в это время

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 49, 50.

² Ibid., p. 52—53.

было образовано так называемое «политическое совещание», которое представляло русские белогвардейские правительства Колчака, Деникина, Чайковского и Юденича. Ссылаясь на резолюции Совета десяти от 22 января 1919 г., Сазонов и Чайковский писали: «В нынешних условиях не может быть и речи об обмене мнениями с большевиками»¹.

Эта декларация не оставляла никаких сомнений относительно точки зрения белогвардейских правительств, инспирированных союзниками.

Глава делегации так называемой «Украинской республики» (петлюровской) в Париже Сидоренко писал Клемансо (10 февраля 1919 г.), что его правительство «не может участвовать на конференции на Принцевых островах»².

Таким образом, к тому моменту, когда в Совете десяти возобновилась дискуссия по вопросу о Принцевых островах, союзники имели ответы советского правительства и ответы белогвардейских правительств Латвии, Эстонии, Сибири, Архангельска и Южной России и других марионеточных меньшевистских, петлюровского и им подобных «правительств». Советское правительство принимало приглашение от 22 января, три белогвардейских правительства его отвергали. Все другие ответы содержали определённые условия.

Следует осветить те закулисные комбинации, которые были предприняты в промежуток времени между 22 января и 15 февраля 1919 г. политическими деятелями держав Антанты, стремившимися во что бы то ни стало сорвать конференцию на Принцевых островах. Этими деятелями были Клемансо, Пишон, Черчилль и другие. Что предпринял Черчилль? Он явился в Париж. Относительно характера этой поездки Ллойд Джордж пишет: «Уинстон Черчилль в частности обратил свою кипучую энергию и свои таланты на организацию вооружённой интервенции в России... Черчилль очень умело использовал все возможности, которые предоставлял ему отъезд президента Вильсона и мой из Парижа, чтобы поехать

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 53—54.

² Ibid., p. 69—70.

туда и поставить свои планы в отношении России на рассмотрение французской, американской и английской делегаций»¹.

Что касается самого Черчилля, то он изображает свою поездку в Париж в несколько иных тонах. Черчилль пишет: «Как раз в этот самый период² я впервые принял участие в обсуждении русского вопроса в Париже. Имея в своём непосредственном ведении наши военные обязательства в Архангельске, по отношению к Колчаку и Деникину, я неоднократно побуждал премьер-министра принять по отношению к России определённую политику. *В конце концов он предложил мне поехать в Париж и установить самому, что можно было сделать в тех пределах, какие были нами намечены*»³.

Черчилль без разрешения Ллойд Джорджа поехать в Париж не мог бы. Ллойд Джордж прекрасно знал империалистические взгляды и интервенционистские планы Черчилля по «русскому вопросу», и тем не менее он, как утверждает Черчилль, сам предложил ему поехать. Несомненно, что Черчилль поехал в Париж с согласия Ллойд Джорджа, несмотря на то, что он знал об интервенционистской программе Черчилля по отношению к России.

Англичане, американцы, французы не предпринимали реальных мер к тому, чтобы конференция на Принцевых островах действительно состоялась. Это не входило в их планы осуществления прикрытой интервенции в Советской России посредством использования армий окраинных и других малых стран. Бросается в глаза любому исследователю, что союзники не сделали ничего практического для осуществления своей резолюции от 22 января. В то время как противники Принцевых островов (Клемансо, Пишон, Черчилль и др.) действуют, сторонники конференции, её инициаторы (Вильсон, Ллойд Джордж и др.) *бездействуют*, способствуя по сути дела срыву намечавшейся конференции. Регистрировались ответы различных русских политических группировок, и только.

¹ *Lloyd George*, op. cit., p. 367.

² Речь идёт о периоде после 22 января. — Б. Ш.

³ У. Черчилль, *Мировой кризис*, стр. 109. Курсив мой. — Б. Ш.

Журнал заседаний американской делегации на Мирной конференции, впервые опубликованный в 1945 г.¹, даёт доказательства того, что американцы и англичане *ничего не предпринимали для того, чтобы конференция действительно состоялась*. Так, на заседании американской делегации 31 января 1919 г. Уайт докладывал о разговоре, который Буклер (продолжавший заниматься русскими делами) имел с членами британской делегации. На заседании американской делегации 1 февраля Гертер зачитал доклад Буклера о его разговоре с Керром. В докладе говорилось, что в разговоре, который Буклер совместно с Буллитом имели с Керром, последний высказал ряд соображений по «русскому вопросу». Эти соображения могут быть сформулированы так:

1. Британцы стремятся эвакуировать свои войска из Архангельска.

2. Они готовы принять участие в конференции на Принцевых островах или в любом другом месте с представителями советского правительства, если даже другие русские представители не примут приглашения на Мирную конференцию².

Из журнала заседания американской делегации от 7 февраля 1919 г. мы узнаём, что США назначили в качестве американских представителей на конференцию на Принцевых островах Джорджа Геррока и Вильяма Уайта. В качестве секретаря этим двум делегатам был придан Фельнс³.

Казалось бы, что в период между 22 января и 14 февраля 1919 г. как американская, так и английская делегации держались первоначальной линии, т. е. резолюции 22 января о созыве конференции на Принцевых островах.

Что же произошло 14 и 15 февраля 1919 г.? Что произошло на двух заседаниях Совета десяти, на которых была фактически похоронена идея конференции на Принцевых островах?

Обсуждение «русского вопроса» на заседании Совета десяти 14 февраля началось с заявления Бальфура (который заменял уехавшего в Лондон Ллойд Джорджа) о том,

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. XI, p. 5, 6.

² Ibidem.

³ «The Bullitt Mission to Russia», p. 27.

что по этому вопросу он просит выслушать Черчилля, который сообщит нынешнюю точку зрения британского кабинета. Черчилль сказал следующее:

«Несколько дней тому назад в Лондоне состоялось заседание кабинета министров, на котором была проявлена большая озабоченность относительно положения в России и в частности относительно политической линии, касающейся конференции на Принцевых островах. Ввиду предстоящего отъезда президента Вильсона кабинет просил его приехать сюда и добиться известного решения относительно политики по этому вопросу. Ллойд Джордж хотел бы знать, будет ли продолжаться политика союзников, которая привела к предложению конференции на Принцевых островах, или, если не будет, то чем она будет заменена. Если есть возможность продолжать прежнюю политику, тем лучше; но если только большевики будут принимать участие в конференции, то мало хорошего можно от неё ожидать. Необходимо считаться с военной стороной вопроса... Чем далее будет продолжаться неопределённое положение, тем хуже будет положение войск на всех русских фронтах»¹.

Вильсон сказал, что, поскольку Черчилль явился сюда, чтобы застать его перед отъездом, он считает нужным изложить своё мнение по данному вопросу.

«Политика, приведшая к идее конференции на Принцевых островах, была принята с целью установить, куда намерен идти русский народ. Поскольку это его, Вильсона, касается, он был бы вполне доволен, если бы неофициальные американские представители встретились с большевиками...

Первое условие конференции, требуемое союзниками, было прекращение наступления русских войск на всём протяжении за их границами. Если другие русские правительства не хотят встретиться с союзниками на Принцевых островах, не нужно ли союзникам, по примеру Магомета, встретиться с ними? То, к чему мы стремимся, это не сближение с большевиками, а полная информация».

Черчилль заметил, что союзники не могут послать регулярные войска в Россию. Но он думает, что можно

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. III, p. 1041—1044.

доставлять туда добровольцев, технических экспертов, оружие, амуницию, танки, аэропланы.

Вильсон сказал, что считает себя виновником того, что Соединённые Штаты имеют в России недостаточное количество войск, но он не может их увеличить.

Черчилль сказал, что он хотел бы знать, одобрит ли Совет десяти помощь оружием антибольшевистским силам в России, если созыв конференции на Принцевых островах провалится.

Вильсон сказал, что колеблется высказать своё окончательное мнение. Он изложил Совету своё мнение, как если бы он действовал один. Впрочем, он будет участвовать в этом деле вместе с другими¹.

Центральным пунктом заседания 14 февраля является выступление президента Вильсона. Это выступление поражает своим путаным характером. Чего только Вильсон не сказал в своей речи! Союзные войска не делают ничего хорошего в России, более того, они помогают реакции. С другой стороны, он, Вильсон, чувствует свою ответственность за то, что этих войск так мало, но он ничего не может сделать, чтобы их увеличить. Дальнейшая программа: увеличить регулярные войска нельзя, добровольцев собрать в нужном количестве нет возможности, но и отозвать войска тоже нельзя. На Принцевых островах нужно было бы встретиться с большевиками.

Но когда большевики согласились на эту встречу, Вильсон «обиделся», что, стремясь прекратить интервенцию союзников, большевики предложили им некоторые уступки, частичную уплату долгов, некоторые концессии. Вильсон пытался представить себя «оскорблённым в лучших чувствах»: дескать, союзники преследовали исключительно гуманные цели — установление мира в России, «помощь русскому народу», а им, неправильно поняв их истинные цели, большевики предлагают уплатить часть долгов, дать некоторые концессии.

Если отвлечься от словесной шелухи и обычной для Вильсона демагогии, то сущность его заявления может быть изложена так: войск (иностраных) в России мало

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. III, p. 1041, 1042, 1043, 1044.

(для военной победы над большевизмом), увеличить их количество трудно, добровольцев набрать в нужном количестве нельзя. Отсюда вывод: иностранные войска вообще следует убрать (разговоры о том, что их нужно убрать, потому что они помогают русской реакции,— демагогия, ибо Вильсон и раньше, т. е. в начале интервенции, прекрасно знал, кому будут помогать иностранные войска), но сейчас этого сделать всё же нельзя — не потому, что «многие русские распрощаются с жизнью», как декламировал Вильсон (ему было мало дела до судьбы русских), а потому, что до сих пор проводившаяся форма неприкрытой интервенции в новой международной обстановке, в обстановке обостряющихся в капиталистических странах социальных конфликтов, в обстановке роста национального движения, а главное, вследствие усиливающегося сопротивления русского и других народов России, не оправдывает себя, её следует заменить другой формой интервенции — прикрытой, замаскированной. Предложение о конференции на Принцевых островах давало возможность выиграть время, необходимое США, Англии, Франции для оформления нового плана интервенции. Предложение о конференции сулило союзникам такие выгоды, как возможность приостановления наступления Красной Армии, а в случае отклонения советским правительством приглашения на конференцию — возможность документально объявить советское правительство агрессором и тем самым укрепить аргументы интервенции. Надев, вместе с Ллойд Джорджем, личину «противника» вооружённой интервенции и сторонника переговоров с советским правительством, Вильсон как бы зачёркивал своё интервенционистское прошлое, как бы отрекался от своего участия в вооружённой интервенции в её неприкрытой форме, от того, что делали США в «русском вопросе» прежде. На деле это было не так — время, прошедшее до февраля 1919 г., не изменило взглядов Вильсона на «русский вопрос». В середине ноября 1918 г., т. е. незадолго до выступления в Совете десяти, Вильсон изложил свою империалистическую программу по «русскому вопросу» достаточно ясно:

«Союзные державы,— сказал Вильсон,— не имеют

более намерения придерживаться пассивной тактики по отношению к большевизму. В нем они видят единственного врага, против которого следует ополчиться. Русское государство с нескольких сторон открыто для союзных войск, если они пожелают вторгнуться.— Большевистская... Россия не может быть принята в союз демократических и свободных народов»¹.

Налицо программа интервенции, и притом в огромных масштабах, ибо оказывается (по Вильсону), что интервенция 1918 г., посылка американских, английских, французских, японских, итальянских и других вооружённых сил — это была «пассивная тактика», от которой Вильсон (говоря не только от своего имени, но и от имени союзников) решил отказаться. Вильсон открыто говорит о вторжении союзных войск. Что может быть яснее и откровеннее? Можно ли поверить после этой речи в чудесное превращение этого глашатая вооружённой интервенции в сторонника мирного соглашения с Советской республикой? Конечно, нельзя. Дело было не в отказе от вооружённой интервенции, а в том, что Вильсон, как и Ллойд Джордж, убедился, что неприкрытая интервенция *собственными войсками* обречена на провал, ибо этих войск недостаточно (а увеличить нельзя) и они ненадёжны, разлагаются на советской почве. Кроме того, и формально нельзя держать американские войска на русской территории после окончания войны с Германией и без официального объявления войны России: ведь посылка американских войск в Россию мотивировалась правительством Вильсона необходимостью... сражаться с немцами. Этот обман продолжать больше нельзя. Запросы в конгрессе, волнения широких народных масс затрудняют ведение неофициальной войны в России. Отсюда и только отсюда поворот в тактике Вильсона (как и Ллойда Джорджа). Но поворот этот отнюдь не на 180 градусов. Не отказ от вооружённой интервенции, не отзыв *всех* иностранных войск, а замена одних иностранных войск другими, изменение формы интервенции — замена неприкрытой формы прикрытой, о которой писал И. В. Сталин.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 574, примечание.

В момент выступления Вильсона 14 февраля 1919 г. новый план прикрытой интервенции при помощи чужих войск не был ещё полностью оформлен. Однако и Вильсон, и Ллойд Джордж исходили из него, когда предлагали отказаться от непосредственной посылки *своих* войск в Россию. Продолжение прений в Совете десяти состоялось на следующий день, 15 февраля 1919 г. Это был день окончательных похорон идеи конференции на Принцевых островах. Ни Вильсон, ни Ллойд Джордж на этом заседании не присутствовали. Центральными фигурами заседания явились Черчилль и Клемансо.

Заседание 15 февраля в части, касающейся «русского вопроса», началось по предложению Клемансо с доклада генерала Альби о военном положении на русских фронтах. Доклад генерала Альби не оставлял у слушавших его сомнений в том, что дела союзников в результате операций, длившихся к тому времени уже год, идут более чем плохо. В самом деле, к декабрю 1918 г. большевики наступают *на всех фронтах*, за исключением Эстонии. Правда, как сообщил Альби, генерал Айронсайд утверждает, что он является господином положения на Северном фронте, а генерал Маннергейм заявляет, что он *может* в любой момент взять Петроград, даже без всякой помощи, но было ясно, что всё это пустое бахвальство. «Господин положения» на Северном фронте вынужден отступить, а генерал, который «может взять Петроград», не берёт его по не зависящим от него причинам — русские рабочие и солдаты не пускают. Что касается анализа сравнительных качеств сражавшихся в России армий, то докладчик (Альби) явно запутался в выводах. У него выходило, что у большевиков и материальное снабжение хуже, и моральное состояние хуже, чем у союзников, и генеральный штаб неважный, и достаточного количества офицеров нет. Чем же побеждают советские войска, по мнению генерала Альби? Количеством? Однако цифры, которые приводит в своём докладе Альби, резко противоречат его же выводам. В самом деле, ни на одном из фронтов не было не только *подавляющего* количественного превосходства Красной Армии, но, наоборот, как, например, на Мурманском и Петроградско-Эстонском, имелось значительное количественное

превосходство союзников, а на Уральско-Сибирском фронте количественное соотношение сил было примерно равное.

Нет. Дело не в этом. Альби явно не свёл концы с концами, когда, с одной стороны, утверждал, что дисциплина в Красной Армии отсутствует, а, с другой — для того, чтобы объяснить победы Красной Армии, заявлял, что организация и дисциплина в ней, «несомненно, улучшились». Генерал Альби явно не отдавал себе отчёта в действительных причинах поражения союзников после года вооружённой интервенции в Советской России.

После Альби взял слово Черчилль, который заявил следующее: «Каждый присутствующий знает, какие мотивы привели конференцию принять политику Принцевых островов. С тех пор прошёл месяц, но не было принято никакого решения, которое дало бы какой-либо результат в отношении союзных войск. С другой стороны, как это показал доклад генерала Альби, в России в течение этого периода произошли весьма губительные события. Но если Принцевы острова не приводят ни к чему, чем скорее принять другое направление, тем лучше. В настоящий момент все военные действия парализованы отсутствием решения, и в этом огромная опасность, которая в качестве результата имеет постепенное таяние союзных и дружеских армий. Британское правительство считает, что процесс разложения идёт очень быстро и что существующие дружеские армии находятся в состоянии, близком к концу их сопротивления большевизму. Следовательно, необходимо одно из двух — или довести политику Принцевых островов до конца, или выбрать другой путь».

Имея эту цель перед глазами, он, Черчилль, средактировал проект радиосообщения, который он представляет для дискуссии. Эта телеграмма, он думает, должна дать желаемый результат и урегулировать дела в определённый промежуток времени. Этим результатом будет или осуществление дискуссии на Принцевых островах и прекращение борьбы в России, или пространство будет открыто для таких действий союзников, которые они могли бы предпринять. Черчилль предложил следующий текст проекта телеграммы:

«Предложение союзных держав о созыве конференции на Принцевых островах было опубликовано более месяца тому назад. Большевики ответили по радио 6-го числа текущего месяца, говоря, что они готовы идти навстречу желаниям союзных держав по вопросу об уплате долгов, о предоставлении концессий на разработку лесных и горных богатств.

Союзники отвергают предположение, что таковы были цели их интервенции в России. Основным желанием союзников является, чтобы в России был вновь восстановлен мир и организовано правительство, согласно воле широких масс русского народа.

...Существенно и необходимо только одно: чтобы сейчас же прекратились бои и впредь не возобновлялись. Большевистское правительство, на словах принимая приглашение явиться на Принцевы острова, на деле вместо того, чтобы соблюдать условия перемирия, начало наступление в разных направлениях и в настоящее время ведёт атаку на нескольких фронтах. Кроме того, большевики призвали несколько новых категорий солдат и усилили свои военные приготовления.

Поэтому необходимо точно фиксировать срок окончательного ответа на предложение о созыве конференции на Принцевых островах. Если в течение 10 дней, начиная с 15-го числа текущего месяца, большевистские армии на всех фронтах не прекратят наступления и не отступят не менее как на 5 миль от передовых позиций противника, то предложение, о котором идёт речь, будет считаться непринятым. Если же в течение указанных 10 дней будет получено по беспроволочному телеграфу сообщение от большевистского правительства о том, что *его войска в согласии с вышеуказанным прекратили наступление, артиллерийский огонь и отошли на требуемое расстояние от передовых позиций противника, и если это сообщение будет подтверждено донесениями с разных фронтов, то с таким же требованием союзники обратятся к войскам их противников*¹.

Только при этих условиях может состояться конференция на Принцевых островах».

¹ Курсив мой.— Б. Ш.

Черчилль продолжал: Одновременно с предлагаемым сообщением или чем-либо вроде этого сообщения он предлагает немедленное создание Союзного совета по русским делам. Этот Совет должен иметь политическую, экономическую и военную секции с исполнительной властью в тех пределах, которые будут установлены конференцией. На этом пути будут достигнуты непрерывность политики, единство целей и контроль. Он думает, что Совет должен приступить к работе до того, когда предложение о Принцевых островах примет то или иное направление: проектируемый Совет сможет использовать любую ситуацию, касающуюся Принцевых островов. Совет будет получать общие директивы от союзных правительств в свете того, что произойдет с Принцевыми островами, так что это не связано определённым сроком. Однако он придаёт особое значение тому, чтобы военная секция была сформирована и приступила к работе немедленно. Если большевики будут продолжать наступать и принуждать отступать союзные и дружественные войска, необходимо будет установить определённую военную политику и необходимо будет выяснить, какие действия будут возможны при помощи доступных ресурсов. *Военная секция предлагаемого Совета должна быть, таким образом, запрошена сейчас же, и ей должно быть предложено выработать план объединённых действий против большевиков.* Детали организации Совета могут быть выработаны позже в различных направлениях, но то, что является существенным, — это иметь организм, задачей которого является изучение обстановки и оценки сил, имеющихся в распоряжении союзников или *необходимых для ведения войны против большевиков*¹. Таким образом, если предложение о Принцевых островах не даст результатов, Верховный военный совет будет располагать определённой военной схемой вместе с оценкой положения и шансов на успешное осуществление предлагаемых планов.

В заключение он, Черчилль, хочет обратить серьёзное внимание конференции на следующие факты. Обстановка в России не терпит дальнейшей отсрочки. Существенным является принятие определённой политики. Альтернатива

¹ Курсив мой.— Б. Ш.

такая — либо подготовка плана военных действий в России, совместимых с существующими ресурсами, либо отозвание войск с учётом последствий предоставления России её судьбе. До войны Россия была противовесом Европы. Теперь баланс был поддержан большими британскими и американскими армиями... Он просит своих слушателей представить себе, каково положение будет через пять или десять лет. Народонаселение Германии вдвое больше, нежели во Франции. Количество ежегодных призывников в три раза больше. Если к тому же союзники предоставят Россию её судьбе, можно ли быть уверенным, что и Германия сделает то же самое? Можно ли быть уверенным, что Германия при помощи союза с большевиками или с другими партиями, в настоящее время дружественными союзникам, не приобретёт в ближайшем будущем решающего влияния в России? Только из России Германия может получить те ресурсы, которых она лишилась вследствие своего поражения на Западном фронте и потери своих колоний. Если Россия попадёт в её лапы, Германия сделается сильнее, чем когда-либо. По его мнению, *Россия является ключом общего положения, и, если она не сделается жизненной частью Европы, если она не будет неизменной частью Лиги наций и другом союзников, они не будут иметь ни мира, ни победы*¹.

Дальше мы подробно проанализируем тактику Черчилля, выявившуюся в этом выступлении. Теперь же остановимся только на одной части его выступления, касающейся Германии и будущего России. Черчилль рисует своим слушателям «страшную» картину, пугая их тем, что Германия в ближайшее время «приобретёт решающее влияние» в России. Известно, что эту же опасную для империалистов Англии перспективу «союза Германии и России» рисовал Ллойд Джордж в известном «Документе из Фонтенебло».

В этом вопросе у них, таким образом, было единство взглядов. Что же предлагает сделать Черчилль для того, чтобы предотвратить нарисованную им невыгодную монополистам Великобритании перспективу? Рецепт таков:

¹ Курсив мой.— Б. Ш.

Россия должна сделаться «жизненной частью Европы» и... «другом союзников». «Жизненная часть Европы» в устах Черчилля означает: буржуазная Россия—колония англо-французской Европы. Именно для этого и нужна вооружённая интервенция, в результате которой Россия сделается «другом союзников» — Англии, Франции, США, а её «ресурсы», её богатства будут попадать в руки англо-франко-американских монополистов. Вот в чём подлинный империалистический смысл черчиллевского «рецепта». Однако этот империалистический лекарь не сообщил на данном заседании свой «рецепт» полностью. Он не сказал, что, осуществляя попытку вооружённым путём превратить Россию в «друга союзников» и запугивая Совет десяти «германской опасностью», англо-американский империализм в то же время подготовлял и отчасти уже осуществлял программу использования Германии против Советской республики.

Слова Черчилля: «Россия является ключом общего положения», и если Россия не сделается «жизненной частью» (т. е. колонией) англо-франко-американской Европы и другом (т. е. сателлитом) союзников, то они (т. е. Англия, Франция, США) «не будут иметь ни мира, ни победы», очень показательны. Черчилль мыслит как империалист. И с империалистической точки зрения «мир и победа» — это возможность беспрепятственной эксплуатации побеждённых или подчинённых невоенными методами стран. Именно для того, чтобы получить «мир и победу» по Черчиллю, он стремился превратить Россию в колонию англо-франко-американских монополистов.

Черчилль был рядом с истиной, когда заявлял, что «Россия является ключом общего положения», но ненависть к этой России, уость империалистического мышления не позволили ему понять глубочайший смысл этих слов и сделать из них правильные практические выводы для Англии. Социалистическая страна действительно являлась и является «ключом общего положения», но не в черчиллевском империалистическом смысле, а в смысле прогрессивного развития человечества.

После выступления Черчилля Лансинг сказал, что, с некоторыми изменениями, послание может быть отправлено, но что касается всего относящегося к установлению

определённой политики или созданию Совета по русским делам, он считает, что надо проконсультироваться¹.

Черчилль сказал, что он считает существенным, чтобы военная секция была немедленно сконструирована.

Клемансо предложил поручить военным экспертам изучить обстановку.

Соннино подчеркнул, что решить нужно два вопроса: военный вопрос и вопрос о переговорах. Военный вопрос является самым срочным, его отсрочка может быть весьма опасной. По его мнению, вопрос не в том, что произойдёт через пять или десять лет. События могут иметь непосредственную реакцию в союзных странах.

Клемансо предложил решить немедленно военный вопрос как наиболее срочный. Клемансо был твёрдо убеждён в провале конференции на Принцевых островах, чему он сам немало способствовал. Не должно больше делаться ссылок на Принцевы острова. Он, Клемансо, не возражает в общем против предложенной Черчиллем редакции послания. Он вполне согласен со всем тем, что сказал Черчилль, и придаёт огромное значение тому, чтобы был создан предлагаемый Совет по русским делам. Клемансо не склоняется к политике предоставления России её собственной судьбе и является сторонником политики окружения — политики создания барьера вокруг России².

«В результате такой политики русские сами будут просить союзников о вмешательстве...»

Хауз подчеркнул, что в Англии и Америке «русский вопрос» создал весьма серьёзную обстановку и предложение о Принцевых островах произвело хорошее впечатление во враждебных правительству кругах. Нужно решить, как лучше добиться провала намерений большевиков. Если не действовать тактично, все народы на восток от Рейна могут подняться против Англии, США и Франции. Везде говорят, что Англия и Америка используют Францию как орудие с целью достижения англо-саксонской гегемонии во всём мире.

¹ Лансинг, повидимому, имел в виду консультацию с Вильсоном, который 14 февраля, после утреннего заседания Совета десяти, уехал в США.— Б. Ш.

² Курсив мой.— Б. Ш.

Клемансо заметил, что он никогда не был оптимистом относительно результатов дискуссии на Принцевых островах, *но понимал, что известные выгоды могут получиться в результате декларации союзников о попытке обеспечить мир в России.* Он считал поэтому, что большевикам должно быть послано такое сообщение, которое *заставит их или прекратить враждебные действия, или отказаться от переговоров.* Подобное послание поставит их в затруднительное положение и в то же время *поставит союзников в лучшее положение перед общественным мнением.*

Соннино согласился с тем, что союзники должны отказаться от политики Принцевых островов. Он всегда был против этой политики и высказывал мнение, что большевики примут приглашение союзников, так как оно даст большевикам возможность повысить их престиж. Его предсказание оказалось верным, и теперь союзники имеют все основания, чтобы отказаться от этого проекта. Дело должно быть закончено. Принцевы острова провалились. Однако предложение о Принцевых островах *показало всему миру дружеские намерения союзников заключить мир с Россией.*

Черчилль сказал: При всех обстоятельствах, до тех пор пока военные эксперты не сделают доклада, не следует резко рвать с предложением Принцевых островов, не имея альтернативного плана.

Соннино спросил: Что будет, если большевики согласятся на условия черчиллевского послания, согласятся прекратить боевые действия и прибыть на Принцевы острова? Результатом будет ещё большая дезорганизация союзных сил в России. Он решительно возражает против второго послания.

Бальфур хотел бы спросить военных экспертов о следующем: *союзные силы воздерживались ли от враждебных действий? Или, если задать этот вопрос в другой форме: имели ли военные действия союзников только оборонительный характер?*¹

Было решено отложить до 17 февраля дальнейшее обсуждение двух вопросов, относящихся к положению в России: обсуждение текста радиосообщения, предложенного

¹ Курсив везде мой.— Б. Ш.

Черчиллем, и вопрос о создании Союзного совета по русским делам¹.

Мы привели с такой полнотой выдержки из протокола заседания Совета десяти от 15 февраля 1919 г. потому, что каждая строчка этого протокола является поучительной для истории обсуждения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции и позиции главных действующих лиц.

О чём свидетельствует этот протокол? Центральными фигурами заседания были Черчилль и Клемансо. Нет никаких сомнений, что Черчилль столкнулся предварительно с Клемансо относительно общей тактики, ибо они были полными единомышленниками в вопросе об отношении к России: они были вдохновителями политики неприкрытой вооружённой интервенции.

Клемансо согласился на идею Принцевых островов только под давлением других, будучи открыто против какого бы то ни было контакта с Советской Россией и за продолжение неприкрытой вооружённой интервенции. Когда неудача этой идеи стала ясна (причём за эту неудачу в значительной мере отвечал он, поскольку французское правительство «посоветовало» белым правительствам не принимать приглашения на Принцевы острова), Клемансо ещё раз открыто заявил, что единственно правильная политика по отношению к России — это вооружённая интервенция и окружение. Клемансо — этот, по выражению В. И. Ленина, один из «...самых худших из хищников, зверей империализма...»², последователен и откровенен. Он соглашается на новое послание, предложенное Черчиллем, так как это послание должно было вбить последний гвоздь в гроб проекта конференции на Принцевых островах.

Иным было поведение на этом заседании Черчилля. Предлагая текст послания, Черчилль не выставлял себя противником Принцевых островов, каким он в действительности был, наоборот, Черчилль делает вид, будто он согласен с теми, кто считает необходимым принять меры к тому, чтобы попытаться довести дело о конференции на

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 10, 21.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 617.

Принцевых островах до успешного конца и только в случае неудачи — по не зависящим от союзников причинам — принять иной план: дескать, нужно сперва выяснить обстановку, а потом решить, возможна ли конференция на Принцевых островах или нет.

Людам, не посвящённым в закулисную сторону дела, могло показаться, что Черчилль хочет выяснить обстановку, сам ничего не предпринимает и выступает против того, чтобы отказаться от Принцевых островов до момента, когда окончательно не будет (при помощи написанного им послания) выяснено, что проектируемая конференция лопнула не по вине союзников. Именно такое впечатление о своей позиции и хотел создать Черчилль, на деле стремившийся сорвать конференцию и развернуть интервенцию в России в больших масштабах.

Советское правительство приняло приглашение на конференцию; белые «правительства» это приглашение отвергли. Казалось бы, положение ясное: проектируемая мирная конференция на Принцевых островах не может состояться по вине белых правительств. Всему миру известно, что за спиной белых «правительств» стоят союзники. Получается, что сателлиты союзников срывают приглашение, посланное союзниками. Разве кто-либо в мире поверит, что Колчак, Деникин, Чайковский и другие главари белогвардейщины, целиком зависящие от союзников, находящиеся на их полном иждивении, осмелились бы отклонить предложение, если бы союзники действительно искренне желали его осуществления?

Вот почему зафиксировать провал Принцевых островов *ввиду отказа белых правительств и при наличии согласия советского правительства было для Черчилля и других политически недопустимо*. Это означало бы саморазоблачение союзников и одновременно поднятие престижа советского правительства. Черчилль, Клемансо и другие стремились найти способ возложить вину за срыв конференции на Принцевых островах на советское правительство. Именно этого хотел достичь Черчилль, предлагая направить второе послание в его редакции. С этой целью Черчилль прибег к методу, который хорошо известен определённой категории карточных игроков.

В послании 22 января 1919 г. всем политическим группам России, «которые ныне осуществляют или пытаются осуществлять политическую власть или военный контроль», предлагалось послать представителей на Принцёвы острова «при том, однако, условии, что на это время будет перемирие между приглашёнными сторонами... и наступательные военные действия [будут.— *Ред.*] прекращены»¹. *Это условие было предложено всем приглашённым.* Никому из приглашённых не предписывалось ни первому прекратить военные действия, ни первому предложить своим противникам перемирие.

Что же предложил Черчилль на заседании 15 февраля? В своём проекте второго послания он пишет: «Большевистское правительство, на словах принимая приглашение явиться на Принцёвы острова, на деле вместо того, чтобы соблюдать условия перемирия (какого? кто его заключал? кто из сторон его предлагал?— *Б. Ш.*), начало наступление в разных направлениях и в настоящее время ведёт атаку на нескольких фронтах»².

Черчилль, таким образом, приписывает вину советскому правительству, и именно *советскому* правительству.

Вслед за Черчиллем и Соннино и Бальфур и другие повторяют, что советское правительство не выполнило основного условия созыва конференции — не прекратило военных действий. Между тем, как известно, другие сражавшиеся в России войска, в том числе союзные войска, со своей стороны и не думали прекращать военные действия. Об этом участники заседания 15 февраля умолчали. И только в конце заседания Бальфур задаёт неуместный, с точки зрения Черчилля, вопрос о том, была ли тактика союзных войск в этот период исключительно оборонительной. Черчилль уклонился от ответа по существу на вопрос Бальфура, отделавшись повторением того, что большевики наступают. Вопрос, заданный Бальфуром, можно было бы уточнить и спросить: когда советское правительство телеграммой от 4 февраля приняло предложение о Принцевых островах, поступило ли к командованию Красной Армии предложение от союзного

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 223.

² У. Черчилль, *Мировой кризис*, стр. 111.

командования о заключении перемирия? Такого предложения не было.

Подобным образом Черчилль, Клемансо и другие «установили вину» большевиков. В проекте второго послания Черчилль предлагает *советскому* и только советскому правительству: «прекратите в течение 10 дней наступление, отступите на 5 км от передовых позиций войск интервентов и белогвардейцев». Если *вы* это делаете и это будет «подтверждено донесениями с разных фронтов, то с таким же требованием союзники обратятся к войскам их противников».

Краплёные карты и шулерские приёмы Черчилля видны, как на ладони.

В выступлении на заседании 15 февраля Черчилль не комментировал скрытого смысла своего послания, а в книге «Мировой кризис» он не удержался, чтобы не рассказать об этом.

15 февраля Черчилль предложил одновременно с посылкой обращения по радио создать союзный «Совет по русским делам». Совет должен был стать штабом союзников, первой задачей которого должна была явиться разработка плана дальнейшего расширения вооружённой интервенции в России. Создание «Совета по русским делам» было главным, основным предложением Черчилля. Радиосообщение должно было камуфлировать создание центрального англо-американо-французского штаба интервенции. Редакция радиопослания *была явно провокационной, рассчитанной на отклонение её советским правительством.*

Вот что позже писал по этому поводу сам Черчилль:

«Заранее предвидя возможность отказа со стороны советского правительства¹ принять условия союзников и возможность продолжения с его стороны враждебных действий, предложено (Черчиллем. — Б. Ш.) создать соответствующий орган для обсуждения вопроса о возможности соединённых военных действий держав союзной коалиции, независимых лимитрофных государств и дружественных союзникам правительств России...»²

¹ Курсив мой.— Б. Ш.

² У. Черчилль, Мировой кризис, стр. 111.

Таким образом, сам Черчилль подтверждает подлинный провокационный, империалистический смысл своего предложения от 15 февраля. Но в 1919 г. он старался представить эти интервенционистские планы в невинной форме. Внеся своё провокационное и явно (по его собственным словам) рассчитанное на провал предложение об условиях перемирия, Черчилль пытался сделать вид, будто судьба Принцевых островов ещё не решена, что, может быть, после этого второго послания конференция ещё состоится. И здесь он прибег к подлогу. Второе послание, по словам Черчилля, предназначено для того, чтобы выяснить судьбу конференции на Принцевых островах. Между тем, на заседании 15 февраля Черчилль говорил: «Совершенно не существенно, будет ли созвана какая-нибудь конференция и будут ли заседать представители различных воюющих друг с другом русских армий за одним общим столом. Существенно и необходимо только одно: чтобы сейчас же прекратились бои и впредь не возобновлялись»¹.

Таким образом, даже положительный ответ советского правительства (на который Черчилль не рассчитывал, которого не ждал и не желал) не способствовал бы созыву конференции на Принцевых островах, так как Черчилль и его единомышленники твёрдо решили не допустить мирного разрешения «русского вопроса». Но Черчилль продолжал разыгрывать свою фальшивую карту. На случай, говорит Черчилль (только на случай!), если конференция провалится, необходимо заранее иметь определённую политику, которой можно было бы заменить неудавшуюся (если это будет доказано) политику Принцевых островов. Таким образом, это — дополнительный аргумент в пользу выработки какого-либо иного плана действий. Какого? Черчилль не предрешает, что этим планом будет обязательно военная интервенция. Боже сохрани! Может быть, проектируемый «Совет по русским делам», или, вернее, его военная секция, на немедленном создании которой настаивал Черчилль, решит, что Россию нужно предоставить своей судьбе или, как образно выразился Черчилль, дать ей вариться в собственном соку. Однако

¹ У. Черчилль, *Мировой кризис*, стр. 110—111.

он на этом не останавливается. Он набрасывает перед участниками конференции крупными мазками мрачную картину положения Европы в том случае, если союзники предоставят Россию самой себе. Он рисует перед ними перспективу союза или соглашения России с Германией и угрозю, которую представит собой этот союз для Западной Европы.

Нарисовав перед участниками конференции картину, полную угрозы, он использовал её для доказательства своего тезиса о необходимости неприкрытой вооружённой интервенции.

Заявляя, что «Совет по русским делам» свободен в выборе альтернативного решения (военная интервенция или отзыв войск и предоставление России её собственной судьбе), Черчилль тут же приводил аргументы в пользу вооружённой интервенции. Он таким образом нарисовал картину, так построил свою речь, что напрашивался один вывод — необходимо организовать интервенцию в больших масштабах.

Для заседания 15 февраля характерным является ещё одно обстоятельство: на этом заседании явно обнаружился подлинный политический смысл вильсоновской резолюции 22 января 1919 г. Бальфур и Соннино признали положительную сторону предложения 22 января и возможного повторения сообщения, которое предлагал Черчилль 15 февраля, и видели эту положительную сторону в том, что такая тактика союзников создаёт впечатление об их пацифизме и тем самым улучшает их позицию в глазах мирового общественного мнения. Бальфур и Соннино невольно признали, что послание 22 января преследовало цель не прекращения интервенции и гражданской войны в России, не помощь русскому народу, а обман народных масс Запада, скрытие от них интервенционистских планов Англии, США, Франции.

На заседании 15 февраля было решено, что дальнейшее обсуждение вопроса состоится 17 февраля. В протоколе заседания 17 февраля, в пункте, касающемся политики союзников по отношению к России, имеется лишь такая краткая запись: «Дискуссия по вопросу о политике, применяемой по отношению к России, продолжалась, и после обмена мнениями было решено отложить

возобновление дискуссии на более позднюю дату на этой же неделе»¹. Самый протокол заседания Совета десяти от 17 февраля в его обычной форме, т. е. с изложением дискуссии, в американском издании *отсутствует*. Больше в опубликованных (до конца 1948 г.) протоколах Совета десяти мы не нашли записей по вопросу об общей политике союзников по отношению к России.

Что же произошло с вопросом о «русской политике»? Для этого нам нужно обратиться к другим источникам.

Ллойд Джордж, получив сообщение о заседании 15 февраля, послал телеграммы своему личному секретарю Керру, остававшемуся в Париже и бывшему его личным представителем, и Черчиллю. В телеграмме на имя Керра от 16 февраля Ллойд Джордж выражает согласие с текстом предложенного Черчиллем проекта нового обращения к советскому правительству. Далее он пишет: «Что касается того плана, который предложен им в качестве альтернативы², то я надеюсь, что Черчилль не вовлечёт нас ни в какие дорогостоящие операции, которые повлекли бы за собой большие затраты людьми или деньгами. Текст каблогаммы, которую он мне прислал, даёт известное основание для этого»³.

В телеграмме Ллойд Джорджа Черчиллю имеются такие высказывания:

«...Военное министерство само сообщило имперскому кабинету, что интервенция бросит антибольшевистские партии в России в объятия большевиков... Если Россия действительно настроена враждебно к большевикам, то снабжение боеприпасами даст ей возможность освободиться. Если же Россия стоит за большевиков, то мы не только не имеем права вмешиваться в её внутренние дела, но это было бы даже пагубно, потому что усилило бы большевистские настроения и консолидировало бы силы сторонников большевизма... Дорогостоящая наступательная война против России — это способ усилить большевизм в России и создать его у нас. Мы не можем взять на себя такое бремя. Чемберлен сообщил мне, что мы с

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 28.

² Ллойд Джордж имеет в виду проект создания Союзного совета по русским делам и его военной секции.— Б. Ш.

³ У. Черчилль, Мировой кризис, стр. 112.

трудом сведём бюджет даже при нынешнем чудовищном налоговом обложении. Если мы ввяжемся в войну с целым континентом, каким является Россия, то мы пойдём по прямому пути к банкротству и к большевизму на наших же островах...

Я прошу Вас также помнить о *весьма серьёзном положении рабочего вопроса в нашей стране. Если бы стало известно, что Вы поехали в Париж для подготовки плана войны против большевиков, это вызвало бы среди организованных рабочих волнение, которое трудно даже себе представить, и, что ещё хуже, это бросит в объятия экстремистов очень многих благоразумных людей, которые сейчас ещё ненавидят их методы*¹.

Посылка английских войск в Россию — «дорогостоящая операция», пишет Ллойд Джордж Черчиллю, а вот снабжение оружием и боеприпасами вооружённых сил ряда малых государств, которые будут брошены против Советской России, это куда дешевле обойдётся британскому казначейству. Следует учитывать международную и внутреннюю обстановку в стране и не действовать столь грубо, открыто, как это делает Черчилль,— таков основной смысл писаний Ллойд Джорджа.

Ллойд Джордж поручил Керру показать его телеграмму полковнику Хаузу как доверенному лицу президента Вильсона. Керр выполнил это поручение, о чём сообщил Ллойд Джорджу 17 февраля. Из текста телеграммы видно, что она писалась до заседания Совета десяти, о котором мы упоминали выше. Таким образом, взгляды Ллойд Джорджа были известны до заседания как Бальфуру, так и Хаузу. Только постскрипту в телеграмме написан Керром после заседания и даёт представление, не отражённое в опубликованном протоколе заседания 17 февраля, о том, что там произошло.

Керр сообщал Ллойд Джорджу: «В соответствии с вашими инструкциями, я показал копии ваших телеграмм полковнику Хаузу. Полковник Хауз сказал мне, что вполне согласен с вашими взглядами, за исключением того лишь, что он возражает даже против назначения упомянутой вами комиссии: это, несомненно, будет

¹ *Lloyd George, op. cit., p. 371—372. Курсив мой.— Б. Ш.*

возвещено французами, как показатель начала войны с большевиками, и, в свою очередь, может вызвать серьёзное возбуждение в рабочем классе Англии и Америки, которое заставит английское и американское правительства немедленно обнародовать свою программу по русскому вопросу...

Р. С. Я только что узнал, что конференция высказалась против создания междусоюзнической комиссии по изучению русского вопроса, но воздержится от посылки ответа большевикам до того, как военные советники представят свой доклад»¹.

Характерно, что Хауз, как и Ллойд Джордж, выразил страх перед рабочим классом, который не только осуждал, но и противодействовал империалистической политике вооружённой интервенции правительств США и Англии в Советскую Россию. Этот страх был не только непосредственной реакцией, но и вызвал дополнительное опасение перед необходимостью опубликовать программу по «русскому вопросу». Такая необходимость опубликования программы грозила правительствам Вильсона и Ллойд Джорджа большими неприятностями. Хауз понимал, что на этот раз отделаться демагогическим документом вроде «14 пунктов» Вильсона не удастся. Известно, что в пункте 6 Вильсон писал, что разрешение всех вопросов, касающихся России, должно осуществляться «в духе сотрудничества с нею с предоставлением ей возможности свободного определения своей политической судьбы». Этот пункт заканчивался лицемерным абзацем о том, что «отношение к России со стороны братских народов в ближайшие месяцы должно быть пробным камнем их доброй воли и их понимания её особых нужд, а также их вдумчивого и бескорыстного сочувствия к ней».

Этот «пробный камень» «бескорыстного сочувствия» сказался именно «в ближайшие месяцы», когда с участием американских войск (главнокомандующим которых согласно конституции США был... президент Вильсон) началась вооружённая интервенция против Советской России. Вот почему полковник Хауз понимал, что на этот раз отделаться повторением ханжеского пункта 6

¹ *Lloyd George*, op. cit., p. 373—374. Курсив мой.— Б. Ш.

нельзя будет. А что сказать вместо него? Если такую программу придётся опубликовать в результате «серьёзного возбуждения в рабочем классе Англии и Америки», то, очевидно, придётся успокаивать это возбуждение, а следовательно, строить свою программу на открытом отказе от продолжения военной интервенции в Советской России и заявить об отзыве всех войск союзников. А именно этого не хотели сказать ни Ллойд Джордж, ни Вильсон, так как они не хотели упускать из своих рук карту военной интервенции, которая позволяла им оказывать давление на Россию, в которой они стремились уничтожить советский строй, реставрировать капитализм и установить колониальный режим.

Теперь посмотрим, как реагировали американцы на предложение Черчилля, сделанное им 15 февраля. Из протокола заседания 15 февраля видно, что как государственный секретарь Лансинг, так и полковник Хауз просили Совет десяти дать им возможность проконсультироваться. Речь шла, конечно, в первую очередь о возможности снестись с президентом Вильсоном, который в это время находился на борту корабля «Джордж Вашингтон» на пути в США. Между американской делегацией, которую в отсутствие Вильсона возглавлял Лансинг, и президентом произошёл обмен телеграммами.

Этому обмену предшествовало заседание делегации 17 февраля (до заседания Совета десяти), а затем и самое заседание Совета. Перед нами опубликованный в 1945 г. протокол заседания американской делегации от 17 февраля. Присутствовали члены делегации Лансинг, полковник Хауз, Уайт, генерал Блисс и Гертер. Полковник Хауз поставил на обсуждение делегации вопрос о том, какой позиции должны держаться американские делегаты на заседании Совета десяти, которое состоится в этот же день после обеда. Проект инструкции делегатам, подготовленный сотрудником делегации Аукинклоссом, был обсуждён пункт за пунктом. Члены делегации согласились с тем, что в любом послании, которое будет принято, должно быть установлено, что переговоры с Россией не прерваны.

Лансинг заметил, что необходимо так сформулировать соответствующий пункт, чтобы было ясно, что второе

возвещено французами, как показатель начала войны с большевиками, и, в свою очередь, может вызвать серьёзное возмущение в рабочем классе Англии и Америки, которое заставит английское и американское правительства немедленно обнародовать свою программу по русскому вопросу...

Р. С. Я только что узнал, что конференция высказалась против создания междусоюзнической комиссии по изучению русского вопроса, но воздержится от посылки ответа большевикам до того, как военные советники представят свой доклад»¹.

Характерно, что Хауз, как и Ллойд Джордж, выразил страх перед рабочим классом, который не только осуждал, но и противодействовал империалистической политике вооружённой интервенции правительств США и Англии в Советскую Россию. Этот страх был не только непосредственной реакцией, но и вызвал дополнительное опасение перед необходимостью опубликовать программу по «русскому вопросу». Такая необходимость опубликования программы грозила правительствам Вильсона и Ллойд Джорджа большими неприятностями. Хауз понимал, что на этот раз отделаться демагогическим документом вроде «14 пунктов» Вильсона не удастся. Известно, что в пункте 6 Вильсон писал, что разрешение всех вопросов, касающихся России, должно осуществляться «в духе сотрудничества с нею с предоставлением ей возможности свободного определения своей политической судьбы». Этот пункт заканчивался лицемерным абзацем о том, что «отношение к России со стороны братских народов в ближайшие месяцы должно быть пробным камнем их доброй воли и их понимания её особых нужд, а также их вдумчивого и бескорыстного сочувствия к ней».

Этот «пробный камень» «бескорыстного сочувствия» сказался именно «в ближайшие месяцы», когда с участием американских войск (главнокомандующим которых согласно конституции США был... президент Вильсон) началась вооружённая интервенция против Советской России. Вот почему полковник Хауз понимал, что на этот раз отделаться повторением ханжеского пункта 6

¹ *Lloyd George*, op. cit., p. 373—374. Курсив мой.— Б. Ш.

нельзя будет. А что сказать вместо него? Если такую программу придётся опубликовать в результате «серьёзного возбуждения в рабочем классе Англии и Америки», то, очевидно, придётся успокаивать это возбуждение, а следовательно, строить свою программу на открытом отказе от продолжения военной интервенции в Советской России и заявить об отзыве всех войск союзников. А именно этого не хотели сказать ни Ллойд Джордж, ни Вильсон, так как они не хотели упускать из своих рук карту военной интервенции, которая позволяла им оказывать давление на Россию, в которой они стремились уничтожить советский строй, реставрировать капитализм и установить колониальный режим.

Теперь посмотрим, как реагировали американцы на предложение Черчилля, сделанное им 15 февраля. Из протокола заседания 15 февраля видно, что как государственный секретарь Лансинг, так и полковник Хауз просили Совет десяти дать им возможность проконсультироваться. Речь шла, конечно, в первую очередь о возможности снестись с президентом Вильсоном, который в это время находился на борту корабля «Джордж Вашингтон» на пути в США. Между американской делегацией, которую в отсутствие Вильсона возглавлял Лансинг, и президентом произошёл обмен телеграммами.

Этому обмену предшествовало заседание делегации 17 февраля (до заседания Совета десяти), а затем и самое заседание Совета. Перед нами опубликованный в 1945 г. протокол заседания американской делегации от 17 февраля. Присутствовали члены делегации Лансинг, полковник Хауз, Уайт, генерал Блисс и Гертер. Полковник Хауз поставил на обсуждение делегации вопрос о том, какой позиции должны держаться американские делегаты на заседании Совета десяти, которое состоится в этот же день после обеда. Проект инструкции делегатам, подготовленный сотрудником делегации Аукинклоссом, был обсуждён пункт за пунктом. Члены делегации согласились с тем, что в любом послании, которое будет принято, должно быть установлено, что переговоры с Россией не прерваны.

Лансинг заметил, что необходимо так сформулировать соответствующий пункт, чтобы было ясно, что второе

послание сделалось необходимым благодаря неправильному толкованию большевиками первого предложения союзников. Полковник Хауз заметил, что необходимо подчеркнуть в сообщении, что союзники готовы вести переговоры при условии, что будет принято предложение о прекращении военных действий до начала дискуссии. Аукинклоссу было поручено переработать первоначальный проект с учётом сделанных замечаний. Затем американская делегация перешла к обсуждению второй, главной части предложения Черчилля о создании союзного «Совета по русским делам» и поручении ему подготовить план действий в отношении России. По этому пункту выступил член делегации генерал Блисс, который сказал, что американская делегация должна быть полностью подготовлена на случай, если встанет вопрос о применении оружия в России. Генерал Блисс представил на обсуждение делегации проект декларации, в котором были высказаны в частности следующие мысли:

«Одной из причин американского нежелания участвовать в активных действиях, касающихся положения в России, является невозможность сосредоточить особое внимание на России...

Если бы могли сейчас добиться окончательного и определённого мира; если бы могли сказать Германии, Польше, Чехословакии и другим государствам: «вот ваши определённые границы, оставайтесь в них, не нападайте на ваших соседей и не пытайтесь захватывать силой их территории», если бы могли выполнить это, тем самым давши этой части Европы первую стадию организованного мира, такого мира, о котором мы молимся, тогда условия в России предстали бы перед нами в ясном и бросающемся в глаза контрасте по сравнению с общим миром. Тогда и только тогда народ Соединённых Штатов мог бы прийти к выводу, что мир в России является единственным обстоятельством, необходимым для обеспечения всеобщего мира, и что существующие в ней условия являются единственным обстоятельством, угрожающим миру всего мира. Возможно, что тогда Соединённые Штаты согласились бы принять участие в умиротворении России»¹.

¹ Foreign Relations of the USA, v. XI, p. 42—49.

Члены делегации единодушно одобрили декларацию генерала Блисса и решили, что эта декларация должна быть оглашена в самом начале заседания Совета десяти.

Смысл пространной декларации Блисса заключался не в противодействии вооружённой интервенции, а в последовательности действий: «навести порядок» в Западной Европе, принять участие в «умиротворении» России. Укрепление тыла, т. е. установление американского «порядка» в Европе, даст возможность развернуть в более широких масштабах интервенцию в России и оправдать её тем, будто Советская Россия «угрожает миру».

Аргументация генерала Блисса, его тезис заключались в том, что Европа не имеет мира после войны; границы не определены, мирные договоры не подписаны, нападение на чужие земли и насильственный захват власти продолжают. Блисса явно не так беспокоил насильственный захват территории, сколько «насильственный захват власти», т. е. революция в странах Западной Европы. Как же можно в такой обстановке сосредоточить внимание на одной России, говорил Блисс, и только ею заниматься, да к тому же не просто заниматься, а вести большую войну? Генерал Блисс не против вооружённой интервенции, не против участия Соединённых Штатов в дальнейшем «умиротворении», как он называет интервенцию в России, но, говорит Блисс, надо обеспечить западноевропейский тыл, чтобы с тем большим успехом осуществить план большой интервенции в Советской России.

Вильсон (как и Ллойд Джордж) подготовлял в этот момент переход к прикрытой, более дешёвой и менее опасной для правящих классов США и Англии интервенции в России при помощи не своих, а чужих войск (малые государства).

Вышеприведённый протокол заседания Совета от 17 февраля ограничивается краткой фразой об отсрочке дальнейшего обсуждения. Эта фраза скрывает дискуссию, имевшую место на заседании, и скрывает сознательно. Как сообщал в своей телеграмме на имя президента Вильсона Лансинг, участники Совета приняли решение о «секретности данной стадии обсуждения «русского вопроса». Вот почему протокол Совета ограничивается одной короткой фразой. С другой стороны, мы приводили

выше постскрипту в письме Керра на имя Ллойд Джорджа от 17 февраля (постскрипту написан после заседания 17 февраля). Керр, который сам не присутствовал на заседании Совета десяти, пишет с чьих-то слов. Нужно думать, что он не стал бы посылать Ллойд Джорджу непроверенную и неточную информацию о решении Совета. Черчилль в цитированной книге ограничивается констатацией своего неуспеха в следующих общих выражениях: «Но достигнуть какого-либо соглашения между державами оказалось невозможным... оба проекта — и предложение приехать для переговоров на Принцесвы острова, и совместное обсуждение военных и дипломатических возможностей¹ — кончились ничем»².

Обратимся к переписке, имевшей место между Лансингом и президентом Вильсоном в промежуток между 17 и 20 февраля 1919 г.

Первая телеграмма Лансинга, сообщавшая президенту о предложении Черчилля, была отправлена 17 февраля *после* заседания Совета, состоявшегося того же 17 февраля в 3 часа дня. В этой телеграмме Лансинг сообщает: «Дискуссия по русскому вопросу продолжалась сегодня после обеда на заседании на Кэ д'Орсэ. Уинстон Черчилль внёс резолюцию, приглашающую военных представителей Верховного военного совета в Версале, к которым могут быть присоединены для участия представители морских генеральных штабов союзных и ассоциированных держав, изучить и доложить в кратчайший срок о практической возможности объединённой военной акции держав с тем, чтобы помочь русским армиям, которые были призваны этими державами в течение войны с Германией, самим держаться против большевистского нажима, а также о мерах предосторожности, которые могут быть необходимы или возможны для безопасности Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии. Американские представители воспротивились принятию этой резолюции, и после значительной дискуссии было, в частности, принято ввести секретность в эту стадию дискуссии,

¹ То-есть проект Черчилля о создании Совета по русским делам. — Б, Ш.

² У. Черчилль, Мировой кризис, стр. 112, 113, Курсив мой. — Б, Ш.

чтобы каждая делегация могла консультировать своих военных представителей в Версале¹ по вопросам, поставленным в резолюции Черчилля, чтобы военные представители могли обсудить эти вопросы между собой дискретно и чтобы они могли доложить своим соответствующим делегациям в кратчайший срок. После этого весь вопрос снова будет подвергнут дискуссии с целью определить политику...»²

Таким образом, сообщение Лансинга о результатах заседания Совета десяти 17 февраля в основном совпадает с сообщением Керра. Было решено поручить военным экспертам (да притом в секретном порядке) изучить положение вещей в России именно с точки зрения тех интервенционистских задач, которые были намечены Черчиллем. Черчилль добился успеха не в открытой, а в скрытой форме. Совет десяти воздержался от какого-либо напоминания о Принцевых островах. И это воздержание отнюдь не шло вразрез с общими планами Черчилля об организации вооружённой интервенции в России в больших масштабах.

С борта корабля «Джордж Вашингтон» 19 февраля была отправлена ответная телеграмма Лансингу, в которой Вильсон, по своему обычаю, лицемерит. Он вовсе и не думал отказываться от «дальнейшего вмешательства в русский хаос». Речь шла лишь о перемене метода этого вмешательства, о замене вооружённой интервенции при помощи собственных войск интервенцией при помощи чужих войск.

На заседании американской делегации от 18 февраля Лансинг доложил о результатах заседания Совета десяти 17 февраля. По его словам, заседание 17 февраля «по русскому вопросу» не очень продвинуло этот вопрос. Генерал Блисс заметил, что он хотел бы собрать военных руководителей некоторых других держав сегодня на совещание по этому вопросу. Он хотел бы прочесть им меморандум, который он приготовил вчера (цитированный выше), и объяснить им своё мнение с военной точки зрения³.

¹ Верховный военный совет.— Б. III.

² В отношении России.— Б. III. Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 68—69.

³ Foreign Relations of the USA, v. XI, p. 49.

Этот отчёт о заседании американской делегации подтверждает тот факт, что военные эксперты Верховного военного совета должны были сейчас же после заседания Совета десяти 17 февраля приступить за работу в направлении изыскания военных методов и средств, которые должны были быть применены по отношению к России.

В дальнейших протоколах заседаний американской делегации мы не встречаем никаких сообщений, которые в какой-либо мере освещали вопрос о работе этих военных экспертов и о тех результатах, к которым они пришли. Это обстоятельство, повидимому, объясняется тем решением о секретности обсуждений вопроса на данной стадии, о котором сообщал Лансинг в своей первой телеграмме на имя президента Вильсона. Что такая работа военных экспертов происходила, сомнений нет. Об этой работе свидетельствует ряд показаний.

Так, прежде всего следует иметь в виду сообщение Ллойд Джорджа о плане широкой военной интервенции, который был выдвинут маршалом Фошем. Ллойд Джордж сообщает, что «на заседании Совета четырёх, во время моего отсутствия в Париже, маршал Фош выдвинул план широкого наступления на Советскую Россию — финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, чехов, т. е. всех народов, которые живут на окраинах России, под общим военным руководством союзников. Польша должна была быть основной базой этих сил. Фош в настоящее время делал всё возможное, чтобы задержать армию Галлера во Франции, потому что намерен был использовать её после соответствующего обучения в качестве основной ударной силы для наступления на Россию...»¹

На выступлении маршала Фоша на заседании Совета десяти 25 февраля 1919 г. необходимо остановиться, тем более что его план наступления на Советскую Россию был положен в основу первого похода Антанты весной 1919 г.

На заседании Совета десяти 25 февраля маршал Фош выступил в связи с обсуждением польского вопроса. Фош заявил: «Внимательное изучение восточной проблемы

¹ *Lloyd George, op. cit.*, p. 370.

позволяет считать, что она представляет для решения ещё больше затруднений, нежели западная проблема. С 1812 по 1917 г. Россия представляла собой всегда кладбище для многих правительств и для многих армий, которые пытались проникать в эту страну прежде, чем они устанавливали достаточные базы и достаточные линии коммуникаций и без необходимого количества людей. Война в этой стране всегда наталкивалась на большие специальные затруднения, происходящие от огромного пространства, в которое нужно было проникнуть, оккупировать и защищать»¹.

Далее маршал Фош продолжал: «Чтобы сражаться с таким врагом, необходимо иметь специально организованные войска и притом в большом количестве, дабы иметь возможность охватить всю занятую территорию. Но эти войска вовсе не должны быть в очень большом количестве или особо высокого качества. Необходимые условия могут быть достигнуты путём применения тех армий, которые могут быть организованы на месте в странах Восточной Европы. Например, польские войска могут быть вполне применимы против русских, если при этом они будут укреплены придачей им новейших видов вооружения. Большая численность может быть достигнута при мобилизации финнов, поляков, чехов, румын и греков, равно как и могущих быть использованными русских просоюзнических элементов. Эти молодые войска, сами по себе недостаточно хорошо организованные (хотя лучше организованные, чем большевики), могут, если будут поставлены под единое командование, представить собой общую силу, достаточную, чтобы подавить большевистские силы и оккупировать их территорию.

Если это будет сделано, 1919 год увидит конец большевизма... Но для того, чтобы добиться этой цели...

¹ Фош выступает сторонником лживой буржуазной концепции, объясняющей поражение оккупантов, пытавшихся в разные времена завоевать Россию, «затруднениями, происходящими от огромного пространства». Эта концепция отвергнута историей, в особенности в послеоктябрьский период. Её антинаучность, несостоятельность доказана провалом планов Фоша, трёх походов Антанты и, наконец, разгромом гитлеровской армии не в силу «огромного пространства», а иных «специальных затруднений», заключающихся в природе советского строя, в свойствах русских, советских людей.

необходимо создать подобную же базу на восточной стороне, состоящую из цепи независимых государств — финнов, эстонцев, поляков, чехов и греков. Создание такой базы позволит союзникам навязать свои требования большевикам»¹.

На заседании Совета десяти откровенный и не оставляющий никаких сомнений обширный план военной интервенции в Россию, изложенный маршалом Фошем, не встретил каких-либо возражений по существу ни со стороны полковника Хауза, ни со стороны Бальфура. Наоборот, последний высказался за этот интервенционистский план. Бальфур сказал: «Что касается плана маршала Фоша о мобилизации всей Восточной Европы, финнов, эстонцев, поляков, румын и греков, и превращения их в большую антибольшевистскую армию, которая могла бы быть брошена против России, он не имеет никаких возражений...»²

План мобилизации против Советской России перечисленных Фошем малых народов и был планом перехода от неприкрытой интервенции Антанты к прикрытой интервенции той же Антанты, но только с помощью малых народов. Это был именно тот план, который разделялся и Ллойд Джорджем и Вильсоном и который был разгадан В. И. Лениным и И. В. Сталиным. Именно потому, что план Фоша совпадал с планом Ллойда Джорджа — Вильсона, могло получиться, что эти «миротворцы» и авторы предложения о «мирных переговорах» на Принцевых островах не возражали против обсуждения вопроса о мобилизации поляков, финнов, латышей, эстонцев, румын и греков с тем, чтобы эти малые народы проливали свою кровь в борьбе с Советской Россией за империалистические интересы правящих групп Англии, США, Франции и связанных с ними стран.

Вплоть до возвращения в Париж президента Вильсона (14 марта 1919 г.) ни протоколы Совета десяти, ни протоколы заседаний американской делегации, ни, наконец, публикации государственного департамента США, касающиеся специально внешней политики США по отношению к России, не дают сведений относительно возоб-

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 121, 123.

² Ibid., p. 124.

новления общей дискуссии по «русскому вопросу». Не дают таких сведений и мемуарные источники. Метод обсуждения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции после 17 февраля 1919 г. изменился: вместо общей дискуссии, пытавшейся установить единую политику союзников по отношению к Советской России, как это было в течение января и февраля 1919 г., «русский вопрос» был направлен по другим руслам.

Военные эксперты Верховного военного совета обсуждали военно-технические условия осуществления военной интервенции в Россию. Это обсуждение, о котором мы, к сожалению, не имеем документальных данных, шло, судя по ряду косвенных показателей, по линии общего плана, предложенного маршалом Фошем. К числу этих косвенных показателей относятся дискуссии, возникавшие время от времени в Совете десяти по отдельным проблемам, теснейшим образом связанным с «русским вопросом» и представлявшим собой элементы плана Фоша. Совет десяти время от времени занимался обсуждением польской, эстонской, латвийской, финской и других проблем, причём направление этой дискуссии и её выводы абсолютно совпадали с предложениями маршала Фоша. Совет десяти превратился в Верховный штаб первого похода Антанты.

В. И. Ленин и И. В. Сталин гениально разгадали сущность провокационного плана Вильсона и Ллойд Джорджа о конференции на Принцевых островах и искусной внешней политикой лишили открытых интервенционистов типа Клемансо и Черчилля и скрытых интервенционистов типа Вильсона и Ллойд Джорджа возможности осуществить их коварные в отношении Советской республики планы.

Попытка при помощи приглашения представителей советского правительства на Принцевы острова добиться приостановки военных действий Красной Армии провалилась. Провалилась и провокационная попытка получить от советского правительства отказ участвовать в конференции на Принцевых островах, чтобы использовать его для пропаганды о «советской агрессии» и «миролюбии Антанты». Своим согласием принять приглашение на конференцию советское правительство расстроило эту коварную империалистическую игру.

ГЛАВА 5

МИССИЯ БУЛЛИТА

18 февраля 1919 г., т. е. на следующий день после заседания Совета десяти, на котором обсуждался «русский вопрос», на следующий день после дискуссии, во время которой было решено воздержаться от возобновления приглашения на конференцию на Принцевых островах, заместитель президента Вильсона по мирной делегации статс-секретарь Лансинг уполномочил сотрудника этой же делегации Вильяма Буллита отправиться в Москву для переговоров с представителями советского правительства. Буллиту были вручены два документа, свидетельствующие об официальном характере данного ему поручения. Оба документа имеют дату 18 февраля 1919 г. и подписаны: первый — государственным секретарём Лансингом, второй — секретарём делегации США на мирной конференции Джозефом Крю¹. Содержание обоих документов примерно одинаково. Лансинг сообщает Буллиту, что «настоящим он уполномочен отправиться в Россию с целью изучить политические и экономические условия, которые могут быть полезными американской делегации на мирной конференции»². Документ приглашает американских дипломатических и консульских чиновников оказывать его предьявителю все необходимые льготы и услуги, которые понадобятся для выполнения его миссии.

Хотя письмо, подписанное Лансингом, говорит о миссии Буллита в весьма общих выражениях и не называет

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 4—5.

² Ibidem.

вещи своими именами, тем не менее нет никаких сомнений, как это явствует из последующего, в том, что Буллит был официально направлен Лансингом в Россию для переговоров и, более того, что инициатива этого путешествия принадлежала не Лансингу, а Вильсону.

В показаниях сенатской комиссии (12 сентября 1919 г.) Буллит рассказывает, что перед отъездом в Россию (по его словам, он выехал из Парижа 22 февраля) он имел ряд разговоров по «русскому вопросу» с Лансингом, полковником Хаузом и личным секретарём Ллойд Джорджа Филиппом Керром.

Особый интерес приобретает сообщение о разговоре Буллита с полковником Хаузом, который отражал точку зрения президента Вильсона. Буллит предложил на рассмотрение полковника Хауза нечто вроде вопросника, ответ на который должен был служить для него инструкцией при предстоящих переговорах в Москве. Вопросник этот был сформулирован в следующих выражениях:

«1. Если большевики согласятся приостановить дальнейшее продвижение их войск на всех фронтах и объявят перемирие на всех фронтах, согласны ли мы пойти им навстречу?

2. Готово ли американское правительство настаивать на том, чтобы Франция, Великобритания и Япония приняли такое предложение о перемирии?

3. Если враждебные действия будут приостановлены на всех фронтах, готово ли правительство Соединённых Штатов настаивать на восстановлении экономических отношений с Россией, подчиняя это лишь условию справедливого распределения между всеми классами населения продовольствия и других важных видов помощи, которые могут быть посланы в Россию?

4. Готово ли правительство Соединённых Штатов в этих условиях добиваться от союзников общего заявления, что все союзные войска будут отозваны с территории России, как только это будет возможно, при условии, что большевики дадут определённые гарантии в том, что они не будут преследовать лиц, которые сотрудничали с союзными войсками?»¹

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 34, 35.

По словам Буллита, Хауз на все четыре вопроса дал утвердительный ответ. В дальнейшем Буллит задал Хаузу ещё и пятый вопрос. Буллит спросил: является ли необходимым определённое заверение или гарантия советского правительства до заключения мира с ним о том, что оно, т. е. советское правительство, готово полностью оплатить долги царского правительства? На это Хауз ответил, что хотя такое заявление необязательно, но было бы чрезвычайно желательно.

Буллит утверждает, что Хауз поручил ему информировать личного секретаря Ллойд Джорджа — Керра об этом поручении. Буллит добавляет, что его миссия была секретной для всех членов конференции, но не для англичан.

Рассказав Керру о полученном поручении, Буллит просил его переговорить с Ллойд Джорджем и Бальфуrom, с тем чтобы дать ему, Буллиту, общее представление об их точке зрения по вопросу о мире с Россией. В ответ на это Буллит получил от Керра 21 февраля, т. е. накануне своего отъезда из Парижа, письмо. В этом письме, несмотря на его официальный характер, не было никаких указаний, которые могли бы приписать взгляды, изложенные в приложении к этому письму, Ллойд Джорджу или Бальфуру. Как один, так и другой приняли меры предосторожности для того, чтобы оказаться незамешанными в дело о миссии Буллита в Москву. Между тем, речь шла о письме личного секретаря и помощника Ллойд Джорджа, который был его доверенным лицом. Керр прямо сказал Буллиту о своём разговоре с Ллойд Джорджем и Бальфуrom, в результате которого он и написал 21 февраля письмо. Вся обстановка свидетельствовала о том, что Керр в письме (от 21 февраля) и, главное, в приложении к нему выражает не свои личные взгляды. Тем не менее из соображений маскировки Керр сообщает Буллиту, что в приложении к данному письму он даёт ему список условий, которые, по его мнению, могут привести союзные правительства к установлению нормальных отношений с Советской Россией. Меры маскировки, принятые Керром для того, чтобы оставить в стороне как Ллойд Джорджа, так и Бальфура, не могут убедить, что условия, приложенные к письму 21 февраля,

придуманы лично Керром как частным лицом. Условия эти представляют программу, авторами которой, несомненно, были Ллойд Джордж и Бальфур.

«1. Прекращение военных действий на всех фронтах.

2. Все существующие де-факто правительства остаются на занимаемых ими территориях.

3. Железные дороги и порты, необходимые для сообщения Советской России с морем, должны быть подчинены тем же правилам, которые действуют на международных железных дорогах и в портах остальной Европы.

4. Подданным союзных держав должны быть обеспечены право свободного въезда в Советскую Россию и полная безопасность, чтобы они могли вести там свои дела при условии невмешательства в политику.

5. Амнистия всем политическим заключённым с обеих сторон и полная свобода всем русским, сражавшимся на стороне союзников.

6. Торговые отношения между Советской Россией и внешним миром должны быть восстановлены при условии, чтобы при надлежащем уважении к суверенитету Советской России было гарантировано равномерное распределение помощи, присылаемой союзниками, среди всех классов русского народа.

7. Все другие вопросы, связанные с русскими долгами союзникам и т. д., должны быть рассмотрены самостоятельно после установления мира.

8. Все союзные войска должны быть уведены из России, коль скоро будет демобилизована русская армия свыше количества, имеющего быть установленным; лишнее оружие будет выдано¹ или уничтожено².

Английская программа ставила тяжёлые условия для Советской России. Эта программа выдвигала вопрос о демобилизации Красной Армии и выдаче «излишков» вооружения. Это условие было из ряда вон выходящим, поскольку Россия не представляла собой побеждённого государства, которому можно было диктовать подобные условия. Англичане выставляли чрезвычайно тяжёлые экономические условия, они пытались поставить порты

¹ Союзникам.— Б. Ш.

² «История дипломатии», т. III, М.—Л., Госполитиздат, стр. 62.

и железные дороги Советской России под международный контроль, что также возможно было бы лишь по отношению к побеждённому государству, в котором установлен колониальный режим.

Получив инструкции от американской и от британской делегаций, Буллит выехал из Парижа в Москву. Его путешествие с момента отъезда из Парижа нашло отражение в телеграфной переписке, которая имела место между американской делегацией на Мирной конференции (Лансингом) и государственным департаментом в Вашингтоне.

Уже 24 февраля Лансинг телеграфирует в Вашингтон исполняющему обязанности государственного секретаря о том, что Буллит и сопровождающие его лица выехали в Лондон. В телеграмме говорится, что Буллит должен в Копенгагене сделать попытку войти в неофициальные отношения с представителями советского правительства и получить разрешение проехать в Петроград. Телеграмма заканчивается сообщением, что «Буллит информирует посольство в Лондоне и миссию в Копенгагене о целях и характере его миссии. Таковую же информацию он конфиденциально сообщил британскому правительству»¹.

26 февраля Лансинг снова телеграфирует в государственный департамент, сообщая о маршруте Буллита, а также о том, что он поручил американскому посланнику в Стокгольме завязать при помощи частных каналов отношения с «московским правительством» с целью добиться разрешения для Буллита и сопровождающих его лиц проследовать по их назначению.

8 марта 1919 г. американский вице-консул в Выборге телеграфирует в государственный департамент о том, что Буллит и сопровождающие его лица сегодня, т. е. 8 марта, пересекли русскую границу. 10 марта Лансинг сообщает государственному департаменту, что получил от Буллита извещение, в котором тот пишет: «Я имею основание быть уверенным, что смогу получить окончательные предложения от советского правительства для пересылки в течение недели или десяти дней»².

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, p. 74.

² Ibid., p. 76.

Переписка Лансинга с государственным департаментом устанавливает совершенно неопровержимо тот факт, что как бы в целях маскировки ни называл миссию Буллита Лансинг, эта миссия не была частным предприятием, а была официальной миссией с определёнными политическими целями. Государственный секретарь и государственный департамент не стали бы интересоваться столь внимательно и последовательно этапами путешествия частного лица или рядового информатора.

12 марта 1919 г. делегация США на Мирной конференции в Париже получила через американского консула в Гельсингфорсе телеграмму от Буллита. Эта телеграмма была отправлена из Петрограда 10 марта и носила следующий заголовок: «Булл. 4, для государственного секретаря Лансинга и полковника Хауза исключительно». Этот заголовок в частности объясняет последующие заявления (на которых мы остановимся ниже) двух других членов американской делегации — Генри Уайта и генерала Блисса о том, что им ничего не было известно о миссии Буллита. Конспиративный характер этой миссии был настолько выдержан, что два полномочных и влиятельных члена американской делегации не знали о поездке Буллита и не получали о ней сообщений. Цифра 4, поставленная после имени Буллит (сокращённо «Булл.»), даёт порядковый номер сообщений Буллита. Первые три его сообщения не опубликованы. Повидимому, они были посланы ещё с дороги и, как можно предполагать, говорили о тех шагах, которые Буллит предпринял для получения разрешения советского правительства на въезд.

Телеграмма Буллита № 4 сообщает о том, что он прибыл в Петроград, что 9 марта он имел разговор с Чичериным и Литвиновым и что 10 марта он выезжает в Москву для переговоров с В. И. Лениным. Далее Буллит продолжает: «Оба они, Чичерин и Литвинов, сделали авторитетное заявление, что советское правительство весьма расположено по отношению к прекращению враждебных действий и к участию в Мирной конференции. Однако они подчеркнули трудности, которые могут возникнуть по вопросу о контроле над различными силами, сражающимися против советского правительства. Они подчеркнули также необходимость гарантий, что в течение периода конференции

не будут приняты меры к увеличению военных сил, сражающихся против русского, украинского, литовского, латвийского и эстонского советских правительств... в принципе советское правительство готово платить свои внешние долги; единственный вопрос заключается в том, что оно не может немедленно начать платежи вследствие нынешнего тяжёлого финансового положения правительства». Буллит заканчивает телеграмму следующей фразой: «Я уверен после этого разговора, что советское правительство расположено к умеренности и что я получу для передачи Вам сообщение чрезвычайно большой важности»¹.

14 марта 1919 г. Буллит, после разговора с В. И. Лениным, получил текст предложений советского правительства. Об этом факте (а равно и о содержании самого предложения) Буллит передал в телеграмме, носившей следующий адрес: «Булл. 5. Только для президента, государственного секретаря Лансинга и полковника Хауза». Телеграмма была отправлена из Гельсингфорса 16 марта и получена в Париже 17 марта утром. Эта телеграмма не была переслана в Вашингтон, поскольку президент Вильсон начиная с 14 марта был снова в Париже. В этой телеграмме Буллит сообщает: «После разговоров, длившихся целый день, в Москве с Чичериным и Литвиновым и совещания с Лениным я получил от Чичерина 14 марта заявление, которое далее следует. Он (Чичерин) объяснил, что это заявление было формально рассмотрено и принято Исполнительным Советом советского правительства и что советское правительство само считает себя связанным предложениями, содержащимися в этом заявлении, если они будут приняты союзными и ассоциированными правительствами до 10 апреля 1919 г. ...»²

Далее Буллит излагает текст заявления советского правительства.

Текст, напечатанный в телеграмме «Булл. 5» (опубликованный в сборнике «Внешняя политика СССР») гласит:

«Союзные и объединившиеся правительства должны будут предложить, чтобы неприятельские действия прекратились на всех фронтах на территории бывшей Российской

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, p. 77.

² Ibidem.

империи и Финляндии к... (дата перемирия должна быть установлена не раньше, чем через неделю после того числа, когда союзные и объединённые правительства сделают настоящее предложение) — и чтобы после этого числа не производились новые враждебные действия в ожидании конференции, имеющей быть созванной в... (Советское правительство весьма желало бы, чтобы конференция происходила в нейтральной стране, а также, чтобы в его распоряжение был предоставлен радиотелеграф или прямой провод с Москвой) — тогда-то (конференция должна начаться не позже, чем через неделю после того, как перемирие вступит в силу, и Советское правительство очень желало бы, чтобы период между днём перемирия и первым заседанием конференции был только, если возможно, в три дня).

Длительность перемирия должна быть две недели с правом продления по взаимному соглашению, причём все участники перемирия должны обязаться не совершать на время перемирия перевозок войск и военного материала на территории бывшей Российской империи. Конференция должна будет обсудить вопрос о мире на основе следующих принципов, которые не могут быть рассмотрены на конференции.

1. Все существующие правительства, которые образовались на территории бывшей Российской империи и Финляндии, остаются в полном обладании территориями, которые они занимают к тому моменту, когда перемирие делается действующим, поскольку конференция не примет решения о передаче территорий и поскольку народы, обитающие на территориях, которыми обладают эти фактические правительства, не примут сами решения о перемене своих правительств. Российское Советское правительство, иные советские правительства и все иные правительства, которые образовались на территории бывшей Российской империи, союзные и объединившиеся правительства и другие правительства, которые действуют против советских правительств, включая Финляндию, Польшу, Галицию, Румынию, Армению, Азербайджан и Афганистан, соглашаются не производить попыток к насильственному свержению существующих фактических правительств, которые образовались на

территории бывшей Российской империи, и других правительств, подписавших настоящее соглашение.

Союзные и объединённые правительства обязуются следить за тем, чтобы фактические правительства Германии не делали попыток к свержению силой фактических правительств России. Фактические правительства России, образованные на территории б. Российской империи, обязуются не делать попыток к свержению силой фактических правительств Германии.

2. Экономическая блокада должна быть снята, и торговые сношения между Советской Россией и союзными объединёнными странами должны быть восстановлены на условиях, которые могут обеспечить, чтобы товары из союзных и объединённых стран сделались доступными на равных основаниях для всех классов русского народа.

3. Советские правительства России должны иметь право беспрепятственного транзита по всем железным дорогам и пользования всеми портами, которые принадлежали бывшей Российской империи и Финляндии и которые необходимы для выгрузки и перевозки пассажиров и товаров между территориями советских правительств и морем...

4. Граждане Советских республик России должны иметь право свободного въезда в союзные и объединённые страны, равно как во все страны, которые образовались на территории бывшей Российской империи и Финляндии, а также право пребывания и передвижения и полной безопасности, поскольку они не будут вмешиваться во внутреннюю политику этих стран.

Советское правительство считает существенным, чтобы союзные и объединённые правительства позаботились о том, чтобы Польша и все нейтральные страны предоставили Советским Республикам такие же права, как союзные и объединённые правительства.

(Аналогичное право граждан другой стороны в России).

Союзные и объединённые правительства и другие правительства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи и Финляндии, должны иметь право посылать в различные Российские советские республики

официальных представителей, пользующихся полной свободой и иммунитетом.

(Аналогичное право России в отношении другой стороны).

5. Советские правительства и иные правительства, которые образовались на территории бывшей Российской империи и Финляндии, должны будут дать общую амнистию всем политическим противникам, преступникам и пленным. (Аналогичное обязательство союзных и объединившихся правительств в отношении русских и в отношении своих граждан, подвергшихся преследованиям за помощь Советской России).

Всем военнопленным не русских держав, задержанным в России, равно как всем гражданам этих держав, находящимся ныне в России, должна быть дана полная возможность репатриации.

(Обязательство другой стороны репатриировать в Россию русских военнопленных, включая русских солдат и офицеров, хотя бы служащих в иностранных армиях).

6. Немедленно после подписания настоящего соглашения все войска союзных и объединённых правительств и иных не русских правительств должны быть удалены из России, и должна быть прекращена военная помощь, даваемая антисоветским правительствам, образовавшимся на территории бывшей Российской империи.

Советские правительства и антисоветские правительства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи и в Финляндии, должны одновременно немедленно после подписания соглашения и в одинаковой пропорции начать сокращать свои армии до мирного положения...

7. Союзные и объединённые правительства, принимая к сведению заявление Российского Советского правительства в его ноте от 4 февраля в отношении его иностранных долгов, предлагают, в качестве составной части настоящего соглашения, чтобы Советское правительство и иные правительства, которые образовались на территории бывшей Российской империи и Финляндии, признали свою ответственность за финансовые обязательства бывшей Российской империи по отношению к иностранным государствам, участвующим в настоящем соглашении,

и по отношению к гражданам таких государств. Подробные условия об уплате этих долгов будут установлены на конференции, причём должным образом будет принято во внимание настоящее финансовое положение России. Русское золото, захваченное чехословаками в Казани или взятое у Германии союзниками, должно быть рассматриваемо, как частичная уплата долга, должного Российскими Советскими Республиками.

Советское правительство России обязуется принять вышеизложенное предложение, поскольку оно будет сделано не позже, чем 10 апреля 1919 года.

Советское правительство весьма желало бы иметь полуофициальную гарантию Американского и Великобританского правительств в том, что они сделают всё от них зависящее, чтобы Франция соблюдала условия перемирия»¹.

Проект соглашения с Буллитом представлял собой, в сущности говоря, развитие тех положений, которые были уже сообщены советским правительством союзным державам в ноте от 4 февраля, касающейся конференции на Принцевых островах. Советское правительство в целях получения необходимой ему передышки, в целях прекращения вооружённой интервенции и блокады шло на уступки. Самой тяжкой из этих уступок было, конечно, согласие на признание белогвардейских «правительств», образовавшихся на территории России. Хотя было совершенно очевидно, что эти «правительства» при отсутствии военной помощи союзников не сумеют удержаться у власти, тем не менее согласие даже на временное сосуществование их рядом с советским правительством было уступкой.

Принципиальный смысл и политическое значение документа, переданного советским правительством Буллиту, совпадает с политическим значением ноты 4 февраля. Мы уже привели выше оценку, которую дал В. И. Ленин советской позиции по отношению к проекту конференции на Принцевых островах. На VII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин, касаясь переговоров с Буллитом, сказал: «...мы деловым образом самые тяжелые условия

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 242—244.

мира подписали и сказали: «Слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжкой дани; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян»¹.

Кроме телеграммы «Булл. 5», в которой был сообщён текст документа, согласованного в Москве, Буллит в дополнение и по тем же трём адресам (президент Вильсон, Лансинг и полковник Хауз) послал телеграмму «Булл. 6». В этой телеграмме Буллит давал подробную информацию относительно внутреннего положения Советской России. Эта телеграмма представляла собой экстракт большого доклада Буллита (с рядом приложений), который он привёз с собой и который был адресован президенту и мирной делегации².

Выводы доклада были положительными по отношению к документу, выработанному в Москве. Их автор считал, что никакое другое правительство, кроме советского, не может быть установлено в России без помощи иностранных штыков и что если бы таковое было установлено, оно пало бы в момент, когда эти штыки были бы отозваны. Никакой действительный мир в Европе и даже во всём мире не может быть установлен без заключения мира с Советской Россией. Предложения советского правительства дают возможность заключить мир с Россией на справедливых и благоразумных основаниях. Возможно, что это единственный момент для заключения такого мира. Исходя из этого рекомендуется принять в основном предложения советского правительства в кратчайший срок³.

В показаниях сенатской комиссии Буллит рассказал: «Я послал телеграмму из Гельсингфорса «строго секретно — полковнику Хаузу», прося его показать мою пятую и шестую телеграммы Филиппу Керру, личному секретарю Ллойд Джорджа, с тем, чтобы Ллойд Джордж

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 603.

² «The Bullitt Mission to Russia», p. 47, 48.

Государственный департамент опубликовал этот доклад в 1937 г. в документах, относящихся к внешней политике Соединённых Штатов (Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 85—95).

³ «The Bullitt Mission to Russia», p. 54, 55.

мог бы сейчас же быть информирован о положении ввиду того, что он знал о моей поездке, и ввиду того, что англичане были настолько предупредительны, что предложили послать для меня крейсер»¹.

По возвращении в Париж Буллит был осведомлён полковником Хаузом, «что копии его телеграмм были немедленно сообщены Ллойд Джорджу и Бальфуру»². В тех же показаниях сенатской комиссии Буллит сообщает, что его письменный доклад, который он написал по прямому предложению президента Вильсона, был адресован как президенту, так и американской делегации на Мирной конференции.

На уточняющий вопрос члена сенатской комиссии сенатора Нокса Буллит показал, что он вручил лично копии своего доклада для статс-секретаря Лансинга, полковника Хауза, генерала Блисса и Генри Уайта, а также вручил Лансингу вторую копию для президента Вильсона. Лансинг написал на ней «срочно и немедленно», запечатал в конверт, и он, Буллит, отнёс этот документ в президентский дом³.

Сенатская комиссия заинтересовалась вопросом, как было встречено американской делегацией на Мирной конференции предложение советского правительства, сделанное через Буллита, как были встречены, благоприятно или неблагоприятно, телеграммы, которые он послал в Париж.

Сенатор Нокс задал прямой вопрос: «Было ли формальное заседание Мирной конференции или представителей великих держав по вопросу о предложениях (советского правительства) и о вашем докладе?»

Буллит ответил: Немедленно после возвращения он поставил вопрос о выступлении перед американской делегацией. Он провёл несколько часов с полковником Хаузом, с которым обсудил весь вопрос. На следующий день Буллит был призван к другим членам делегации и разговаривал с Лансингом, генералом Блиссом и Генри Уайтом. Разговоры эти продолжались в течение утра и после обеда. «Мы имели длинную дискуссию,— сооб-

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 84.

² «The Bullitt Mission to Russia», p. 47, 48.

³ Ibid., p. 65.

щает Буллит сенатской комиссии,— и в конце этой дискуссии создалось впечатление, что мнение членов делегации весьма расположено к заключению мира именно на этом базисе»¹.

Сообщение Буллита о его разговорах не только с полковником Хаузом и Лансингом, но и с членами делегации генералом Блиссом и Генри Уайтом важно вследствие той позиции, которую в дальнейшем заняли оба эти члена американской делегации.

Продолжая рассказ о судьбе предложений, которые были переданы через него, Буллит сообщил сенатской комиссии об исключительно важном разговоре с Ллойд Джорджем. Этот разговор имел место на следующее утро после заседания американской делегации, т. е. на третий день после приезда Буллита в Париж².

Разговор Буллита с Ллойд Джорджем произошёл во время завтрака его у Ллойд Джорджа. Участниками этого завтрака, кроме Буллита и Ллойд Джорджа, были премьер-министр Южной Африки Смэтс, Морис Хэнки и Филипп Керр. «Мы,— сказал Буллит сенатской комиссии,— обсуждали этот вопрос весьма долго. Я передал Ллойд Джорджу официальный текст предложений, тот самый текст и в том самом конверте, который я вам предъявлял. Он (Ллойд Джордж) уже предварительно читал это, так как ему было это сообщено из Гельсингфорса. Так как он уже раньше читал, то он мельком взглянул на него и сказал: «Это то самое, что я уже раньше читал». Он передал это генералу Смэтсу, который сидел против него за столом, и сказал: «Генерал, это крайне важно и интересно, и вы должны это срочно прочесть». Генерал Смэтс прочёл это немедленно и сказал, что он чувствует, что это не следует откладывать, так

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 65.

² В протоколах заседаний американской делегации, опубликованных государственным департаментом, было бы напрасным трудом разыскивать протокол того заседания, на которое ссылается Буллит в своих показаниях сенатской комиссии. Этого протокола в издании государственного департамента не имеется. В течение марта и начала апреля 1919 г. в протоколах заседаний американской делегации слово «Россия» не упоминается.

Изданные государственным департаментом протоколы скрывают важные факты о «русской» политике США.

как это очень важно... Ллойд Джордж, однако, сказал, что он не знает, как быть с британским общественным мнением»... Ллойд Джордж продолжал: «Конечно, все доклады, которые получают от посылаемых нами людей, имеют одно и то же общее направление, но мы должны были бы послать кого-либо, который был бы известен всему миру, как абсолютный консерватор. Таким образом, весь мир подумал бы, что доклад, который он представит, не является просто изложением мыслей радикала. Чудесно было бы, если бы мы послали (в Россию) Ленсдоуна». Он тут же себя поправил и сказал: «Нет, это бы его убило». После этого он продолжал: «Я хотел бы послать Боба (Роберта) Сесия, но мы его уже предназначили для Лиги наций», а затем, обращаясь к Смэтсу: «Я считал бы, что было бы превосходно, если бы Вы могли поехать, но, конечно, Вы уже имеете другое дело». Речь шла о поездке Смэтса в Венгрию. Позже он сказал, что считает наиболее желательным послать маркиза Сольсбери, брата лорда Роберта Сесия; он считает его очень порядочным и хорошо известным, так что, когда он вернётся и сделает такой же самый доклад, то это будет хорошо принято британским общественным мнением».

Приведённые показания Буллита позволяют считать, что у Ллойда Джорджа был план новой посылки в Советскую Россию крупного политического деятеля, который мог бы своим докладом произвести большее впечатление, нежели неизвестный чиновник американского государственного департамента Буллит.

Ллойд Джордж, по словам Буллита, настаивал на том, чтобы опубликовать его доклад. После обеда Буллит увиделся с Бальфуrom, а также с Эриком Дремондом, секретарём Ллойда Джорджа. По словам Буллита, они снова полностью обсудили весь вопрос.

Такова была картина переговоров Буллита с англичанами. Возвратимся теперь к той части показаний Буллита, где он рассказывает о дальнейшем прохождении этих предложений в американских кругах. Буллит говорит, что прежде всего «президент поручил этот вопрос полковнику Хаузу. Он отложил своё решение до обсуждения его с полковником Хаузом, что и было обычной

его процедурой в ряде подобных вопросов. Ллойд Джордж также заранее согласился предоставить подготовку предложений полковнику Хаузу; он сказал, что во всяком случае будет расположен итти так же далеко, как мы, и готов будет следовать за президентом и полковником Хаузом». «Полковник Хауз тем временем повидал Орландо, который высказался полностью за заключение мира на этой базе, по крайней мере так информировал меня полковник Хауз в то время»¹.

По просьбе сенатора Нокса Буллит объяснил, почему его доклад не был опубликован. По его словам, он подготовил сообщение для прессы на базе доклада. Однако ни один из членов американской делегации не был склонен взять на себя ответственность за опубликование этого документа, и поэтому решено было доложить президенту. Президент решил не публиковать доклада, а держать его в секрете.

Полковник Хауз предложил Буллиту подготовить проект политической декларации, документ, который базировался бы на предложениях советского правительства. Это должна была быть декларация, о которой было известно заранее, что она будет принята советским правительством, если её сделают. Полковник Хауз думал, что как президент, так и Ллойд Джордж одобряют её.

По словам Буллита, он приготовил эту декларацию в сотрудничестве с Уитнеем Шеффердсоном, который был заместителем секретаря полковника Хауза и был компетентен в вопросах международного права. Эту декларацию читал Хауз и обсуждал её с президентом и другими лицами².

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 67.

² Необходимо подчеркнуть, что в мемуарах полковника Хауза (т. IV) за период, относящийся к возвращению Буллита, абсолютно не опубликовано записей, посвящённых «русскому вопросу», несмотря на то, что «русский вопрос» в этот период обсуждался. Создаётся впечатление, что или Хауз сознательно ничего не заносил в свой дневник или, что более вероятно, издатель его дневника профессор Сеймур сознательно не поместил в опубликованный дневник Хауза его записи по «русскому вопросу». Только в одном месте дневника Хауза мы читаем краткую запись, подтверждающую наше убеждение, что в этот период «русский вопрос» служил предметом переговоров и разговоров «большой четвёрки». В «Архиве

Буллит предъявил сенатской комиссии копию проекта декларации, в которой указывались условия, на которых можно было бы заключить соглашение с Советской Россией. Эти условия целиком повторяют документ, привезённый Буллитом из Москвы. Если эти условия будут приняты, гласит декларация, то предлагается созыв конференции примерно на тех же началах, что и конференция на Принцевых островах.

Эта декларация должна была явиться ответом союзников на предложения советского правительства, переданные через Буллита, и должна была появиться в свет не позже 10 апреля. В действительности она не была опубликована и не была послана советскому правительству.

Буллит показал сенатской комиссии следующее: «Полковник Хауз сказал мне, что он виделся с президентом и что президент сказал, что он занят в настоящий момент Германией и не может заниматься Россией и что он предоставил «русский вопрос» ему, Хаузу. Вследствие этого я продолжал держать контакт непосредственно с полковником Хаузом, поскольку он был полномоченным президента Вильсона и Ллойд Джорджа в этом вопросе. Я виделся с полковником Хаузом каждый день, иногда два-три раза в течение дня по этому вопросу...»¹

Буллит почти ничего не говорит о причинах, которые привели к тому, что ответная декларация на предложения советского правительства не была послана союзниками. В его показаниях имеется лишь следующая фраза:

полковника Хауза» имеется запись от 27 марта 1919 г., т. е. как раз того периода, когда обсуждался доклад Буллита. В этой записи полковник Хауз отмечает, что «Ллойд Джордж пригласил меня на завтрак (запись относится к 27 марта.— *Б. Ш.*) для того, чтобы обсудить «русский вопрос». Как сообщает Хауз, разговор в этот день не состоялся, так как именно в этот день кризис конференции (по вопросу о Саарском бассейне и др.) достиг своего апогея. Разразился крупный конфликт между Вильсоном и Клемансо. Из того обстоятельства, что в этот день разговор Хауза с Ллойд Джорджем по «русскому вопросу» не состоялся, не значит, что его не было в последующие дни. Между тем в опубликованных Сеймуром записях Хауза это никак не отразилось («Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 310).

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 73—74.

«Тем временем Гувер и Аукинклосс выдвинули идею добиться мира с Россией при помощи предложения продовольственного снабжения», и далее Буллит рассказал сенатской комиссии о так называемом «предложении Фритьюфа Нансена». На анализе гуверовской «идеи» и её судьбе мы остановимся ниже, теперь же расскажем о других причинах, приведших к срыву намечавшегося соглашения.

Одной из причин отрицательного отношения со стороны руководителей Парижской конференции к заключению мирного соглашения с советским правительством было то обстоятельство, что в это время (март — апрель 1919 г.) Колчак продвинулся к западу. Парижская печать писала, что Колчак будет в Москве через две недели. В Париже предполагали, что Колчак скоро захватит Москву и свергнет советское правительство.

20 марта 1919 г. в Париже американской делегацией была получена телеграмма от американского посланника в Китае о том, что Уфа взята армией Колчака. 29 марта государственный департамент переслал в Париж сообщение, полученное от американского генерального консула во Владивостоке. В этом сообщении сказано, что продвижение колчаковской армии происходит в убыстряющихся темпах. Это были именно те сообщения, о которых говорил Буллит и которые вызвали «вой парижской печати» о победе Колчака над Красной Армией и вероятности захвата Колчаком Москвы в течение ближайших двух недель. В. И. Ленин говорил: «...в связи с победой Колчака на Восточном фронте, снова вспыхнула некоторая надежда у русских и у иностранных капиталистов»¹. Нет сомнения в том, что одной из причин отрицательного отношения руководителей Парижской конференции, прежде всего Ллойд Джорджа и Вильсона, к возможности мирного соглашения с Советской Россией были именно эти реляции.

16 апреля, выступая в парламенте, Ллойд Джордж отрёкся от какого бы то ни было участия в посылке Буллита в Москву и заявил, что он, Ллойд Джордж, совершенно не в курсе этих событий.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 256.

«Через неделю после того, как я передал Ллойд Джорджу официальное предложение моими собственными руками в присутствии трёх других лиц, он выступил с речью перед британским парламентом и дал понять британскому народу, что он ничего не знает по поводу подобного предложения. Это был наиболее грубый обман общественного мнения, быть может, наиболее наглый, который я когда-либо знал в своей жизни»¹.

Парламентские отчёты рисуют следующую картину.

Во время выступления Ллойд Джорджа его прервал член палаты общин Клайнс, который спросил, может ли премьер-министр сделать какое-либо сообщение относительно обращений или представлений, которые, как говорят, делались правительству лицами, выступающими по поручению того правительства, которое имеется в Центральной России. На этот вопрос Ллойд Джордж ответил буквально следующее: «Нет, мы не имели никаких представлений. Конечно, имеется всегда большое количество людей разных национальностей, которые приезжают из России и ездят туда и приезжают оттуда с их собственными рассказами о России. Однако мы не имеем ничего аутентичного. Мы не имеем никаких предложений ни по одному вопросу. Я слышал только о сообщениях о том, что другие получали предложения, которые, по их мнению, исходили из авторитетных источников, но эти предложения никогда не были поставлены перед Мирной конференцией ни одним из членов этой конференции. Таким образом, мы не могли это рассматривать. Я думаю, что знаю, на что ссылается почтенный джентльмен. Это было предложение одного молодого американца, который приехал из России. Всё, что я знаю по поводу этого, не даёт мне оснований для того, чтобы судить о ценности этого сообщения. Однако, если президент Соединённых Штатов придавал бы значение этому сообщению, он мог бы поставить этот вопрос перед конференцией, и он, конечно, этого не сделал»².

Таким образом, Ллойд Джордж ловким ходом переложил ответственность по этому вопросу на президента

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 93.

² Parliamentary Debates, v. 114, p. 2945.

Вильсона. Формально Ллойд Джордж выпутался из этого дела, но скрыть истину ему не удалось. Просто отрицать свою осведомленность в вопросе о поездке Буллита Ллойд Джордж не мог. Дело в том, что в течение двух недель до выступления Ллойд Джорджа в парламенте сведения о предложениях, привезённых из России, стали достоянием значительного количества людей и в частности членов британского парламента. Так, на заседании палаты общин 2 апреля 1919 г. член палаты Сэмюэль Хор задал вопрос министру иностранных дел относительно «союзнической миссии, которая недавно вернулась из большевистской России с предложениями мира от правительства Ленина».

В ответ на этот вопрос помощник министра иностранных дел Сесиль Хармсворд заявил следующее: «Я не осведомлён о какой бы то ни было союзнической миссии, которая была бы недавно в большевистской России, кроме небольшой британской миссии Красного Креста, которая защищала интересы наших пленных».

Хор поставил свой вопрос в другой форме: «Уверен ли почтенный джентльмен, что один из членов союзнической делегации в Париже не вернулся недавно из большевистской России?»

На это Хармсворд ответил, что не имеет никаких информации.

И в данном случае «...они лгали, когда уверяли, что никакого Буллита не присылали...»¹

На вечернем заседании того же 2 апреля Хор вернулся к поставленному им вопросу. Он сказал, что обладает информацией, полученной из нескольких серьёзных источников, согласно которой может утверждать, что «два выдающихся американца, из которых один Вильям Буллит, принадлежащий к составу американской делегации в Париже, а другой некий Линкольн Стефенс, в течение ближайших недель посетили большевистскую Россию, имея американские дипломатические паспорта, и недавно вернулись в Париж с предложением окончательного или неокончательного мира от Ленинского правительства».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 295.

Хор резко высказался против переговоров с советским правительством. Он сказал: «Только сегодня вечером я узнал о телеграмме из России, устанавливающей, что Сибирский фронт адмирала Колчака блестяще продвинулся... В это же время имеются сообщения из Петрограда о серьёзных восстаниях, которые имеют место против Ленинского правительства». «Не является ли безумием,— говорил Хор,— в такой момент, когда волна повернулась в пользу адмирала Колчака и когда Ленинское правительство находится накануне падения, поддерживать какие-либо отношения с Лениным?»

На заседании 7 апреля член палаты полковник Веджвуд задал следующий вопрос: «Был ли отчёт Буллита и Линкольна Стефенса об их путешествии в Россию сообщён правительству его величества или он до сих пор известен только в Париже?»

На этот вопрос Хармсворд ответил, что правительство его величества не получало никакого доклада. Полковник Веджвуд продолжал спрашивать: «Предпринимает ли правительство какие-нибудь шаги, дабы получить копию этого доклада?» Хармсворд ответил, что он осведомится по этому вопросу. Полковник Веджвуд снова спросил: «Комиссия, которая вернулась из России, имеет чрезвычайно большое значение; сделало ли министерство иностранных дел что-либо или оно намерено предпринять какие-либо шаги, чтобы обеспечить ту же самую информацию, какую имеет американское правительство?» Хармсворд обещал навести справки.

Факты свидетельствуют, что о миссии Буллита в Москве, о её цели, о содержании предложения советского правительства знали многие лица в Париже, Лондоне и Вашингтоне. Знали и обсуждали вопрос о заключении соглашения с советским правительством. Знали, что Вильсон и Ллойд Джордж посылали Буллита в Советскую Россию; что привезённый Буллитом документ являлся приемлемой базой для переговоров о мире с Советской Россией.

С какой целью Вильсон послал Буллита в Советскую Россию? Вспомним обстановку в момент отправки Буллита. Это было на второй день после заседания Совета десяти (17 февраля 1919 г.), на котором обсуждались предложения Черчилля. Созыв конференции на Принце-

вых островах был сорван. Решение о прекращении неприкрытой интервенции не было принято. Планы прикрытой интервенции ещё не получили своего оформления. Эти планы были выявлены в предложениях маршала Фоша о том, чтобы заставить малые народы (поляков, финнов, эстонцев и др.) воевать против Советской России. В этих условиях Вильсон попытался позондировать путь, повторявший попытку Принцевых островов, с той же целью — маскировки истинных интервенционистских планов, выигрыша времени для подготовки прикрытой интервенции. Кроме переговоров с советским правительством задача Буллита состояла в разведке устойчивости советской власти, разведке внутреннего положения Советской России, состояния её экономики, транспорта и т. д. Недаром наряду с проектом соглашения Буллит привёз обширный доклад о положении в Советской России. Более того, он организовал и дальнейшую секретную доставку нужных Вильсону сведений через службу связи в Хельсинки. Всё это давало возможность Вильсону лучше ориентироваться в «русском вопросе».

Вильсон неспроста не реагировал на выступление Ллойд Джорджа, не взял под защиту Буллита, хотя последний обращался к нему. «По поводу этого выступления Ллойд Джорджа¹ я написал президенту. Я извлёк это выступление из газет и переслал его президенту. При этом я просил президента сообщить мне, является ли заявление Ллойд Джорджа правдой или неправдой. Он (президент) оказался не в состоянии ответить, так как, если бы он ответил, он должен был бы подтвердить на бумаге, что Ллойд Джордж сделал ложное сообщение»².

Вильсон, как и другие, надеялся, что советская власть падёт в скором времени.

Огромную роль в срыве переговоров союзников с советским правительством сыграл Уинстон Черчилль, которому до этого удалось сорвать предложение о конференции на Принцевых островах. На заседаниях парламента 25 и 31 марта 1919 г. Уинстон Черчилль выступил с большим докладом о военных операциях в России. Сделав

¹ 16 апреля в палате общин.— *Б. III.*

² «The Bullitt Mission to Russia», p. 93.

обзор положения на различных фронтах, Черчилль специально остановился на положении Сибирского фронта. Он заявил, что колчаковские армии «последнее время ведут большое наступление, захватили Уфу и большое количество пленных. Не нужно быть большим оптимистом, чтобы сказать, что начавшееся наступление сулит большие надежды»¹.

Черчилль надеялся на победу Колчака.

Высказывания Ллойд Джорджа 16 апреля 1919 г. по вопросу о русской политике можно свести к следующим положениям:

1. Открытая военная интервенция, понимая под ней посылку большого количества войск с целью прямых военных действий против Красной Армии, не приведёт к положительным результатам и стоит очень дорого.

2. Необходимо организовать всяческую помощь всем пограничным с Россией правительствам, создать и укрепить военный антисоветский барьер от Балтийского до Чёрного моря, т. е. перейти к интервенции при помощи пограничных государств.

Положение на Восточном фронте в марте — апреле 1919 г. создалось действительно серьёзное, и продвижение Колчака, инспирированное Антантой, создало грозную опасность для Советской республики, но советский народ, партия большевиков, руководимые В. И. Лениным и И. В. Сталиным, сумели остановить Колчака, а вскоре и разгромить его.

Ллойд Джордж, Черчилль, Вильсон и другие переоценили значение наступления Колчака в марте — апреле 1919 г. и поспешили похоронить проект соглашения, привезённый Буллитом из Советской России.

16 апреля Ллойд Джордж открыто выступил с программой создания и укрепления «антибольшевистского барьера» из пограничных с Россией государств, иными словами, с программой войны против России при помощи малых государств, что давало возможность вести концентрированное военное наступление на Советскую Россию извне и изнутри. Аргументы в пользу наступательной политики Англии, США и Франции преподносились Ллойд

¹ Parliamentary Debates, v. 114, 1919, p. 373—374.

Джорджем под видом обоснования оборонительной тактики. Вооружённая интервенция продолжалась в расширенных масштабах, будучи прикрыта фиговым листком «политики барьера». Именно в этот период имела место вооружённая интервенция против Советской России, известная под именем «первого похода Антанты».

Позднее, касаясь вопроса о дипломатических приёмах руководителей Антанты в период переговоров с Буллитом, В. И. Ленин говорил:

«Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть. Когда представитель этого всемогущего в экономическом и военном отношении старого мира прислал к нам — это было уже давно — одного из представителей американского правительства — Буллита с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир, для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, которая давно уже лилась в России, что, хотя мир для нас крайне невыгоден, но мы на него готовы, ибо уверены, что Колчак и Деникин разложатся внутренне; когда мы сказали это прямо, сказали с малым употреблением изысканного дипломатического тона, — то тут они решили, что мы непременно должны быть обманщиками»¹.

Программа дальнейшего продолжения вооружённой интервенции оказалась налицо. Её основная ставка делалась на прикрытую интервенцию при помощи малых государств. На этом сходились теперь Фош, Ллойд Джордж, Черчилль, Вильсон. То обстоятельство, что основная ставка делалась в тот момент на прикрытую интервенцию, не исключала продолжения и неприкрытой её формы.

В. И. Ленин в выступлении 19 мая 1919 г. говорил: «...такова политическая программа Франции, Англии и Америки, как бы они ни уверяли, что они отказываются от интервенции. Как бы ни уверяли в этом Ллойд Джорджи, Вильсоны и Клемансо, как бы они ни уверяли, что отказываются от интервенции, но мы все знаем, что

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, изд. 3, стр. 119.

это ложь. Мы знаем, что ушедшие и вынужденные уйти из Одессы и Севастополя военные суда союзников блокируют побережье Черного моря и даже обстреливают около Керчи ту часть Крымского полуострова, где засели добровольцы...»¹ «Или разворачивается наступление на Петроград: вчера был бой нашего миноносца с четырьмя миноносками противника. Разве не ясно, что это интервенция, разве не английский флот участвует здесь? Разве не то же самое происходит в Архангельске, в Сибири?»²

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 280.

² Там же, стр. 281.

ГЛАВА 6

ИНТЕРВЕНЦИЯ ПОД ФЛАГОМ «ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОМОЩИ»

В своих показаниях сенатской комиссии Буллит, рассказывая о периоде, в течение которого президент Вильсон, полковник Хауз и Ллойд Джордж обсуждали его доклад о результатах поездки в Россию, заявил:

«Тем временем Гувер и Аукинклосс выдвинули мысль о достижении мира с Россией при помощи предложения посылки продовольствия (в Россию); они предложили Фригьюфу Нансену — арктическому исследователю — написать и послать президенту письмо (об этом)»¹.

Инициатива посылки этого письма исходила от Гувера.

Герберт Гувер (президент США в 1928—1932 гг.), в то время глава американской организации помощи (АРА), был по своей прошлой деятельности весьма заинтересован в нефтяных месторождениях России. К началу первой мировой войны Гувер обладал контрольным пакетом акций 11 нефтяных компаний, большинство которых имело отношение к майкопской нефти. Октябрьская революция положила конец получению Гувером доходов от русской нефти, чем вызвала его лютую ненависть к Советской республике и стремление во что бы то ни стало вернуть свои прибыльные предприятия. В течение всей последующей своей деятельности Гувер сохранил резко враждебное отношение к Советскому государству, являлся и является одним из злейших врагов советской страны.

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 74.

Предложение Гувера об организации продовольственной «помощи» Советской России имело в действительности своей целью помочь контрреволюционным армиям, сражавшимся против Советской России, использование аппарата организации «помощи» для шпионажа, диверсии, взрыва советского строя изнутри посредством использования контрреволюционных элементов. Маскируя свои империалистические цели, Гувер привлёк имя Нансена для придания своему коварному плану характера гуманного предприятия¹.

Письмо президенту Вильсону Гувер начинает с констатации тяжёлого продовольственного положения Советской России, каковое положение он приписывает «большевистскому режиму». Гувер заявлял, что признание большевистского режима невозможно, следует создать организацию помощи для России, поставив во главе её «какого-либо нейтрального деятеля, имеющего международную репутацию честности и компетенции». Указание в письме Гувера на то, что инициатором таких переговоров должен был бы явиться нейтральный деятель, обладающий международной репутацией честности и компетенции, относилось к Нансену.

«Помощь», которую собирался оказать Советской России Гувер, отнюдь не была вызвана филантропическими побуждениями. Эта помощь была в известной мере продиктована особыми условиями, создавшимися в США после прекращения военных действий в Европе. Окончание войны наступило значительно раньше, чем руководящие круги союзников, в том числе американцы, предполагали. Прекращение военных действий создало на рынке Соединённых Штатов тяжёлое положение, поскольку ряд отраслей промышленности продолжал работу полным ходом в расчёте на потребности военного времени. После окончания войны запросы военного ведомства стали сокращаться. Нужно было подумать, что же сделать с избытком всевозможных продуктов, которые неизбежно будут давить на рынок и снижать цены. Вывоз этих излишков в Советскую Россию представлял,

¹ См. *М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России*, стр. 95, 96, 118.

таким образом, выгодное предприятие для американской промышленности. Несомненно, что, обращаясь 28 марта 1919 г. с предложением к президенту Вильсону, Гувер руководствовался и меркантильными, экономическими мотивами.

Но это были не основные мотивы его коварного предложения.

В письме к Вильсону Гувер подчёркивает необходимость получения гарантии от советского правительства «прекратить военные действия на некоторых определённых границах». Это обстоятельство заслуживает серьёзного внимания. Подготавливая в это время «поход 14 государств» против Советской России, союзники хотели получить гарантии, что сама Советская Россия не будет предпринимать военных действий на своих границах. Именно к этому сводится то условие, которое Гувер выставляет как необходимое для согласия оказывать Советской России продовольственную помощь. Гувер стремился, маскируясь организацией продовольственной «помощи», укрепить силы, сражавшиеся против Советской России, и (это было основной целью его предложения) под прикрытием «благотворительного» общества создать в Советской России разветвлённую разведывательную организацию для того, чтобы через неё организовать контрреволюционные силы и взорвать изнутри советский строй.

Замечание И. В. Сталина о том, что всякие миссии и общества, наводняющие Россию, «...являются вместе с тем лучшими разведчиками мировой буржуазии...»¹, может быть полностью отнесено к гуверовской организации.

Повидимому, Гувер получил согласие президента США, в результате чего последовало 3 апреля 1919 г. письмо Фритьофа Нансена на имя Вильсона. В этом письме излагается план организации продовольственной помощи. С точки зрения содержания, а главное тенденций, письмо Нансена значительно отличается от письма Гувера. Нансен предлагал организовать продовольственную и медицинскую помощь России при посредстве комиссии,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 119.

которая должна была быть составлена из норвежских, шведских, голландских, датских и швейцарских граждан. Этот состав был подобран специально для того, чтобы подчеркнуть её нейтральный характер. Нансен подчёркивал неполитический характер этой помощи, причём заявлял, что он не намерен «ставить вопрос о политическом признании или переговорах между союзниками и существующими властями в России». Заканчивалось письмо просьбой сообщить, на каких условиях комиссия могла бы рассчитывать на помощь деньгами, кораблями, продовольствием и медикаментами. Идентичные письма были отправлены Нансеном другим членам «толстой четвёрки» — Клемансо, Ллойд Джорджу и Орландо. Сам Нансен был чужд антисоветским планам Гувера. В его письме не упоминается то условие, которое Гувер считал основным: обязательство советского правительства прекратить военные действия на границах России. Нансен внёс предложение об оказании помощи голодающим России, действительно руководствуясь гуманными соображениями; он не знал, что Гувер и К^о стремятся использовать его имя в своих коварных империалистических целях.

Хауз, поручая Буллиту написать проект ответа Вильсона Нансену, выразил мнение, что будет легче добиться согласия союзников, если к нему идти «дорогой продовольственного плана», если под прикрытием чисто гуманитарного плана можно будет включить какое-либо прямое предложение о соглашении с Советской Россией.

Проект ответа Вильсона Нансену должен был служить тем же целям союзников, что и проект от 12 марта 1919 г., что и конференция на Принцевых островах. В проекте ответного письма Вильсона Нансену подчёркивалось, что для успешности «продовольственной помощи» необходимы определённые условия, а именно:

«Союзные и ассоциированные правительства, а также все правительства, осуществляющие политическую власть на территории бывшей Российской империи, включая Финляндию, одновременно с Польшей, Галицией, Румынией, Арменией, Азербайджаном и Афганистаном, должны согласиться прекратить враждебные действия друг

против друга на всех фронтах на их территориях в полдень 20 апреля. В течение всего периода перемирия не должно быть никаких враждебных действий, а равно никакие войска или военные материалы различных видов не должны быть ни ввозимы, ни вывозимы из этих территорий. Продолжительность перемирия должна быть две недели, если оно не будет продлено по взаимному соглашению.

Союзные и ассоциированные правительства предлагают, чтобы те из правительств, которые соглашаются принять условия этого перемирия, прислали бы каждое не более трёх представителей с необходимым количеством технических экспертов в Христианию, где они встретят 25 апреля представителей союзных и ассоциированных правительств и где состоится конференция для обсуждения мира и снабжения России на базе следующих принципов»¹.

Далее повторяются все пункты соглашения, привезённого Буллитом из Москвы.

Таким образом, в проекте ответа Вильсона Нансену ясно видно, что предложение самого Нансена являлось лишь предложением для того, чтобы продолжать политику, начатую союзниками предложением о конференции на Принцевых островах.

Хауз, по словам Буллита, полностью одобрил проект ответа Нансену. Однако, прежде чем передать его президенту Вильсону и Ллойд Джорджу, он решил проконсультироваться у «экспертов по международному праву Аукинклосса и Миллера» и с этой целью передал им проект на экспертизу. Дело было, конечно, не в экспертах по международному праву, а в создавшейся политической обстановке.

Поручение, данное Миллеру (американский юрист, один из авторов проекта устава Лиги наций) и Аукинклоссу (сотрудник американской делегации, работавший также с Гувером), привело к новому проекту, который они оба представили. Этот проект, как небо от земли, отличался от данного им на экспертизу. В нём не было ни одного слова, и в этом была суть вопроса, относительно

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 75—79.

возможности созыва конференции с участием представителей советского правительства. В проекте экспертов шла речь исключительно о поставках продовольствия и медикаментов в Россию. Для осуществления указанной «помощи» эксперты считали необходимыми следующие условия: прекращение враждебных действий со стороны советских войск и введение союзниками «контроля над транспортом России»¹.

Первое условие нового проекта ответа Вильсона на письмо Нансена, касающееся прекращения враждебных действий со стороны советских войск, повторяет мысль, изложенную Гувером в его письме Вильсону от 28 марта, и, кроме того, вводит ещё весьма важное условие о «контроле над транспортом России». Смысл этого последнего «исключал какую-либо возможность, чтобы вопрос был доведён до мирной конференции и представлял собой в общем предложение снабжать Россию продовольствием, но при этом требовал передать все её железные дороги в руки союзных и ассоциированных правительств»².

Даже такой враг Советской России, как Буллит, понимал, что требование контроля над транспортом не будет принято советским правительством, которое «знает, что заговор, касающийся разрушения железнодорожных мостов, был составлен в американском консульстве в Москве»³.

Требую «прекращения враждебных действий русскими войсками», авторы проекта письма Вильсона Нансену не упоминают о враждебных действиях войск союзных и ассоциированных правительств, огромное количество которых наводняло Россию. Они не упоминали о войсках финнов, эстонцев, латышей, поляков и др. Ничего не было сказано об отозвании всех войск союзных и ассоциированных правительств с русской территории. Не упомянуто, будет или не будет прекращена посылка войск союзников в Россию и военных материалов для белогвардейских армий. Даже Буллит — этот выученик великого демагога Вильсона — понимал, что в том виде, в каком составили

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 103—104.

² «The Bullitt Mission to Russia», p. 75—79.

³ Ibid., p. 80.

предложение Миллер и Аукинклосс, оно «не будет принято советским правительством»¹.

Хауз поручил Буллиту составить новый проект, «по возможности более приемлемый для советского правительства», но при этом были даны указания придерживаться текста Аукинклосса — Миллера. Указание Хауза — придерживаться текста, написанного Аукинклоссом — Миллером, говорило о том, что Вильсон и Хауз принципиально решили отвергнуть план, базировавшийся на условиях 12 марта, т. е. на условиях советского правительства.

Действительно, второй проект Буллита ничего общего не имеет с первым проектом. В этом втором проекте не только совершенно отсутствуют пункты, имевшиеся в условиях 12 марта и помещённые в первый проект ответа Вильсона Нансену, но и какое бы то ни было упоминание о возможности конференции представителей воюющих в России сторон. Второй проект ответа Вильсона Нансену ставил вопрос в той же плоскости, в какой и проект Аукинклосса — Миллера, а именно в плоскости оказания продовольственной и медицинской «помощи» России при посредстве особой комиссии из представителей нейтральных государств. С другой стороны, вопрос о предоставлении союзникам контроля над железными дорогами России был изложен в новом проекте замаскированно, в более общих выражениях: «Проблемы транспорта в России и распределения могут быть разрешены... с помощью, советами и наблюдением со стороны... комиссии». Была несколько изменена и формулировка, касающаяся прекращения военных действий.

Этот второй вариант письма был положен в основу ответа Нансену, посланного ему 17 апреля за подписью Вильсона, Клемансо, Ллойд Джорджа и Орландо. В посланном тексте имеются некоторые изменения по сравнению с проектом. В частности интересно следующее изменение: в проекте говорилось о «существующих дефакто правительствах в России», а в окончательном тексте говорится «о существующих местных правительствах в России». Союзники не хотели даже в таком письме давать

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 89.

повод полагать, что они признают советское правительство, как правительство де-факто.

Ответ на письмо Нансена датирован 17 апреля 1919 г. Между тем второй вариант датирован 5 апреля 1919 г. Таким образом, между составлением последнего (третьего по счёту) проекта и подписанием окончательного текста прошло 12 дней. В течение этого периода проект письма, равно как и весь вопрос о так называемом плане Нансена, обсуждался «большой четвёркой». В опубликованных в конце 1946 г. государственным департаментом США протоколах Совета четырёх вопрос о «плане Нансена» фигурирует лишь начиная с заседания 19 мая 1919 г.¹

В промежутке между пятым и десятым апреля имел место следующий эпизод, характерный для политики Вильсона. 10 апреля являлось последним сроком, до которого советское правительство считало себя связанным условиями 12 марта. Было предложено направить советскому правительству телеграмму (через посредство американского консула в Хельсинки) следующего содержания: «Просьба немедленно послать Кука или какое-либо другое приемлемое лицо в Петроград... со следующим сообщением для Чичерина: «Акция, ведущая к оказанию продовольственной помощи при посредстве нейтралов, вероятно будет иметь место в течение недели. Буллит. Американская делегация»².

Подобная телеграмма ни в какой мере не являлась ответом, предусмотренным соглашением 12 марта, ответом, которого, по праву, ожидало советское правительство. Однако даже данная телеграмма, которая лишь косвенно давала ответ советскому правительству, и притом ответ отрицательный, не была принята американской делегацией. Её текст обсуждался на заседании американской делегации 10 апреля 1919 г. В протоколе заседания американской делегации от 10 апреля глухо упоминается, что рассматривался вопрос № 211. Самое содержание вопроса и обсуждавшийся меморандум не приводятся. В протоколе лишь написано, что был принят текст

¹ Foreign Relations of the USA, v. V, p. 705.

² «The Bullitt Mission to Russia», p. 90—91.

следующей телеграммы: «Просьба немедленно послать Кука или какое-либо подходящее лицо в Петроград... для передачи следующего сообщения Чичерину, *посылаемого за моей личной ответственностью*. Частные лица, принадлежащие к нейтральным государствам, предусматривают организацию для продовольственного снабжения России. Это будет окончательно решено, возможно, в течение недели. Буллит»¹. Таким образом, в новом тексте телеграммы появилось подчёркивание того обстоятельства, что эта телеграмма отправляется за личной ответственностью Буллита, и была снята подпись американской делегации. Самый текст телеграммы о возможной организации продовольственной помощи подчёркивал её частный характер. Это переработка текста телеграммы чрезвычайно характерно для политики американской делегации.

Изучение опубликованных документов приводит к заключению, что, подписав 17 апреля 1919 г. ответ Хансену, Совет четырёх не проявлял никакой активности для осуществления этого плана. Более того, доставке письма Хансена В. И. Ленину представители Англии, США, Франции чинили всяческие препятствия. Вот почему советское правительство имело возможность впервые ознакомиться с существованием плана Хансена лишь 4 мая 1919 г. В сообщении, опубликованном советской печатью 18 мая 1919 г., говорится о том, что письмо Хансена, посланное им 17 апреля, было получено советским правительством только 4 мая, «...при чем из позднейших американских и лионских радио стало известно, что все правительства отказывались эту радиотелеграмму переслать. В конце концов она была получена из Берлина...»² через норвежскую миссию. Это сообщение лишь подтверждает тот факт, что правительства США, Англии и Франции чинили препятствия отправке письма Хансена по назначению.

Хансен извещает В. И. Ленина о письме, с которым он обратился 3 апреля к Совету четырёх (приводится текст), и о получении им 17 апреля ответа от Совета четырёх (приводится текст). Далее Хансен пишет: «Я был

¹ «The Bullitt Mission to Russia», p. 92.

² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 279—280.

бы очень рад услышать от Вас Вашу точку зрения по этому вопросу, как только это Вам будет удобно».

На это письмо Нансена (вместе с его перепиской с Советом четырёх), полученное в Москве лишь 4 мая, был дан ответ (7 мая 1919 г.) советского правительства в телеграмме за подписью народного комиссара иностранных дел.

Советское правительство выражало горячую благодарность лично Нансену «за его дружелюбные намерения», выражало полную готовность вступить с ним в сношения для осуществления его плана. При этом, однако, в советской ноте указывалось на то обстоятельство, что, к большому сожалению, к «чисто не политическому плану¹ были примешаны другие, политические цели, каковыми являются приостановление военных действий». Нота подчёркивала, что советское правительство всегда готово было вести переговоры о приостановлении военных действий и в частности ссылалось на переговоры о конференции на Принцевых островах. Отметив контрреволюционный характер «так называемых правительств, возникших на российской территории и борющихся против советского правительства», нота указывала: «Эти так называемые правительства всячески поддерживаются державами Согласия так же, как крайние реакционеры и милитаристы Румынии, Польши, Финляндии и белогвардейские правительства Эстляндии и Латвии». «Державы Согласия,— писалось в советской ноте,— хотя заявляют официально об отказе от интервенции, в действительности проводят самую безудержную интервенционистскую политику».

Радиотелеграмма (от 7 мая 1919 г.) советского правительства заканчивалась следующим абзацем:

«Ввиду этого приостановление военных действий есть громаднейшей важности политический вопрос, связанный с общим вопросом о наших отношениях к противникам, к обсуждению которого Советское правительство весьма охотно приступит, но, разумеется, с действительно воюющей стороной, т. е. правительствами Антанты, или теми лицами, которые от них получают полномочия. *Будучи, таким образом, и теперь, как и прежде, готово вести с правительствами Антанты переговоры²*, Советское пра-

¹ «Помощь» продовольствием и медикаментами.— Б. Ш.

² Курсив мой.— Б. Ш.

вительство, в то же время, горячо приветствует первоначально выдвинутый Фритьофом Нансеном чисто гуманитарный и не политический план снабжения России продовольствием, и предлагает ему указать место и время для встречи представителей его комиссии и Российского Советского правительства, с целью обсуждения возникающих ввиду сделанного им предложения вопросов»¹.

Таким образом, советское правительство разделяло вопрос на две части. Поскольку речь шла о не политическом плане Нансена, советское правительство безоговорочно принимало его предложение, не выдвигая при этом каких бы то ни было условий и выражая готовность немедленно приступить к конкретным переговорам об осуществлении этого проекта. Что же касается сугубо политического условия, выдвинутого в ответе Совета четырёх на письмо Нансена, а именно, о прекращении военных действий, то и по этому вопросу советское правительство выражало принципиальную готовность вступить в переговоры, однако заявляло о необходимости вступления в переговоры с теми, от которых зависели как политика, так и военные действия белогвардейских правительств, т. е. с державами Антанты.

Получилась следующая картина: руководители держав Антанты и в частности Вильсон и Ллойд Джордж, выдвинув сначала предложение о конференции на Принцевых островах, а затем послав Буллита в Россию и встретив в обоих случаях со стороны советского правительства готовность вступить в переговоры о прекращении военных действий и заключении мирного договора, сами дважды отказались от собственных предложений и продолжали политику вооружённой интервенции, подтверждая тем самым, что и Принцевы острова, и миссия Буллита, и так называемый план Нансена (т. е. Гувера) были лишь манёвром, прикрывающим их империалистическую политику.

Советское правительство, систематически, начиная с ноября 1917 г., предлагавшее мирные переговоры с державами Антанты, дало согласие на переговоры о мире (Принцевы острова, миссия Буллита) и, несмотря на

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 280.

отказ правительств США, Англии, Франции, вновь делало предложение о переговорах с державами Антанты в связи с так называемым планом Нансена.

Таково было действительное положение вещей.

Можно ли было после всего сказанного сознательно, не искажая историческую правду, утверждать, как это сделали главари Антанты, что ответ советского правительства от 7 мая... «сорвал план Нансена»? Такое утверждение означало полное и сознательное извращение исторической действительности. Такое явно лживое, клеветническое утверждение имело место со стороны руководителей держав Антанты, со стороны тех, кто вдохновлял, организовал, снабжал и руководил вооружённой интервенцией в Советской России и использовал всякого рода «проекты», «миссии», «планы» в качестве пацифистского камуфляжа империалистической политики.

До того как Совет четырёх приступил к обсуждению ноты советского правительства от 7 мая, на имя союзников поступило два протеста против принятия плана Нансена о продовольственной помощи Советской России. Первый протест исходил от финского правительства. Поверенный в делах Финляндии в Стокгольме явился в миссию США и по поручению своего правительства заявил, что последнее «надеется на то, что Соединённые Штаты и ассоциированные правительства при настоящей конъюнктуре не станут посылать продовольствие в ту часть России, которая контролируется большевистскими властями». Поверенный в делах Финляндии подчеркнул, что такая помощь в особенности нежелательна в настоящий момент, «когда большевики находятся под серьёзным давлением их врагов со всех сторон», и что «было бы лучше выждать разрешения военного вопроса, прежде чем посылать продовольствие в Советскую Россию»¹.

Эту телеграмму, излагающую позицию финского буржуазного правительства, вряд ли нужно комментировать.

Второй протест последовал со стороны так называемого «политического совещания» в Париже. 4 мая госу-

¹ Телеграмма посланника США в Швеции на имя американской мирной делегации от 3 мая 1919 г. (Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 109).

дарственному департаменту Соединённых Штатов Америки был передан при посредстве так называемого «русского посла в США» Бахметьева меморандум за подписью главарей белогвардейщины Львова, Чайковского, Сазонова и Маклакова.

Из письма, направленного 16 мая 1919 г. Робертом Сесилем (член британской делегации) Морису Хенки, секретарю Совета четырёх, мы узнаём, что во время первого обсуждения Советом четырёх предложения Нансена Совет выделил комиссию в составе Гувера (США), Клемантеля (Франция), Роберта Сесилия (Великобритания) и Аттолико (Италия), которой было поручено заниматься всеми мероприятиями, какие окажутся необходимыми для осуществления плана Нансена. Как сообщает Сесиль, в указанном письме Гувер передал ему 15 мая ответ В. И. Ленина (имеется в виду нота народного комиссара иностранных дел от 7 мая) на письмо Нансена. 16 мая состоялось заседание комиссии, на котором было решено, что Гувер немедленно ответит Нансену следующей телеграммой: «Ввиду того, что весь вопрос должен ещё рассматриваться правительствами, мы считаем в высшей степени нежелательным устраивать какое-либо совещание с большевистскими представителями».

Кроме указанной телеграммы, комиссия одобрила меморандум, который она и представила на обсуждение Совета четырёх. Судя по стилю документа и по тому, что в нём говорится от первого лица, единственного, а не множественного, числа, можно полагать, что меморандум был написан Гувером. Меморандум гласил:

«Ответ Ленина Нансену сводится по существу к следующему: «Я очень рад принять помощь, но не приостановить враждебные действия, хотя я готов войти в переговоры об общем мире в России».

Теперь ассоциированные правительства должны сделать следующий шаг, но, прежде чем решить, в чём должен заключаться этот шаг, они должны решить, в чём будет заключаться их политика в России.

Мне кажется, что они (союзники) имеют перед собой два пути: они могут либо решить, что до тех пор, пока большевистское правительство находится у власти, нет надежды на мир в России и что таким образом первая

задача заключается в том, чтобы разгромить большевиков. Если они примут такую линию, то они должны приложить все усилия для оказания помощи Колчаку, Деникину, латышам, эстонцам, полякам и, наконец, финнам, сражающимся против России. Они должны доставлять им снабжение, деньги, инструкторов и делать всё для того, чтобы их предстоящая кампания против большевиков увенчалась успехом. Равным образом они должны прервать как прямые, так и косвенные отношения с большевиками и уведомить Нансена, что, ввиду ответа Ленина, его проект о помощи отклоняется и что в будущем ничего подобного русское правительство не может ожидать. Такова одна политика...

Другая политика заключалась бы в том, чтобы предложить военным властям установить настолько точно, насколько это возможно, каковы позиции различных военных сил, сражающихся в России. Как только такая линия, разделяющая сражающиеся войска, будет установлена, каждой и всем сражающимся сторонам будет предложено отступить на 10 километров в свою сторону от этой линии и воздержаться в будущем от враждебных действий. Они (союзники) должны сговориться, что международные комиссары будут посланы на различные фронты, чтобы убедиться, насколько выполняются эти директивы. Если и лишь постольку, поскольку эти директивы будут выполняться, объединённые правительства должны будут сделать всё, что в их силах, дабы помочь различным правительствам продовольствием, одеждой и прочими необходимыми вещами. Если одни (из этих правительств) откажутся, а другие примут (указанные директивы), то помощь должна быть оказана лишь тем, которые примут. Те же, которые откажутся, будут лишены всякой помощи. Правительства (речь идёт о фактических правительствах в России) должны быть, далее, осведомлены, что объединённые державы или совет Лиги наций немедленно обсудят всю русскую проблему в целом. Первым шагом в этом направлении — нужно призвать все части русского народа или только те из них, которые заявят о присоединении к такой политике, избрать свободным и всеобщим голосованием под наблюдением Лиги наций Учредительное собрание с целью выработки буду-

щей конституции Российского государства. Одновременно Нансен должен быть осведомлён о том, что до тех пор, пока советское правительство отказывается воздержаться от враждебных действий, он бессилён ему помочь.

Я считаю, что каждая из этих политик имеет шансы на успех...»¹

Гувер отдавал предпочтение полному отказу от плана Нансена и оказанию помощи «Колчаку, Деникину, латышам, эстонцам, полякам и, наконец, финнам, сражающимся против России». Что же касается второй тактики (закрывающейся в так называемом плане Нансена), то Гувер ставил такие условия, которые при принятии их советским правительством означали бы установление политического, военного и экономического контроля над Советской Россией. Гувер понимал, что советское правительство эти условия не примет, и на этот счёт предусмотрительно предлагал: «Если одни (из фактических правительств России) откажутся (от принятия продиктованных условий), а другие примут, то помощь должна быть оказана лишь тем, которые примут». Можно было не сомневаться, что белогвардейские правительства примут условия Гувера. Таким образом, дело сводилось бы к оказанию всяческой помощи именно контрреволюционным правительствам. Именно этого добивался и добился Гувер, чья политика в вопросе об интервенции в России в основе совпадала с политикой Вильсона, Ллойд Джорджа и других.

Так называемый «план Нансена» обсуждался на заседании Совета четырёх 20 мая 1919 г. В основу обсуждения был положен меморандум комиссии Совета четырёх (комиссия в составе Гувера, Роберта Сесилия, Клемантеля и Аттолико).

Клемансо высказался весьма пессимистически относительно возможности каких-либо шагов со стороны Совета четырёх. Он пытался изобразить политику союзников, как сугубо гуманитарное дело, причём стремился переложить ответственность за политизацию плана и срыв его на советское правительство.

Президент Вильсон заметил, что аргументы Ленина заслуживают известного внимания. Вильсон подчеркнул

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 115—116.

необходимость выработки единой политики по отношению к России.

Само собою разумеется, что заявление Вильсона было очередным проявлением свойственного ему лицемерия.

Заставить Ленина «прекратить военные действия», пока Антанта соберёт свои силы для похода,— в этом было существо всех «мирных» манёвров Вильсона и других. Но этот коварный план срывался. Дело было, по замечанию Клемансо, в том, что «невозможно заставить Ленина прекратить военные действия». А именно в этом и заключалась суть политики Вильсона, Ллойд Джорджа, Гувера, изложенной в так называемом плане Нансена. Советское правительство разгадало эту коварную механику и своим ответом показало, что купить его согласие на прекращение военных действий за продовольственную «помощь», без каких-либо реальных гарантий подлинно мирного соглашения, не удастся. Советское правительство показало, что и эта попытка облегчить положение гибнущих контрреволюционных правительств обречена на провал.

Таким образом, очередная попытка руководителей конференции — на этот раз при помощи «плана Нансена» — облегчить задачу интервенции сорвалась.

Заседание Совета четырёх, посвящённое установлению единой политики по отношению к России, продолжалось долго. «Русский вопрос» обсуждался также 23, 24 и 26 мая. Таким образом, с 20 по 26 мая Совет четырёх непрерывно занимался «русским вопросом».

В результате этого обсуждения «союзные и ассоциированные державы» остановились на единой политике по «русскому вопросу»: и Вильсон, и Ллойд Джордж, и Клемансо, и Гувер, и Черчилль признали контрреволюционное правительство Колчака в качестве «российского правительства» и стали на путь развёртывания большой вооружённой интервенции в России.

«...Наш враг,— говорил В. И. Ленин,— капиталисты Англии, Франции и Америки, заведомо действующие вместе с русскими капиталистами, делают... попытки, чтобы свалить Советскую власть»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 255.

ОРГАНИЗАЦИЯ «ПРИКРЫТОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ»
(ВОСТОЧНАЯ ГАЛИЦИЯ)¹

Раскрывая в статье «Резервы империализма» (опубликована в «Известиях» 16 марта 1919 г.) смысл отказа государств Антанты от *неприкрытой* интервенции (при помощи собственных войск) и перехода их к новой, *прикрытой* форме вооружённого вмешательства (при помощи вооружённых сил малых окраинных государств), И. В. Сталин писал: «Мы имеем в виду наскоро сколоченный империализмом союз буржуазных правительств Румынии, Галиции, Польши, Германии, Финляндии *против* Советской России. Правда, эти правительства вчера еще грызли друг другу горло из-за «национальных» интересов и национальной «свободы». Правда, об «отечественной войне» Румынии с Галицией, Галиции с Польшей, Польши с Германией вчера еще кричали со всех крыш. Но что значит «отечество» в сравнении с денежным мешком Антанты, приказавшей прекратить «междоусобную войну». Антанта приказала составить единый фронт против Советской России,— могли ли они, наймиты империализма, не выстроиться «во фронт»².

¹ Мы употребляем здесь наименование «Восточная Галиция» лишь потому, что под этим именем Западная Украина фигурирует в документах Парижской конференции 1919 г. При этом следует иметь в виду, что территориальные границы Восточной Галиции, как области Австро-Венгерской монархии, о которой шла речь на Парижской мирной конференции 1919 г., не вполне совпадают с границами Западной Украины, воссоединённой в 1939 г. с УССР, а равно с границами, установленными между СССР и Польшей по соглашению 1945 г.

² И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 246—247.

В настоящей главе мы рассмотрим, как происходил процесс организации «единого фронта против Советской России» на галицийском участке этого фронта и какие противоречия (между империалистическими державами, с одной стороны, и между империалистическими державами и мобилизованными ими малыми странами — с другой) выявились в процессе организации этого «единого фронта». Этот «единый фронт» упоминался в выступлении маршала Фоша на заседании Совета десяти в феврале 1919 г. Его имел в виду Черчилль, говоря о походе 14 государств против Советской России.

Ещё не родившись в качестве суверенного государства, ещё не овладев своими собственными территориями, панская Польша предъявила «права» на непольские земли. Польский национальный комитет в Париже передал союзным правительствам 12 октября 1918 г. меморандум, в котором заключалось требование оккупации польскими войсками (армией генерала Галлера, формировавшейся во Франции) округов: Каменец-Подольска, Брест-Литовска и Ковно. Меморандум заканчивался фразой, что эта оккупация «могла бы служить будущей базой военных операций союзников в России». Так откровенно и цинично заправила панской Польши предлагали союзникам свои услуги в борьбе против Советской России.

Требование Польского национального комитета о посылке армии Галлера в Польшу явилось предметом обсуждения союзников накануне подписания перемирия с Германией. Этот вопрос обсуждался в частности 2 ноября 1918 г. Во время обсуждения министр иностранных дел Франции Пишон сказал следующее: «Я хотел бы настаивать на том, чтобы под эвакуируемыми территориями понимались бы все территории, которые составляли польское королевство до первого раздела 1772 г.»

Таким образом, французское правительство требовало включить в состав Польши украинские и белорусские территории.

Бальфур предложил такую формулировку: «Все германские части на востоке должны вернуться к границам, которые они занимали до августа 1914 г.»¹

¹ *René Martel, La France et la Pologne, Paris 1931, p. 90.*

Предложения Бальфура были приняты в качестве условий для будущего перемирия.

Заявление Бальфура по поводу границ Польши объяснялось тем, что в глазах Бальфура и Ллойд Джорджа Польша была, с одной стороны, одним из серьёзных факторов борьбы против Советской России, непременным участником антисоветского единого фронта, орудием прикрытой интервенции, с другой стороны — Бальфур и Ллойд Джордж не упускали из виду, что послевоенная панская Польша сделалась с момента своего возникновения верным союзником — сателлитом Франции. В политике по польскому вопросу Ллойд Джордж и Бальфур учитывали прежде всего антисоветскую роль, которую, по их планам, должна была играть Польша Пилсудского, роль, которую должны были играть польские вооружённые силы в борьбе против Советской России. Одновременно Ллойд Джордж, не желая слишком усиливать Францию, отнюдь не намерен был поддерживать проекты, которые вели к усилению французских сателлитов, — это сказалось в его подходе к разрешению проблемы Восточной Галиции.

К январю 1919 г. советские части находились на линии Пинск — Лида — Брест-Литовск. Осуществление аннексионистских стремлений Пилсудского и Сапеги встретило препятствия на севере в лице советских частей, а на юге — украинских частей. Положение в Восточной Галиции (Западной Украине) было к этому моменту весьма сложным. В момент распада Австро-Венгерской монархии и начавшегося выделения из её состава новых национальных государств украинское население Восточной Галиции (Западной Украины) провозгласило создание Западно-украинской республики. Этот акт имел место 18 октября 1918 г. Немедленно после прокламации своей независимости Западно-украинская республика сделалась объектом нападения со стороны пилсудчиков.

Осенью 1918 г. в ряде городов Украины вспыхнули народные восстания, и территория Украины стала советизироваться. В январе 1919 г. в Харькове было образовано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. 5 февраля 1919 г. Киев был освобождён советскими войсками, а петлюровские власти бежали в Подолию.

Польский вопрос¹ был предметом обсуждения Совета десяти на заседании 21 января 1919 г. На этом заседании президент Вильсон зачитал письмо тогдашнего премьер-министра Польши Падеревского². Падеревский просил отправить союзную миссию в Варшаву с целью исследовать общее положение, просил снабдить польскую армию оружием и амуницией³.

22 января состоялось обсуждение на Совете десяти польского вопроса в части плана, предложенного маршалом Фошем, относительно переброски в Польшу из Франции польской армии Галлера. Открывая заседание Совета десяти, Клемансо сообщил, что он получил телеграмму от британского правительства с согласием на предлагаемую переброску польских войск из Франции в Галицию. Президент Вильсон спросил маршала Фоша, является ли целью переброски армии Галлера «защита Польши от внешних врагов». Маршал Фош ответил, что армия генерала Галлера предназначена для переброски «в русскую Польшу для защиты её против большевиков».

Как вопрос Вильсона, так и ответ Фоша о «защите Польши от внешних врагов», о «защите её против большевизма» одинаково лицемерны, фальшивы, ибо и тот и другой прекрасно знали, что эта армия будет использована для нападения на Советскую Россию.

В статье «Резервы империализма» И. В. Сталин, гениально разгадав подлинный смысл махинаций Антанты, писал: «Война Румынии и Галиции, Польши и Германии с Россией? Но это ведь война за «национальное существование», за «охрану восточной границы», против большевистского «империализма», война, ведомая «самими» румынами и галичанами, поляками и германцами,— причём же тут Антанта? Правда, последняя снабжает их деньгами и вооружением, но это ведь простая финансовая операция, освящённая международным правом «цивилизованного» мира. Разве не ясно, что Антанта чиста как голубь, что она «против» интервенции...»⁴

¹ Под польским вопросом мы в дальнейшем будем понимать лишь ту его часть, которая имела отношение к Советской России.— *Б. Ш.*

² См. «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 206—207.

³ *Foreign Relations of the USA*, v. III, p. 642.

⁴ *И. В. Сталин*, Соч., т. 4, стр. 247.

И вопрос Вильсона и ответ Фоша нужны были именно для того, чтобы «доказать» «оборонный» характер военных операций пилсудчиков. Некоторый диссонанс в усилиях заправил Антанты представить захватнические действия пилсудчиков в качестве оборонных мероприятий по «охране восточной границы» внёс на заседании Совета десяти Бальфур, который отметил, что «поляки используют интервал между окончанием войны и решениями мирного конгресса для того, чтобы обеспечить свои притязания на районы, находящиеся вне русской Польши, районы, по отношению к которым во многих случаях они имеют мало прав. ...Восточная Галиция, согласно всем информации, имеющимся в его распоряжении, не хочет быть польской».

Совет десяти решил назначить союзническую комиссию в Варшаве¹. На заседании Совета десяти 24 января было решено поручить Пишону составление проекта письменной инструкции комиссии. Этот проект обсуждался на заседании Совета десяти 29 января и был утверждён. Характерно, что специальным параграфом инструкция предписывала комиссии изучение вопроса о том, насколько польское правительство в состоянии «защитить» свою территорию. Комиссии поручалось точно выяснить, какая «помощь» необходима Польше. В окончательном виде инструкция была утверждена на заседании Совета десяти 1 февраля.

Смысл инструкции заключался в том, что подготовлявшаяся Антантой агрессия против Советской России должна была происходить под видом «защиты своей территории» против «внешней агрессии». Именно подобную махинацию превращения агрессии в «оборону» и разоблачил И. В. Сталин в цитированной выше статье.

В течение первой половины февраля союзники обсуждали вопрос об отправке армии генерала Галлера в Польшу. Вопрос о посылке армии Галлера был передан на изучение союзного транспортно-морского совета в Лондоне. На заседании Совета десяти 25 февраля снова встал вопрос о перевозке армии Галлера в Польшу. На этом

¹ Foreign Relations of the USA, v. III, p. 670—675.

заседании маршал Фош выступил с общим планом вооружённой интервенции в России. В этом плане армия Галлера занимала определённое место. Английская делегация согласилась на отправку телеграммы союзному транспортно-морскому совету в Лондоне с просьбой принять необходимые меры для ускорения решения всех вопросов, связанных с отправкой армии Галлера в Польшу.

На заседании Совета десяти 11 марта 1919 г. Ллойд Джордж рассказал о своём разговоре с приехавшим в Париж представителем Великобритании в Межсоюзнической комиссии по Польше — генералом Виаром. Виар считал, что должен быть немедленно назначен французский генерал, который бы взял на себя командование всей польской армией. Польский президент номинально должен остаться главой армии, с тем чтобы французский генерал был назначен его начальником штаба. Маршал Фош согласился со всем, что говорил Ллойд Джордж. После обсуждения было решено, что польскому правительству будет рекомендовано назначить на должность начальника генерального штаба польской армии генерала Анри, с тем чтобы он при помощи союзников взял на себя организацию польской армии¹.

На заседании Совета десяти 17 марта маршал Фош снова поставил вопрос о положении в Польше. Он указал на то обстоятельство, что в январе союзные и ассоциированные правительства послали в Польшу комиссию для того, чтобы изучить положение. Нуланс (председатель этой комиссии) в своих телеграммах от 5, 8, 11 и 12 марта от имени комиссии обратил внимание Совета на положение, существующее в Польше. По словам Фоша, необходимы немедленные меры со стороны союзников. Фош настаивал на посылке одного польского соединения из Франции. Перевозка войск должна быть осуществлена при помощи румынских, итальянских и австрийских железных дорог. Необходимо участие румынской армии, которая может для этой цели предоставить от 10 до 12 дивизий в хорошем физическом и моральном состоянии. Фош заявил, что румынское правительство в

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 315, 316.

принципе согласилось на это под тем условием, что союзники предоставят Румынии одежду, снаряжение и продовольствие для армии. Фош подчёркивал значение использования румынских войск для борьбы против Советской России, принимая во внимание близость Румынии от театра военных действий. Комбинированные действия Польши и Румынии, говорил Фош, могут составить «солидный барьер против большевизма, который иначе может восторжествовать»¹.

Предложения Фоша являются дальнейшим развитием плана большой интервенции, изложенного на заседании Совета десяти 25 февраля 1919 г. Характерно, что и здесь речь идёт не о том, что было в действительности, — о вооружённой интервенции, а лишь о ...создании «солидного барьера против большевизма». Таким образом, заведомой агрессии против Советской России её организаторы стремились придать форму «законной обороны». Предложения Фоша имели в виду создать большую армию для вторжения в Советскую Россию.

Высказывания Ллойд Джорджа сводились прежде всего к вопросу о том, кто будет платить. Румыния не имеет денег для оплаты подобных военных операций. Поляки также могут выступить лишь в том случае, если будут снабжены всем необходимым и оплачены союзниками. Он, Ллойд Джордж, против того, чтобы перевести войска из Одессы. Разве конференция уже полностью реализовала всё то, что она надеялась сделать в районе Одессы? Здесь говорилось, что украинцы² (петлюровцы) обладают мощной армией, что они в состоянии отбросить большевиков к Москве. В действительности оказывается, что союзные войска, равно как и антибольшевистские и украинские войска, должны были отступить на узенькую полосу на юге страны. Херсон оставлен, и большевики нажимают на Одессу; весь этот богатый хлебный район фактически находится в руках большевиков. И при наличии подобного положения теперь предлагают перевести войска из Одессы! По его мнению, подобное

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 379, 380.

² Под «украинцами» Ллойд Джордж здесь, как и в дальнейшем, имеет в виду войска Западно-украинской республики, а равно войска Петлюры.

предложение явится лишь помощью большевикам. Петлюра не сможет сражаться против большевиков.

«Возражения» Ллойд Джорджа против предложений Фоша на первый взгляд производили впечатление выступления английского премьер-министра «против» плана вооружённой интервенции при помощи малых государств. В действительности это совершенно не так. Какими аргументами оперирует Ллойд Джордж? Требуется ли он прекращения интервенции? Ничего подобного. Его аргументы: 1) Оплачивать эту дорогостоящую операцию должны будут союзники. 2) Операции (как деликатно Ллойд Джордж называет вооружённую интервенцию) в районе Одессы не закончены, и, более того, антибольшевистские силы там отступают, причём «весь богатый хлебный район находится в руках большевиков».

При этих обстоятельствах, патетически восклицает Ллойд Джордж, предлагается перевести румынские войска к Львову, в то время как они нужны в районе Одессы и вообще на юге. Это может оказать помощь большевикам, заявляет Ллойд Джордж, так как «Петлюра не сможет сражаться против большевиков».

Таким образом, аргументация Ллойд Джорджа не принципиальная — против использования вооружённых сил малых стран для интервенции в Советской России; он, как мы видели, за это и лишь возражает с точки зрения целесообразности данного предложения. Не весь интервенционистский план, а лишь данное конкретное предложение представляется Ллойд Джорджу нецелесообразным. Его осуществление будет дорого стоить союзникам (и в первую очередь Англии) и не даст, по мнению Ллойд Джорджа, желаемого эффекта, наоборот, «поможет большевикам», оголит Южный фронт союзников. А Южный фронт в глазах Ллойд Джорджа, к тому же весной 1919 г., имел первостепенную ценность. Ведь именно Южный фронт играл существенную роль в комбинированном первом походе Антанты весной 1919 г., походе Колчака — Деникина — Юденича, что и отмечал И. В. Сталин в статье «К военному положению на Юге»¹. И вдруг предлагают оголить этот фронт во имя сомни-

¹ См. *И. В. Сталин*, Соч., т. 4, стр. 282.

тельной помощи польским войскам! Вот чем объясняется отношение английского премьера к предложениям Фоша об общем плане вооружённой интервенции в России, с которым (планом) он был принципиально согласен.

Пишон обратил внимание Совета на то обстоятельство, что Комиссия по польским делам на заседании 14 марта приняла постановление просить Верховный совет установить при посредстве союзнической комиссии в Варшаве перемирие между польскими и украинскими войсками. Пишон считал, что условия перемирия должны зафиксировать существующее положение. В частности он подчеркнул, что признание за украинцами нефтеносных районов побудит их согласиться на перемирие.

В целях мобилизации всех антисоветских сил для их участия в походе против Советской России Пишон шёл даже на такую приманку, как передача украинцам нефтеносных районов.

Предлагаемое Пишоном «перемирие» было не первым. В феврале 1919 г. был послан в Восточную Галицию с полномочиями от Мирной конференции французский генерал Бертелеми. Его задачей явилось установление польско-украинского «модус вивенди» и заключение перемирия с целью дальнейших мирных переговоров. Генерал Бертелеми предложил украинцам демаркационную линию, согласно которой как Львов, так и нефтяные районы Западной Украины передавались Польше. На этой базе 24 февраля в Львове было подписано перемирие¹.

Однако уже 5 марта польские войска нарушили перемирие, и военные действия возобновились. Ввиду тяжёлого положения польских войск, а главное, стремясь использовать и поляков и так называемую Западно-украинскую республику для борьбы против Советов, Парижская конференция возобновила свои «посреднические услуги».

Маршал Фош, возвращаясь к своему плану, изложенному выше, предложил, чтобы межсоюзный генеральный штаб изучил вопрос о перевозке польских войск из Франции и Одессы в Польшу, а равно вопрос об использовании

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 421—422.

румынских войск. Ллойд Джордж согласился с предложением Фоша о перевозке польских войск из Франции и Одессы (напомним, что на прошлом заседании Совета Ллойд Джордж по причинам, указанным выше, возражал против перевозки польских войск из Одессы). Вильсон поддержал Ллойд Джорджа. Было решено, во-первых, предложить союзному транспортно-морскому совету представить данные о количестве судов, которые каждая союзная страна должна будет дать для перевозки армии генерала Галлера из Франции в Польшу, во-вторых, при посредстве Варшавской комиссии установить между польскими и украинскими войсками перемирие, в условия которого должно войти признание нефтеносных земель за украинцами, и, в-третьих, уполномочить маршала Фоша изучить вопрос о перевозке польских войск из Одессы¹.

На следующем заседании Совета 19 марта вновь обсуждался вопрос о перемирии между поляками и украинцами. Совет десяти заслушал мнение американского представителя в Варшавской межсоюзной комиссии, д-ра Лорда, который был постоянным советником Вильсона по польским делам. Он целиком поддержал мысль о перемирии и настаивал на его ускорении. Что касается условий перемирия, то, ничего не упоминая о нефтеносных землях, Лорд настаивал на том, чтобы в условиях о перемирии совершенно ясно было зафиксировано сохранение в польских руках Львова и железной дороги, соединяющей Львов с Перемышлем. Указывая на то обстоятельство, что удержание Львова в польских руках чрезвычайно желательно до прибытия войск генерала Галлера «или каких-либо иных факторов, которые могут изменить положение в пользу поляков», Лорд хотел использовать перемирие для выигрыша времени. При этом он прибавил, что если украинцы откажутся выполнить требования держав, относящиеся к перемирию, то они будут лишены возможности защищать перед Парижской конференцией важные для них вопросы.

Маршал Фош поддержал предложения Лорда.

Президент Вильсон, поддержанный Ллойд Джорджем,

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 384—385.

внёс предложение о том, чтобы поручить Камбону (последний был председателем польской комиссии Совета десяти) составить послание обоим командующим войсками (польскими и украинскими), причём это послание должно включать в себя предложение, сделанное Лордом. Оно будет подписано председателем конференции и сообщено также польским и украинским представителям¹, находящимся в Париже, с указанием, что их выступление на конференции с изложением соответствующих претензий будет зависеть от принятия ими предложения о перемирии. Это предложение было принято Советом десяти.

Телеграмма на имя генерала Павленко, командующего украинскими силами у Львова, и идентичная телеграмма на имя генерала Розвадовского, начальника польского гарнизона в Львове, была составлена Камбоном на основе предложений, сделанных Лордом и принятых Советом десяти. В этой телеграмме предлагалось немедленное заключение перемирия, причём Львов должен был оставаться в руках поляков, равно как и железная дорога Львов — Перемышль. О нефтеносных землях Восточной Галиции эта телеграмма не упоминала. В случае принятия предложения о перемирии польские и украинские представители приглашались в Париж².

Решение Совета десяти от 19 марта в данном конкретном вопросе отнюдь не было победой одной концепции интервенции над другой. Об этом речь не шла. Обе группы (французы и англо-американцы) занимали в этот момент в вопросе об интервенции одинаковую позицию и сходились на том, что эта интервенция должна осуществляться при помощи вооружённых сил малых стран (в том числе Галиции). Расхождение начиналось в вопросе о том, кто будет в Галиции основным инструментом этой интервенции (пилсудчики или петлюровцы) и кто, таким образом, использует самую интервенцию (и помощь оружием и деньгами Антанты) для захвата Восточной Галиции. Если это будут поляки (пилсудчики), то подобная комбинация

¹ Представители Западно-украинской республики и петлюровской директории, находившиеся в Париже во время Мирной конференции.

² Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 405—412.

пойдёт в большей мере на пользу Франции — хозяина тогдашней Польши. Против *этого* (и только этого), т. е. против усиления позиций Франции в Европе, а не против самого плана интервенции, возражали Вильсон и Ллойд Джордж. Отправка армии Галлера в Восточную Галицию закрепляла польский захват, а следовательно, наряду с решением главного вопроса — об участии Польши в анти-советской интервенции, давала определённый выигрыш Франции. Этот факт наряду с другими является показателем борьбы между державами-победительницами. Следует учитывать, что в это время на конференции шла ожесточённая борьба между Клемансо, Вильсоном и Ллойд Джорджем по ряду вопросов будущего мирного договора с Германией и всего послевоенного устройства (передела) мира, и весьма вероятно, что «уступка» англо-американской группы по вопросу о Восточной Галиции была связана с какими-либо комбинациями и сделками по другим вопросам. Однако эта «уступка», повторяем, ничего не меняла ни в вопросе о продолжении интервенции в Советской России, ни в вопросе о методах её осуществления.

Приняв решение от 19 марта, Совет десяти в ожидании ответа воюющих сторон продолжал заниматься вопросом о переброске армии генерала Галлера из Франции в Польшу.

Помимо транспортных затруднений, на которые систематически ссылались англичане в вопросе о перевозке войск генерала Галлера в Польшу, имелось ещё затруднение с германской стороны. Немцы боялись пропустить войска генерала Галлера через Данциг, опасаясь, что эти войска захватят ряд спорных пунктов на будущей границе между Польшей и Германией. В то время как маршал Фош настаивал на решительных мерах по отношению к немцам, Ллойд Джордж занимал более «мягкую» позицию. Эта «мягкость» Ллойда Джорджа по отношению к Германии (в вопросе о пропуске армии Галлера) была связана с двумя аспектами английской политики того времени: французским и антисоветским. С точки зрения французского аспекта поддержка Ллойд Джорджем сопротивления Германии перевозке армии Галлера являлась частью борьбы против усиления Франции и её пре-

тензий на гегемонию в Европе. С точки зрения антисоветского аспекта благосклонное отношение к Германии было связано с планами использования Германии против Советской России.

На заседании Совета десяти 24 марта было решено поручить переговоры по этому вопросу Комиссии по условиям перемирия в Спа. Было зафиксировано, что маршал Фош должен заявить германской делегации в Спа о том, что всякий отказ от пропуска войск генерала Галлера будет рассматриваться союзниками как нарушение Германией условий перемирия. В случае, однако, если германская делегация откажется дать согласие на пропуск войск генерала Галлера, маршал Фош должен будет снова доложить Верховному военному совету союзников. Согласие Германии было получено, и войска генерала Галлера были отправлены в Польшу.

На заседании Совета десяти 26 апреля Камбон представил доклад Комиссии по польским делам. В этом докладе в частности рассматривался и вопрос о Восточной Галиции. В одном пункте доклада выражается надежда на возможность «заключения перемирия в ближайшем будущем»¹. На заседании Совета десяти 20 мая Пишон докладывал письмо Камбона, в котором имелось сообщение о провале переговоров относительно заключения польско-украинского перемирия.

Что же произошло в период между 19 марта и 20 мая в этом вопросе и почему предложение конференции о перемирии не было осуществлено?

Когда маршалу Фошу удалось добиться отправки армии Галлера в Польшу (16 апреля 1919 г.), положение на польско-украинском фронте серьезно изменилось в пользу поляков. Предложение союзников о перемирии способствовало выигрышу времени поляками. До прибытия войск Галлера в Польшу поляки вели переговоры о перемирии. После прибытия этих войск они изменили тактику и уклонялись от какого бы то ни было перемирия.

В марте 1919 г. представители так называемой Западно-украинской республики и петлюровской директории

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 624.

обратились к президенту Вильсону с телеграммой по вопросу о Восточной Галиции (Западной Украине). На эту телеграмму был получен следующий ответ, опубликованный в «Тан» 30 марта 1919 г.: «Президент Вильсон получил Вашу телеграмму от 17 марта, в которой Вы касаетесь отношений между Украиной и Польшей и миссии генерала Бертелеми. Президент обратил самое серьёзное внимание на Вашу телеграмму. Он хочет Вас заверить в том, что отдаёт себе отчёт в положении и что специальная межсоюзническая миссия будет скоро отправлена (на место), дабы изучить необходимые факты. Президент считает, что в общих интересах Украина должна была бы прекратить военные действия в ожидании приезда этой миссии».

Таким образом, в «общих интересах», т. е. в интересах осуществления планов большой интервенции в Советской России, Вильсон, рекламировавший себя «другом украинцев», помогал отторгнуть от Украины её западную часть.

16 апреля, когда армия Галлера была отправлена из Франции в Польшу, союзники дали делегации Петлюры и западно-украинского правительства официальное обещание, что войска Галлера ни в коем случае не будут сражаться против украинцев в Галиции и что они будут применены исключительно против большевиков, но своё обещание, данное украинцам, руководители Парижской конференции Вильсон, Ллойд Джордж и другие не выполнили. Армия генерала Галлера, вооружённая и экипированная во Франции, обладавшая значительными техническими средствами, вступила в действие.

Как только делегация Западно-украинской республики и петлюровской директории в Париже получила сообщение о действиях войск Галлера против украинцев, она обратилась с меморандумом (он был вручён Клемансо) к председателю Парижской конференции. Меморандум гласил:

«Мы имели задачу дипломатическим путём приостановить империалистическое вторжение поляков, заключить польско-украинское перемирие, *дабы бросить все наши силы против русского большевизма...* Четыре месяца мы работаем в этом смысле и с сожалением кон-

статируем, что наши усилия остались бесполезными. Украина... подверглась нападению поляков, которые, *под предлогом борьбы с большевиками, получили от государств Антанты материальную и моральную помощь*¹.

На этом меморандуме стоит остановиться.

Он прежде всего интересен с точки зрения той аргументации, которую применяют его авторы в обращении к Парижской конференции. Основной мотив авторов меморандума заключается в доказательстве их желания и стремления активно бороться с большевизмом, с Советской Россией. Этот мотив важен не только для характеристики авторов меморандума, но прежде всего потому, что он может (что знали авторы) привлечь внимание и благоволение руководителей Парижской конференции. Эти рассуждения чрезвычайно характерны для общей картины настроений на Парижской конференции в отношении «русского вопроса».

Вопрос о Восточной Галиции обсуждался 21 мая на заседании Совета четырёх. Ллойд Джордж задал вопрос, будут ли украинцы в том случае, если они избавятся от польско-украинского фронта, сражаться с большевиками на других фронтах, и получил желаемый ответ: «Безусловно»². Заявление Ллойда Джорджа, что «поляки пользуются «большевизмом» в качестве предлога для своих империалистических вождедений»³, интересно как показатель того, что Ллойд Джордж прекрасно понимал действительное значение аргументации, которой пользовались обе стороны — пилсудчики и петлюровцы. Они отдавали себе отчёт в том, что Антанта требовала от них и за то она платила им деньги. И пилсудчики и петлюровцы, борясь против Советской России, осуществляли захватнические планы. Восточная Галиция была занята пилсудчиками. Под предлогом, что «галицийская украинская армия не в состоянии далее сопротивляться большевистской армии», пилсудчики получили из Парижа полномочия на военную оккупацию всей Восточной Галиции,

¹ René Martel, La France et la Pologne, p. 93. Курсив мой.—Б. Ш.

² Foreign Relations of the USA, v. V, p. 778.

³ Ibid., p. 781.

замаскированную лишь ссылками на «будущее самоопределение»¹.

В промежутке между 23 мая и 18 июня вопросом о Восточной Галиции занимались Совет четырёх и Комиссия по польским делам под председательством Жюль Камбона. В Совете десяти вопрос о Восточной Галиции был поставлен на заседании 18 июня. На этом заседании Пишон заявил, что Совет четырёх поручил Совету министров иностранных дел (т. е. Совету десяти) вынести окончательное решение по вопросу о границе между Польшей и Украиной. Бальфур предложил положить в основу дискуссии его меморандум, в котором он указывает, что необходимо найти, если возможно, такой план, который, с одной стороны, удовлетворял бы немедленную военную потребность борьбы против большевиков в Восточной Галиции, а с другой — устранял бы возможность компрометирования интересов украинского большинства в Восточной Галиции. Эти две задачи, продолжает Бальфур, на первый взгляд кажутся несовместимыми, поскольку единственные войска, находящиеся в распоряжении союзников для сопротивления большевикам в этом районе, являются польскими². Бальфур считает, что нет возможности провести в ближайшем будущем плебисцит, который выявил бы соотношение обеих сторон. В силу этих соображений, по мнению Бальфура, наилучшим решением явилось бы назначение для Восточной Галиции комиссара, который был бы подчинён Лиге наций. Этот комиссар должен будет работать в полном согласии с поляками и помогать использованию польских войск. Украинцам необходимо сказать, что польская оккупация будет проходить по директивам Лиги наций и им, украинцам, будет дана возможность при помощи плебисцита в будущем повлиять на статус этой страны.

¹ *Temperley, History of the Peace Conference of Paris, London 1924, v. VI, p. 272—273.*

² Именно то обстоятельство, что «единственные войска, находящиеся в распоряжении союзников для сопротивления большевикам (читай — для интервенции против Советской России) в этом районе, являются польскими», и было решающим аргументом, определившим позицию Англии в данном вопросе.— *Б. III.*

Бальфур подчёркивал, что предлагаемый им план является единственной возможностью комбинации двух необходимых условий, а именно: защиты Восточной Галиции в интересах Восточной Европы и политики самоопределения, которую применяют в будущем¹. Первое условие Бальфура — «защита» от большевиков, т. е. интервенция в Советской России,— было решающим мотивом всего его плана. Что касается так называемого самоопределения украинцев, то, как показала практика, это были демагогические лозунги, имевшие целью привлечь жителей Западной Украины к участию в антисоветской интервенции.

Прения продолжались на заседаниях 18 и 25 июня 1919 г. На заседании 25 июня было вынесено решение, уполномочивающее Польшу на военную оккупацию всей Восточной Галиции.

Лансинг поддержал Бальфура против украинцев. Таким образом, от так называемых «симпатий» и «сомнений» Вильсона не осталось и следа.

Если Бальфур и Лансинг предлагали временное (до так называемого плебисцита) «решение» вопроса о Восточной Галиции, то министр иностранных дел Италии барон Соннино выступил с предложением «окончательного решения» этого вопроса. Это «решение», по его мнению, должно было заключаться в установлении польского суверенитета над Восточной Галицией.

На заседании Совета десяти от 18 июня было решено дать польским войскам полную свободу в их продвижении, не предвещая при этом будущего статута Восточной Галиции.

По существу эта резолюция Совета десяти предвещала вопрос о дальнейшем политическом статуте Восточной Галиции: союзники отдавали Западную Украину под власть пилсудчиков, отторгая её от Украины. Никакие словесные обещания о «плебисците», о комиссаре Лиги наций не могут скрыть того исторического факта, что и Англия, и США, и Франция своим решением аннексировали Западную Украину и вопреки воле украинского народа оторвали её от остальной Украины. Это была

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 838.

плата пилсудчикам за участие в прикрытой интервенции в Советской России. Характерным является аргументация, применявшаяся при решении Антантой вопроса о Западной Украине. Пилсудчики, захватывая Западную Украину, осуществляли эту откровенную империалистическую аннексию под флагом «борьбы с большевизмом». Совет десяти, давая разрешение Пилсудскому на военную оккупацию Западной Украины, заявлял, что польская армия Пилсудского есть основная сила, которая на этом участке антисоветского фронта сможет вести борьбу с большевиками. Картина более чем ясная: Западная Украина была предана и продана во имя достижения основной империалистической цели, которую преследовали и Вильсон, и Клемансо, и Ллойд Джордж, и Соннино, — свергнуть советскую власть и реставрировать капиталистический строй в России.

На заседании Совета десяти 25 июня 1919 г. был обсуждён и принят доклад Комиссии по польским делам¹. В основу решения Совета был положен текст резолюции, предложенный Лансингом. Этот текст гласил:

«1. Польское правительство уполномочено оккупировать военными силами Восточную Галицию до реки Збруч.

2. Польское правительство уполномочено применять любые свои военные силы, включая армию Галлера, для этой оккупации.

3. Польское правительство уполномочено установить в Восточной Галиции гражданское управление под мандатом главных союзных и ассоциированных держав, которое должно будет обеспечить, насколько это будет возможно, автономию этой территории и политические, религиозные и личные свободы жителей.

4. Этот мандат будет действовать впредь до следующего самоопределения жителей Восточной Галиции относительно их политической принадлежности»².

Дабы закончить освещение вопроса о Восточной Галиции, остаётся прибавить несколько данных, касающихся дальнейшей судьбы этой территории в связи с системой

¹ Foreign Relations of the USA, v. IV, p. 859—860.

² Ibid., p. 850.

мирных договоров 1919 г., хотя мы этим выходим за хронологические пределы нашей работы.

Вопрос о государственной принадлежности Восточной Галиции не был решён мирными договорами 1919 г. Сен-Жерменский договор с Австрией, подписанный 10 сентября 1919 г., в статье 91 устанавливал лишь отказ Австрии от каких бы то ни было прав на эту территорию (как и на другие территории, отходившие от Австрии). Этот отказ был произведён (в отношении Восточной Галиции) не в пользу Польши, а в пользу главных союзных и объединившихся держав. Что касается Польши, то последняя получила лишь право на оккупацию Восточной Галиции, но не на суверенитет над нею. Этот же принцип был проведён и в особом договоре, подписанном в Севре 10 августа 1920 г. между Францией, Великобританией, Италией и Японией, с одной стороны, и Польшей, Румынией, Чехословакией и Сербо-Хорватско-Словенским государством — с другой. Согласно этому договору Польша получила Западную Галицию, но не Восточную, которая продолжала оставаться, с точки зрения международного права, лишь в польской оккупации.

Что принцип польской оккупации, а не польского суверенитета поддерживался вплоть до 1923 г. (решение Конференции послов по поводу восточных границ Польши), говорит и резолюция Совета Лиги наций от 23 февраля 1921 г. В этой резолюции мы читаем: «Польша является лишь военным оккупантом Галиции, суверенитет над которой попрежнему резервирован за странами Антанты». 27 сентября 1921 г. ассамблея Лиги наций подтвердила эту резолюцию. 6 июля 1921 г. Ллойд Джордж, выступая в парламенте, заявил: «Восточная Галиция находится в настоящее время в военной оккупации Польши, и никакое окончательное решение по этому вопросу не принято. Правда, однако, что поляки колонизируют эту территорию»¹.

Только 15 марта 1923 г. Конференция послов вынесла решение о восточных границах Польши. Восточная Галиция была признана входящей в состав польского государства. С лицемерными заявлениями было покончено.

¹ *René Martel, La France et la Pologne, p. 101.*

Значительный интерес представляет собой декларация, оглашённая украинскими депутатами польского сейма 17 марта 1923 г. против решения Конференции послов.

«В то время, когда реализуется великая идея самоопределения народов, в то время, когда многочисленные угнетённые народы образуют национальное государство, территории, веками принадлежавшие украинцам — Волынь, Холм, Полесье, Подляхье,— оторваны при помощи насилия от их родины — великой земли Украины. Это совершается вопреки воле украинского населения, которое составляет абсолютное большинство в этих районах. Это население является единственным сувереном этих стран. Оно никогда не отрекалось, не отрывается и не отречётся в будущем от естественных прав самоопределения, а равно и от права объединения с другими территориями, этнографически украинскими. В течение всей своей исторической жизни украинский народ мечтал о полном единстве всех этнографически украинских районов и о создании единого украинского государства. Эти его мечты были ещё недавно возведены с особой силой. Всякая иностранная попытка парализовать эти надежды и разделить украинские земли является действительным насилием против самого украинского народа.

Ввиду того, что таким насилием является признание Антантой так называемых восточных границ Польши, мы заявляем, что это признание было предпринято без участия и без согласия украинского народа. Это признание является преступлением против живого тела украинского народа...»¹

Какие выводы можно сделать из этого краткого очерка истории проблемы Восточной Галиции на Парижской мирной конференции? Мы рассмотрели эту проблему, поскольку она непосредственно касалась Советской России и была частью общей проблемы военной интервенции Антанты в России. Вопрос о Восточной Галиции был одним из многих спорных территориальных вопросов, стоявших перед Парижской конференцией. Под каким углом зрения решался этот территориальный

¹ *René Martel, La France et la Pologne, p. 106—107.*

вопрос? Был ли он решён, исходя из этнографического принципа? Отнюдь нет. Ни для кого из «большой четвёрки» не было никаких сомнений относительно этнографического состава населения Восточной Галиции. Никто не отрицал, что огромное большинство населения Восточной Галиции — украинцы. И тем не менее Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо предоставили пилсудчикам бесконтрольное управление Западной Украиной, как военное, так и гражданское.

Эта политика Ллойд Джорджа и Вильсона по вопросу о границах Польши объяснялась тем, что именно панская Польша являлась (из стран, пограничных с Советской Россией) наиболее серьёзной военной силой для вооружённого нападения на Советскую республику. В политической стратегии английского премьер-министра последний аргумент явился решающим. Этот аргумент оказался сильнее того факта, что панская Польша под шумок «борьбы с большевиками» осуществляет империалистический захват Восточной Галиции. Этот захват и явился той ценой, которую Франция, Англия и США заплатили Пилсудскому за участие в интервенции против Советской России, за то, чтобы эту интервенцию осуществляли польские солдаты.

Интересно отметить, что политическая концепция Франции на Парижской конференции 1919 г. — получение прочных гарантий безопасности против повторения германской агрессии — была во имя классовых интересов нарушена самими французами в вопросе о польских границах. В самом деле, одной из действительных гарантий безопасности Франции (против возобновления германской агрессии) была бы граница между Польшей и Германией, проходящая по Одеру и возвращающая Польше её старинные земли. Такая граница нанесла бы в первую очередь удар Пруссии, этому разбойничьему гнезду всех германских агрессоров. Однако французы не настаивали на осуществлении подобного мероприятия в 1919 г., потому что на первом плане стояла у них борьба против Советской России. Франция толкала Польшу не на запад, что было в интересах Польши и Франции, а на восток, для борьбы против Советской России. Великобритания, как и США, не хотела ослабления

Германии, которая в плане англо-американской политической стратегии должна была служить как противовесом Франции, так и в особенности орудием борьбы против Советской России.

Основным аргументом при любом постановлении Парижской конференции, касавшемся Восточной Галиции, был аргумент «борьбы с большевиками». Этим аргументом Англия, Франция, США оправдывали любое империалистическое мероприятие и в том числе и в первую голову стокровенную аннексию пилсудчиками территории Восточной Галиции. Этот империалистический аргумент фигурировал как в постановлениях Совета десяти и Совета четырёх, так и в нотах и обращениях польского правительства Пилсудского и петлюровского правительства.

Следует отметить ещё одно обстоятельство. Парижская конференция начиная с января и по май 1919 г. обсуждала ряд так называемых «мирных» проектов, касающихся Советской России. Шли разговоры о конференции на Принцевых островах, обсуждался вопрос о результатах миссии Буллита, дискутировался так называемый план Нансена, и в это же самое время вопрос о Восточной Галиции систематически обсуждался и решался в плане вооружённой интервенции против России. Ни разу за весь этот период вопрос о Восточной Галиции как о факторе вооружённой интервенции не снимался. Эта интервенция была направлена против Советской России, и в этом была её сущность. В плане вооружённой интервенции, организованной Антантой, одним из его элементов была Восточная Галиция, и в этом был подлинный смысл обсуждения данного вопроса на Парижской «мирной» конференции. Факты неопровержимо доказывают, что так называемая *мирная* конференция в Париже была политическим, организационным штабом *военной* интервенции в России.

ГЛАВА 8

ПРИБАЛТИКА В ПЛАНЕ ВООРУЖЁННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

В момент Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. значительная часть Прибалтики была занята германскими войсками. В договоре о перемирии между Германией и союзниками специально упоминалось о германских войсках, находившихся в пределах территории бывшей Российской империи. Статья 12 договора о перемирии постановляла, что «все германские войска, которые ныне находятся на территориях, составлявших до войны Россию, должны равным образом вернуться в пределы Германии, как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий»¹.

В договоре о перемирии между Антантой и Германией имелся секретный пункт, обязывавший Германию держать войска для борьбы с Советской Россией на востоке до прибытия сил Антанты². На германские войска была возложена задача выполнять поручения Антанты в осуществлении вооружённой интервенции.

Ещё до того, как состоялось «соглашение» между союзниками и Германией, В. И. Ленин гениально предвидел эту грабительскую сделку между двумя группами

¹ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотам и декларациях», ч. II, Литиздат НКВД, Москва 1926, стр. 195.

² На Люцернском конгрессе II Интернационала об этом заявил К. Каутский.— Б. Ш.

империалистов. В докладе 22 октября 1918 г. (т. е. до капитуляции Германии) В. И. Ленин, характеризуя различные течения в среде германской буржуазии накануне поражения, говорил: «...и если Вилсон отвечает сейчас на предложение мира грубым и пренебрежительным отказом, это еще не заставляет партию германских капиталистов, ищущих соглашения с Англией, отказаться от свших планов. Она знает, что иногда согласие может существовать молчаливое, что, если они будут оказывать услуги английским и французским капиталистам против большевиков, за эти услуги вознаграждение может быть в капиталистическом обществе; так бывает, за услуги платят. «Может быть, мы поможем английским и французским капиталистам что-нибудь ограбить, тогда кое-что из ограбленного они оставят у нас»...

Англо-французские капиталисты как бы говорят: придем на Украину, оккупируем и разграбим, но вы, господа немцы, до тех пор ее держите, когда мы придем, вы должны очистить часть Украины, тогда наши оккупационные французские войска будут работать иначе и возьмут Украину себе. Вот как они рассуждают, потому что они понимают, что буржуазия всех оккупированных стран: Финляндии, Украины и Польши, знает, что этой национальной буржуазии не продержаться одного дня, если уйдут немецкие оккупационные войска, и поэтому буржуазия этих стран, которая вчера продавалась немцам, ездил на поклон к немецким империалистам и заключала с ними союз против своих рабочих, как делали украинские меньшевики и эсеры в Тифлисе,— они теперь всем перепродают свое отечество. Вчера продавали его немцам, а ныне продают англичанам и французам. Вот что происходит за кулисами, какие переторжки»¹.

То, что В. И. Ленин предвидел, произошло в форме не молчаливого, а формального письменного соглашения в Компене 11 ноября 1918 г. Однако одно дело было подписать подобное соглашение, а другое — его выполнять. Героическая борьба русского и украинского народов против германских оккупантов и весть о революции в Германии привели к эвакуации германских солдат. Украина и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 234.

Крым были очищены от германской армии. Но в Прибалтике остались контрреволюционные авантюристические элементы и монархическое немецкое офицерство, из которых впоследствии комплектовались белогвардейские отряды Бермонта-Авалова, Ливена и др.

Сейчас же после перемирия на территории Прибалтики началось формирование белогвардейских отрядов при прямом участии германских властей, как военных, так и гражданских. Наиболее активную роль в этом деле играли специальные уполномоченные германского правительства в Прибалтике: социал-демократ Винниг и военный министр германского правительства социал-демократ Носке, известный под именем «кровавого пса». Вербовка в белые армии систематически проводилась среди русских военнопленных, интернированных в германских лагерях.

Провозглашение Латвии, Литвы и Эстонии советскими республиками вызвало беспокойство в кругах Антанты. Территориальное распространение советской власти в Прибалтике послужило одним из серьёзнейших аргументов в пользу сделанного Ллойд Джорджем предложения о конференции на Принцевых островах. Под прикрытием этого предложения Антанта усиленно готовилась создать из Прибалтики плацдарм вооружённой интервенции против Советской России.

В начале декабря 1918 г. в Либаву прибыла английская эскадра под командой адмирала Синклера, к которому и обратились руководители белогвардейских частей за помощью.

В телеграмме американского поверенного в делах в Копенгагене на имя государственного секретаря Соединённых Штатов от 7 января 1919 г. передаётся содержание двух докладов адмирала Синклера о положении в Эстонии и Латвии. Эти доклады рисуют полную неспособность временных правительств Латвии и Эстонии (речь идёт о белых правительствах) справиться с создавшимся положением. Население, как сообщал адмирал Синклер, совершенно равнодушно по отношению к правительству (как в Латвии, так и в Эстонии) и не хочет присоединяться к военным частям, действующим против большевиков. Эстонское буржуазное правительство добивалось

установления английского протектората. Синклер высказался в пользу присылки британского командного состава и штаба. Эта же телеграмма сообщает о проезде через Копенгаген в Англию делегации членов эстонского буржуазного правительства с целью поддержать просьбу о провозглашении британского протектората или о военной помощи¹.

В следующей телеграмме американского поверенного в делах в Копенгагене на имя государственного департамента от 24 января 1919 г. рисуется положение в Латвии. Латвийское буржуазное правительство Ульманиса укрылось в Либаве, в то время как советские латвийские части заняли почти всю Латвию. Американский поверенный в делах сообщает, что в Копенгаген из Либавы прибыл Ульманис вместе с министрами финансов и земледелия. Они высказались в пользу союзнической интервенции. Ульманис также просил о помощи оружием, продовольствием и пр.²

Государственный департамент в телеграмме от 7 февраля рекомендовал американскому поверенному в делах в Копенгагене обсудить совместно с американской делегацией в Париже вопрос о займе для Латвии³.

15 февраля американская делегация на конференции в Париже сообщала в двух телеграммах (вторая из них подписана была Лансингом) об обращениях к ней литовской и эстонской делегаций⁴ в Париже. Обе эти делегации передали американской делегации копии своих обращений на имя председателя конференции с просьбой о признании Литвы и Эстонии в качестве независимых государств и о допущении их представителей на Парижскую конференцию. В обращении эстонского буржуазного правительства содержалась просьба признания за Эстонией прав «воюющей нации в течение её войны против Российской Федеративной Коммунистической Республики»⁵.

Оба эти обращения были рассмотрены на заседании

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 666—667.

² Ibid., p. 667.

³ Ibid., p. 668.

⁴ Речь везде идёт о делегациях и правительствах буржуазных Латвии, Эстонии и Литвы.

⁵ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 668.

американской делегации 15 февраля. В телеграмме американской делегации в Париже на имя государственного департамента от 20 февраля сообщается, на основании заявления эстонской делегации, о заключении соглашения между правительствами Эстонии, Латвии и Литвы для совместной борьбы против большевиков. В этой же телеграмме сообщается о том, что латвийское правительство получило разрешение набирать добровольцев в Швеции, Финляндии и Дании¹.

В тот же день, 20 февраля, поверенный в делах Соединённых Штатов в Копенгагене сообщал, что в разговоре с морским атташе Соединённых Штатов генерал Маннергейм заявил, что его армия готова и способна нанести поражение большевикам на севере России. Она (финская армия), по словам Маннергейма, не нуждается ни в людях, ни в вооружении, а лишь в моральной поддержке со стороны союзников. Маннергейм заявил, что он готов был бы начать военные действия немедленно, если будет в этом смысле поддержан союзниками и если Соединённые Штаты поторопятся с доставкой продовольствия для Финляндии².

Заявление Маннергейма, как и другое его заявление, которое говорило о возможности взятия финскими войсками Петрограда в любой момент, свидетельствует о беспочвенном бахвальстве этого финского вояки. События показали, насколько безосновательны были хвастливые заявления «бравого» генерала.

На заседании Верховного военного совета союзников 17 февраля 1919 г. обсуждался вопрос о германских войсках в Латвии. На этом заседании Бальфур доложил о телеграмме, полученной им от британского адмиралтейства и требовавшей принципиального решения вопроса со стороны Верховного военного совета.

Адмиралтейство сообщало о получении им нескольких просьб германского адмирала Гете о свободном пропуске (в изъятие из блокады Германии) германских войск из западных портов в Данциг, Пилау, Мемель и Либаву. Эти войска, писал немецкий адмирал, необходимы для

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 669.

² Ibidem.

борьбы против большевиков. Верховный военный совет запросил мнение военных и морских советников и комитета по блокаде¹.

Это сообщение является одним из официальных свидетельств сотрудничества между союзными и германскими войсками в борьбе против большевиков. В более открытой форме этот вопрос встал на заседании Совета десяти 5 марта 1919 г., когда маршал Фош доложил Совету новое предложение германской комиссии по перемирию. За два дня до этого, на заседании Верховного военного совета 3 марта, состоялось обсуждение доклада военных и морских советников Верховного военного совета, которым 17 февраля был передан на экспертизу запрос британского адмиралтейства. Военные и морские советники пришли к заключению, что нет оснований для удовлетворения германской просьбы. Однако тут же они писали: «Для того чтобы предотвратить возможность изображения немцами этого отказа (в перевозке германских войск в Балтику), как доказательство того, что союзники бросают Балтийские провинции на милость большевиков, необходимо срочно изучить вопрос о посылке помощи тем местным войсковым соединениям, которые в состоянии оказать сопротивление большевистским войскам»².

Этот пункт является показателем того, что в начале марта 1919 г. союзники считались с наличием двух агентов по осуществлению интервенции из Прибалтики: германских частей и воинских сил белых правительств.

На заседании Совета десяти 5 марта маршал Фош доложил Совету о предложении, полученном им от германской делегации по перемирию, по вопросу о сотрудничестве между германскими и союзными войсками в борьбе против большевиков в Прибалтике и Польше. На этот раз вопрос был поставлен совершенно точно и ясно. В письме германской делегации по перемирию на имя маршала Фоша говорилось: заинтересованы ли державы Антанты — да или нет — в том, чтобы германские войска дрались с большевиками? Если да, то должно быть разрешено перевезти германские войска в Либаву с тем,

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, v. IV, p. 27.

² Ibid., p. 192.

чтобы они могли образовать фронт в Восточной Пруссии, продолжающий польский фронт. Германская делегация при этом сообщала, что немцы уже приготовили морской транспорт и что командование этими войсками находится в Либаве¹.

В этот период оставался ещё не вполне ясным вопрос о распределении ролей между немцами и местными белыми правительствами в осуществлении вооружённой интервенции в Советской России.

12 марта государственный секретарь США Лансинг, отвечая на телеграмму государственного департамента, сообщил, что, по его мнению, Эстония, Латвия и Литва должны получать помощь от Соединённых Штатов. В тот же день Лансинг сообщил государственному департаменту, с одной стороны, и американской миссии в Копенгагене — с другой, о том, что направляется специальная миссия с экспертами в Копенгаген — Стокгольм — Хельсинки — Ревель (Таллин) для того, чтобы изучить экономическое и военное положение в Прибалтике и вопрос о кредитах. Главой этой миссии назначен был подполковник Варвик Грин².

Вопрос о посылке этой миссии рассматривался в тот же день на заседании американской делегации³.

К началу 1919 г. из прежней германской оккупационной армии в Прибалтике осталась так называемая «железная дивизия». На территории Латвии формировались белые латышские отряды под командованием генерала Баллода, немецко-балтийские отряды (так называемый ландвер) и «русские отряды» князя Ливена и Авалова-Бермонта. Общее командование принадлежало германскому генералу фон дер Гольцу, вернувшемуся 1 февраля из Финляндии в Латвию и обосновавшемуся в Либаве, куда в апреле 1919 г. к нему приезжал на свидание Носке. Основные кадры армии составляли германские офицеры, получавшие жалованье от германского правительства.

Первые месяцы 1919 г. союзники и в частности англичане не препятствовали деятельности фон дер Гольца,

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 212.

² Ibid., p. 673—674.

³ Ibid., v. XI, p. 114.

покровительствовали ему. Гольц в своих мемуарах сообщает, что 11 апреля 1919 г. английский адмирал Синклер предложил ему начать поход на Ригу (Рига находилась в руках советских войск с 3 января по 22 мая 1919 г.). Это предложение было отклонено берлинским правительством, которое имело собственные захватнические планы в Прибалтике, ставшие более ясными несколько позже.

Вместо похода на Ригу фон дер Гольц произвёл 16 апреля переворот, разогнал англофильское правительство и создал германфильское правительство во главе с пастором Недра. Союзники и в частности англичане начинают более пристально приглядываться к положению в Прибалтике.

На заседании Совета министров иностранных дел 19 апреля обсуждался доклад продовольственной секции Верховного экономического совета об экономическом положении Латвии, Литвы и Эстонии. Во время этого обсуждения был затронут также вопрос о государственном перевороте, произведённом немцами в Латвии, и о политике союзников в Прибалтике. Докладчиком был Пишон. Он сообщил, что Верховный экономический совет получил настойчивые просьбы от правительств Литвы, Латвии и Эстонии, касающиеся продовольственного положения этих стран. Продовольственная секция Высшего экономического совета не может ничего ответить на эти просьбы, пока не будут получены от Совета десяти ответы на следующие вопросы:

«1. Имеют ли намерение союзные и ассоциированные правительства поддерживать независимые правительства Латвии, Литвы и Эстонии?

2. Если это так, то не повлияет ли на это решение какое-либо соглашение, которое одно или несколько из этих государств может заключить с большевистским правительством, причём этим соглашением будет гарантирована их неприкосновенность и территориальная независимость?

3. Считают ли союзные и ассоциированные правительства, что одно или несколько из них должны, если такая ответственность будет принята, помогать указанным правительствам (стран Прибалтики) различными способами, имеющимися в их распоряжении (финансовая,

моральная и материальная помощь), за исключением посылки союзных войск?

4. Готово ли какое-нибудь из ассоциированных правительств предоставить одному или всем правительствам (стран Прибалтики) заём или открыть им кредит?

5. Правильно ли считает продовольственная секция Верховного экономического совета, что эффективная оккупация Латвии и Литвы германскими войсками должна продолжаться до следующего урожая?

6. Считают ли союзные и ассоциированные правительства, что необходимо оказать помощь как моральную, так и материальную русским белым войскам в Эстонии посылкой продовольствия или оказанием другой помощи в следующих двух целях:

а) для поддержки независимости Эстонии,

б) для осуществления возможного наступления против нынешнего русского правительства.

7. Какова демаркационная линия, которую союзные и ассоциированные правительства намерены установить между Польшей и Литвой в связи с распределением продовольственной помощи?»¹

Приведённый вопросник продовольственной секции Верховного экономического совета представляет собой подлинную схему политики союзников по отношению к Прибалтийским странам. Вопросы, поставленные секцией, затрагивают буквально все стороны этой политики.

Первым на заседании Совета министров иностранных дел (19 апреля) подвергся дискуссии вопрос о германских войсках в Латвии в связи с произведённым ими государственным переворотом. Гувер (который, как известно, в это время стоял во главе американской администрации помощи) сказал, что немцы создали правительство, которое контролируется немецкими помещиками. Вопрос заключается в том, будут ли союзники продолжать снабжать продовольствием латышей или нет. Продолжение помощи латышам будет означать в этих условиях поддержку правительства немецких помещиков.

Важное замечание, проливающее свет на политику союзников по отношению к германским войскам

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 589.

в Прибалтике, сделал Бальфур. Он сказал, что немцы (в Прибалтике) делают два дела: во-первых, борются с большевиками — мероприятие, которое союзники полностью одобряют, и, во-вторых, подавляют латышей, устанавливают власть немецких помещиков — мероприятие, которое союзники не одобряют.

Лансинг коснулся вопроса о возможности отозвания германских войск из Латвии, заметив при этом, что отозвание в настоящий момент привело бы к тому, что страна была бы наводнена большевиками. Он поэтому думает, что помощь союзников латышам должна продолжаться, но что мирный договор должен обязать Германию эвакуировать в будущем свои войска из Латвии.

Бальфур подчеркнул, что на основании перемирия союзные и ассоциированные правительства вправе предписать эвакуацию из Балтийских провинций германских войск. Причина, почему приказ об эвакуации не был дан до сих пор, заключается в том, что союзные и ассоциированные правительства не имеют войск, которые могли бы заменить германские войска. Ясно, что если бы в Прибалтике находились союзные войска, было бы очень легко приказать отвести германские войска. Необходимо послать туда войска союзников для помощи местным властям, ориентирующимся на Антанту.

Таким образом, Бальфур призывал союзников оставить в Прибалтике германские войска для борьбы с большевиками за отсутствием у союзников собственных войск, которые могли бы это сделать.

Лансинг заявил, что латыши недовольны приходом к власти прогерманского правительства. Это может создать чрезвычайно опасное для союзников положение. В этих обстоятельствах, по его мнению, союзные и ассоциированные правительства должны настаивать на отзыве немецких войск и на восстановлении прежнего латвийского правительства, но для этого союзные и ассоциированные правительства должны быть уверены в способности этого правительства бороться с большевиками¹.

¹ В опубликованных государственным департаментом США протоколах Совета четырёх (Foreign Relations of the USA, v. V, VI, W. 1946) отсутствуют протоколы Совета четырёх с 10 по 19 апреля 1919 г.— Б. Ш.

Было решено продолжать продовольственную помощь Латвии, Литве и Эстонии.

Вопрос о политике союзных и ассоциированных государств по отношению к странам Прибалтики снова встал на заседании Совета министров иностранных дел 30 апреля 1919 г. На этом заседании был доложен меморандум, выработанный экспертами американской делегации Лордом и Моррисоном, касающийся союзной политики по отношению к странам Прибалтики.

Меморандум предлагал, чтобы Верховный совет союзников принял немедленные меры к восстановлению проантантовского правительства Латвии и признал это правительство де-факто. Германские военные власти должны отдать соответствующий приказ генералу фон дер Гольцу и потребовать от него невмешательства во внутренние дела Латвии.

В соответствии с предложением, сделанным Лансингом на заседании 19 апреля, в прелиминарный мирный договор (в то время конференция ещё не оставила идеи о заключении сначала прелиминарного мирного договора) должно быть внесено постановление об эвакуации германских войск из Прибалтики. Эта эвакуация должна начаться немедленно после подписания договора и проходить под наблюдением союзных представителей. Признание де-факто, которое Верховный совет должен дать латвийскому правительству, существовавшему до государственного переворота, должно быть распространено на временные правительства Эстонии и Литвы. В целях обеспечения защиты этих трёх стран против большевиков, ввиду предстоящей эвакуации германских войск, союзные и ассоциированные правительства должны согласиться помочь Эстонии, Латвии и Литве необходимым вооружением, продовольствием и кредитами¹.

Таким образом, меморандум, составленный экспертами американской делегации, преследовал две цели: главную — оказать помощь буржуазным правительствам Латвии, Литвы, Эстонии для использования этих стран в качестве плацдарма вооружённой интервенции против Советской России с участием их войск, и вторую,

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 655—656.

подчинённую,— не дать германскому конкуренту прибрать Прибалтику к своим рукам.

Вопрос о политике союзников в Прибалтике в связи с меморандумом американской делегации (идентичные предложения были сделаны британской делегацией) обсуждался на заседании Совета министров иностранных дел 9 мая. На этом заседании был поставлен вопрос о признании независимости Финляндии. Следует отметить, что политика союзников по отношению к Финляндии несколько выделялась из всего комплекса их прибалтийской политики. К моменту обсуждения вопроса о признании Финляндии союзниками положение в этом вопросе рисовалось в следующем виде.

Ещё в мае 1917 г. в статье «Финляндия и Россия» В. И. Ленин писал:

«Царь, правые, монархисты, не за соглашение Сейма с Учредительным Собранием, а за прямое подчинение Финляндии русскому народу. Буржуазия республиканская — за *соглашение* Финляндского сейма с Учредительным Собранием. Сознательный пролетариат и с.-д., *верные* своей программе, за *свободу отделения* Финляндии, как и всех неполноправных народностей, *от* России. Вот бесспорная, ясная, точная картина. Под лозунгом «соглашения», который ровно ничего не решает,— ибо как быть если соглашение *не* будет достигнуто? — буржуазия проводит то же самое, царистское, подчинение, ту же политику аннексий»¹.

Такова была программа и позиция партии большевиков по отношению к Финляндии. Эта позиция не только декларировалась, но и осуществлялась, когда партия стала во главе Советского государства.

После Великой Октябрьской социалистической революции 14 ноября 1917 г. на съезде Финляндской социал-демократической партии в Хельсинки И. В. Сталин, выступая в качестве делегата от советского правительства, заявил:

«Полная свобода устройства своей жизни за финляндским, как и за другими народами России! Добровольный

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XX, изд. 3, стр. 324.

и честный союз финляндского народа с народом русским!»¹

То, что писали и говорили В. И. Ленин и И. В. Сталин, было осуществлено советской властью. 31 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет о признании государственной независимости Финляндской республики. Этот декрет в тот же день был вручен В. И. Лениным в Смольном финляндской делегации.

В ноябре 1917 г. в Финляндии вспыхнула всеобщая политическая забастовка, продолжавшаяся с 13 по 19 ноября и возглавлявшаяся Центральным рабочим революционным советом. Буржуазное правительство Финляндии отдавало себе отчет в том, что собственными силами ему не удастся подавить начавшуюся революцию. Правительство Свинхувуда обратилось за помощью к Германии и Швеции. 28 января 1918 г. в Финляндии образовалось революционное правительство — Совет народных уполномоченных. Правительство Свинхувуда бежало из Хельсинки и укрылось на севере Финляндии, в городе Ваза, откуда в конце января при поддержке шведов, русского белого офицерства, а главное немцев начало наступление на юг.

Усилиями финской реакции при помощи немецких штыков революция в Финляндии была подавлена. Военные действия белой Финляндии против Советской России продолжались в течение всего лета 1918 г. В июле 1918 г. имели место переговоры между представителями Совета Народных Комиссаров РСФСР и финляндским правительством о заключении мирного договора. Эти переговоры не привели к положительным результатам, ввиду грабительских территориальных требований белофинского правительства по прямому подстрекательству Германии. Последнее настаивало на присоединении к Финляндии всего побережья Ледовитого океана, включая Кольский полуостров, Соловецкие острова и большую часть Онежской бухты, а также значительную часть Карелии².

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 4.

² См. «Известия» от 23 августа 1918 г.

Заключению соглашения между Советской Россией и Финляндией мешало то, что Германия вовсе не хотела установления мирных отношений между Советской республикой и находившейся под фактической оккупацией немецких войск Финляндией. И в этом случае, как и в вопросе с Украиной, Германии выгодно было оставить неурегулированными отношения на одной из важнейших границ Советской России, чтобы держать последнюю под постоянной угрозой интервенции. Финляндия находилась полностью в орбите германской внешней политики. 9 октября 1918 г. сейм провозгласил установление монархии в Финляндии и в качестве короля избрал родственника Вильгельма II, принца Фридриха Карла Гессенского. Избрание принца Гессенского королём Финляндии было попыткой финских германофилов удержать Финляндию в орбите германской ориентации. Принц Гессенский не увидел финского престола. Что касается финских реакционных политиков и в частности генерала Маннергейма, то они весьма быстро стали менять свою ориентацию и из германофилов превратились в сторонников Антанты.

Незадолго до военного разгрома Германии Маннергейм отправился в Лондон и Париж, чтобы заручиться поддержкой и помощью США, Англии, Франции. В Лондоне Маннергейму дали понять, что к Финляндии готовы отнестись благожелательно, учитывая её роль в вооружённой борьбе против Советской России. Маннергейму была обещана поддержка для борьбы против России.

16 декабря 1918 г. командующий германскими войсками в Финляндии генерал фон дер Гольц покинул пределы страны вместе с остатками германского экспедиционного корпуса. Маннергейм, сумевший установить связи с Лондоном, был провозглашён регентом Финляндии. На этом посту (который был объединён с постом командующего финской армией) Маннергейм развил активную агрессивную деятельность в вооружённой борьбе против Советской России.

По поводу перемены руководства Финляндии И. В. Сталин писал:

«Отставка Свинхувуда и назначение Маннергейма

означают отказ от «реформ» внутри страны и проектируемый Англией поход на Петроград через Финляндию»¹.

В марте американский вице-консул в Выборге сообщил государственному департаменту о разговоре с командующим финскими войсками на русской границе, личным представителем генерала Маннергейма, который заявил американскому вице-консулу о том, что как он, так и Маннергейм считают необходимым взять Петроград «в целях защиты Финляндии против большевиков», заметив, что «Финляндия рассчитывает получить Мурманский полуостров в качестве вознаграждения за взятие Петрограда»². Это заявление финского генерала, высказавшего точку зрения Маннергейма и стоявших за ним правящих кругов Финляндии, весьма характерно.

Вопрос о признании финляндского буржуазного правительства обсуждался на заседании Совета министров иностранных дел 3 мая 1919 г. До этого вопрос о Финляндии был частично предметом краткой дискуссии на заседании Совета десяти 27 февраля 1919 г. Вопрос касался Аландских островов.

Не считая возможным в настоящей работе исследовать проблему Аландских островов, мы затрагиваем её только под углом зрения отношения к «русскому вопросу» в целом. Последующее решение союзников, передавшее Аландские острова Финляндии, было продиктовано в значительной мере желанием укрепить Финляндию в качестве базы вооружённой интервенции против Советской России. Напомним, что в силу Фридрихсгамского мира 5 сентября 1809 г. Аландский архипелаг перешёл к России.

В марте 1918 г. корпус фон дер Гольца, имевший задачу оккупировать Финляндию, был высажен частично на Аландских островах. Германская оккупация островов продолжалась до осени 1918 г. После ухода немцев между Финляндией и Швецией возник спор о принадлежности Аландских островов.

На заседании Совета десяти 27 февраля 1919 г. Бальфур, докладывая об Аландских островах, сказал, что эти

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 185.

² Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 674.

острова, по его мнению, в данный момент принадлежат Финляндии. Соннино сказал, что с итальянской точки зрения Аландские острова продолжают принадлежать России. Далее Соннино сказал, что уже раньше было решено, что все вопросы, касающиеся России, как, например, эстонский, литовский, латвийский, украинский, будут обсуждены после того, как вся русская проблема в целом подвергнется дискуссии. Желательно было бы и Аландский вопрос рассмотреть в связи с общим обсуждением русской проблемы. Кроме того, он думает, что этот вопрос вообще выходит из компетенции конференции и должен быть передан Лиге наций.

Было решено отложить обсуждение Аландского вопроса.

На заседании Совета министров иностранных дел 3 мая 1919 г. докладчиком по вопросу о признании Финляндии был Пишон. Он отметил, что этот вопрос был передан Совету министров иностранных дел главами правительств, причём сослался также на письмо Гувера на имя президента Вильсона, письмо, в котором Гувер настаивал на признании Финляндии. В этом письме от 26 апреля 1919 г. Гувер в качестве основания для признания Соединёнными Штатами Финляндии приводит то обстоятельство, что в Финляндии создано министерство, имеющее «либеральный характер». Так характеризовал Гувер финское буржуазное правительство, проводившее беспощадный, свирепый белый террор¹.

От имени Франции выступал Лярош, который заявил, что с момента создания правительства генерала Маннергейма между ним и французским правительством установлены дружеские отношения. Французское правительство выражает пожелание признать Финляндию и призывает к этому все союзные и ассоциированные державы. Франция поддерживает предложение, сделанное американской делегацией.

Лансинг сказал, что правительство Соединённых Штатов готово признать Финляндию, а её правительство в качестве де-факто правительства (через четыре дня

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 667—668.

после этого заседания, 7 мая 1919 г., Соединённые Штаты признали Финляндию де-факто).

От имени Великобритании выступил лорд Гардинг, который заявил, что британское правительство полностью согласно признать Финляндию. Чрезвычайно желательно, сказал он, поддержать правительство генерала Маннергейма, «являющееся лучшей гарантией против развития большевизма».

По этому вопросу (и это показательно) выступил также представитель Японии Макино, очень редко участвовавший в дискуссии по европейским проблемам. Однако вопрос о признании Финляндии был частью «русского вопроса», а этот последний весьма интересовал Японию. Макино согласился с желательностью признания Финляндии, но при этом сделал такое замечание. Согласно его информации генерал Юденич образовал Добровольческую армию с целью атаковать большевистские армии около Петрограда. Следует признать, сказал Макино, что направление, которое выбрал генерал Юденич для нападения на Петроград, является наиболее удобным, и, если финскому правительству будет предложено предоставить ему свободу рук, это сильно облегчит операции и вынудит большевиков к отступлению.

Гардинг заявил, что британское правительство держится того мнения, что всякая операция, которая будет предпринята против Петрограда, должна являться частью комбинированной операции в соответствии с принятой общей политикой великих держав.

Макино заявил, что, по его сведениям, Юденич действует отнюдь не сепаратно, а находится в контакте с Кóлчаком и другими антибольшевистскими силами.

В конце дискуссии Лансинг заявил, что он считает, что предложение Макино заслуживает внимания.

Пишон согласился с Лансингом.

На этом заседании, 3 мая 1919 г., было решено: 1) что правительства Соединённых Штатов Америки и Великобритании немедленно и в отдельности признают Финляндию и её правительство; 2) что после этого признания Финляндии и после назначения официальных дипломатических представителей правительства Соединённых Штатов, Великобритании и Франции дадут своим

представителям инструкции требовать от финского правительства принять решения, которые Мирная конференция вынесет по отношению к границам Финляндии; 3) что Макино незамедлительно сообщит эти решения своему правительству с целью принятия Японией тех же шагов¹.

Обсуждение вопроса о признании Финляндии происходило в Совете министров иностранных дел как раз в тот момент, когда союзники приступили к обсуждению и решению вопроса о признании правительства адмирала Колчака в качестве всероссийского правительства и приняли меры для организации вооружённых сил малых государств на всём протяжении западной границы Советской России с тем, чтобы при помощи этих сил расширить масштабы антисоветской интервенции. Одним из таких плацдармов интервенции, и притом особенно выгодным с точки зрения нападения на Петроград, была Финляндия. С точки зрения использования Финляндии в качестве военного плацдарма признание Финляндии и её правительства было необходимым условием. Именно это обстоятельство и было действительным содержанием прений по вопросу о признании Финляндии, развернувшихся на заседании 3 мая 1919 г.

Следует при этом отметить откровенный характер предложений барона Макино и важность поднятого лордом Гардингом вопроса о границах Финляндии. Требуя от финского правительства согласия на будущие границы Финляндии, которые установит Мирная конференция (т. е. союзники), Совет министров иностранных дел тем самым привязывал Финляндию к собственной колеснице. Добиваясь расширения своих границ за счёт России и вместе с тем соглашаясь на признание тех границ, которые будут установлены союзниками, финляндские правящие круги тем самым попадали в полную зависимость от союзников.

Вот почему в ноте от 20 мая 1919 г. финскому правительству Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР писал: «Российское Советское правительство хорошо знает, что нынешнее Финляндское правительство

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 662—663.

в своих враждебных действиях против Советской Республики является лишь орудием в руках держав Соглашения, желающих использовать его для нападения на Советскую Россию»¹. Этот анализ, данный в ноте советского правительства от 20 мая 1919 г., подтвердился особенно ярко в момент второго похода Антанты осенью 1919 г., когда союзники обращались с Финляндией как со своим вассалом. Прения в Совете министров иностранных дел на заседании 3 мая 1919 г. и решения Совета явились частью плана похода против Советской России, известного под именем «первого похода Антанты».

Вернёмся к вопросу о политике союзников по отношению к странам Прибалтики — Эстонии, Латвии и Литве.

Обсуждение политики союзников по отношению к Прибалтийским государствам возобновилось на заседании 9 мая 1919 г. Это обсуждение началось с выступления Бальфура, который заявил, что требуется оказать помощь и поддержку эстонскому правительству, борющемуся против большевиков. Эстония нуждается в снаряжении, продовольствии и средствах. Союзные и ассоциированные правительства должны признать эстонское правительство де-факто и оказать этому правительству помощь. Это надо сделать срочно, так как судьба эстонского правительства висит на волоске. Британское правительство уже оказало морскую помощь и послало материалы. Британское правительство хочет продолжать эту акцию в контакте с другими союзными и ассоциированными правительствами. Бальфур считал бы очень желательным, чтобы была общая акция в этом направлении.

Пишон объяснил, что французское правительство находится с эстонскими представителями в таких отношениях, как если бы признание де-факто имело место.

Лансинг заявил: «Признание правительств де-факто на бывших русских территориях является мероприятием по расчленению России, чего Соединённые Штаты Америки тщательно избегают, исключая вопрос о Финляндии и Польше»².

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 266.

² Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 687—688.

Это заявление государственного секретаря США по вопросу о русской политике является в высшей степени лицемерным и выдержано в стиле вильсоновской демагогии. Заявляя *на словах* о том, что Соединённые Штаты против политики расчленения России, США *на деле* принимали активное участие во всех мероприятиях, целью которых было расчленение России. Именно в этот момент Соединённые Штаты не только оказывали помощь вооружением и всем прочим той борьбе, которую буржуазные правительства Латвии, Эстонии, Литвы, Финляндии и Польши вели против России, но и при помощи американских войск принимали непосредственное участие в вооружённой интервенции, направленной на расчленение России.

Как видно из прений, все присутствовавшие на заседании поняли истинный смысл заявления Лансинга: громкими словами прикрыть интервенционистские дела. Все занялись обсуждением практического вопроса об организации этого участка интервенции, занялись практическим обсуждением плана *расчленения* России.

Совет министров иностранных дел перешёл к обсуждению вопроса о Латвии и Литве. Гувер сделал обзор положения в этих странах.

Неделю или десять дней тому назад германское командование просило, чтобы британский флот помог германским силам взять Ригу. Таким образом, снова практически ставился вопрос о координации действий британского военного флота и германских сухопутных соединений. Гувер заявил, что с «гуманитарной точки зрения» желательно сотрудничество между британским флотом и германскими войсками. К точке зрения Гувера присоединился Лансинг, сказавший, что, если решение не будет найдено, союзные и ассоциированные правительства возьмут на себя ответственность за ухудшение положения в этих странах. Лансинг подчеркнул, что создалось положение, когда благодаря перемирию союзные и ассоциированные правительства делаются союзниками немцев в Балтийских провинциях. Это, по мнению Лансинга, происходит потому, что сами союзники не могут послать туда своих сил. Лансинг считает, что «гуманитарная точка зрения должна одержать верх», т. е. необходим контакт дей-

ствий союзников и немцев. Американские власти, заявил Лансинг, изучили те обвинения, которые были высказаны против немцев, и нашли, что немцы вели себя лучше, нежели об этом сообщалось. Генерал фон дер Гольц проявлял добрую волю. По мнению Лансинга, не существует опасности дурного поведения немцев.

Таким образом, Лансинг не только занял открытую германофильскую позицию, но прямо высказался за сотрудничество с немцами в Прибалтике против Советской России, прикрывая это сотрудничество фиговым листком «гуманитарных» соображений.

Обсуждение кончилось назначением специального комитета из представителей США, Великобритании, Франции и Италии. Эти экономические, морские и военные эксперты должны были представить доклад о методах установления и поддержания порядка в Балтийских государствах¹.

Эта дискуссия говорит сама за себя. Все союзники хотели использовать страны Прибалтики в борьбе против Советской России, и вопрос шёл лишь о том, каким образом это сделать. Лансинг, который только что на словах высказывался «против» расчленения России, на деле всячески поощрял поведение немцев в Прибалтике, которое явно было направлено к захвату Балтийских провинций Германией, к отторжению их от России и созданию антисоветского плацдарма. Однако для союзных интервентов важно было то, что немцы являются реальной силой, которая может сражаться с большевиками. Пишон, с ханжеским видом заявлявший, что сотрудничество с немцами неудобно по «моральным соображениям», дальше этой декларации не шёл и соглашался с назначением комитета, задачей которого являлась выработка программы вооружённой интервенции и в частности программы сотрудничества с немцами для осуществления этой цели.

Никаких принципиальных расхождений между союзниками по вопросу о превращении Балтийских провинций в плацдарм вооружённой интервенции против России не было. Обсуждался лишь вопрос, как лучше это сделать. Всем улыбалось использование немецких войск

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 690—693.

против России (учитывая отсутствие собственных), но некоторые союзники боялись, что немцы захватят Прибалтику и вывнут, таким образом, добычу из рук Антанты. В этом смысл всех «моральных» соображений Лансинга, Пишона и других организаторов и вдохновителей антисоветской интервенции.

На заседании Совета министров иностранных дел 14 мая рассматривался и был решён вопрос о переброске в Балтийские провинции русских военнопленных из Германии. Эта переброска была частью общего плана перевозки русских военнопленных из Германии в те части России, которые являлись территориями белых правительств для комплектования антисоветских армий.

Вопрос о политике союзников в Прибалтике в целом снова обсуждался на заседании Совета министров иностранных дел 23 мая 1919 г. К этому заседанию был представлен доклад Межсоюзнического комитета, образованного Советом министров иностранных дел 9 мая. Комитет, собравшийся 14 мая, пришёл к следующим заключениям: настоящее положение в Литве и Латвии отдаёт поддержку порядку целиком в руки германской армии. Это положение не должно продолжаться; решение заключается в организации местных сил и помощи добровольцев извне.

Совету министров иностранных дел были представлены рекомендации: немцам должно быть предъявлено требование о выводе своих войск из Латвии и Литвы с заменой этих войск организованными местными силами. Организация этих местных сил должна происходить возможно быстрее. Полномочная военная миссия под руководством английского генерала должна быть отправлена в Прибалтику с тем, чтобы она могла давать советы правительствам Эстонии, Латвии и Литвы по всем вопросам, касающимся организации, снабжения и обучения местных сил и добровольцев, которых необходимо получить из других стран. Эта же миссия должна будет давать советы вышеуказанным правительствам о наилучших методах борьбы с большевиками. Добровольцы должны рекрутироваться в Скандинавских странах, включая Финляндию. Кредит в 10 млн. фунтов стерлингов должен быть предоставлен Балтийским государствам союзными и ассоцииро-

ванными правительствами. Этот кредит должен быть употреблён по указаниям политических и военных миссий¹.

Новое в этих предложениях заключалось в том, что Межсоюзнический комитет открыто высказался за организацию постоянного снабжения государств Прибалтики оружием, боеприпасами и продовольствием, а равно за оказание помощи в организации местных армий. Вопрос об организации интервенции из Прибалтики сводился в этот момент к проблеме, какие вооружённые силы использовать для её осуществления. Антанта оказалась не в состоянии осуществлять интервенцию в задуманных масштабах собственными войсками. В Прибалтике оставались немцы, силы местных буржуазных правительств и белогвардейские войска (Юденич, Родзянко, Авалов-Бермонт, Ливен). Этими силами Антанта в значительной мере осуществляла интервенцию в Прибалтике. На словах комитет высказался за отказ от использования немецких частей и за их эвакуацию из Прибалтики, подчеркнув, что данное мероприятие может быть осуществлено после замены их другими силами.

Рекомендация комитета о желательности отзыва германских войск из Прибалтики отнюдь не означала, что эти войска действительно были немедленно отозваны и что союзники отказались от их услуг в интервенции.

На заседании Совета министров иностранных дел 23 мая, когда обсуждался доклад Межсоюзнического комитета, Гувер (который был докладчиком) сообщил Совету министров, что 22 мая германские войска заняли Ригу. Упомянувшийся нами выше подполковник Грин, посланный американской делегацией в Прибалтику, сообщил, что взятие Риги имело место в результате комбинированных атак латышских частей, русских белогвардейцев и германской так называемой «железной дивизии»².

Можно ли было в этих условиях говорить о каких-то «моральных и гуманитарных соображениях», когда германские войска так хорошо помогали Антанте в борьбе с советской властью!

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 762—763.

² Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 677.

На этом же заседании 23 мая Гувер сообщил Совету министров иностранных дел содержание телеграммы, полученной от начальника продовольственной миссии, посланной в Финляндию американцами. В телеграмме сообщалось, что русские (белогвардейские) и эстонские войска находятся в 80 километрах за Нарвой по направлению к Петрограду. Штаб «русского северного корпуса» запрашивал, возьмут ли союзники на себя обязательство снабдить продовольствием армию и жителей Петроградского округа. Американский представитель настаивал на немедленном положительном решении этого вопроса, подчёркивая, что от такого решения зависит продолжение наступления.

Суммируя, Гувер сформулировал следующие четыре пункта, по которым Совет министров иностранных дел должен был вынести своё решение:

1. Необходимо ли оказать помощь Эстонии оружием, снаряжением и деньгами?

2. Что необходимо предпринять по вопросу об оккупации Риги германскими войсками?

3. Что делать с прибалтийскими границами, установленными немцами в Латвии и Литве?

4. Должны ли союзные и ассоциированные державы поддержать наступление на Петроград прямо или косвенно? ¹

Пишон заметил, что сообщение Гувера и его предложения совпадают с донесениями, полученными от командира французского морского дивизиона в Либаве. Этот командир сообщал, что немцы полностью хозяйничают в Латвии. Пастор Недра — германofil и прямой агент немцев — захватил власть. Немцы ведут себя так, как если бы они окончательно обосновались в стране. Командир дивизиона сообщает о враждебном отношении немцев к союзническим миссиям и настаивает на немедленном создании латвийской национальной армии с тем, чтобы добиться эвакуации немецких войск из Прибалтики ².

Гувер сделал следующее предложение. Он считает, что ключ всего положения находится в Эстонии. Эстонцы

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 753.

² Ibid., p. 761.

создали упорядоченное правительство. Если ему помочь, то оно сможет постепенно разрешить германскую проблему в Балтике. В настоящий момент было бы очень трудно удалить немцев без того, чтобы большевики просто не заняли их место. Представляется наилучшим методом всячески поддерживать эстонцев с тем, чтобы они могли распространить свою власть в западном направлении; нужно поощрять эстонцев в их наступлении на Петроград.

Бальфур заявил, что в основных линиях он одобряет политику, предложенную Гувером, поскольку, как ему, Бальфуру, известно, Эстония имеет силы, продвигающиеся к Петрограду. Он хотел бы знать, какое влияние окажет наступление на Петроград на положение на Архангельском фронте, а также в Латвии и Литве.

По его предложению Совет министров иностранных дел заслушал начальника британского имперского генерального штаба генерала Генри Вильсона.

Бальфур внёс резолюцию: эстонская армия должна быть снабжена продовольствием. Петроград, если будет захвачен, должен быть также снабжён продовольствием. Всё возможное вооружение и припасы должны быть посланы. Должно быть послано сообщение адмиралу Колчаку.

Совет министров иностранных дел решил принять пункты 1, 2, 3, 5 и 6 предложений Комитета. Что касается пункта 4 (заём), а равно вопроса о наступлении на Петроград, то это решено было доложить Совету четырёх¹.

Германские войска продолжали оставаться в Прибалтике с согласия союзников, которые хотя и опасались, что немцы могут там закрепиться политически и экономически, но в ещё большей степени боялись, что эвакуация немецких войск приведёт к большевизации стран Прибалтики и лишит Антанту военных сил, с помощью которых можно расширить военную интервенцию в России. Сами же союзники не были в состоянии послать собственные воинские части для оккупации Прибалтийских стран. Положение, созданное в Прибалтике, нашло также своё

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 753—757.

отражение в меморандуме, который был послан главою американской миссии в Прибалтике Грином на имя генерального секретаря американской мирной делегации Грю. Этот меморандум датирован 28 июня 1919 г., т. е. днём подписания Версальского договора. Обращаем также внимание на то обстоятельство, что этот меморандум был составлен спустя месяц после постановления Совета министров иностранных дел (от 24 мая) о так называемом отозвании германских войск из Латвии. Меморандум Грина сводился к следующим положениям.

Общая обстановка в Балтийских провинциях является критической, в особенности с военной точки зрения. Требуются немедленные действия со стороны союзных и ассоциированных правительств. Значение Балтийских провинций и Литвы неизмеримо больше занимаемой ими территории и их населения. Это значение они имеют вследствие своего географического положения, которое делает из них запасной, и притом в настоящее время наиболее важный, ключ ко всей русской проблеме. Эти районы (Прибалтика) только недавно были очищены от советских войск, в значительной мере при помощи германских войск.

Бездействие союзных и ассоциированных правительств приведёт к тому, что эти районы попадут либо в руки большевиков, либо в руки немцев — в зависимости от того, кто окажется сильнее. Если большевизм захватит Прибалтику, он будет угрожать Западной Европе. Слишком быстрая эвакуация германских войск — раньше, чем будут заключены соглашения о помощи местным военным силам, — может лишь облегчить укрепление большевиков в Балтике. С другой стороны, пребывание германских войск и германская помощь местным войскам дадут Германии преимущественное влияние на будущую судьбу России.

Могут быть предложены два возможных средства:

1. Великобритания и Соединённые Штаты полностью принимают мандаты на эти территории.

2. Местные национальные силы (эстонцы, латыши, литовцы и балтийские немцы) совместно с русскими и иностранными добровольцами должны получать помощь,

а британская военная миссия должна руководить военной обстановкой. Соединённые Штаты должны оказывать продовольственную помощь и сотрудничать с Великобританией в посылке вооружения и в предоставлении кредитов¹.

Этот документ представляется весьма интересным не только с точки зрения его выводов, но и с точки зрения расшифровки той тактики, которую союзники осуществляли в отношении пребывания германских войск в Прибалтике. Новым предложением является пункт 1, говорящий о возможности передачи мандата на Прибалтику Великобритании и Соединённым Штатам. Такое предложение появляется впервые. Чрезвычайно характерно, что именно Великобритания и Соединённые Штаты предлагаются здесь в качестве стран-мандатариев. Показательной является та часть меморандума, в которой анализируется общая обстановка в Прибалтике и в частности отмечается двойственная роль, которую играли германские войска в Прибалтике в расчётах союзников. Положительной, с точки зрения союзников, эта роль была, поскольку германские войска препятствовали большевизации Прибалтики, иначе говоря, поскольку они осуществляли интервенцию против Советской России. В этом смысл всей линии поведения союзников в вопросе о пребывании немецких войск в Прибалтике.

На заседании 7 июня Совет четырёх ещё раз продемонстрировал эту политику союзников по отношению к пребыванию германских войск в Прибалтике. Во имя борьбы с Советской Россией союзники готовы были идти на всё, даже на опасность закрепления в Прибалтике Германии — своего конкурента на мировых рынках, противника в только что закончившейся войне.

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 682—683.

ГЛАВА 9

ПРИЗНАНИЕ АНТАНТОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА КОЛЧАКА

На заседании Совета четырёх 7 мая 1919 г. Ллойд Джордж заявил, что обстановка в России за последнее время значительно изменилась. Можно предвидеть близкое падение большевиков. В силу этого британский кабинет считает необходимым принять какое-либо решение. Колчак сильно продвинулся, и он в состоянии соединиться с силами, базирующимися на Архангельск. Возможно, что он в состоянии наступать прямо на Москву. Следовательно, в ближайшее время союзные и ассоциированные державы могут встретиться с правительством Колчака в Москве. Согласно информации Колчак является солдатом, его политическая программа расплывчата и неопределённая. Деникин прогермански настроен или находится в руках прогермански настроенного начальника штаба. Всё это вызывает желательность предъявления определённых условий Колчаку и Деникину, прежде чем им будет оказана дальнейшая помощь.

Президент Вильсон предложил затребовать программу Колчака и указать, что помощь союзников будет зависеть от характера программы. Большевики должны пасть, сказал Вильсон, надо принять меры, чтобы Россия не возродилась в прежнем виде. Следует воспрепятствовать установлению индустриального и торгового союза России с Германией.

Разговоры о «реформах», которые должен осуществить Колчак, и о гарантиях с его стороны об установле-

нии после победы над Советами «демократического строя» в России имели задачу затушевать перед широкими массами факт поддержки «демократом» Вильсоном и «либералом» Ллойд Джорджем махрового монархиста Колчака, душителя свободы. «Герой капитализма» (по выражению В. И. Ленина) «демократ» Вильсон и «специалист по одурачиванию масс» (по выражению В. И. Ленина) «либерал» Ллойд Джордж сделали вид, что они верят в «демократизм» Колчака — этого злейшего врага трудящихся. Именно Вильсону и Ллойд Джорджу принадлежит инициатива предложения признания Колчака и опоры на него в качестве основной антибольшевистской силы. Предыдущие заявления Вильсона и Ллойд Джорджа о мирном соглашении с советским правительством — Принцезы острова, миссия Буллита, план Нансена — всё это было не более как маскировкой истинных империалистических целей. Хотя 16 апреля Ллойд Джордж и называл военную интервенцию в России «самой большой глупостью», но эта оценка относилась не к вооружённой интервенции, как таковой, а только к посылке войск Антанты. Теперь же, когда речь шла об осуществлении большой интервенции при помощи вооружённых Антантой сил белогвардейцев и окраинных государств, когда намечался успех (Колчак наступал), и Вильсон и Ллойд Джордж сбросили маски: они за монархиста Колчака, только бы поскорей ликвидировать советскую власть. И Вильсону и Ллойд Джорджу представлялось, что вооружённая интервенция Антанты против Советской России близка к победному концу. По своей природе великих демагогов капитализма они делают ещё кое-какие «демократические» оговорки, например, о реформах, но всё это словесная мишура. Реальная суть — все силы реакции на свержение советской власти. В поход!

Об этом походе Антанты И. В. Сталин писал:

«Первый поход был предпринят весной 1919 года. Поход этот был комбинированный, ибо он предполагал совместное нападение Колчака, Деникина, Польши, Юденича и смешанных англо-русских отрядов в Туркестане и в Архангельске, причём центр тяжести похода лежал в районе Колчака.

В этот период Антанта, единая и сплочённая, стоит на точке зрения открытой интервенции: слабость рабочего движения на Западе, многочисленность врагов Советской России и полная уверенность в победе над Россией позволяли заправилам Антанты практиковать наглую политику неприкрытой интервенции.

В этот период Россия переживала критическую минуту, ибо она, отрезанная от хлебных районов (Сибирь, Украина, Северный Кавказ) и от топлива (Донецкий бассейн, Грозный, Баку), вынуждена была бороться на шести фронтах. Антанта видит это и предвкушает победу. «Таймс» бьёт в литавры»¹.

Этот звон литавр был слышен и в выступлении Ллойд Джорджа 7 мая 1919 г., которому

«...казалось, что Колчак представляет собой непобедимую силу, потому что его войска были передовым отрядом международного империализма»².

«...Колчак, который имел помощь всех сильнейших держав мира, который имел железнодорожную линию, охранявшуюся сотнями тысяч войск иностранных держав, в том числе лучшими войсками международных империалистов...»³, — отметил В. И. Ленин.

Стратегический план этого похода был раскрыт И. В. Сталиным, который писал:

«Весной 1919 года против Советской России был задуман комбинированный поход Колчака—Деникина—Юденича. Главный удар должен был нанести Колчак, с которым Деникин надеялся соединиться в Саратове для совместного наступления на Москву с востока. Юденичу был предоставлен вспомогательный удар по Петрограду.

Цель похода была формулирована в докладе Гучкова Деникину: «задушить большевизм одним ударом, лишив его основных жизненных центров — Москвы и Петрограда»⁴.

«Русский вопрос» обсуждался и на следующем заседании Совета четырёх — 9 мая 1919 г. На этом заседании основным оратором был президент Вильсон. Он вы-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 320.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 543.

³ Там же.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 282.

ступил с длинным заявлением, в котором сказал: Как известно, Соединённые Штаты, как это было условлено известное время тому назад между союзными и ассоциированными державами, участвовали также в посылке помощи гражданскому населению в Сибири через Владивосток. По соглашению между союзниками и г. Стивенсом, который уже давно, ещё во время старого режима, находился в Сибири, он был назначен главою достаточно беспокойной комиссии по охране и наблюдению за железными дорогами Сибири. Соединённые Штаты согласились нести ответственность за железнодорожную сеть вплоть до города Иркутска. Теперь правительство Соединённых Штатов стоит перед следующей альтернативой: стать на сторону Колчака и послать более значительные силы в Сибирь или отозвать свои войска.

Если будет принята первая альтернатива и Соединённые Штаты усилят свои войска, нет сомнения, что японцы захотят усилить свои войска ещё больше. Если американские войска будут отозваны, то поле действия будет предоставлено японцам и Колчаку, которого поддерживают союзники.

Следуя своему обычному лицемерному методу, Вильсон пытается представить американскую вооружённую интервенцию в Сибири и на Дальнем Востоке как гуманитарное дело по «охране железной дороги» и связывает посылку американских войск с миссией Стивенса, представлявшей попытку американского монополистического капитала захватить в свои руки русский Дальний Восток. В выступлении сквозит боязнь, что отзыв американских войск поведёт к захвату Дальнего Востока японцами, чего Вильсон — представитель американского монополистического капитала — не хотел ¹.

¹ Вильсон вынужден был дать несколько позже более пространное «объяснение», относящееся к миссии Стивенса, поскольку со стороны сената США последовал запрос о причинах пребывания американских войск в Сибири. В своём ответе сенату Вильсон писал:

«В феврале 1919 г. при завершении переговоров, которые велись в начале лета 1918 г., Соединённые Штаты приняли предложенный Японией план об установлении наблюдения над Сибирской железной дорогой со стороны международного комитета, при котором Джон Ф. Стивенс руководил бы работой русского корпуса железнодорожной службы. В этой связи следует напомнить, что Джон

20 мая Совет четырёх обсуждал вопрос о политике Антанты в отношении России. Вильсон сказал, что следовало бы послать новое предложение различным русским груп-

Ф. Стивенс прибыл в Россию весной 1917 г. по просьбе русского Временного правительства. Несколько месяцев спустя он был назначен официальным советником министерства путей сообщения в Петрограде при Временном правительстве..

По просьбе Временного правительства и при поддержке Джона Ф. Стивенса был организован так называемый русский корпус железнодорожной службы, состоявший из американских инженеров. Первоначально этот корпус состоял из 14 обычных кадровых отрядов; имелось в виду, что чины этого корпуса фактически явятся советниками и помощниками на 14 различных участках Сибирской железной дороги; они должны были помогать русским своими познаниями в области дальних перевозок, принятых в этой стране и являющихся правилом, а не исключением в Сибири..

Соответствующим образом, как это было предусмотрено в плане для железной дороги и с одобрения Межсоюзнического комитета, военное командование в Сибири расположило войска там, где это необходимо для поддержания порядка на различных участках пути.

Полагают, что американские силы под командой генерала Грэвса охраняют части пути возле Владивостока и также участок вокруг Верхнеудинска. По слухам, небольшое количество американских войск находится также в Харбине. Однако точное расположение американских войск меняется время от времени по указанию генерала Грэвса..

цель оставления американских войск в Сибири заключается в том, чтобы с помощью Великих союзных держав мы могли сохранить открытой нужную торговую артерию и оказать многочисленному населению Сибири экономическую помощь...» («Советско-американские отношения. Сборник документов», изд. НКВД, 1934, стр. 21—22).

Интересно, что лживое «объяснение» Вильсона было в известной мере разоблачено.. самим Вильсоном в следующем заявлении, которое он вынужден был опубликовать 3 августа 1918 г. Обширный план посылки в Сибирь американских агентов под самыми разнообразными этикетками свидетельствовал об обширных и далеко идущих намерениях американского капитала. Вот что говорилось в этом заявлении:

«Правительство Соединённых Штатов надеется и намеревается также при первой возможности послать в Сибирь комиссию из коммерсантов, сельскохозяйственных экспертов, советников по вопросам труда, представителей Красного креста и представителей Христианской ассоциации молодых людей, имеющих опыт в организации наилучшим способом распространения полезных сведений и оказания в скромном масштабе педагогической помощи для удовлетворения систематическим образом неотложных экономических надобностей народа в данном месте всякого рода способами, которые представляются возможными. Выполнение этого плана последует и не помешает оказанию военной помощи чехословацким силам» (там же, стр. 23).

пам. Было решено поручить Филиппу Керру набросать проект послания и представить его Совету.

Вильсон следующим образом сформулировал основные идеи, которые он считал нужным изложить в послании. Совет четырёх хочет сделать дальнейшие усилия по отношению к России и выяснить цели различных групп, он хочет получить от различных групп, борющихся против большевиков, заверения о согласии установить правительство на демократической основе.

Ллойд Джордж обратил внимание Совета на то, что все русские группы, сражающиеся против большевиков, сопротивляются признанию Эстонии, Латвии и других Балтийских провинций. Они утверждают, что признание этих провинций явится расчленением России и закрытием для неё выхода к морю.

Керр спросил, что можно обещать различным русским группам, чтобы побудить их дать согласие на осуществление в Прибалтике политики союзников. Ллойд Джордж ответил, что речь идёт о продолжении расширения той помощи, которая до сих пор оказывалась. Вильсон прибавил, что в послании необходимо отметить, что без надлежащей гарантии о принятии различными русскими группами политики союзников помощь им впредь не будет оказываться.

Керр спросил, должны ли они (т. е. русские группы, которым предполагается направить обращение союзников) признать границы, которые будут установлены Лигой наций. Ллойд Джордж ответил на это утвердительно¹.

23 мая Совет четырёх дважды обсуждал «русский вопрос». На утреннем заседании произошёл краткий обмен мнениями. Клемансо заявил о том, что, по его сведениям, японское правительство намерено предложить союзным и ассоциированным правительствам признать омское правительство. Он, Клемансо, полагает, что союзные правительства не могут предоставить японскому правительству в этом вопросе инициативу и возможность опередить их. Вильсон спросил, о каком признании идёт речь — в качестве правительства всей России или только местного правительства? Клемансо ответил, что

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 354.

в качестве правительства всей России. Было решено в тот же день после обеда начать дискуссию по проекту Керра.

23 мая, после обеда, на заседании Совета четырёх Вильсон зачитал проект обращения, подготовленный Керром. 26 мая этот текст за подписью Вильсона, Клемансо, Ллойд Джорджа, Орландо и Сайондзи был в виде ноты отправлен Колчаку¹.

Что говорилось в этом документе?

Союзники прежде всего заявляли о своём желании «ещё раз ясно изложить» свою политику по отношению к России. Они заявляли, что «невмешательство во внутренние дела России было всегда основной аксиомой союзных и объединившихся держав». Эта лицемерная фраза, извращающая историческую действительность, повторялась в любом документе союзников в течение всего периода вооружённой интервенции, вплоть до резолюции, принятой на Каннской конференции 6 января 1922 г. Нота лживо утверждала, что интервенция союзников была предпринята, во-первых, для борьбы с Германией и, во-вторых, для спасения чехословацких легионов.

Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо, Орландо стремились всячески затушевать, замаскировать, извратить подлинный империалистический смысл вооружённой интервенции, организованной ими против Советской России. Особенно старался Вильсон, стремившийся за туманом деклараций, заявлений, запросов, предложений, облечённых в псевдодемократическую словесную оболочку, скрыть участие Соединённых Штатов Америки в организации и проведении интервенции, скрыть от миллионов простых людей факты. США стремились свергнуть советский строй, реставрировать капитализм в России, расчленив её, превратить в колонию американского монополистического капитала, и именно с этой целью они были одной из главных сил интервенции.

Нота клеветнически возлагает ответственность за неудачу конференции на Принцевых островах на советское правительство. Союзники хотели бы, говорится в ноте, восстановить мир в России «путём предоставления

¹ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 283—284.

русскому народу возможности взять на себя управление своими собственными делами». Они убедились, что «невозможно добиться этих результатов с московским советским правительством». Поэтому они готовы помочь правительству Колчака и тем, кто к нему присоединится, «чтобы дать возможность укрепиться в качестве всероссийского правительства». Однако, перед тем как пойти на этот шаг, они хотят формулировать условия, на которых эта помощь может быть оказана. Эти условия следующие:

1. По взятии Москвы должно быть созвано Учредительное собрание.

2. Должны быть разрешены свободные выборы уже теперь в городские самоуправления, земства и т. д.

3. Правительство Колчака не должно стремиться восстановить разрушенный революцией режим.

4. «Независимость Финляндии и Польши будет признана. В случае, если вопросы границ и иные вопросы между Россией и этими странами не будут урегулированы по соглашению, они будут переданы на третейское разрешение Лиги наций».

5. «Если разрешение вопроса о взаимоотношениях между Эстонией, Латвией, Литвой, кавказскими, закаспийскими территориями и Россией не будет скоро достигнуто полюбовно, то разрешение это будет сделано с совета и при сотрудничестве Лиги наций».

В тексте, представленном Керром, 5-й пункт на этом кончался. Но Совет четырёх прибавил к этому пункту следующее: «Пока такое разрешение подготавливается, русское правительство согласно признать эти территории как автономные и подтвердить отношения, которые могли бы существовать между их правительствами де-факто и союзными и объединёнными правительствами».

Это очень характерное добавление. Оно призвано было узаконить «взаимоотношения» между союзниками и буржуазными, белогвардейскими, меньшевистскими правительствами, образованными по инициативе союзников на окраинах России. Контроль союзников над Прибалтикой, Закавказьем и Закаспийской областью не мог быть изменён фактом их признания правительства Колчака в качестве «всероссийского». Именно *такое «невмешательство»* во внутренние дела России было *основной*

аксиомой союзных и объединившихся держав Антанты, такое «невмешательство», которое на деле вело к расчленению России на «автономные территории», именно такой «мир» хотели Вильсон и другие установить в России.

6. «Будет признано право мирной конференции определить будущую судьбу румынской части Бессарабии».

Этот пункт отсутствовал в проекте, предложенном Керром. Он был вставлен Советом четырёх. Мы обращаем внимание на редакцию этого пункта, где было сказано не о Бессарабии вообще, а о «румынской части Бессарабии».

7. «Как только в России будет создано правительство на демократической базе, Россия присоединится к Лиге наций и будет сотрудничать с другими её членами в деле всемерного ограничения вооружений и военных организаций».

Без нумерации был поставлен пункт о том, что «будет твёрдо соблюдаться декларация адмирала Колчака от 27 ноября 1918 г. о русском государственном долге»¹.

После того как президент Вильсон огласил текст послания, подготовленного Керром, началось обсуждение. Оно представляет поучительный интерес с точки зрения политических тенденций союзников в тот момент.

Зачитав текст Керра, Вильсон выразил сомнение, окажется ли этот меморандум приемлемым для генерала Деникина и Чайковского. На это Керр ответил, что оба эти де-факто правительства (Деникина и Чайковского) признали правительство адмирала Колчака в качестве центрального правительства России. Ллойд Джордж предложил, чтобы копии этого обращения (к адмиралу Колчаку) были посланы генералу Деникину и архангельскому правительству. Вильсон спросил, уверен ли Керр в точности декларации адмирала Колчака о признании долгов, на которую он ссылается в представленном тексте. Керр зачитал декларацию о долгах, полученную от министра иностранных дел правительства Колчака².

Вильсон лицемерно заметил, что предложение Ленина о том, что долги являются одной из основных забот союз-

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 358—360.

² Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 447; Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 355—356; Foreign Relations of the USA, v. V, p. 901, 902, 903.

ников при решении вопроса о России, «вызвало возмущение» и поэтому не следует в тексте данного послания писать о долгах. На это Ллойд Джордж ответил, что в редакции, представленной Керром, лишь отмечено, что Колчак сделал декларацию о долгах, но этот вопрос не выставлен в качестве условия признания правительства Колчака всероссийским. Замечание Ллойд Джорджа делает понятным, почему пункт о долгах не нумерован, а поставлен отдельно. Ллойд Джордж сказал очередную ложь. Совершенно очевидно, что Керр, будучи личным секретарём Ллойд Джорджа и его доверенным лицом, составлял свой проект при консультации Ллойд Джорджа. В тексте, предложенном Керром, пункт, касающийся долгов, вовсе не изложен лишь ввиду попутного «упоминания» о декларации Колчака от 27 ноября 1918 г. В тексте Керра (и Ллойд Джорджа!) прямо сказано, что эта декларация «будет подтверждена», иначе говоря, подтверждение декларации является одним из условий, выставленных в проекте Керра, принятом затем Советом четырёх.

Обсуждение проекта Керра продолжалось на следующем заседании Совета четырёх, 24 мая 1919 г. Вильсон заявил, что он запросил мнение Лансинга по поводу проекта Керра и последний ответил, что проект правильный и что Соединённые Штаты вполне могут присоединиться к нему. Лансинг предпочёл бы, чтобы это послание было задержано до получения сообщений от посла США в Японии Морриса, который был послан в Омск. Сам Вильсон, однако, не согласен с Лансингом об отсрочке послания. Он согласен с Лансингом, с предлагаемым им добавлением к пункту 5 следующей фразы (цитированной нами выше.— *Б. Ш.*): «Пока такое разрешение подготавливается, русское правительство согласно признать эти территории автономными и подтвердить отношения, которые существуют между их фактическими правительствами и союзными и ассоциированными правительствами».

Предложение Лансинга — Вильсона было принято. Таким образом, именно Вильсон вкупе с Лансингом являются авторами знаменательного добавления к пункту 5. Именно Вильсон и Лансинг проявили особую заботу о закреплении влияния союзников и прежде всего Соединённых Штатов во всех окраинных государствах,

образованных на территории России¹. Вот ещё одно неопровержимое доказательство так называемой «незаявленной заинтересованности» США в расчленении России, «неучастия» Америки в интервенции!

На следующем заседании, состоявшемся в тот же день, 24 мая, после обеда, обсуждение вопроса продолжалось. На это заседание Совета четырёх был приглашён (вопреки создавшейся практике) представитель Японии виконт Чинда. Это понятно, поскольку речь шла о важном документе, касающемся всей политики союзников по отношению к России.

Вильсон объяснил Чинда, что проект послания, приготовленный для дискуссии, имеет в виду формулировать условия помощи Колчаку и группам, которые сотрудничают с ним в Архангельске и Южной России. Если адмирал Колчак примет эти условия, он будет продолжать получать поддержку и помощь со стороны главных союзных и ассоциированных держав. Существование этого документа заключается в тех шести условиях, которые имеются во второй его половине.

Слушая эти разглагольствования Вильсона, его партнёры по Совету четырёх и в особенности такие прожжённые политиканы, как Клемансо и Ллойд Джордж, вероятно, с трудом удерживались от саркастических улыбок. В самом деле, уже в течение более чем полутора лет союзники активно вдохновляли, поддерживали махровых реакционеров — царских генералов Деникина, Юденича, Родзянко и других. Союзникам в голову не приходило требовать от этих злейших врагов трудящихся «клятвы в верности» демократии, обязательства осуществить аграрную «реформу» и т. п. Сам Вильсон, посылая войска в Советскую Россию, очень хорошо знал, кому будут помогать эти войска и *какую* программу будут проводить и проводить те, кому помогают, кого используют США. Вильсон, как и Черчилль и Клемансо, помогал самой чёрной монархической и помещичьей реакции. Теперь же Вильсон перед представителем Японии демонстрировал «настоятельную заботу» о символе «демократической»

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 358; *ibid.*, v. V, p. 914, 915.

веры Колчака и даже заявил, что если Колчак не примет «демократических» условий союзников — США, Англии, Франции, то помощь ему «не будет» оказана. Вся комедия, разыгранная Вильсоном, и в данном случае имела целью обман мирового общественного мнения, обман американских трудящихся, которые всё настойчивее требовали отчёта: почему американские войска находятся в России, почему оказывается помощь мятежным белогвардейским генералам? Вильсон стремился представить общественному мнению царского адмирала Колчака «демократом», который, дескать, обещает созвать Учредительное собрание, произвести «аграрную реформу». Ведь с помощью подобного трюка, превращавшего волка в агнца, Вильсону легче было бы осуществить далеко идущие планы американских монополистов. Тот самый президент США, о котором В. И. Ленин писал: «...Вильсон есть представитель буржуазии, нажившей миллиарды на войне, есть глава правительства, доведшего до бешенства вооружение Соединенных Штатов явно в целях *второй* великой империалистской войны...»¹ Этот самый президент США советовал Колчаку и другим махровым реакционерам перекраситься в демократические цвета, полагая, что таким образом можно будет обмануть народы России, в особенности крестьянство, чтобы они помогали Вильсону и Колчаку свалить советскую власть: это было их главной целью.

Виконт Чинда попросил предоставить ему некоторое время для обсуждения проекта с коллегами раньше, чем он даст ответ. Говоря от своего имени, Чинда предполагал, что его правительство выразит готовность присоединиться к этому посланию. Основанием для такого утверждения являлась депеша, которую недавно его правительство направило японским послам в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Риме. Он, Чинда, огласит эту депешу, которую он просит рассматривать не как предложение, а лишь как информацию. Суть этой депешы можно изложить следующим образом: более шести месяцев прошло с тех пор, как временное правительство во главе с адмиралом Колчаком было создано в Омске... Учитывая всеобщее

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XIX, изд. 3, стр. 374.

желание восстановления нормального и действенного правительства России и считая, что официальное *признание* значительно облегчит достижение этой цели, японское правительство считает, что пришло время для предварительного признания при условии обещания со стороны омского правительства «*обеспечить законные интересы союзных и ассоциированных правительств*» и *принять на себя ответственность за долги и финансовые обязательства прежнего русского правительства.*

Заканчивая чтение депеши, Чинда заметил, что её содержание является основанием для него считать, что японское правительство согласится на послание союзников.

Далее Чинда заметил, что, как он предполагает, посылка помощи России будет разделена между различными правительствами соответственно их возможностям. Ллойд Джордж ответил, что до последнего времени Великобритания доставляла наибольшее количество военных материалов. Он был бы очень рад принять предложение виконта Чинда, так как в этом случае Соединённые Штаты взяли бы на себя наибольшую часть этой помощи.

Вильсон ответил, что он сможет побудить конгресс взять на себя оказание определённой помощи.

Проект послания был одобрен. Было решено подождать формального одобрения этого послания японским правительством и после этого отправить его адмиралу Колчаку.

На этом же заседании Ллойд Джордж заявил, что если будет получен удовлетворительный ответ Колчака на послание, то нужно будет принять решения по вопросам:

1. Должны ли союзные и ассоциированные державы ограничиться лишь помощью Колчаку?

2. Должны ли они признать омское правительство как правительство территории, занятой колчаковскими войсками?

3. Должны ли они признать омское правительство в качестве представляющего всю Россию?

Он предложил также отправить представителя союзников для переговоров с генералом Деникиным ¹.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VI, p. 19, 20; Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 365—366.

На заседании Совета четырёх 26 мая было доложено, что японская делегация согласилась одобрить принятый проект послания с некоторыми поправками, из которых основная была следующей: вместо «они (союзники) принуждены отозвать войска и т. д.» поставить фразу «некоторые из союзных и ассоциированных правительств принуждены и т. д.» Это очень характерная замена: Япония не хотела допускать даже намёка на возможную эвакуацию своих войск из Советской России.

На этом заседании текст послания был утверждён окончательно; оно было подписано главами правительств США, Англии, Франции, Италии — Вильсоном, Ллойд Джорджем, Клемансо, Орландо — и представителем Японии и в тот же день отправлено Колчаку.

На заседании Совета четырёх 11 июня 1919 г. президент Вильсон доложил о получении ответа от адмирала Колчака. Телеграмма Колчака была послана при посредстве французского поверенного в делах в Омске Д. Мартелля и адресована министру иностранных дел Франции. Колчак выражал готовность принять основные требования союзников¹: принять участие в разоружении, поскольку это будет одобрено Учредительным собранием; признавал независимость Польши под условием определения границ Учредительным собранием, признавал де-факто Финляндию с отнесением решения вопроса на усмотрение Учредительного собрания, признавал возможность обеспечить автономию «национальных групп» трёх Прибалтийских государств и Кавказских и Закаспийских областей с передачей споров Лиге наций, указывал на необходимость разрешения вопроса о Бессарабии Учредительным собранием и подтверждал свою декларацию от 27 ноября 1918 г. о принятии на себя русского государственного долга².

На следующем заседании, 12 июня, было поручено Керру составить проект ответа Колчаку. 12 июня состоялось второе заседание Совета четырёх. На этом заседании был одобрен и подписан ответ адмиралу Колчаку.

¹ *Foreign Relations of the USA, Russia, 1919*, p. 375—378; см. также «Международная политика новейшего времени», ч. II, стр. 250.

² *Ibidem*.

Отмечая с удовлетворением тон телеграммы Колчака на послание пяти держав и считая, что его ответ в основном совпадает с предложениями, которые были сделаны ими, союзники заявили, что «намерены распространить на адмирала Колчака и присоединившихся к нему (Деникин и архангельское правительство) помощь, о которой шла речь в первоначальном послании»¹.

Таким образом, Вильсон и другие получили от Колчака именно тот документ, который был им нужен для «юридического» закрепления расчленения России «всероссийским» правительством и для обмана народных масс, для извращения подлинного смысла как реакционной политики союзников, так и реакционно-монархической политики Колчака².

Эта колчаковская филькина грамота нужна была Вильсону и другим для обмана общественного мнения, для «демократического» прикрытия махрово-реакционных империалистических планов интервентов.

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 379.

² 18 июня 1919 г. президент Вильсон получил от министра иностранных дел латвийского правительства Мееровица декларацию, подписанную делегациями следующих буржуазных правительств: Азербайджана, Эстонии, Грузии, Латвии, Северного Кавказа, Белоруссии и Украины. Эти делегации, ознакомившись с опубликованной в газетах перепиской Совета четырёх с адмиралом Колчаком, заявляли «перед мирной конференцией и великими державами свою просьбу о немедленном признании их политической независимости».

Декларация, переданная Вильсону 18 июня, была подписана 17 июня Топчибашевым (Азербайджан), Поска (Эстония), Чхеидзе (Грузия), Мееровицем (Латвия), Чермоевым (Северный Кавказ), Лучкевичем (Белоруссия) и Сидоренко (Украина).

Это заявление выдавало беспокойство правительств окраинных республик, образовавшихся на территории Российской империи. Беспокойство было вызвано ответной нотой Колчака от 4 июня, которую мы цитировали выше. Позиция, занятая Колчаком по вопросу об окраинных республиках, их явно не устраивала, так как она не давала каких-либо гарантий признания независимости. Вот почему они вновь настойчиво ставили перед Мирной конференцией вопрос о признании их самостоятельности. На это заявление никакого ответа не последовало. Не последовало также и постановления вопроса о признании независимости перечисленных республик. Это делается понятным, если мы вспомним, что начиная с конца мая и в частности с послания 26 мая на имя Колчака союзники основную свою ставку поставили именно на него. Все остальные вопросы

О том, что одной из целей переписки с Колчаком являлся грандиозный обман масс, свидетельствует решение, принятое Советом четырёх 12 июня, — опубликовать в газетах 13 июня переписку между союзниками и Колчаком. Таким образом, линия союзников в «русском вопросе», их ставка на «демократа» Колчака сделалась известной общественному мнению всего мира.

О том, какие цели обмана преследовала опубликованная переписка союзников с Колчаком, говорил В. И. Ленин: «...когда наступали войска Колчака к Волге, европейская капиталистическая печать торопилась возвестить всему миру падение Советской власти и признание Колчака верховным правителем России. Но не успела торжественная грамота об этом признании дойти до самого Колчака, как наши войска погнали его в Сибирь...»¹.

Отношения, установленные между союзниками и правительством Колчака, имели характер фактического признания правительства Колчака. Союзники имели регулярные отношения с этим правительством, имели при нём своих представителей, всячески оказывали ему военную, экономическую, финансовую, политическую помощь и поддержку.

«русской политики» и в частности вопрос о Прибалтике с этого момента решаются под углом зрения главной задачи, а именно — опоры на Колчака и помощи ему. Эта новая постановка вопроса сказалась при решении конкретной задачи, а именно — подготовки и попытки осуществления захвата Петрограда. При исследовании этого конкретного вопроса мы увидим, как он тесно был связан (в глазах союзников) с основной проблемой их «русской политики» в то время — проблемой Колчака.

После телеграммы на имя Колчака, отправленной представителями пяти держав 12 июня 1919 г., вопрос об общей политике по отношению к Колчаку не фигурирует в протоколах заседаний ни Совета четырёх (до подписания Версальского договора), ни Совета глав делегаций (пяти), сделавшегося после подписания Версальского договора основным и руководящим органом конференции.

Приняв постановление об оказании помощи Колчаку, союзники начали активно осуществлять её. Исследование взаимоотношений каждого из союзников с Колчаком в этот период не входит в задачу нашей работы. Мы ограничимся лишь тем, что отметим общий характер этих отношений.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 495.

ГЛАВА 10

ПЛАНЫ АНТАНТЫ ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАН В АНТИСОВЕТСКИЙ ПОХОД

Взаимозависимость политики союзников по отношению к Прибалтике с их политикой по отношению к Колчаку сказалась в частности в вопросе о подготовке наступления на Петроград. Эта подготовка происходила уже с весны 1919 г. и группировалась вокруг генералов Родзянко и Юденича.

18 июня 1919 г. в записке по прямому проводу В. И. Ленину И. В. Сталин сообщал: «Колчак является наиболее серьёзным противником, ибо у него достаточно пространства для отступления, достаточно людского материала для армии, богатый хлебом тыл. По сравнению с Колчаком генерал Родзянко представляет муху, ибо у него нет ни хлеба в тылу, ни пространства для отступления, ни достаточного людского материала»¹.

Всё же Родзянко пытался наступать на Петроград.

В той же записке И. В. Сталин сообщал:

«В районе Кронштадта открыт крупный заговор. Замешаны начальники батарей всех фортов всего укрепленного кронштадтского района. Цель заговора — взять в свои руки крепость, подчинить флот, открыть огонь в тыл нашим войскам и прочистить Родзянко путь в Питер. У нас имеются в руках соответствующие документы.

Теперь для меня ясно то нахальство, с которым шёл Родзянко на Питер сравнительно небольшими силами. Понятна также наглость финнов. Понятны повальные пе-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 262.

ребежки наших строевых офицеров. Понятно также то странное явление, что в момент измены Красной Горки английские суда исчезли куда-то: англичане, очевидно, не считали «удобным» прямо вмешаться в дело (интервенция!), предпочитая явиться потом, после перехода крепости и флота в руки белых, с целью «помочь русскому народу» наладить новый «демократический строй».

Очевидно, что вся затея Родзянко и Юденича (у которого сходятся все нити заговора, финансируемого Англией через итальянско-швейцарско-датское посольства) базировалась на удачном исходе заговора, надеюсь, задушенного нами в зародыше (все замешанные арестованы, следствие продолжается)»¹.

Эта записка товарища Сталина раскрывает тактику Антанты (и в первую очередь Англии) в вопросе о подготовке похода Родзянко — Юденича на Петроград как на один из участков общей интервенции. Открыто англичане не участвуют в интервенции на этом участке, и даже в нужный момент их суда скрываются из поля зрения. Но за спиной интервентов (в данном случае белогвардейских генералов) стоит та же Англия, финансируя, организуя и направляя удар по Петрограду. Это и есть та форма прикрытой интервенции, на которую указывал И. В. Сталин в статье «Резервы империализма».

В данном случае дело шло не о простом финансировании белогвардейцев и не просто о посылке им помощи оружием, продовольствием и т. д. Наряду с этими мероприятиями появляется организация прямого заговора как метода, который должен был привести к успеху всей задуманной контрреволюцией операции, т. е. к захвату Петрограда. Заговор этот был организован Англией и руководился через иностранные посольства (те, которые к этому времени оставались в России), в частности через посольства «нейтральных» стран, как Дания и Швейцария. Само собой разумеется, было бы тщетно искать в опубликованных протоколах заседаний Совета четырёх и Совета десяти какие-либо следы этой стороны решения Антантой «русского вопроса». О таких «гуманитарных» сторонах своей деятельности руководители буржуазных

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 263.

правительств не говорят открыто, не фиксируют в протоколах «мирных» конференций, не публикуют записей.

Тем временем велись негласные переговоры о координации сил контрреволюции, сил интервенции, об объединении сил Юденича, Родзянко, белофиннов, белоэстонцев и других для расширения интервенции в районе Петрограда.

В речи на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. В. И. Ленин раскрыл сущность политики финской и эстонской буржуазии по вопросу о Юдениче. Говоря о хвостовстве Черчилля, который сообщал о походе 14 государств против Советской России, В. И. Ленин сказал:

Он (Черчилль) «забыл, что в этих маленьких государствах ясно представляют себе, что такое Юденич, Колчак, Деникин»; и дальше: «И финляндское буржуазное правительство, и оно даже говорило: «...Если мы выступим против большевиков, значит, мы поможем посадить Юденича, Колчака и Деникина. А что они такое? Разве мы не знаем? Разве это не те же царские генералы, которые задушили Финляндию, Латвию, Польшу и целый ряд других народностей? И мы этим нашим врагам будем помогать против большевиков? Нет, мы подождем!»

Они не смели прямо отказать: они — в зависимости от Антанты. Они не пошли на прямую помощь нам, они выжидали, оттягивали, писали ноты, посылали делегации, устраивали комиссии, сидели на конференциях и просидели до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин оказались раздавленными, и Антанта оказалась бита и во второй кампании. Мы оказались победителями»¹.

Классовая ненависть к Республике Советов и давление Антанты толкали буржуазные правительства Финляндии и Эстонии на оказание помощи Юденичу. И в то же время боязнь того, что царские генералы после реставрации монархического режима в России реставрируют и Великое княжество Финляндское и Эстляндскую губернию, несколько удерживала их от помощи Юденичу.

Иную картину эти переговоры приняли в середине 1919 г., когда после обмена телеграммами 26 мая, 4 и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 53—54.

12 июня с Колчаком правительства Антанты более активно стали руководить переговорами, которые должны были сплотить все антибольшевистские силы с целью организации второго похода Антанты.

2 июля 1919 г. вице-консул США в Выборге (Имбри) сообщал государственному секретарю США о том, что переговоры представителей генерала Юденича с финнами об участии последних в наступлении на Петроград (со стороны Белоострова) идут успешно. Финское правительство готово участвовать в захвате Петрограда, если оно будет уверено в одобрении и поддержке этого акта союзниками¹.

За несколько дней до этого сообщения, 23 июня 1919 г., Колчак обратился с личным письмом к Маннергейму, которого он просил оказать помощь Юденичу в походе на Петроград. В ответном письме от 10 июля Маннергейм одобрительно отзывался об участии Финляндии в походе на Петроград, заявляя², что «взятие Петрограда имело бы большое значение как захват опорного пункта...»³

7 июля 1919 г. вопрос об участии Финляндии в походе

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 683.

² Н. А. Корнаговский, Борьба за Красный Петроград, Л. 1929, стр. 216—217.

³ «Поэтому,— писал Маннергейм,— финляндскому народу и его правительству далеко не чужда мысль об участии регулярных финляндских войск в освобождении Петрограда».

Высказав своё положительное отношение к возможности участия Финляндии в походе Юденича, Маннергейм, однако, затронул вопрос о политических гарантиях. Он писал Колчаку: «Не стану от Вас скрывать, господин адмирал, что, по мнению моего правительства, Финляндский сейм не одобрит предприятия, приносящего нам хотя и пользу, но требующего тяжёлых жертв, если мы не получим гарантий, что новая Россия, в пользу которой мы стали бы действовать, согласилась на некоторые условия, исполнение которых мы не только считаем необходимым для нашего участия, но также необходимой гарантией для нашего национального и государственного бытия» (Н. А. Корнаговский, Борьба за Красный Петроград, Л. 1929, стр. 216—217).

В момент редактирования этого письма Маннергейм, конечно, знал позицию Колчака по вопросу о Финляндии (переписка Верховного совета с Колчаком была опубликована 13 июня), и эта позиция считалась им недостаточной для положительного ответа на предложение Колчака об участии Финляндии в походе Юденича на Петроград.

на Петроград обсуждался на Совете глав делегаций. Французская делегация поставила в известность комиссию по делам Прибалтики о телеграмме комиссара Франции в Сибири, в которой указывалось, что правительство Колчака просит союзные правительства поддержать в Хельсинки просьбу, которую Колчак адресовал генералу Маннергейму, начать операции против Петрограда как можно скорее. Комиссия по делам Прибалтики рекомендует принять следующее постановление: «Должна быть послана общая телеграмма, адресованная британскому, американскому, итальянскому и французскому поверенным в делах в Хельсинки, предлагающая им информировать правительство Маннергейма о том, что в случае, если оно найдёт возможным удовлетворить просьбу адмирала Колчака (об участии в походе на Петроград), союзные правительства... не будут возражать против этой операции».

Это предложение комиссии по делам Прибалтики было принято Советом ¹.

Формула, принятая Советом глав делегаций Антанты, отражала их дипломатическое маневрирование с целью втянуть Финляндию в антисоветский поход. Позже союзники отбросили в сторону дипломатические манёвры и

Колчак между тем твёрдо придерживался по отношению к Финляндии той позиции, которую он изложил в письме на имя Верховного совета от 4 июня, и дальше признания де-факто итти не хотел.

Юденич, непосредственно заинтересованный в успехе своей операции, т. е. похода на Петроград, попытался разрешить вопрос о признании «независимости» Финляндии, так сказать, в местном масштабе. Он выработал проект соглашения с Финляндией, первая статья которого гласила о том, что «Россия безусловно признает независимость Финляндии». Этот проект договора был послан Колчаку на утверждение. Следует иметь в виду, что телеграммой от 5 июня 1919 г. Колчак известил Юденича о назначении его главнокомандующим всеми российскими вооружёнными сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков в Прибалтийском районе. Через два дня после этого Юденич получил известие о том, что правительство Колчака перевело в его распоряжение 1 млн. франков. Из всего этого, однако, не следовало, что Юденич мог заключать какие-либо соглашения с Финляндией без ведома и одобрения Колчака.

Пересланный Колчаку проект соглашения с Финляндией не был утверждён. Таким образом, основное условие, выставленное для участия Финляндии в походе на Петроград, Колчаком не было принято. Вопрос об участии Финляндии в походе повис в воздухе.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 38—39.

стали грубо и откровенно нажимать на Финляндию, заставляя её вести войну против России.

2 ноября 1919 г. в финской печати было опубликовано открытое письмо Маннергейма на имя президента республики Стольберга. В этом письме Маннергейм настаивал на участии финской армии в походе на Петроград. Он писал: «Если Петроград будет взят без нашей помощи, это будет означать, что наша страна окажется перед немощными трудностями в определении своих отношений к восточному соседу в будущем... Если мы ограничимся лишь предоставлением русским войскам оружия и снаряжения, которые нам удалось с большим трудом приобрести, мы не добьёмся каких-либо существенных предпосылок для будущего Финляндии, а лишь уменьшим и ослабим оборонную мощь нашей страны. Наоборот, активной деятельностью мы сумели бы получить гарантии в том, что наш голос будет услышан в будущих международных конгрессах, и мы подняли бы наш народ на почётное место в мире и приобрели бы себе сочувствие и благодарность всех».

Последующие события достаточно ясно раскрыли, чьего «сочувствия и благодарности» добивался Маннергейм, какие стратегические «гарантии» белофинны стремились получить. Захватнические аппетиты Маннергейма и К^о, деликатно именуемые «гарантиями», простирались на исконно русские земли, включая всю Карелию, весь Мурманский край и район Петрограда.

Это письмо, однако, не произвело того эффекта, на который надеялся генерал Маннергейм. Почему это произошло я ии́тнвигниф эилэьл вн иор ионвонэО юотпоэи Юденича на Петроград разыгрался в октябре — ноябре 1919 г., т. е. во время так называемого второго похода Антанты, после того как первый поход, центральной ставкой которого являлись Колчак и Деникин, провалился.

«Колчак был отброшен за Урал. Деникин был оставлен на линии: река Сейм — Лиски — Балашов. Юденич — отгеснён за Ямбург»¹.

Во втором походе Антанта уже не рассчитывала на Колчака, как на главную силу.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 283.

«К осени 1919 года был задуман новый план сокрушительного похода. Колчак, естественно, был снят со счёта. Центр тяжести был перенесён с востока на юг, откуда Деникин должен был нанести главный удар. Юденичу был предоставлен, как весной, вспомогательный удар — новый поход на Петроград»¹.

Этот второй поход Антанты иногда называют «походом 14 государств», поскольку именно так хвастливо называл его Черчилль, один из активнейших его вдохновителей и организаторов. 28 августа 1919 г. «финское информационное бюро» передало сообщение датской газеты «Фолкетс Дагблад Политикен» о том, что, «по полученным ею из достоверного источника сведениям, военный министр Черчилль несколько времени тому назад на одном партийном съезде говорил речь о походе союзников против русской революции. Собрав много всевозможных военных припасов на всех границах Советской России, начнется сосредоточенное наступление *армии 14 разных стран против Москвы*. Это продвижение должно быть начато в конце августа или в начале сентября по расчетам Черчилля. Петроград должен пасть в сентябре, а Москва к Рождеству. Сперва управляла бы делами России смешанная комиссия под военной диктатурой, пока умирительная работа страны кончится»².

На этой телеграмме В. И. Ленин сделал следующую пометку:

«1. Англия	6. Финля[ндия]	} Колчакия }
С. Шт[аты] Ам[ерики]	Эстлянд[ия]	
Фр[анц]ия	Латвия	
Италия	Литва	
5. Япония	10. Польша	
	Украина	
	Грузия	
	Азербайдж[ан]	
	14. Армения	

В этом списке «14 разных стран» перечислены государства или государственные образования, которые летом

¹ Н. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 283.

² «Ленинский сборник» XXIV, стр. 197.

³ Там же.

1919 г. в неприкрытой или прикрытой форме участвовали в вооружённой интервенции против Советской России, причём ударными силами в этот момент были, несомненно, белогвардейские части, возглавляемые «правительством», которое В. И. Ленин иронически окрестил «Деникия».

Для сколачивания участников второго похода Антанта приняла все меры, был осуществлён всяческий нажим на малые страны. В. И. Ленин говорил: «Мы прекрасно знаем, что на Финляндию, Эстляндию и другие мелкие страны оказывались все меры воздействия для того, чтобы они воевали против Советской России»¹.

«Известно, какое давление оказывал империализм Антанта на эти маленькие страны, наскоро созданные, бессильные, целиком зависящие от Антанта даже в самых насущных вопросах, как вопрос продовольствия, и во всех других отношениях»². Цитируя номер «Таймс», относящийся к моменту, когда «...войска Юденича, заведомо снабженные, экипированные и подвезенные на судах Антанта, стояли в нескольких верстах от Петрограда, и Детское Село было взято»³, В. И. Ленин говорил:

«Статья представляла из себя настоящий поход, где все силы давления были использованы — давления военного, дипломатического, исторического. Английский капитал обрушивался на Финляндию и ставил ей ультиматум: «Весь мир смотрит на Финляндию,— говорили английские капиталисты,— вся судьба Финляндии зависит от того, поймет ли она свое назначение, поможет ли она подавить грязную, мутную, кровавую волну большевизма и освободить Россию». И за это великое и нравственное дело, за это благородное, культурное дело обещали Финляндии столько-то миллионов фунтов, такой-то кусок земли и такие-то блага»⁴.

Далее В. И. Ленин продолжает: «Как же произошло такое «чудо», что мы выиграли тяжбу с таким противником? А мы ее выиграли: Финляндия в войну не

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 596.

² Там же, стр. 562.

³ Там же, стр. 596.

⁴ Там же.

вошла, и Юденич оказался разбитым...»¹ и т. д. На это В. И. Ленин отвечает: «Антанта, давая на эти маленькие страны, на каждую из этих 14 стран, встречала противодействие» «...финская буржуазия говорила себе: «Если нам пойти по указаниям Антанты — значит, безусловно потерять всякие надежды на независимость». А эту независимость им дали большевики в ноябре 1917 г., когда в Финляндии было буржуазное правительство. Таким образом, мнение широких кругов финляндской буржуазии оказалось колеблющимся. Мы выиграли тяжбу с Антантой, потому что она рассчитывала на мелкие нации и, вместе с тем, от себя их оттолкнула»².

Этот блестящий анализ, данный В. И. Лениным по вопросу о причинах неучастия Финляндии в походе Юденича в столь широких масштабах, как этого хотелось Антанте, подтвердился позже, на примере взаимоотношений с другими государствами Прибалтики.

Союзники превратили Эстонию в плацдарм наступления на Петроград. Английское командование образовало в Эстонии так называемое «русское северо-западное правительство». Антанта помогла эстонской буржуазии расправиться с эстонскими трудящимися, помогла создать армию для похода против Советской России.

Выше мы указывали, что на заседании Совета министров иностранных дел от 24 мая было принято решение о так называемой эвакуации германских войск из Прибалтики. Однако данное решение вовсе не означало действительной эвакуации германских войск из Прибалтики, союзники не хотели их отозвать (ввиду «опасности большевизма»), пока они не организовали другую военную силу, способную подавить революционное движение трудящихся Прибалтики и принять участие в интервенции против России.

В начале июля 1919 г. германские части фон дер Гольца ещё удерживали Ригу, в которой находилось германофильское правительство Недры (в то время как проантантовское правительство Ульманиса находилось в Либаве).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 596.

² Там же, стр. 597.

В начале июля 1919 г. на Рижский фронт (между германскими войсками фон дер Гольца и эстонско-латвийскими войсками) был послан французский военный атташе в Стокгольме с полномочиями от союзников способствовать заключению перемирия и эвакуации германских войск. Организовав 2 июля свидание между воюющими сторонами, дю Парке (французский военный атташе в Стокгольме) добился подписания 3 июля перемирия на следующих условиях:

1. Враждебные действия прекращаются 3 июля.

2. Германские войска эвакуируются из Латвии, насколько возможно скоро, в соответствии с мирным договором (Версаль). Не должно быть никакого наступления германских войск, *исключая лишь наступление против большевиков* в соответствии с мирным договором и т. д. ¹

5 июля германские войска эвакуировали Ригу, но продолжали оставаться в Латвии.

В тексте перемирия, подписанного 3 июля, обращает внимание пункт 2, который делает исключение в вопросе о наступлении германских войск. Это исключение относится к наступлению немцев против советских войск и притом «в соответствии с мирным договором», т. е., иначе говоря, по приказанию союзников.

На заседании Совета глав делегаций 20 августа был представлен обширный доклад Фоша о пребывании германских войск в Латвии. В докладе указывалось, что фон дер Гольц стремится вообще закрепиться в Латвии и с этой целью он довел контингенты немецких войск до 40 тыс. человек. Для маскировки фон дер Гольц включил часть немецких солдат и офицеров в состав «русского корпуса» Бермонта и в отряды князя Ливена. Он объявил, что намерен включить в состав «русских войск» целые германские части. Резюмируя сказанное, Фош подчёркивал, что «генерал фон дер Гольц преследует в Латвии совершенно ясную политику германской экспансии, притом, несомненно, с тайного одобрения германского правительства» ².

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 141.

² Ibid., p. 740—741.

Фактическая эвакуация немецкой армии генерала фон дер Гольца из Прибалтики в этот период так и не произошла. 20 августа фон дер Гольц имел беседу в Веймаре с президентом германской республики социал-демократом Эбертом и министром иностранных дел Мюллером¹. Фон дер Гольц согласовал с Эбертом дальнейшие мероприятия по интервенции в Прибалтике. 21 сентября 1919 г. фон дер Гольц «передал» свою армию авантюристу Бермонту-Авалову, который возглавлял русские антисоветские силы, действовавшие в Латвии. Совместно с немецко-русскими отрядами князя Ливена бермонтовские отряды должны были согласно плану Юденича отправиться на Нарвский фронт для участия в антисоветском походе на Петроград. Из германской армии в Прибалтике «эвакуировался» лишь один фон дер Гольц.

Таким образом, союзники в течение трёх месяцев вели пустые разговоры об эвакуации немецких войск из Прибалтики. Они сходились на том, что эти войска представляют определённую угрозу в смысле закрепления Германии в Прибалтике. Союзники имели достаточные средства в своём распоряжении, чтобы заставить германское правительство эвакуировать немецкие войска из Прибалтики, а между тем немецкие войска оставались в ней. С фон дер Гольцем вели весьма вежливые переговоры: то специальная военная миссия, то английский генерал Гоф.

В этих переговорах участвовала также и германская комиссия по перемирию в лице своего уполномоченного, причём германское правительство занимало в них довольно странную (с точки зрения соотношения сил) позицию: оно отклонило требование об отзывании фон дер Гольца на том основании, что такое требование «нарушает права германского командования». Этот более чем наглый ответ, однако, не вызвал соответствующей реакции Совета глав делегаций.

Что это значит?

Ответ на поставленный вопрос следует искать в

¹ *Von der Goltz, Meine Mission in Finnland und Baltikum, München 1921, S. 242, 243.*

антисоветских планах Антанты, стремившейся использовать Прибалтику в качестве антисоветского плацдарма. Документы относительно «эвакуации» германских войск из Прибалтики неопровержимо свидетельствуют, что основным мотивом поведения представителей Антанты на Парижской конференции в вопросе о пребывании германской армии в Прибалтике было стремление использовать эту армию для борьбы с Советской Россией и в частности в походе на Петроград¹.

¹ Характерно, что даже на заседании Совета глав делегаций 20 августа, на котором рассматривался последний приведённый нами доклад маршала Фоша и его требование о том, чтобы фон дер Гольц был немедленно отозван, а самая эвакуация германских войск произведена в кратчайший срок, Бальфур вдруг задал вопрос: «Имеют ли союзники право требовать эвакуации из Латвии одного немца (фон дер Гольца) до того, как будут эвакуированы все другие?» (Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 734).

Это внезапное «юридическое» беспокойство Бальфура чрезвычайно показательное. Дело заключается в том, что пребывание германских войск в Прибалтике, несмотря на некоторые неприятности, которые оно доставляло англичанам (например, государственный переворот в Латвии), тем не менее было в их глазах не таким большим злом, которое требовало бы немедленного устранения. В своё время мы уже отмечали эту двойственную роль, которую играли германские войска в Прибалтике в глазах англичан. Отрицательная роль заключалась в угрозе германского закрепления в Прибалтике, а положительная в том, что они боролись против Советской России. В августе 1919 г. это обстоятельство особенно нужно было учитывать, поскольку Англия являлась душой организации похода на Петроград. Вот почему Англия не торопит с эвакуацией германских войск, под всякими предлогами затягивает эту эвакуацию, а затем смотрит сквозь пальцы на то, что германские войска фон дер Гольца вдруг превращаются в «русские войска» Бермонта-Авалова. Не следует при этом забывать, что генерал Юденич, находившийся в это время в полном подчинении у английского генерала Гофа, отдаёт приказ Бермонту-Авалову выступить на Нарвский фронт, т. е. принять участие в подготовляемом походе на Петроград.

Только через несколько месяцев после описываемых событий, когда немецко-русская армия Бермонта попыталась вновь овладеть Ригой, англичане помогли своим флотом разгромить эту армию. Вот почему Франция в гораздо большей степени, нежели Англия, прислушивалась к заявлениям Колчака, который не хотел признавать даже де-факто независимость стран Прибалтики. Однако Франция летом 1919 г. (уже после подписания Версальского договора) была в весьма затруднительном положении. Оппозиция сената США, непрерывно возраставшая против Версальского договора, ставила под сомнение самый договор, бывший в глазах Франции «святая

Это, однако, не всё. Борьба с Советской Россией и поход на Петроград были элементами актуальной политики. Были, однако, и другие факторы, более дальнего прицела. Союзники стремились отторгнуть Прибалтику от России. Борьба с Советской Россией, всяческая помощь правительствам Прибалтийских стран означали не только борьбу с большевиками как врагами капиталистического мира, но и борьбу за расчленение России, отторжение от неё всей Прибалтики. С точки зрения этой задачи временное укрепление германских элементов в Прибалтике не представляло слишком большой опасности для Антанты. Лучше, чтобы там укрепились немецкие бароны, серые помещики, агенты *капиталистической* Германии, если с их помощью можно будет отторгнуть Прибалтику от России, тем более от *Советской* России.

Таковы были движущие пружины прибалтийской политики союзников. Таково объяснение того «странного» на первый взгляд обстоятельства, что союзники оказались «не в состоянии» заставить фон дер Гольца убрать из Прибалтики немецкие войска.

святых». Эта же оппозиция сената представляла собой огромную угрозу (что, как известно, осуществилось позже) для франко-американского и франко-английского договоров о гарантии. Этими обстоятельствами можно в известной мере объяснить отсутствие сопротивления со стороны Франции тем мероприятиям, которые проводила Англия в Прибалтике. К сказанному, конечно, следует прибавить ещё один аргумент: Прибалтика представляла собой «зону влияния» Англии. При наличии такого распределения Франции, конечно, трудно было оказывать серьёзное сопротивление английским планам в Прибалтике.

Разница английской и французской политики по вопросу о Прибалтике была подчеркнута при обсуждении на Парижской мирной конференции летом 1919 г. вопроса о признании независимости Прибалтийских стран.

В нашу задачу не входит описание ни военных приготовлений Англии, ни её непосредственного участия в походе на Петроград. Ни эти приготовления, ни непосредственное участие Англии, в частности её флота, в походе на Петроград не вызывают никаких сомнений. 7 августа 1919 г. уже цитировавшийся нами вице-консул США в Выборге Имбри сообщал государственному секретарю о том, что три английских парохода выгрузили в Ревеле (Таллине) для русских белых сил в Эстонии артиллерию, танки и другое снаряжение. По словам Имбри, 1 сентября 1919 г. намечается как дата, когда русские белые силы с поддержкой британского балтийского флота сделают попытку взять Петроград (*Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 699*).

Между Англией и Францией были некоторые расхождения в вопросе о закреплении влияния Германии в Прибалтике, но в главном — Прибалтика один из антисоветских плацдармов вооружённой интервенции против Советской России: прибалтийские страны надо насильственно оторгнуть от России, несмотря на то, что их связывают взаимные интересы, все контрреволюционные силы должны быть использованы в антисоветском походе — в этом *главном, решающем* сходились и Вильсон, и Клемансо, и Ллойд Джордж.

В числе политических мероприятий союзников, в частности Англии, направленных на подготовку антисоветского похода на Петроград, было «образование северо-западного правительства». Это «правительство» было создано помощником генерала Гофа генералом Марчем в здании английского консульства в Таллине. Собрав в этом помещении нескольких белоэмигрантских деятелей, генерал Марч потребовал немедленного создания «правительства», причём указал на катастрофическое положение северо-западной армии, на невозможность успешной борьбы с советскими войсками силами только одной этой армии и подчеркнул необходимость вовлечения в борьбу против России эстонских войск. Он потребовал, чтобы «правительство» было образовано в течение 40 минут и чтобы оно немедленно подписало соглашение с эстонским правительством. «Правительство» было действительно образовано в течение 40 минут, а затем 12 августа от его имени военный министр генерал Юденич подписал письмо на имя главнокомандующего эстонской армией Лайдоннера, признавая в этом письме «независимость» Эстонии при условии безотлагательного участия эстонских войск в походе на Петроград. Это письмо генерал Гоф передал Лайдоннеру¹.

Роль, которую сыграла английская военная миссия в Эстонии в этом вопросе, подчёркивается в телеграмме американской делегации на Парижской конференции на имя государственного секретаря США. В этой телеграмме от 19 августа американская делегация сообщает, что

¹ Н. А. Корнаговский, Борьба за Красный Петроград, 1919, «Красная газета», Л. 1929, стр. 229, 230, 231, 232.

признание Эстонии и её сотрудничество в действиях против Петрограда было настойчиво потребовано британской военной миссией и «представляет собой первый шаг на пути реконструкции северной России на федеративных началах»¹.

Замечание относительно перестройки северной России на «федеративных началах» весьма характерно; оно лишний раз документально подтверждает, что Антанта настойчиво проводила политику расчленения России и в вопросе о Прибалтике.

На заседании Совета глав делегаций 26 июля 1919 г. комиссия по делам Прибалтики внесла проект декларации, которую, по её мнению, Совет должен был принять:

«Принимая во внимание важность поддержки нормальных и устойчивых правительств в Прибалтике в качестве барьера против большевизма, с одной стороны, и германской агрессии — с другой, а также необходимость тесного сотрудничества между этими правительствами и союзными и ассоциированными правительствами, какое сотрудничество может быть обеспечено только в том случае, если народы Прибалтики будут иметь полное доверие к намерениям союзников защищать их свободу в случае восстановления сильного централизованного правительства в России, комиссия по прибалтийским делам пришла к заключению, что настал момент, когда союзные и ассоциированные державы должны ясно определить свою политику по отношению к правительствам стран Прибалтики, и предлагает, чтобы была сделана общая декларация следующего содержания:

В ответ на представление, направленное Мирной конференцией эстонской, латвийской и литовской делегациями, союзные и ассоциированные правительства хотели бы обратить внимание правительств Эстонии, Латвии и Литвы на пятое условие их ноты адмиралу Колчаку» и т. д.

Когда был зачитан проект, маркиз де ла Торетта (Италия) дал объяснения от имени комиссии по делам Прибалтики. Бальфур заявил, что предложенная политика, несомненно, не понравится русским, которые хотят восстановить Россию в её старых границах. Мало веро-

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 703.

ятно, чтобы она понравилась и новым государствам. Проект представляет собой в известной мере обязательство со стороны государств Антанты вступить в противоречия с сильным централизованным правительством в России. Подобная декларация отнюдь не может помочь Балтийским государствам, но она может доставить большие неприятности для союзных держав.

Де ла Торетта подчеркнул, что комиссия была полностью убеждена в том, что её предложения целиком находятся в соответствии с телеграммой союзников на имя Колчака. Комиссия также осведомлена о том, что балтийские правительства нуждаются в известном поощрении для того, чтобы продолжать борьбу против большевиков.

Пишон сказал, что литовцы, эстонцы и латыши несколько раз уже просили правительства великих держав о признании. Они осведомлены о том, что их усилия в этом направлении рассматриваются с симпатией и что помощь была оказана им в качестве правительств де-факто в борьбе против Советской России. Декларация, предлагаемая комиссией, по его мнению, не даёт удовлетворения и не будет нравиться русским. То, что предлагают, это в действительности отделение Балтийских государств от России.

Было решено отложить дальнейшее обсуждение вопроса. Эта дискуссия показательна для понимания борьбы двух тенденций: желания союзников идти по пути расчленения России и необходимости считаться с фактическим положением в России.

Дальнейшее обсуждение вопроса состоялось 20 августа, после образования английским генералом Марчем так называемого «северо-западного русского правительства» и соответствующих действий последнего в отношении Эстонии.

Заседание 20 августа открылось заявлением Бальфура, сообщившего об образовании «северо-западного правительства». Бальфур сообщил о декларации «северо-западного правительства», в которой, по его словам, имелись следующие пункты:

«1. Северо-западное правительство принимает на себя полную ответственность в решении всех местных вопросов.

2. Оно просит финансовой, а равно материальной помощи у союзных и ассоциированных правительств.

3. Оно просит немедленной помощи эстонского правительства вооружёнными силами для освобождения Петрограда и Петроградской, Псковской и Новгородской губерний от большевиков.

4. Оно просит, чтобы французский, американский и британский представители получили от их правительств признание полной независимости Эстонии.

5. Оно предлагает немедленно открыть переговоры с эстонским правительством, дабы получить выход к морю через эстонские порты и урегулировать торговые отношения между двумя государствами (северо-западной Россией и Эстонией).

6. Оно информировало Верховное русское правительство Колчака о принятых им решениях и уверено, что правительство Колчака признает необходимость этих решений, вытекающих из обстановки»¹.

Бальфур продолжал, сказав, что, как только эта декларация была сделана, французский, британский и американский представители в Ревеле совместно представили эстонскому правительству ноту генерала Гофа, требующую сотрудничества с русским северо-западным правительством и констатирующую, что требование Эстонии о полной независимости будет представлено союзным и ассоциированным правительствам.

Сообщение Бальфура кончается ссылкой на генерала Гофа, который заявил, что, если признание Эстонии и вооружённая помощь ей не будут осуществлены немедленно, можно предвидеть развал армии и тогда нельзя будет контролировать обстановку. Генерал Гоф считает необходимым, чтобы новое правительство получило немедленную помощь.

Титтони (Италия) заметил, что союзные представители в Балтике могли считать, что раз Мирная конференция признала адмирала Колчака с той целью, чтобы он боролся против большевиков, то они поступят правильно, если признают любую другую русскую организацию, имеющую те же цели.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 735.

Пишон предложил, чтобы Бальфур запросил у генерала Гофа дополнительную информацию. Бальфур ответил: «Если они (т. е. эстонцы) договорятся с большевиками, то в дальнейшем не будет надежды на борьбу с большевизмом в этой области... Генерал Гоф доводит до сведения Совета, что если не будет признания эстонского правительства, то произойдёт неизбежное крушение северо-западной русской армии»¹.

Бальфур не случайно заговорил о возможности соглашения Эстонии с советским правительством, о том, что эстонское правительство обсуждает вопрос о мирных переговорах с Советской Россией².

Он предложил принять следующую резолюцию:

«Комиссии по делам Прибалтики будет предложено представить Совету проект декларации союзных и ассоциированных держав относительно их политики по вопросу о международной позиции Балтийских государств взамен того проекта декларации, который был рассмотрен, но не одобрен Советом 26 июля.

Эта декларация должна быть составлена в строгом соответствии с письмом, адресованным Мирной конференцией адмиралу Колчаку 26 мая, каковое письмо, если не будет и пока не будет других соглашений, должно считаться руководящим документом в этом вопросе. Таким образом, декларация должна предусмотреть, во-первых, что, если не будет в скором времени достигнуто соглашение между Балтийскими государствами и Россией, это решение будет принято союзными и ассоциированными государствами с консультацией и при сотрудничестве Лиги наций и, во-вторых, до решения этого вопроса государства Прибалтики будут признаны автономными и имеющими полностью возможность входить в отношения с союзными и ассоциированными правительствами»³.

Предложение Бальфура было принято.

В чём же заключалась тактика Бальфура, довольно успешно проведённая им на этом заседании? Генерал Гоф действовал отнюдь не по собственной инициативе, вопрос об образовании «северо-западного правительства»

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 732—733.

² Ibid., p. 733.

³ Ibidem.

с назначением генерала Юденича военным министром этого правительства и командующим северо-западной армией, как и вопрос о признании «независимости» Эстонии в качестве условия помощи белогвардейской северо-западной армии, был решён английским правительством. Это признание отторжения Эстонии от России отвечало тенденциям антантовской и в частности английской внешней политики, стремившейся к расчленению России, к отторжению от неё стран Прибалтики. Так называемую «независимость Прибалтийских стран» Антанта и в частности английское правительство понимали как независимость от России и полную зависимость от Антанты, от Англии. Однако Антанта не хотела заявить об этой своей позиции открыто. Вот почему Бальфур стремится представить действия генерала Гофа как самостоятельные.

В высказываниях Бальфура есть новое: это указание на то, что эстонцы могут договориться с советским правительством и тогда надежда на борьбу с большевизмом в этой части России будет потеряна.

Вскоре вопрос о судьбе стран Прибалтики встал перед союзными правительствами уже в другом аспекте, а именно, как проблема начинавшихся переговоров о перемирии и мире между государствами Прибалтики и Советской Россией, которые Антанта стремилась сорвать, добиваясь участия стран Прибалтики в походе Юденича.

В. И. Ленин говорил: «...настояния были, чтобы все эти маленькие государства боролись против большевиков. И это провалилось два раза, провалилось потому, что мирная политика большевиков оказалась серьёзной, оказалась оцениваемой ее врагами, как более добросовестная, чем мирная политика всех остальных стран, потому, что целый ряд стран говорили себе: как мы ни ненавидим Великобританию, которая нас душила, но мы знаем, что душили нас Юденич, Колчак, Деникин, а не большевики»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 53.

ГЛАВА II

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ ПРИБАЛТИКИ

Ведя решительную вооружённую борьбу на западной границе против интервентов, Советская республика одновременно искала возможность соглашения со странами Прибалтики. Поскольку в это время страны Антанты осуществляли вооружённую интервенцию на западной границе Советской России при помощи северо-западной «русской армии», с одной стороны, и бело-национальных формирований (эстонских, латвийских и др.) — с другой, нейтрализация в этом смысле стран Прибалтики имела как политический, так и стратегический смысл. Это особенно было важно в момент подготовки второго похода Антанты, похода, частью которого было наступление на Петроград.

Прибалтика с давних времён была частью Российского государства, тесно связанная с ним экономически и политически. В интересах народов России, как и народов Прибалтики было добровольное объединение их в едином демократическом союзе. Вот почему предложение, сделанное советским правительством: начать мирные переговоры с буржуазными правительствами Прибалтики, — встретило полное сочувствие народных масс этих стран.

21 июля 1919 г. из Москвы была послана в Таллин радиограмма, в которой указывалось, что советские войска не переступят границ прежней Эстляндской губернии. Это сообщение, таким образом, подчёркивало отсутствие каких бы то ни было притязаний Советской России в отношении эстонской территории. Ввиду того, что правящие

круги эстонской буржуазии систематически утверждали, что Эстония ведёт «оборонительную войну» против Советской России, телеграмма разоблачала эти лживые утверждения. Эстонское буржуазное правительство не реагировало на эту телеграмму.

31 августа 1919 г. советское правительство в телеграмме министерству иностранных дел Эстонии предложило «вступить в мирные переговоры, которые имели бы целью установить границы Эстляндского государства, пределы нейтральной зоны между русскими и эстляндскими войсками, формы контроля над местностью, включённой в нейтральную зону, а также другие детальные вопросы на базе неуклонного признания независимости Эстляндского государства правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»¹.

Советское правительство подчёркивало, что военные операции против Советской России ведутся Эстонией «под давлением держав Согласия, удовлетворяя исключительно интересам их правительств в разрез с интересами эстляндского народа»².

Эстонское правительство ответило 4 сентября 1919 г. согласием вступить в переговоры и выразило мнение, что к переговорам «можно было бы приступить 10 текущего сентября».

Обмен телеграммами между советским и эстонским правительствами не остался тайной. Эстонская делегация в Париже довела до сведения французского правительства и делегатов союзных стран, что Эстония в силу мотивов как внутренней политики, так и военной прекратит военные действия и пойдёт на мирное соглашение с советским правительством³.

Французское правительство заявило эстонцам, что оно не будет относиться безразлично к факту мирного соглашения между Эстонией и Советской Россией и что «подобное радикальное изменение эстонской ориентации, без всякого сомнения, будет сопровождаться соответ-

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 303—304.

² Там же, стр. 303.

³ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 710.

ствующим изменением франко-эстонских отношений»¹.

Как реагировали на новое направление эстонской политики другие союзники — Великобритания и США? Начнём с Великобритании. Что касается британского правительства, то последнее отнюдь не спешило с изложением своей точки зрения относительно возможности мирных переговоров между Эстонией и Советской Россией. Из телеграммы исполнявшего обязанности государственного секретаря США Филиппса на имя Полка (заместителя государственного секретаря Лансинга) (20 сентября) мы узнаём, что государственный департамент в этот момент не знал, какова позиция правительства Великобритании. Филиппс в этой телеграмме задаёт следующий вопрос: «Какую позицию заняли британцы по отношению к этим мирным предложениям?»²

Телеграммой от 15 октября государственный секретарь США Лансинг поручает послу США в Лондоне Дэвису выяснить в Форейн оффис путём неофициального разговора позицию британского правительства³.

Дэвис телеграммой от 23 октября сообщил, что в результате неофициального разговора, который он имел накануне, он может дать следующую информацию: около месяца тому назад три Балтийских государства — Эстония, Латвия и Литва — сообщили британскому правительству, что они будут вынуждены начать мирные переговоры с русским советским правительством, если британское правительство не признает их независимость де-юре.

Согласно той же информации Дэвиса 25 сентября британское правительство ответило всем трём правительствам идентичными телеграммами, в которых заявляло, что оно «уже признало автономное существование правительств Балтийских государств и что вопрос о признании де-юре их независимости не может быть решён британским правительством за его личной ответственностью и отдельно от его союзников и что решение этого вопроса поэтому является делом Мирной конференции или Лиги наций, как её преемника»⁴.

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 710—711.

² Ibid., p. 712.

³ Ibid., p. 722, 723.

⁴ Ibid., p. 728.

Телеграмма Дэвиса не оставляет сомнений в том, что британское правительство уклонялось от такого заявления по балтийскому вопросу, которое могло бы компрометировать его отношение к Колчаку и выходило бы за рамки телеграммы союзников на имя Колчака от 26 мая. На деле британское правительство добивалось отторжения Прибалтики от России. Так, например, в тот самый день, 23 октября, когда Дэвис сообщал государственному департаменту о своём разговоре с Форейн оффис, исполнявший обязанности государственного секретаря США Филиппс телеграфировал Дэвису (на основании данных посольства Колчака в Вашингтоне), что командующий британскими войсками в Сибири генерал Нокс передал недавно Колчаку послание британского правительства, в котором указывается, что большевики предложили Балтийским государствам признание их независимости в качестве платы за мир с ними и, так как Балтийские государства склоняются принять его предложение, было бы хорошо, если бы Колчак признал их независимость с целью избавить прибалтийские правительства от необходимости пойти на сделку с большевиками¹.

Прибалтам английское правительство формально сообщает, что оно не может пойти на их признание, так как оно связано общей позицией по отношению к Колчаку, а у Колчака оно добивается признания независимости Прибалтов².

В этой же телеграмме от 23 октября Филиппс писал, что Великобритания больше всего поддерживает балтийское сепаратистское движение и ей легче всего путём угрозы прекратить помощь — воздействовать на поведение прибалтийских правительств в отношении большевиков³.

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 727.

² Если бы это давление на Колчака увенчалось успехом, то английское правительство добилось бы поставленной им цели (отторжения Прибалтики от России) сравнительно легко. Раз сам Колчак в качестве главы «российского правительства» признал бы независимость Прибалтики, английскому правительству оставалось бы, со своей стороны, только последовать этому примеру. Цель была бы достигнута. Однако этот наиболее лёгкий вариант не удался. Пришлось дальше лавировать, что Англия и делала.

³ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 727—728.

Дальнейшие данные, характеризующие как позицию Великобритании, так и США, можно найти в телеграмме от 15 октября 1919 г., посланной государственным секретарём Лансингом на имя одного из своих заместителей — Полка, который в это время являлся представителем США в Совете глав делегаций Парижской конференции. За неделю до этого Полк в телеграмме от 8 октября на имя Лансинга между прочим писал: «Хотя британское правительство уже признало де-факто независимость Литвы и других Прибалтийских государств и вступило с ними в сношения как с таковыми, я сомневаюсь, является ли данный момент удобным для нас рассматривать вопрос о таком признании, поскольку это связано с проблемой расчленения России»¹. Телеграмма Полка от 8 октября не опубликована госдепартаментом. Опубликована лишь в виде подстрочного примечания последняя фраза этой телеграммы, цитированная нами выше. Эта выдернутая из телеграммы Полка фраза должна была в 1943 г. служить «доказательством» того, что США в 1919 г. были против расчленения России, и замазать ту действительную интервенционистскую, аннексионистскую политику, которую США проводили в этом вопросе.

В телеграмме от 15 октября 1919 г. Лансинг снова даёт характеристику позиции Великобритании. Он пишет, что Великобритания «слишком покровительствует националистическому движению в Прибалтике»².

Позиция-США по отношению к Прибалтике в этот период не совпадала с линией поведения Великобритании только по форме. Разделяя позицию Великобритании в отрицательном и враждебном отношении к советской власти, поддерживая и помогая в вооружённой борьбе против большевиков, Соединённые Штаты стремились к свержению советского правительства и на деле помогали расчленению России, делая при этом вид, что США «против» политики расчленения. Однако все заявления представителей США в этом смысле в корне противоречили их действиям по расчленению России. США тщательно скрывали, маскировали свою действительную позицию

¹ Foreign Relations of the USA; Russia, 1919, p. 723.

² Ibid., p. 724.

в вопросе о расчленении России. Ссылаясь на высказывания Вильсона, Лансинга, Хауза, апологеты американского империализма всячески затушёвывают, замазывают, скрывают, маскируют *дела*, практику, которую осуществляли Вильсон, Лансинг, Хауз и другие слуги американского монополистического капитала по отношению к России. Очевидный *факт* заключается в том, что США были одним из организаторов и участников интервенции в России с целью расчленения её и превращения в колониальный придаток капиталистических стран.

23 сентября 1919 г. представители Колчака обратились к Клемансо с обширным меморандумом, в котором писали: если «союзные и ассоциированные правительства энергично не вмешаются для того, чтобы положить конец уже начавшимся переговорам» между эстонским и советским правительствами, то войска генерала Юденича окажутся в очень опасном положении и поход на Петроград сделается невозможным: «Мир между Эстонией и Советской Россией скомпрометирует успех политики окружения большевизма, преследуемой союзными и ассоциированными правительствами».

Колчаковцы, лидеры белогвардейщины высказывали надежду, что «союзные и ассоциированные державы сделают всё, что в их силах, дабы предотвратить заключение мира между Эстонией и большевиками»¹.

30 сентября 1919 г. генеральный секретариат Парижской мирной конференции переслал, по распоряжению Клемансо, делегациям союзников копию письма, полученного 29 сентября от эстонской делегации. Это письмо представляло собой обширный меморандум, излагавший историю мирных переговоров с Советской Россией и сообщавший ряд данных, касающихся поведения союзников в этом вопросе.

Меморандум эстонского правительства в ярких красках рисует тяжёлое положение Эстонии (в основных чертах такое же положение создалось и в других странах Прибалтики): финансовые затруднения, усталость и истощение армии толкают эстонское правительство на при-

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 712—713.

нятие мирных предложений советского правительства. Авторы меморандума умолчали о наиболее важной причине: нежелании народных масс Эстонии сражаться против русского народа, против Советской России. Более того, в конце меморандума эстонское буржуазное правительство определённо намекает на возможность отказа от переговоров с большевиками, если со стороны союзников и белых правительств России последует признание, ссылаясь на которое можно попытаться «убедить наш народ и армию в необходимости новых жертв, которые приведут к падению большевистского режима в России». Эстонское буржуазное правительство не хотело мира с Россией, как явствует из цитируемого документа, оно надеялось, что союзникам удастся свергнуть советский строй в России. Занять такую позицию в вопросе о мире эстонское правительство толкали союзники, в частности Англия. «Британское правительство просит, чтобы ничего не было предпринято в отношении мира с большевиками»,— писали англичане. Союзники стремились к расчленению России, к отторжению от неё Прибалтики. Этой цели можно было достигнуть двумя методами: первый — превратить Прибалтику в плацдарм вооружённой борьбы против России, признать «независимость» (от России!) Прибалтийских государств, второй — не противодействовать мирным переговорам Эстонии (Латвии, Литвы) с Советской Россией, с тем, чтобы первым условием этих переговоров было признание советским правительством независимости Прибалтики и, следовательно, опять-таки — отторжение стран Прибалтики от России. Именно поэтому, когда начались переговоры эстонского правительства с Советской Россией, некоторые деятели держав Антанты, в частности Великобритания, стремились использовать эти переговоры для достижения преследуемой цели — отторгнуть Прибалтику от России.

Не следует упускать из виду общей международной обстановки, невыгодной Антанте,— рост национально-освободительного движения в колониях, развёртывание социальных боёв в западных странах, усталость, недовольство, разруха как результаты прошедшей войны и др.

Эстонское буржуазное правительство всячески затягивало переговоры с Советской Россией. Подготовка к наступлению Юденича на Петроград продолжалась в ускоренных темпах. Оттягивая возобновление переговоров с Советской Россией, эстонское правительство стремилось выиграть время на тот случай, если взятие Петрограда изменит обстановку. Эту нечистую игру эстонских буржуазных политиков ярко характеризует заявление министра иностранных дел Эстонии Поска, сделанное им в беседе с членом «северо-западного правительства» Маргулиесом, которому Поска сказал: «Спешите с подготовкой наступления (на Петроград), и мы вас поддержим. Но знайте, что всё должно быть сделано до ноября, ибо позже мы уже не сумеем уклониться от мирных переговоров с большевиками».

4 октября 1919 г. правительства Эстонии, Латвии и Литвы известили Народный комиссариат иностранных дел о своём согласии начать 25 октября предварительные переговоры, на что советское правительство ответило контрпредложением ускорить возобновление переговоров и начать их не 25, а 12 октября.

Нота Латвии, Литвы и Эстонии с предложением начать переговоры 25 октября последовала 4 октября. Наступление армии интервентов под командованием Юденича на Петроград началось 14 октября. Назначая срок для возобновления переговоров о мире, правительства Прибалтийских стран, инспирируемые державами Антанты, надеялись сразу разрешить две задачи — усыпить бдительность советского правительства, скрыть от него намечавшийся поход Юденича на Петроград, полагая: если поход будет удачным, отпадёт надобность в переговорах с *советским* правительством, если нет, — что будет ясно к 25 октября, — можно будет продолжить мирные переговоры. Выше мы говорили о том, что, добиваясь расчленения России и в частности отторжения от неё Прибалтики, державы Антанты имели перед собой два пути: продолжая поддерживать прибалтийский плацдарм интервенции, признать «независимость» Прибалтийских стран, либо не возражать против мирных переговоров Прибалтийских стран с Советской Россией, поскольку главным условием этих переговоров являлось советское

признание отделения Прибалтики от России. Первоначально союзники выбрали первый путь и притом в наиболее авантюрном варианте. Оставляя пока в стороне вопрос о признании независимости Прибалтики, авторы этого варианта попытались одним ударом сорвать начавшиеся мирные переговоры Прибалтийских стран с Советской Россией и одновременно добиться успеха в осуществлении плана второго похода Антанты, оказав помощь главной силе этого похода — Деникину, чьи войска продвигались с юга в направлении Москвы.

Вот что говорил по этому вопросу В. И. Ленин 24 октября 1919 г. слушателям Свердловского университета, отправлявшимся на фронт: «Мы имеем точные сообщения о том, что в Англии военный министр Черчилль и партия капиталистов предприняли эту военную авантюру на Петроград, чтобы показать возможность быстро покончить с Советской Россией...

Мы можем рассматривать петроградское нашествие, как меру помощи Деникину. Об этом мы можем заключить из положения на Петроградском фронте.

Вы знаете, что нам и латышское, и литовское, и эстонское правительства ответили согласием на предложение начать переговоры о мире... Переговоры уже начались. А в это время Англия собрала остатки своих судов и высадила несколько тысяч белогвардейцев, которые были снабжены великолепными техническими средствами»¹. Таков был смысл действий держав Антанты, стремившихся сорвать мирные переговоры между Советской Россией и странами Прибалтики.

С момента начала наступления Юденича вице-консул США в Выборге систематически сообщает государственному секретарю о продвижении интервенционистской армии. 14 октября он сообщает о взятии Пскова и Ямбурга, 16 октября о том, что под прикрытием британского флота белогвардейские войска высадились около Красной Горки². В тот же день, 16 октября, агент США в Хельсинки сообщает телеграммой государственному секретарю о взятии Юденичем Гатчины и о том, что, вероятно,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 496—497.

² Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 724.

Петроград падёт в ближайшие дни¹, и через час после первой телеграммы он сообщает, что Кронштадт и Петроград взяты². 18 октября вице-консул США в Выборге сообщает, что армия интервентов оккупировала Петроград и белый флаг поднят над Кронштадтом³. Однако уже 22 октября тот же вице-консул США в Выборге извещает государственного секретаря о том, что бои идут... на окраинах Петрограда и что белые не могут продвинуться, так как большевики подвозят подкрепления⁴. 25 октября он же доносит, что Петроград находится в руках большевиков и что линия фронта проходит в 10 километрах от города⁵. 28 октября он сообщает, что большевики подготовили наступление и сосредоточили подкрепления со стороны как финского фронта, так и Москвы таким образом, что Красная Армия, способная защищать Петроград, исчисляется в настоящее время в 100 тыс. человек. Телеграммой от 3 ноября дипломатический агент США в Хельсинки сообщает, что Юденич отступил от Гатчины и Луги и что оба эти города взяты советскими войсками⁶.

Мы не намерены исследовать историю военных операций так называемого похода Юденича, а ограничиваемся только сообщёнными данными, которые получались союзниками и служили им для определения их линии поведения.

К началу ноября 1919 г. обнаружился провал похода Юденича. Новая попытка Антанты нанести военное поражение Советской России была бита.

22 ноября 1919 г. В. И. Ленин говорил, что Прибалтийские страны колебались принять или не принять участие в походе на Петроград, потому что они видели, что рядом с Советской Россией они смогут жить самостоятельно, а с Антантой в мире жить не могут. «Это переживали все маленькие народы. Это переживают Финляндия, Литва, Эстляндия, Польша, где царит сплошной

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 724.

² Ibid., p. 725.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 726.

⁵ Ibid., p. 732.

⁶ Ibid., p. 736.

шовинизм, но где есть ненависть к Антанте, развивающей там свою эксплуатацию»¹.

Одним из непосредственных последствий провала второго похода Антанты, частью которого являлся поход Юденича на Петроград, явилось возобновление мирных переговоров, на этот раз не только с Эстонией, но и со всеми странами Прибалтики. К этим переговорам, а главное — к позиции, которую во время этой второй стадии переговоров заняли государства Антанты, мы ещё вернёмся. Теперь же необходимо остановиться на двух проблемах, которые по времени относятся к периоду начала или даже кануна похода Юденича. Мы имеем в виду поход германо-русской монархической армии Бермонта-Авалова на Ригу, с одной стороны, и проблему Аландских островов — с другой.

В том же меморандуме эстонского правительства от 29 сентября, о котором мы говорили выше, имеется следующая ссылка: «Германские силы, исчисляемые в 100 тыс. человек, представляют для Эстонии серьёзную опасность и растущую угрозу». В своё время эстонцы и латыши отразили эту опасность, но союзники принудили эстонцев и латышей пойти на перемирие с армией фон дер Гольца. После этого фон дер Гольц формально «передал» свою армию Бермонту-Авалову, который должен был направиться на Нарвский фронт для совместных действий с Юденичем против Петрограда. Действительное руководство германо-русскими войсками принадлежало фон дер Гольцу, а после его отъезда — его штабу. Бермонт-Авалов являлся лишь исполнителем планов германского командования. Соглашаясь на преобразование германских войск в «русские», державы Антанты хотели при помощи этого переобедования усилить армию Юденича с целью захвата Петрограда. Провал наступления Юденича на Петроград отразился на вопросе о пребывании немецких войск в Прибалтике и на судьбе мирных переговоров.

На этом мы, собственно говоря, могли бы закончить настоящую главу. Однако есть ещё одна проблема, близко связанная с предыдущей, мимо которой пройти нельзя.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 548.

Эта проблема не только выявляет позицию стран Антанты в вопросе о Прибалтике и в «русском вопросе» в целом, но и проливает свет на судьбу специального вопроса об Аландских островах.

В момент, когда наступление Юденича на Петроград уже развивалось, во второй половине октября, вопрос о финской помощи вновь встал в порядок дня.

Ещё 4 октября дипломатический агент США в Хельсинки, сообщая государственному секретарю США о перспективах участия Финляндии в общих мирных переговорах с Советской Россией, указывал на то, что финляндский сейм должен решить между 18 и 20 октября, присоединится ли Финляндия к остальным трём Балтийским странам (для общих переговоров с Советской Россией) или будет ожидать *пожеланий великих держав*¹.

В этой же телеграмме дипломатический агент США сообщил, со слов министра иностранных дел Финляндии Хольсти, что после декларации Клемансо о передаче Аландских островов Швеции Германия заявляла Финляндии: «Швеции, которая отказывалась помогать Вам в подавлении Вашей революции, предоставляется часть Вашей территории в награду за это». Финляндия, прибавляет дипломатический агент США, никогда не простит союзникам, если Аландские острова уйдут от неё².

Характерно в этой связи (втягивание державами Антанты малых стран в антисоветскую коалицию для похода на Петроград и захвата всего севера России) сообщение вице-консула США в Выборге от 22 октября: «Заявление русского генерального штаба (Юденича) о том, что Кронштадт взят белыми, является ложью и было сделано с политической целью, а именно, чтобы настроить финский сейм против мирных переговоров с большевиками»³.

С этой же целью (втянуть Финляндию в антисоветский поход) первоначальный набросок условий, на которых Финляндия должна была бы согласиться принять участие в походе на Петроград, был передан в конце октября 1919 г. представителю Франции в Прибалтике генералу Этьеван. Этьеван всячески стремился к тому, чтобы такое

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 721.

² Ibid., p. 721—722.

³ Ibid., p. 726.

соглашение было подписано. Одновременно переговоры о «финской помощи» велись в Париже с находившимся в это время там генералом Маннергеймом.

В Финляндии шла борьба между сторонниками и противниками участия финских войск в операциях против Петрограда. 3 ноября 1919 г. дипломатический агент США в Хельсинки сообщал государственному секретарю о том, что *на Финляндию производится «ужасающее давление со стороны англичан и французов»*.

Парижский «Тан» и лондонский «Таймс» ежедневно цитируются реакционной печатью Хельсинки в качестве доказательства потери Финляндией уважения со стороны союзников. Открытое письмо Маннергейма из Парижа на имя президента Стольберга, требующее вмешательства, получило широкое распространение, как и «доклад Маннергейма о том, что *Клемансо заявил ему, что Аландские острова будут отданы Финляндии, если ею будет оказана помощь Юденичу*»¹.

В этой же телеграмме дипломатический агент США сообщил, что министерство иностранных дел Финляндии намерено 4 ноября вручить представителю Юденича генералу Гулевичу ответ, в котором будет сказано: «Финляндия симпатизирует Юденичу и готова была бы оказать ему экономическую помощь, но внутренняя политическая и финансовая ситуация, а также отсутствие гарантий Антанты или будущего русского правительства мешают ответить утвердительно на просьбу об участии в военном освобождении Петрограда»².

Несмотря на ненависть к Советской России, финская буржуазия не была в состоянии открыто принять участие в походе Антанты и её белогвардейских агентов.

Желая обеспечить успех похода Юденича на Петроград и сорвать мирные переговоры Советской России со странами Прибалтики, державы Антанты стремились привлечь к этой аванюре Финляндию. Именно для того, чтобы купить эту помощь, союзники обещали Маннергейму передачу Финляндии Аландских островов: Аландские острова предназначались Антантой в качестве

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 735. Курсив мой.— Б. III.

² Ibid., p. 735.

уплаты Финляндии за помощь в войне против Советской России. Не ограничиваясь предложением взятки Финляндии, союзники, в частности в лице французского представителя в Прибалтике генерала Этьевана, всячески стремились привести к успеху переговоры между Юденичем и Финляндией. Одновременно союзники энергично предупреждали страны Прибалтики и в частности Финляндию против соглашения с Советской Россией. Например, министерство иностранных дел Франции заявило, что, «если таковое соглашение состоится, она, т. е. Франция, изменит своё доброжелательное отношение к Финляндии».

Газета «Таймс» опубликовала 24 октября 1919 г., т. е. как раз накануне вынесения финляндским сеймом решения о позиции Финляндии, статью, в которой требовала выступления Финляндии для «освобождения Петрограда и нанесения сокрушительного удара большевистскому правительству». Газета настаивала на этой акции, так как она «послужила бы для союзников осязательным доказательством того, что Финляндия заслуживает свое новое и независимое положение среди народов...» Статья заканчивалась прямым призывом к выступлению против Советской России¹: «Теперь не время спорам и обсужде-

¹ Когда авантюра Юденича — Черчилля провалилась, Ллойд Джордж приступил к осуществлению плана отторжения Прибалтики от России, плана, который у него был всё время, но который был оставлен в стороне в течение подготовки похода на Петроград. Мирные переговоры стран Прибалтики с Советской Россией могли способствовать отторжению Прибалтики, поскольку в их основе лежало признание Советской Россией независимости этих стран. Если французы решительно возражали против мирных переговоров стран Прибалтики с Советской Россией, то английские возражения были значительно слабее. В плане английской программы расчленения России и отторжения от неё стран Прибалтики мирные переговоры с Советской Россией и признание последней независимости Финляндии вовсе не противоречили этой английской программе, скорее, быть может, наоборот, поскольку признание независимости стран Прибалтики со стороны Советской России облегчало закрепление английского влияния на эти страны.

Чрезвычайно интересным является сообщение генерала Деникина о том, что Ллойд Джордж именно в это время, т. е. осенью 1919 г., вёл переговоры с эстонским правительством о долгосрочной аренде островов Эзеля и Даго. Какое значение могла бы иметь эта «долгосрочная аренда» с точки зрения всей стратегической обстановки в Прибалтике, вряд ли нужно объяснять.

ниям и обмену депешами. Финляндия должна действовать, иначе она упустит благоприятный случай. Мы надеемся, что она будет действовать»¹.

Начавшееся наступление Юденича на Петроград было использовано правительством Эстонии для задержки ответа советскому правительству. Наступление Юденича на Петроград сорвалось, и эстонскому буржуазному правительству пришлось кончить эту двойную нечистую игру. 25 октября 1919 г., т. е. в момент, когда обнаружилась неудача похода Юденича, эстонское правительство возобновило дипломатическую переписку с НКИД.

В ноте заявлялось, что эстонское правительство «готово вступить в переговоры после 25 октября»². Однако, когда НКИД предложил начать переговоры, эстонское правительство под давлением других правительств отказалось от них (8 ноября 1918 г.).

Например, США производили определённое давление как на Эстонию, так и на Латвию с целью помешать успешному ведению мирных переговоров с Советской Россией³. Подобно тому как союзники оказались бессильными заставить Финляндию и Эстонию активно помогать Юденичу в его походе на Петроград, они не смогли помешать Эстонии, а затем и другим Прибалтийским странам пойти на заключение мирных договоров с

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, Примечания, стр. 814.

² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 314.

³ Несмотря на то, что Совет глав делегаций, как мы уже сказали выше, на своих заседаниях не обсуждал вопроса об отношении всех союзников к мирным переговорам между Эстонией и Советской Россией, документы позволяют установить отношение к этим переговорам со стороны отдельных союзников. В частности мы уже отмечали отношение Великобритании и Франции к переговорам в их первой стадии. Что касается США, то государственный департамент за подписью Лансинга в телеграмме от 21 ноября сообщил (через посредство американской делегации) своему представителю Гэду о том, что последний в официальных разговорах с министром иностранных дел Латвии не должен занимать какую-либо определённую позицию по отношению к мирным переговорам. В неофициальных разговорах, однако, Гэд должен высказать отрицательное отношение к соглашению с большевиками (Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 742, 743).

13 декабря Лансинг непосредственно телеграфирует Гэду и предлагает ему в неофициальном разговоре с эстонскими властями заявить последним истинную точку зрения США.

Советской Россией. Со свойственной буржуазным политикам манерой из беды делать добродетель союзники использовали возможность заключения мирного договора между Эстонией и Советской Россией для осуществления плана отторжения Прибалтики от России. В выступлении 20 января 1920 г., т. е. за две недели до подписания мирного договора с Эстонией, В. И. Ленин говорил: «...Англия разрешает Эстонии мириться, лишь бы эта Эстония торговала с Англией»¹. «И мы заключаем мир с Эстонией, что уже дает нам фактический прорыв блокады, даже если формальное снятие блокады — один лишь обман»². «Мы завоевали себе через маленькие страны сочувствие всех народов земли, а это сотни и сотни миллионов»³.

«Антанта стояла во всей силе своего вооружения, своего внешнего могущества, всех своих продовольственных благ, которые она могла дать этим странам, и требовала, чтобы они боролись против нас. Мы выиграли эту тяжбу. Мы выиграли потому, что у Антанты своих войск, которые она могла бы бросить против нас, уже не было и она должна была действовать силою маленьких народов, а маленькие народы... думали, что демократия — это значит жить свободными, а не значит, что все американские миллиардеры могут грабить их страну и всякий дворянчик-офицер может держать себя, как хам, и превращаться в наглого спекулянта, который из-за нескольких сот процентов прибыли идет на самые грязные дела. Вот чем мы победили!»⁴

Не вышло отторжение Прибалтики вооружённым путём.

Выше мы указали на те политические причины, которые вынудили Прибалтийские государства вопреки позиции Антанты принять мирные предложения советского правительства и заключить договоры с ним. Не менее чем эти политические причины действовали и причины экономические. С момента образования Прибалтийских государств и начала «помощи» им со стороны Антанты не

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 14.

² Там же.

³ Там же, стр. 55.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 597.

прекращалось беззастенчивое выкачивание их сырья для надобностей высоких покровителей. Так, например, три четверти латвийского вывоза леса шло в Англию, причём английские банки получали право монопольного вывоза этого вида сырья. То же самое имело место в Литве. Прибалтийским странам угрожала перспектива полного превращения в сырьевые колонии Англии, причём никаких надежд на развитие собственной промышленности у них не было, поскольку русский рынок был закрыт, а западно-европейские рынки не только не нуждались в прибалтийских фабриках, но, наоборот, сами выбрасывали на рынки Прибалтики свои фабрикаты. Для прибалтийских товаров не оказалось рынков сбыта. Равным образом из-за закрытия границ прибалтийские фабрики (например, кожевенные и др.), которые всегда получали промышленное сырьё из России, теперь этого сырья были лишены. Идя на мир с Советской Россией, Прибалтийские страны рассчитывали получить доступ к русскому промышленному сырью и к русским рынкам для своих товаров. Кроме того, они рассчитывали использовать своё окраинное положение и извлечь выгоду из русского транзита.

Со своей стороны державы Антанты ухватились за возможность экономическим воздействием, торговлей, втянуть страны Прибалтики в свою орбиту и создать из них барьер против Советской России, базу для будущих интервенционистских походов. «...попытка великих держав, под влиянием которых безусловно и безоговорочно находятся все маленькие страны, попытка их мобилизовать маленькие страны против нас, потерпела крушение из-за противоречия интересов международного империализма и интересов этих стран. Каждая из этих маленьких стран уже испытала на себе лапы Антанты. Они знают, что когда французские, американские и английские капиталисты говорят: «Мы вам гарантируем независимость» — это на практике значит: «Мы у вас скупаем все источники ваших богатств и держим вас в кабале. Кроме того, мы вас третируем с наглостью офицера, который приехал в чужую страну управлять и спекулировать и ни с кем не желает считаться»¹, — говорил В. И. Ленин.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 563.

ГЛАВА 12

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТАНТОЙ НЕМЕЦКОЙ АРМИИ В ЦЕЛЯХ ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ РОССИИ

Выше мы оставили рассмотрение вопроса об эвакуации германских войск из Прибалтики в тот момент, когда германская армия под начальством фон дер Гольца превратилась в «русскую армию» Бермонта-Авалова. Вся «эвакуация» германских войск из Прибалтики, о которой так много говорилось на заседаниях Совета глав делегаций, ограничилась персональным отъездом фон дер Гольца в Германию. Основной причиной такого пассивного отношения союзников к прямому невыполнению со стороны Германии их требования о действительной эвакуации немцев из Прибалтики являлось желание использовать германские вооружённые силы для подготовлявшегося в тот момент наступления на Петроград, использовать их в борьбе против Советской России.

Обсуждение вопроса об эвакуации германской армии из Прибалтики имело место в Совете глав делегаций 20 августа, когда Совет рассматривал доклад маршала Фоша и его требования о том, чтобы эвакуация германских войск была произведена в кратчайший период. Прошёл месяц после этого заседания, а вопрос оставался в том же самом положении. На заседании Совета глав делегаций 15 сентября 1919 г. этот вопрос снова подвергся обсуждению в связи с новым планом наступления польских войск на Советскую Россию. Совет обсуждал два вопроса, относящихся к России. Первый: следует ли поощрить посылку 500 тыс. польских солдат против Со-

ветской России? Ллойд Джордж заявил, что считает этот план вполне разумным. Эта экспедиция будет стоить 30 млн. марок ежедневно. Ллойд Джордж ставит вопрос, кто будет оплачивать эту экспедицию. Второй вопрос: о Балтийских провинциях, Эстония, сказал Ллойд Джордж, стремится к независимости и не хочет более сражаться против Советской России. Она ведёт переговоры о мире с большевиками. В Латвии и Литве немцы не сдвинулись с места. Немцы являются большой силой, которая могла бы бороться с большевизмом. Если немцы будут использованы в Прибалтике, они, несомненно, получат большое влияние в России. Согласно информации, в Прибалтике сотни тысяч немцев. Из Германии систематически направляются туда офицеры. Военное министерство Германии снаряжает эти войска. В связи с этим Ллойд Джордж ставит перед Советом две проблемы:

1) должны ли быть сделаны новые шаги в виде помощи оружием и деньгами антибольшевистским силам в России и

2) должны ли союзники использовать немцев в борьбе против большевиков.

Поддержка, которую Ллойд Джордж оказал предложению послать 500-тысячную армию белополяков против Советской России, является дополнительным убедительным аргументом, доказывающим, что Ллойд Джордж был за вооружённую интервенцию при помощи солдат малых стран. В то время как его коллега по кабинету Черчилль вооружал и экипировал войска ландскнехта Юденича (не говоря уже о Колчаке и Деникине), Ллойд Джордж предлагал принять услуги другого ландскнехта — премьер-министра панской Польши Падеревского и нанять его войска для войны против Советской России.

Дискуссия на заседании сосредоточилась главным образом на предложении о подготовке в Польше 500-тысячной антисоветской армии. Представитель Италии Титтони заинтересовался двумя вопросами: есть ли уверенность, что польские войска смогут захватить Москву, и второе — о финансировании экспедиции. Клемансо сказал: «Когда британские или французские войска сражаются в России, то всем известно, что они действуют в интересах

Европы, но если будут применены польские войска, то несомненно, что вся Россия восстанет».

Ллойд Джордж вернулся к вопросу о Прибалтике в связи с германскими войсками. Немцы увеличили там свои силы. Генерал фон дер Гольц вернулся в Прибалтику. Германских солдат соблазняют обещанием земельных участков. Здесь Ллойд Джордж обнаружил, как и его коллега Бальфур на заседании 20 августа, юридическую любознательность относительно права союзников заставить немцев эвакуироваться из Прибалтики. Это право было совершенно ясно записано в статье 12 условий о перемирии, и тем не менее Ллойд Джорджу понадобилась экспертиза маршала Фоша. Совершенно очевидно, что дело было совсем не в юридических основаниях.

Фош ответил, что нет никакого сомнения в праве союзников на основе перемирия потребовать эвакуации немцев из Прибалтики. Что же касается средств для осуществления этого требования, то это обстоятельство возбуждает серьёзный вопрос: Чтобы заменить немцев в Прибалтике, Ллойд Джордж предложил послать туда поляков. Фош сказал, что роль Польши — быть барьером, с одной стороны, против Советской России, а с другой — против Германии.

На следующем заседании в тот же день (20 августа) выступил премьер-министр Польши Падеревский с обширным заявлением, суть которого сводилась к следующему: в настоящее время немцы методически и настойчиво расширяют своё влияние и контроль на востоке (в Прибалтике). В северных районах действуют германские генералы фон дер Гольц и князь Ливен. На юге действует генерал Краус, а в центре немцы имеют тысячи инструкторов, которые расширяют германское влияние и вербуют добровольцев, предлагая им 35 марок в день и бонус в тысячу марок. Вся эта деятельность развивается по инструкциям германского военного министерства, как это стало известно из секретного приказа. В настоящее время польская армия имеет 545 тыс. человек под ружьём. К этому количеству можно добавить в течение нескольких месяцев дополнительно 480 тыс. человек. Польское правительство хочет знать планы союзников с тем, чтобы строить свои действия в соответствии

с этими планами. Если союзники решат что-либо по вопросу о мире, польское правительство желало бы об этом узнать как можно скорее ввиду того, что советское правительство предложило весьма выгодные условия мира. Падеревский закончил своё выступление заявлением, что польская армия находится в распоряжении союзников.

Выступление Падеревского было явным и неприкрытым выступлением начальника ландскнехтов, который предлагал продажу своих людей и определял при этом цену чуть ли не с головы. Падеревский намекал, что, если его услуги в «походе на Москву» не будут приняты, Польша готова будет пойти на мир с Советской Россией, которая предлагает ей весьма выгодные условия.

Клемансо заметил, что маршалу Фошу было поручено подготовить план операций в Прибалтике, причём этот план должен быть основан на сотрудничестве с польской армией.

Маршал Фош вкратце ознакомил Совет с основными линиями этого плана, который в тот момент разрабатывался. Основная идея плана заключалась в том, что контроль над Прибалтикой должен быть в руках местных правительств, которым союзники должны оказать помощь. Конференция должна послать какое-либо ответственное лицо в качестве своего представителя с тем, чтобы последний помогал местным правительствам. Это лицо могло бы войти в контакт с польской армией. Маршал Фош указал, что на месте уже находится французский генерал, и намекнул, что последнему можно было бы поручить задачу, о которой он говорит.

Ллойд Джордж сказал, что ему нравится идея Фоша. Если немедленно не начать действовать, то положение в Прибалтике сделается значительно более трудным для союзников. Он также не возражал против назначения французского генерала. Клемансо заметил, что генерал Анри, который командует польской армией, мог бы быть назначен для этой цели. Совет принял следующее решение: маршал Фош должен формально потребовать от германского правительства немедленно эвакуировать Балтийские провинции России и отозвать свои войска с территорий, находящихся за границами Германии, обозначенными в мирном договоре. Он должен информировать

германское правительство, что, если оно не выполнит этого требования, он предпримет шаги для проведения его в жизнь.

Генерал Анри будет уполномочен союзными и присоединившимися державами в качестве их представителя контролировать эвакуацию германских войск.

Приведённые документы устанавливают факт прямого предложения со стороны польского правительства Пилсудского — Падеревского участвовать в вооружённой интервенции против Советской России и играть в ней большую роль. Таким образом, польское правительство Пилсудского предлагало в сентябре 1919 г. державам Антанты тот план, который оно осуществило, напав на Советскую Россию и Советскую Украину 25 апреля 1920 г. (третий поход Антанты). В августе—сентябре 1919 г. Антанта играла тремя козырями — Колчаком, Юденичем и Деникиным. Направить 500 тыс. поляков «против Москвы» в момент, когда союзникам казалось, что успех Колчака, Юденича и Деникина несомненен, они не считали необходимым. В апреле 1920 г. положение изменилось. Колчак, Юденич и Деникин были сброшены со счётов. Именно в этот момент Антанта прибегла к помощи Пилсудского. Совет глав делегаций не имел иллюзий относительно территориальных претензий Пилсудского — Падеревского по отношению к России, Украине, Литве.

16 сентября представитель США в Совете — заместитель государственного секретаря Полк — отправил Клемансо письмо, в котором специально остановился на вопросе об использовании польских войск. Полк сообщил, что после совещания со своими коллегами и экспертами он пришёл к заключению, что «было бы неразумным в настоящий момент соглашаться на применение польских войск против немцев в случае отказа последних от эвакуации». Полк считал, что это может вызвать волнение в Силезии, что в свою очередь отразилось бы на Центральной Европе, а равно могло бы вызвать нежелательный для союзников конфликт между Польшей и Прибалтикой. Полк, далее, ссылаясь на посланника США в Польше Гибсона, который держится того же мнения¹.

¹ Foreign Relations of the USA, v. VIII, p. 240.

Это письмо Полка было зачитано на заседании Совета 17 сентября и послужило основанием для дискуссии.

Полк несколько раз выступал с заявлением, что он отнюдь не против эвакуации германских войск из Прибалтики, он только решительно возражает против применения для этой цели польской армии, так как американская делегация считает, что это неизбежно вызовет войну между Германией и Польшей¹.

Таким образом, представители США под всякими благовидными предложениями стремились задержать немецкие войска в Прибалтике с тем, чтобы использовать их совместно с другими антисоветскими силами в походе против России; представители США стремились не допустить возникновения конфликтов между Германией и Польшей, Польшей и Литвой, что могло отвлечь их от решения основной задачи — интервенции против России.

На заседании 18 сентября генерал Вейган огласил проект письма на имя германской делегации, составленный им согласно поручению Совета. Полк возбудил вопрос о том, насколько допустимо с юридической точки зрения требовать от германского правительства эвакуации не только германских соединений, но и отдельных немцев, которые после демобилизации поступили на русскую белогвардейскую военную службу. Он считает, что союзники идут на риск, требуя от германского правительства выполнения данных мероприятий. Он думает, что правительство Соединённых Штатов было бы поставлено в весьма тяжёлое положение в аналогичном случае по отношению к американским гражданам, которые поступили бы на мексиканскую или кубинскую службу.

Прибегая ко всякого рода «юридической» аргументации, представитель США упорно добивался оставления немецких войск в Прибалтике. Ещё на одном факте оправдалась ленинская оценка:

«Идеализированная демократическая республика Вильсона оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»².

¹ Foreign Relations of the USA, v. VIII, p. 231—234.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 292.

Было предложено заслушать находившегося в Париже английского генерала Гофа, который сможет дать общую картину положения в Прибалтике. Совет согласился с этим, и генерал Гоф выступил с обширным заявлением. По его мнению, большой опасностью для союзников в северо-западной России являются немецкие войска. В этом районе имеет место германский военный заговор, и генерал фон дер Гольц стоит во главе этого заговора. Немецкий план заключается в колонизации Балтийских государств и создании здесь большой армии. Если союзники дадут возможность консолидироваться этой силе, то первым результатом будет захват Германией Балтийских провинций и Финляндии. Он считает, что союзники должны настаивать на эвакуации германского военного командования и германских сил. Необходимо установить порядок и оказать помощь правительствам Балтийских провинций и не только денежную, но и в форме вложения капиталов, с тем чтобы они могли оплачивать товары, получаемые ими от союзников, необходимо восстановить торговлю.

Отвечая на вопросы, генерал Гоф сказал, что армия генерала фон дер Гольца повинуется своим командирам, и опроверг утверждение, будто германское правительство не пользуется авторитетом по отношению к этим войскам.

Вопрос о Прибалтике обсуждался Советом 25 сентября, 2, 10, 15, 18, 25 октября. На заседании 28 октября председателем Межсоюзнической комиссии в Прибалтике был назначен французский генерал Ниссель, который, по словам Клемансо, провёл значительное время в России и знаком с русскими условиями. При обсуждении инструкции Нисселя возникла дискуссия, которая выявила точку зрения отдельных участников как по вопросу о Прибалтике, так и о «русском вопросе» вообще. Представитель Италии Титтони при обсуждении одного из параграфов инструкции заявил, что создаваемая комиссия будет иметь согласно проекту инструкции больше прав, нежели фактические правительства стран Прибалтики. Кроу (Великобритания) поднял вопрос о том, что председателем комиссии, несомненно, будет представитель союзников в Петрограде. Это замечание Кроу вскрыло чрезвычайно характерную деталь, а именно, что союзники в этот

момент (конец сентября 1919 г.) были твёрдо уверены в захвате ими Петрограда и уже готовились к назначению специальной союзнической комиссии, которая распорядилась бы в нём. Кроу заметил, что его правительство снабдило детальными инструкциями генерала Хайкинга, который возглавляет британскую миссию (предназначенную действовать после эвентуального захвата Петрограда). Полк (США) заявил: желательно раз навсегда решить вопрос о признании адмирала Колчака и временных правительств Прибалтики. Клемансо предложил, чтобы делегаты запросили свои правительства, и притом немедленно. Совет принял с некоторыми изменениями проект инструкции межсоюзнической комиссии¹.

Эта дискуссия показательна для тактики, которую в тот момент союзники осуществляли в вопросе об эвакуации германских войск из Прибалтики. Выступая *на словах* за эвакуацию этих войск, они *на деле* использовали их в антисоветских целях.

Эту тактику раскрыл В. И. Ленин, который говорил: «...Франция, Англия и Америка требуют от немцев, чтобы они оставались в Курляндии и продолжали войну...»² Не случайным является упоминание Бертелло о том, что войска Бермонта-Авалова намерены войти в Петроград. Эти войска, которые должны были быть эвакуированы из Прибалтики (ибо это были фактически германские войска, именуемые «русской армией»), представляли для союзников орудие их захватнической политики по отношению к Советской России.

Позиция союзников в вопросе о германских войсках в Прибалтике явилась предметом обсуждения на заседании Совета 10 ноября 1919 г. Представитель Великобритании Кроу огласил полученную им от британской военной миссии в Берлине телеграмму. В телеграмме сообщалось о том, что в Берлине имеется «антибольшевистская лига», местопребыванием которой является гостиница «Адлон». Эта лига является смешанной, в неё входят как немцы, так и русские белогвардейцы. Носке принимает участие в собраниях группы, которая занимается

¹ Foreign Relations of the USA, v. VIII, p. 787—794.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 260.

отправкой оружия Деникину, военных припасов и финансовой помощи Бермонту. Оружие группа получает от консорциума Шильде и от Круппа. Британская военная миссия в Берлине считала бы желательным, чтобы Совет решил вопрос о возможности облегчить помощь германскими военными материалами армии Деникина¹.

Опять же очень характерный для тактики союзников факт: выступая на словах за эвакуацию немецких войск из Прибалтики, союзники на деле в плане реализации обсуждают вопрос об использовании антибольшевистской лиги, находящейся в Берлине и оказывающей помощь оружием, амуницией, деньгами немецким войскам, находящимся в Прибалтике и действующим против Советской России.

Начавшийся отход (в ноябре 1919 г.) немецкой армии (Бермонта-Авалова) к линии Тауроги—Шавли в качестве первого этапа эвакуации произошёл вследствие её неудач на фронте, а не в результате деятельности межсоюзнической комиссии под председательством генерала Нисселя. Наоборот, когда для межсоюзнической комиссии стало очевидно, что армия Бермонта-Авалова уже не представляет собой боевой ценности для борьбы с Советской Армией, межсоюзническая комиссия Нисселя известила белогвардейских офицеров и солдат армии Бермонта-Авалова, что они должны сражаться против Советов в рядах армии Юденича. Но и Юденич, несмотря на все усилия Антанты помочь ему, потерпел поражение.

Эвакуация германских войск из Прибалтики была осуществлена (с огромным опозданием) не потому, что её потребовали союзники, а потому, что весь план Антанты наступления на Петроград провалился вследствие разгрома войск Юденича Красной Армией. В этих условиях германская армия в Прибалтике оказалась для союзников ненужной, и они эвакуировали её.

На заседании Совета 1 декабря 1919 г. обсуждался вопрос об использовании против Советской России остатков армии Юденича. На Совете были обсуждены предложения об оставлении остатков армии Юденича в Эстонии или отправке их на территорию, находившуюся под кон-

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 90—91.

тролем генерала Деникина. Маршал Фош предлагал послать генерала Нисселя, как только он закончит свои дела в Курляндии, в Эстонию для переговоров о соглашении между эстонским правительством и генералом Юденичем, уведомить эстонское правительство, что до решения союзников оно не должно принимать никаких мер против генерала Юденича. Полк, от имени США, принял предложение Фоша. Совет решил передать эстонскому правительству предложение, сделанное маршалом Фошем, и сообщить ему, что Совет рассматривает весь вопрос¹.

13 декабря консул Соединённых Штатов в Ревеле сообщил государственному секретарю, что ответ эстонского правительства по поводу заявления Совета глав делегаций, касающийся армии Юденича, будет дан 14 декабря. В этом ответе эстонское правительство укажет, что финансовая помощь, продовольствие и признание де-факто со стороны Соединённых Штатов, а также Деникина и Колчака способствовали бы преодолению затруднений. Консул США в Ревеле считает, что если северо-западная армия Юденича будет реорганизована под руководством союзных офицеров, а Эстонии и Юденичу² будет дана значительная помощь, то задачи союзников могут быть осуществлены.

На заседании Совета 18 декабря было подчёркнуто, что в интересах Антанты создать из Прибалтийских провинций солидный бастион против большевизма. С этой точки зрения необходимо срочно решить вопрос об использовании армии Юденича и об её взаимоотношениях с эстонским правительством.

Необходимо, говорилось на заседании, предпринять шаги, дабы создать между эстонским правительством и командованием армии Юденича общность взглядов, которая необходима для продолжения их объединённых действий против Советской России. Выполнение этой задачи³ рекомендовалось поручить генералу Нисселю.

¹ Foreign Relations of the USA, v. IX, p. 389—390; Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 746—747.

² Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 747—748.

³ Ibid., v. IX, p. 604—605.

Маршал Фош подчеркнул, что союзники должны торопиться, в противном случае армия Юденича полностью исчезнет¹.

Была сделана ещё одна попытка спасти остатки армии Юденича от окончательного распыления. На заседании Совета 29 декабря маршал Фош выступил с пространнным заявлением, целью которого было поручение генералу Нисселю выступить посредником между эстонским правительством и армией Юденича. Армия генерала Юденича, отступившая на эстонскую территорию, попала, по выражению Фоша, в трагическое положение, необходимо восстановить добрые отношения между эстонцами и войсками Юденича с целью создать в этих районах, которым особенно угрожает революция, достаточный оплот против большевистских сил. Вопрос этот тем более срочен, что армия Юденича каждый день всё более и более рассыпается на куски. Необходимо создать барьер против большевиков. Для того чтобы такой барьер образовать, нужно создать группу государств, в которой приняли бы участие Литва, Латвия и Эстония. Для выполнения этой миссии генерал Ниссель является наиболее подходящим человеком.

Однако ход событий не зависел от союзников. Попытки спасти остатки армии Юденича от окончательного развала и создать из этих остатков ядро нового наступления на Советскую Россию были обречены на неудачу. 31 декабря 1919 г. буржуазное правительство Эстонии было вынуждено подписать договор о перемирии с РСФСР.

Вопрос об использовании остатков армии Юденича был предметом краткого обсуждения на заседании Совета 3 января 1920 г. На этом заседании представитель Великобритании Кроу заявил, что его правительство считает, что армия Юденича постепенно поглощается эстонской армией. Это процесс естественный. Союзники

¹ После перехода армией Юденича границ Эстонии (разрешение эстонского правительства последовало 16 ноября) эстонская армия стала разоружать войска Юденича. Французское правительство телеграфировало своему представителю в Ревель для передачи эстонским властям, что оно считает разоружение армии Юденича в случае перехода её в Эстонию недопустимым.

должны одобрить это прогрессивное поглощение. Пусть союзные представители в Ревеле информируют эстонское правительство, что союзники поддерживают поступление на эстонскую службу солдат и офицеров армии Юденича¹.

На заседании Совета 5 января 1920 г. британская делегация огласила меморандум по вопросу об использовании остатков армии Юденича. В этом меморандуме, датированном 4 января 1920 г., указывалось, что британское правительство считает наилучшим выходом предоставить эстонскому правительству использование белогвардейских сил, находящихся в Эстонии.

Бертелло, представлявший на этом заседании Францию, заявил: эстонцы подписали перемирие с советским правительством и расположены вести переговоры об окончательном мире с ним, что полностью противоречит точке зрения союзников. Союзники не имеют оснований быть довольными нынешней позицией эстонцев. Союзники просили эстонское правительство сохранить военные части Юденича; эстонцы не обратили достаточного внимания на эту просьбу союзников. Если эстонцы подпишут мирный договор с Советами и Польша последует их примеру, то план создания санитарного антисоветского кордона Балтийских государств против Советской России будет в большой опасности.

Было решено не делать никаких представлений эстонскому правительству, иными словами, — закрыть глаза, как выразился Бертелло, на позицию эстонского правительства по вопросу об использовании остатков армии Юденича². На этом вопрос об армии Юденича был закончен. Для союзников этот вопрос перестал существовать, так как перестала существовать армия Юденича, разгромленная советскими войсками.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 770—771.

² Ibid., p. 786—787.

РОЛЬ АРХАНГЕЛЬСКО-МУРМАНСКОГО УЧАСТКА ИНТЕРВЕНЦИИ В ПЛАНАХ СОЮЗНИКОВ

Архангельско-мурманский участок характерен для того этапа интервенции, когда Антанта пыталась «разделиться с Советской Россией при помощи своих собственных войск»¹. В Архангельске союзная интервенция началась несколько позже, нежели в Мурманске. 2 августа 1918 г. английская эскадра вошла в Архангельский порт и высадила десант.

Впоследствии В. И. Ленин, подводя итоги интервенции союзников на Севере, говорил:

«На Северном фронте, где наступление на Мурманск обещало неприятелю особенно большие выгоды, где давно уже были собраны англичанами громадные и великолепно вооруженные силы, где нам, при отсутствии продовольствия и снаряжения, было невероятно трудно бороться, — там, казалось бы, у империалистов Англии и Франции должны были быть блестящие перспективы. И как раз там оказалось, что все наступление неприятеля рухнуло окончательно»². За несколько часов до высадки английских вооружённых сил в Архангельске был произведён антисоветский переворот, в результате чего было образовано «верховное управление северной области» во главе с Н. В. Чайковским. Руководящую роль в этом «верховном управлении» играла партия эсеров. В ночь с 5 на

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 592.

² Там же, стр. 495.

6 сентября 1918 г. в Архангельске произошёл новый переворот, возглавлявшийся капитаном Чаплиным. Руководящая группа, стоявшая во главе «верховного управления», вместе с Н. В. Чайковским была арестована и отправлена на Соловецкие острова. В результате вмешательства американского посла Френсиса эта группа была освобождена, Чайковский возвращён в Архангельск, где ему приказали образовать новое правительство, но уже в другом составе (все члены нового правительства были кадетами и представителями торгово-промышленных кругов). Сам Чайковский был оставлен во главе «верховного управления» в качестве декоративной фигуры.

30 апреля 1919 г. на заседании Совета четырёх имела место краткая дискуссия о положении в северной России, причём Ллойд Джордж предложил заслушать Чайковского — главу архангельского правительства. Президент Вильсон сказал, что взгляды Чайковского известны. Было решено, что США, Великобритания и Франция представят специальные меморандумы, которые послужат базой для обсуждения вопроса о севере России¹.

На заседании Совета 9 мая, во время обсуждения общей линии союзников в «русском вопросе», Ллойд Джордж доложил, что Колчак сделал большие успехи в своём продвижении на запад и что он сможет скоро соединиться с войсками, базирующимися на Архангельск. В этой связи Ллойд Джордж снова предложил, чтобы Совет четырёх заслушал Чайковского².

Выступление Чайковского состоялось на заседании Совета четырёх 10 мая 1919 г. Это выступление носило общеполитический характер. Чайковский давал общие сведения, касающиеся Колчака и его правительства, и в значительной мере выступал в качестве его представителя.

На заседании Совета 25 июня речь шла об архангельском участке интервенции в связи с общей военной обстановкой в России и отмечалось, что первым этапом плана Колчака было соединение в Котласе с силами, базирующимися на Архангельск³. Об этом же говорилось

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. V, p. 370.

² Ibid., p. 529—530.

³ Ibid., v. VI, p. 674.

в специальном меморандуме, написанном Черчиллем и касавшемся общего военного положения в России. В качестве мероприятия по улучшению положения войск Колчака Черчилль предлагал:

«Союзные и ассоциированные правительства должны уведомить правительство Чехословацкой республики о том, что они готовы принять на себя ответственность за репатриацию всех чехословацких войск, ныне находящихся в Сибири, на следующей основе:

а) 30 тыс. солдат (чехословацких) должны принять участие в операциях на правом крыле войск адмирала Колчака с целью установить смычку с архангельскими силами путём продвижения по линии Вятка — Котлас на Архангельск...»

В объяснении, которым Черчилль сопровождает предлагаемую им схему помощи Колчаку, он указывает, что дисциплина чехословацких войск, длительное время находившихся в Сибири, весьма сильно пала и что только перспектива их репатриации из Архангельска может заставить чехословацкие войска принять участие в операциях против Советской России.

Таким образом, Черчилль пытался подкупить чехословацкие войска, с одной стороны, и правительство Чехословакии — с другой, перспективой ближайшей репатриации чехословаков на родину¹.

Предложение Черчилля было передано на обсуждение военных представителей Верховного совета, и Совет вернулся к нему позже. Политика союзников по отношению к архангельскому участку интервенции может быть в известной мере установлена по переписке государственного департамента США.

24 января 1919 г. и. о. государственного секретаря США Полк в телеграмме на имя поверенного в делах США в России Пуля, имевшего в это время свою резиденцию в Архангельске, просил сообщить в Париж и Вашингтон ответы на следующие вопросы: «1. Каково в настоящее время отношение русских к союзной интервенции. 2. Каково отношение архангельского правительства к Колчаку. 3. Каковы планы архангельского правительства

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VI, p. 684.

в отношении весенней кампании. 4. В какой степени поддерживается настоящее правительство в самом Архангельском районе и за его пределами»¹.

На первый вопрос Пуль ответил, что интервенция на севере России была бы более «приветствуема населением соответствующего района», если бы она проходила под американским контролем. «Как уже раньше сообщалось, — пишет Пуль, — англичане часто бестактны и вмешиваются в местные дела; кроме того они не свободны от подозрений в корыстных целях»².

Пуль вполне одобряет действия американского посла Френсиса, который вернул Чайковского.

Все разглагольствования Пуля насчёт «реакционности» англичан и их «бестактности», которую они проявляют, вмешиваясь «в местные дела», отнюдь, конечно, не выявляют какой-либо принципиальной разницы в политике американцев и англичан при осуществлении ими интервенции на севере России. Такой принципиальной разницы не было. И те и другие были интервентами, и те и другие осуществляли насильственное вооружённое вмешательство на севере России. Дело было не в какой-либо разнице взглядов на интервенцию. Дело было в том, что американцы, которые раньше англичан поняли опасность разложения интервенционистских войск, забили тревогу. Спротивление прогрессивных элементов внутри США вооружённой интервенции с участием американских войск к этому времени усилилось. Всё чаще и чаще на собраниях рабочих, в печати и в обращениях прогрессивной общественности к президенту Вильсону ставился вопрос о незаконности пребывания американских войск в России, которой США не объявляли войны. Предложения Пуля, критиковавшего методы англичан с «демократических» позиций и предлагавшего вести разъяснительную работу среди американских солдат, имели своей задачей усыпить внимание противников интервенции и придать реакционной политике США видимость «борьбы за демократию» на севере России. Последующие события показали, что тревога, поднятая американцами, опиралась на знание

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 607.

² Ibid., p. 608—609.

действительного положения и настроения американских (и не только американских) солдат. Правительству США пришлось обещать быструю эвакуацию войсковых частей с севера России и возвращение их домой.

13 февраля 1919 г. Пуль сообщил государственному департаменту свои опасения, касающиеся морально-политического состояния американских и союзных войск в северной России. Совместно с военным атташе Пуль предлагал государственному департаменту обратиться с особым воззванием к американским войскам в Архангельске и объяснить им причины их пребывания на севере России. Он послал даже проект такого обращения, в котором следовало бы сказать, что американские и союзные войска были посланы на север России для того... чтобы помешать Германии создать там базы для подводных лодок, а также для того, чтобы помешать переходу большого количества военных материалов, сосредоточенных на севере России, в германские руки. «Вы будете эвакуированы в Соединённые Штаты в самый кратчайший срок — 15 июня»¹, — говорится в проекте Пуля.

Инициатива Пуля, несомненно, свидетельствует о настроениях среди союзных и в частности американских войск, которые не хотели оставаться в Архангельске и сражаться против Советской России. Своё нежелание сражаться американские солдаты выражали не только на словах, но и в действиях².

С целью обмана, маскировки, показа общественному мнению США, будто американское правительство решило положительно вопрос об эвакуации из Архангельска и Мурманска, в печати было опубликовано письмо, с которым 18 февраля военный министр США обратился к председателю комиссии по военным делам конгресса. В этом письме он сообщал, что президент Вильсон одобрил посылку в Мурманск двух американских железнодорож-

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 615—616.

² Пуль доносил государственному департаменту: 2 марта 1919 г. он получил сообщение от генерала Айронсайда о мятеже французского батальона, который должен был сменить американский, но категорически отказался это сделать. Французский командир предупредил генерала Айронсайда, что через три недели, когда американский батальон должен будет сменить другую часть, с ним может произойти такая же самая история.

ных батальонов. Перечисляя цели, ради которых эти батальоны посылаются, военный министр указал, что одной из этих целей является «облегчение быстрой эвакуации американских и союзных войск из северной России в возможно кратчайший срок, как только условия весенней погоды это позволят»¹. В письме содержался намёк на то, что речь будет идти об эвакуации не только американских, но и всех союзных войск. С другой стороны, помимо обмана общественного мнения внутри США опубликование этого письма сделало ненужным специальное обращение правительства США к американским войскам, которое предлагал Пуль.

Получив сообщение государственного департамента о предстоящей якобы в ближайшем будущем эвакуации американских войск из района Мурманск — Архангельск, Пуль написал, что ни британские, ни французские дипломатические и военные власти не получили от своих правительств какой-либо информации об эвакуации их войск из Архангельского и Мурманского районов. «Совершенно немыслимо, — пишет Пуль, — чтобы союзники полностью могли оставить население этого района». Пуль высказал убеждение, что было бы несчастьем для союзников, если бы союзная экспедиция на севере России продолжалась без участия американцев².

Итак, для обмана общественного мнения — успокоительные письма, заверения в скорой эвакуации войск, а на деле — «совершенно немыслимо» оставить район интервенции. Таковы методы вильсоновской дипломатии.

3 июля 1919 г. поверенный в делах Великобритании в США Линдсей довел до сведения государственного департамента нижеследующее: «Из телеграммы, полученной от графа Керзона, я узнал о том, что американские железнодорожные войска будут эвакуированы из Архангельска около 15 июля. Я уполномочен просить правительство США согласиться оставить эти войска, подчеркнув при этом, что их эвакуация может вызвать крах всех архангельских вооружённых сил»³.

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 617.

² Ibid., p. 618—619.

³ Ibid., p. 634.

24 июля посол США в Лондоне переслал государственному секретарю телеграмму, полученную им из Архангельска от Коуля (который в это время был поверенным в делах США при северном правительстве). В этой телеграмме Коуль сообщает, что русские войска, расположенные на линии коммуникации Онега — Шеланово, восстали и перешли на сторону большевиков. Город Онега находится в руках восставших. Одновременно восстание имело место и на линии железной дороги, идущей на Вологду. Для союзников оставались две возможности — либо немедленная присылка крупных подкреплений, либо срочная эвакуация¹.

26 июля появилось официальное сообщение в «Таймсе», где было сказано: «Мы решили эвакуировать войска из России во всяком случае, и военные неудачи в северной России могут лишь ускорить наши планы выполнить это решение»².

События, неблагоприятно складывавшиеся в России для союзников, вынуждали их «выполнить решение» — эвакуировать свои войска с севера России.

Вашингтон и Лондон вынуждены были принять срочные меры для эвакуации своих войск. Это диктовалось общей международной обстановкой, положением на фронтах интервенции в России и в частности на северном участке.

4 сентября государственный секретарь США Лансинг в телеграмме на имя Коуля подтвердил получение Вильсоном обращения из Архангельска с просьбой об оставлении союзных войск. Лансинг просил Коуля сообщить заинтересованным лицам: американские войска отзываются после девяти месяцев сотрудничества с союзными силами в северной России вследствие обстоятельств, не зависящих от американского правительства. Вы можете заверить, писал Лансинг, что наши действия продиктованы суровой необходимостью и тем, что наступил срок, когда наши военные усилия по необходимости должны быть прекращены³.

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 641.

² Ibid., p. 643.

³ Ibid., p. 660.

Телеграмма Лансинга представляет собой образчик вильсоновского «дипломатического» лицемерия, наглости, прямой лжи. Оказывается, что американские войска были посланы на север России и сражались там с русскими рабочими и крестьянами... только для того, чтобы «помочь русским сохранить запасы всякого имущества». Правдой в телеграмме Лансинга было лишь утверждение, что отзыв американских войск продиктован «суровой необходимостью», вопреки желаниям и намерениям американских интервенционистов. Лансинг, конечно, не расшифровывает, в чём заключалась эта «суровая необходимость», и умалчивает, что военные действия в России незаконны даже с точки зрения американской конституции (официально США не объявляли войны России).

Эвакуация союзных войск из Архангельска и Мурманска была закончена в конце сентября — начале октября 1919 г. К сказанному следует добавить, что последним актом союзной интервенции на севере России была попытка посредничества английского министра иностранных дел Керзона между генералом Миллером и советским правительством. 21 февраля 1920 г. Керзон в телеграмме советскому правительству сообщил о том, что генерал Миллер и «временное правительство северной области» вынесли решение о невозможности продолжать борьбу, вследствие чего они предлагают сдать Архангельск советским войскам. Керзон закончил свою телеграмму советскому правительству следующим: «Если вы имеете какие-либо предложения для передачи генералу Миллеру с целью мирной капитуляции и если вы желаете сообщить их через меня, я буду счастлив передать их»¹. Однако события на севере России опередили Керзона, стремившегося спасти части генерала Миллера от окончательного разгрома. Под давлением Красной Армии части генерала Миллера должны были безоговорочно капитулировать. Инициатива Керзона повисла в воздухе.

Особенность архангельско-мурманского участка вооружённой интервенции с точки зрения проблематики Парижской мирной конференции заключается в том, что об этом плацдарме интервенции в отличие от ряда других

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 367.

сравнительно мало говорили в основных органах конференции, что объясняется некоторыми особенностями этого участка в общей схеме вооружённой интервенции союзников. В этом районе действовали кроме англичан американские, французские, итальянские и другие войска. Без согласования с союзниками ни одно мероприятие как военного, так и политического характера не могло быть проведено. Их представители командовали не только вооружёнными силами интервенции, но и так называемым правительством северной области. Все «внутренние» перевороты, производившиеся в этой области, были переворотами внешними. По приказу союзников был произведён антисоветский переворот и поставлены у власти эсеры. По их же приказу эсеры были сброшены, и у власти появились представители торгово-промышленных кругов. Благодаря личному вмешательству Френсиса во главе архангельского правительства снова поставили Чайковского. Возвращая Чайковского, американский дипломат Френсис обнаружил, несомненно, больше политического чутья, нежели английский генерал Айронсайд. Представительная фигура «социалиста» Чайковского служила удобным прикрытием для реакционного буржуазного «правительства», послушной англо-американской марионетки. До июля 1919 г., когда временные успехи Колчака позволяли союзникам надеяться на смычку колчаковского и архангельского фронтов, они открыто говорили о продолжении интервенции на архангельском участке. Однако вскоре эти надежды на смычку и образование единого северо-восточного антисоветского фронта были развеяны успехами Красной Армии. Наступление Красной Армии также на северном фронте и усиливающийся развал как союзных, так и белогвардейских частей на этом участке поставили в порядок дня вопрос об эвакуации интервенционистских войск. О настроениях среди союзных войск красноречиво говорят донесения американской миссии. Болезнь неповиновения и «упадок морали» среди этих войск распространялись подобно эпидемии. Сначала французские, а затем американские солдаты демонстрировали активное нежелание сражаться с Советской Россией. Характерны усилия путём специального обращения к американским войскам приостановить течение этой болезни.

Тут и «объяснение» самой интервенции, тут и щедрые посулы насчёт близкой эвакуации. Поистине плохи дела были у интервентов, если стимулом, который должен был заставить их солдат сражаться с большевиками, было обещание как можно скорее прекратить военные операции.

Необходимость для США, Англии и Франции убрать свои войска из России знаменовала собой победу Советской России над Вильсоном, Ллойд Джорджем, Клемансо — вдохновителями вооружённого вмешательства в дела России. «Эта победа, — говорил В. И. Ленин, — которую мы одержали, вынудив убрать английские и французские войска, была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств»¹.

Англо-американские и французские капиталисты имели далеко идущие планы использования природных богатств русского севера, в частности леса. До первой мировой войны 80% всего производства лесных материалов из Архангельской губернии вывозилось за границу, главным образом в Англию. Английские капиталы играли руководящую роль (до 60%) во всех иностранных капиталовложениях в лесном деле северной России.

Дело было, однако, не только в этих непосредственных экономических интересах Антанты. Архангельско-мурманский плацдарм вооружённой интервенции с точки зрения русской политики Антанты представлял для неё интерес в двух аспектах. Захват архангельско-мурманского района давал союзникам возможность образования удобного дополнительного (к Финскому заливу) плацдарма для овладения Петроградом, что создавало исключительные преимущества для непосредственных задач антисоветской интервенции. Играла роль и вторая стратегическая задача: возможность создания сплошного северо-восточного фронта, который охватывал бы как Петроград, так и Москву. Был у держав Антанты, в частности у Англии,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 594.

по отношению к архангельско-мурманскому участку и более дальний прицел. Захват этого удалённого от центра России района с сравнительно редким населением и отсутствием достаточных собственных сил сопротивления представлялся Антанте сравнительно нетрудной операцией. Однако дело было не только в чисто военной стороне вопроса. Нетрудным казался не только захват этого района, но и отторжение его от России на будущее и превращение его в своеобразный протекторат. Этот мотив, несомненно, играл одну из решающих ролей в стратегии русской политики Антанты (в особенности Англии) на данном участке вооружённой интервенции против Советской России. Интервенция, развернувшаяся на мурманско-архангельском участке, полностью подтвердила анализ и прогноз событий, данных В. И. Лениным и И. В. Сталиным в их разговоре по прямому проводу с Юрьевым в марте 1918 г. после заключения последним «соглашения» с союзниками.

Но, как писал В. И. Ленин, «этот фронт, который был особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу, они вынуждены были сдать»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 495.

РЕШЕНИЕ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ О БЕССАРАБИИ

Захват Бессарабии румынскими войсками, действовавшими под непосредственным руководством межсоюзного штаба в Яссах (генерал Бертелло) в конце 1917 г. и начале 1918 г., был по существу первым актом вооружённой интервенции союзников. В Бессарабии ранее, чем на других участках интервенции, был применён метод вмешательства при помощи не своих войск, а войск малых государств — соседей Советской России. Описание событий, связанных с захватом Бессарабии, мы закончили ссылкой на циничное нарушение румынским правительством советско-румынского соглашения от 5—9 марта 1918 г. об очищении Бессарабии румынскими войсками в двухмесячный срок. Мы отметили, что, нарушая это соглашение, Румыния воспользовалась тем обстоятельством, что советское правительство было вынуждено подписать 3 марта 1918 г. Брест-Литовский мирный договор, одним из условий которого являлся отвод советских войск с Украины. Получив Бессарабию при помощи империалистов Антанты, румынское правительство закрепило этот захват при помощи германских империалистов, подписав 7 мая 1918 г. Бухарестский договор.

Румынское правительство не только отказалось выполнить соглашение 5—9 марта 1918 г., но и заявило публично (в апреле 1918 г.) о присоединении Бессарабии к Румынии и о том, что Бессарабия отныне будет считаться «неотъемлемой частью румынского королевства». 18 апреля 1918 г. Народный комиссариат по иностранным

делам в телеграмме на имя председателя совета министров Румынии решительно протестовал против этого захватнического акта¹.

25 ноября 1918 г. румынское правительство, действуя через посредство своей агентуры в «Сфатул-Церии»², при явном нарушении как процедуры созыва «Сфатул-Церия», так и свободы голосования, провело постановление, согласно которому Бессарабия считалась присоединённой к Румынии без какого бы то ни было упоминания об её автономии. Большинство депутатов «Сфатул-Церия» (всёх депутатов было 162, а участвовало в голосовании за «присоединение» Бессарабии к Румынии 46) опубликовало протест, который заканчивался заявлением: «Нижеподписавшиеся депутаты «Сфатул-Церий», получившие полномочия от различных парламентских групп на составление настоящего акта, считают все постановления... 25—26 ноября 1918 г. ввиду допущенных явных правонарушений, граничивших с обманом, недействительными, незаконными и со всей энергией протестуют против отказа от автономии, как против акта насилия над волей народа, населяющего Бессарабию»³.

Подписав 7 мая 1918 г. договор с Германией и перейдя на её сторону в продолжавшейся мировой войне, румынское правительство сумело в последний момент перед окончанием войны снова перейти в лагерь Антанты и было допущено к участию в Парижской мирной конференции⁴.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 74.

² «Окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями. Во главе движения шла национальная, буржуазно-демократическая интеллигенция. «Национальные советы» в Латвии, Эстонском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе, в Киргизии и Среднем Поволжье; «Рада» на Украине и Белоруссии; «Сфатул-Церий» в Бессарабии; «Курултай» в Крыму и Башкирии; «автономное правительство» в Туркестане,— вот те «общенациональные» институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия» (*И. В. Сталин*, Соч., т. 4, стр. 156).

³ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 184.

⁴ По договору 1916 г. (подписанному Румынией с державами Антанты в значительной мере под влиянием успешного наступления русской армии в мае 1916 г.) Румыния должна была получить значительную компенсацию в виде Трансильвании, Буковины и части Баната. В соответствии со статьёй 6 этого договора Румыния должна была пользоваться при переговорах и дискуссиях на будущих мирных конференциях такими же правами, как

Глава румынской делегации в Париже Братиану потребовал оформить захват Румынией Бессарабии. Румыния являлась в глазах союзников одним из плацдармов вооружённой интервенции против Советской России. Накануне мирной конференции союзники с опаской наблюдали положение в Венгрии, которое внушало им всё больше опасений. В этих условиях пренебрегать Румынией не приходилось. Более того, именно эти условия диктовали необходимость «отпущения грехов» в отношении Румынии и согласия на возвращение её в лагерь союзников. Вот почему в плане организации конференции, выработанном Тардьё, восстанавливалось старое положение Румынии как союзного государства¹.

Этот план в отношении Румынии был принят. Она была отнесена к числу держав «с ограниченными интересами», что давало ей возможность посылать своих представителей не во все комиссии, а лишь в те, в которых разбирались вопросы, непосредственно её касающиеся. В ходе конференции количество комиссий, в которых могла быть представлена Румыния, было несколько расширено. Интересно отметить, что Румыния получила право иметь на конференции трёх делегатов (великие державы имели по пяти), в то время как Чехословакия, например, получила право только на двух делегатов. Такое же благожелательное отношение было проявлено союзниками (и по тем же интервенционистским мотивам) в отношении территориальных претензий Румынии. В задачу настоящей работы не входит исследование судьбы всех румынских требований на Мирной конференции. Нас интересует лишь вопрос о Бессарабии.

и её союзники, т. е. великие державы. Согласно статье 5 этого же договора Румыния обязалась не заключать сепаратного мира (Г. Никольсон, Как делался мир в 1919 году, Госполитиздат, 1944, стр. 117).

9 ноября 1918 г., т. е. в момент, когда Болгария, Турция и Австро-Венгрия уже подписали свою капитуляцию, а в Компьенском лесу уже происходили переговоры о капитуляции Германии, Румыния объявила войну Германии. Сражаться против Германии Румыния не успела.

¹ F. S. Marston, The Peace Conference of 1919. Organization and Procedure, London 1944, p. 81.

Впервые о Бессарабии было упомянуто на заседании Совета десяти 27 января 1919 г. На этом заседании Клемансо сообщил о получении им письма от Братиану, утверждавшего, что Бессарабия, поскольку она «добровольно присоединилась к Румынии», не может быть затронута приглашением на предполагавшуюся конференцию на Принцевых островах, адресованным различным русским правительствам. Было решено этот вопрос отложить до того момента, когда будет выяснена судьба самой конференции¹.

На заседании Совета десяти 1 февраля 1919 г. Братиану выступил с большой речью, в которой предъявил территориальные требования в отношении Бессарабии. С целью подкрепить свои требования об аннексии Бессарабии Братиану коснулся событий в конце 1917 г. на Румынском фронте и вопроса об оккупации Бессарабии румынскими войсками и в частности заявил: «По предложению представителей Антанты, в письменной форме заявивших, что эта операция будет последним военным сотрудничеством, которое они вправе ожидать от Румынии, румынская армия открыла враждебные действия против большевистских войск, которые в это время оккупировали всю территорию Молдавии и Бессарабии. Было предположено, что это последнее усилие будет во всяком случае обеспечивать существование Украины, дружественной по отношению к союзникам».

Мы привели эту цитату из выступления Братиану, так как она представляет исключительный интерес. Прежде всего Братиану официально подтверждает, что оккупация Бессарабии румынской армией была произведена по письменному предложению союзников. В первой главе нашего исследования мы приводили документ, подписанный французским посланником в Румынии графом де Сент-Олером от имени всего дипломатического корпуса. Этот документ являлся косвенным доказательством того, что оккупация Бессарабии была произведена при участии союзников. Заявление Братиану является прямым доказательством. Никто из участников заседания Совета десяти (Клемансо, Ллойд Джордж и Орландо) не опро-

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. III, p. 733.

верг заявления Братиану о том, что союзники в письменной форме потребовали от румынского командования и правительства оккупации Бессарабии. Таким образом, этот факт является абсолютно неопровержимым.

Не сказав ни одного слова о том, что по договору 5—9 марта 1918 г. с советским правительством Румыния обязалась эвакуировать Бессарабию, Братиану перешёл к «обоснованию» притязаний на эту территорию.

В следующем выступлении Братиану попросил, чтобы державы Антанты дали возможность Румынии «сопротивляться большевизму». Он прибавил, что румынское правительство «просит этого не только в своих собственных интересах, но и в интересах всей Европы и даже, не преувеличивая, в интересах мировой цивилизации»¹.

Таким образом, в речах Братиану зазвучали знакомые мотивы: захват русской территории мотивировался необходимостью «борьбы с большевизмом», и притом борьбы «оборонительной», в интересах «мировой цивилизации».

Совет десяти решил, что все территориальные претензии Румынии будут переданы для рассмотрения (в качестве новой инстанции) комиссии экспертов, которая будет составлена из представителей (по два) от США, Великобритании, Франции и Италии². В первый раз комиссия экспертов по румынским притязаниям докладывала Совету десяти на заседании 8 мая 1919 г. Однако по предложению Пишона докладчик этой комиссии (Тардье) должен был ограничиться лишь сообщением о румынско-венгерской границе и не затрагивать вопроса о Бессарабии.

Лансинг (США) заявил, что, по его мнению, когда будет стоять вопрос о границе между Румынией и Россией, будет необходимо, чтобы Россия была представлена³. Под «Россией» Лансинг подразумевал, как это показали последующие события, отнюдь не Советскую Россию. В этот момент подготовлялся вопрос о признании Колчака и шла переписка между союзниками и Колчаком по ряду вопросов, касавшихся окраин России, в том числе и Бессарабии. В этих условиях заявление Лансинга

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. III, p. 851.

² Ibid., v. III, p. 855.

³ Ibid., v. IV, p. 672.

о необходимости присутствия «представителя России» при решении вопроса о Бессарабии делается понятным.

Территориальная комиссия (председатель Тардье) высказалась «в пользу присоединения Бессарабии к Румынии»¹. «Аргументы», приведённые в решении комиссии, были лишены какого-либо действительного содержания. Этнография, история, география и экономика были притянуты за волосы для того, чтобы подкрепить политику союзников, направленную на расчленение России и создание на её границах плацдармов наступления.

Часть этого постановления относительно формы присоединения Бессарабии к Румынии была отредактирована в весьма неясных выражениях, в особенности по вопросу о взаимоотношениях Бессарабии с соседними странами. К докладу комиссии был приложен проект статей, которые должны были быть, по её мнению, внесены в будущий договор с Россией. Особенно характерной являлась статья 2, в которой говорилось о создании после вступления в силу договора специальной комиссии для уточнения русско-румынской границы. Эта комиссия должна была состоять из семи членов, из которых пять являлись представителями союзников, один — представителем Румынии и один — «соседнего заинтересованного государства»², т. е. России. Таким образом, представители союзников отводили Англии, США, Франции роль арбитров при решении вопроса о русско-румынской границе.

Продолжительная дискуссия по вопросу о Бессарабии имела место на заседании Совета глав делегаций уже после подписания Версальского договора — 2 июля 1919 г. На этом заседании впервые председатель комиссии по территориальным вопросам Тардье зачитал доклад комиссии от 6 апреля по вопросу о судьбе Бессарабии.

Бальфур заметил, что было бы лучше не считаться с Россией и сохранить свободу рук³. Это заявление Бальфура весьма характерно, оно отражает действительную позицию Великобритании — «не считаться с Россией».

На заседании Совета десяти 5 сентября 1919 г. обсуждался вопрос о Добрудже. Во время дискуссии Титтони

¹ «La Paix de Versailles. Les Question territoriales», p. 357.

² Ibid., p. 381.

³ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 457—459.

(Италия) заявил, что он склоняется к мысли просить Румынию уступить в вопросе о Добрудже в обмен на получение того, что комиссия рекомендует в отношении Бессарабии¹. Таким образом, Титтони стремился договориться с Румынией, откровенно торгуя русской территорией.

На заседании Совета десяти 8 сентября снова был затронут бессарабский вопрос. Обсуждение началось с вопроса о договоре между Румынией и Венгрией. В связи с трудностями, возникшими при обсуждении этого вопроса (речь шла о Трансильвании), Титтони сказал, что Румыния может быть удовлетворена фактическим владением Буковиной и Трансильванией без признания этого де-юре, поскольку ни Австрия, ни Венгрия не смогут в течение длительного времени оспаривать её владения этими провинциями. Однако в вопросе о Бессарабии, если Румыния не получит договорных прав, совершенно ясно, что Россия, когда она восстановится, безусловно, будет стремиться вернуть Бессарабию себе. В этот момент Румыния почувствует необходимость помощи союзных и ассоциированных держав и Лиги наций. Важно, чтобы Румыния учла этот аргумент².

Приведённая «аргументация» Титтони показательна в качестве примера того, как союзники бесцеремонно торговали Бессарабией в переговорах с Румынией, применяя «бессарабский аргумент», когда нужно было воздействовать на Румынию в других вопросах.

На заседании Совета десяти 11 октября представитель Франции Лярош выступил с заявлением: Бессарабия была оккупирована румынами с целью приостановки развития большевизма. Наиболее простым методом является поощрение автономистских элементов в Бессарабии.

На заседании Совета 30 октября Лярош сделал новую попытку добиться решения бессарабского вопроса в пользу Румынии³.

11 ноября на заседании Совета представитель Великобритании Кроу заявил, что Совет должен рассмотреть

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VIII, p. 117.

² Ibid., p. 136.

³ Ibid., v. IX, p. 101.

вопрос о Бессарабии, которая должна быть передана Румынии¹.

Обсуждение вопроса о Бессарабии имело место на заседании Совета премьер-министров 19 января 1920 г. На этом заседании обсуждался «русский вопрос» в целом и ситуация на Кавказе в частности. Выступая по вопросу о создавшейся военной обстановке и о дальнейшей политике союзников, маршал Фош упомянул о Бессарабии в той цепи плацдармов, которые он считал необходимым укреплять против Советской России. Азербайджан, Грузия, Бессарабия, Польша, Эстония, Латвия, заявил Фош, если их держать в руках, то возможно будет создать такую систему военных сил, которая будет способна нанести поражение большевизму².

Эта роль Бессарабии в качестве одного из плацдармов против Советской России была, несомненно, учтена при решении, вынесенном Советом премьеров на заседании 20 января 1920 г. На этом заседании присутствовал новый премьер-министр Румынии Вайда Войвод, сменивший Братиану. К этому моменту румынское правительство ещё не выполнило требований союзников относительно эвакуации румынских войск с оккупированной ими части венгерской территории. Совет премьеров во время дискуссии 20 января связал оба вопроса: эвакуацию румынских войск из Венгрии и решение вопроса о Бессарабии.

На вопрос Клемансо, как формулирует Вайда Войвод румынские пожелания о Бессарабии, последний ответил, что конференция должна признать де-юре объединение Бессарабии с Румынией. Клемансо спросил: «Разве это уже не сделано?» — на что последний ответил, что это действительно было сделано, но в то время, когда была надежда, что Колчак разобьёт большевиков. Это было давно, и нужно, чтобы теперь конференция объявила о присоединении Бессарабии к Румынии.

Клемансо заметил, что дело в том, что Румыния не подчиняется требованиям конференции в вопросе об эвакуации венгерской территории. Ллойд Джордж сказал: «Мы убеждены в вашем намерении эвакуировать венгерскую

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VIII, p. 838.

² Ibid., v. IX, p. 898.

территорию, но мы думаем, что вы встречаете известные затруднения со стороны военной партии. Мы также думаем, что военная партия будет значительно более расположена подчиниться приказу конференции эвакуировать Венгрию немедленно, если вы скажете ей: «Конференция ожидает вашей эвакуации Венгрии прежде, чем окончательно решить, что Бессарабия должна быть румынской».

После этого произошёл исключительно характерный обмен репликами.

Вайда Войвод: Я благодарю Вас от всего сердца. Я заключаю, что конференция хочет признать наши притязания на Бессарабию с того дня, когда будет осуществлена эвакуация (венгерской территории). Могу ли я так понимать?

Клемансо: Да. Я охотно готов пойти дальше, чем Ллойд Джордж: от моего имени и, я надеюсь, от имени Франции я могу заявить, что мы готовы признать румынские права на Бессарабию. (Присутствующий на заседании Мильеран делает знак согласия.)

Ллойд Джордж: Как указал г. Бертелло, комиссия по румынским делам, в которой представлены все державы, единогласно решила передать Бессарабию Румынии. Таково положение сегодня.

Клемансо: Мы все искренни в этом вопросе.

Вайда Войвод: Я благодарю вас за большую уступку, которую вы сделали мне; я сделаю всё для того, чтобы как можно скорее обеспечить эвакуацию венгерской территории, а следовательно, решение вопроса о Бессарабии¹.

Следующим актом рассмотрения бессарабского вопроса Парижской мирной конференцией был так называемый Парижский (или Бессарабский) протокол, подписанный 28 октября 1920 г. в Париже между правительствами Франции, Великобритании, Италии и Японии, с одной стороны, и Румынии — с другой. Этот протокол признавал Бессарабию в качестве неразрывной части Румынского королевства.

1 ноября 1920 г. телеграммой на имя указанных выше правительств народные комиссары по иностранным делам РСФСР и УССР заявили протест, в котором было

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 914—917.

сказано: «...Советские республики России и Украины объявляют, что они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключённым по этому предмету другими правительствами»¹.

Исследование вопроса о переговорах союзников по поводу присоединения Бессарабии к Румынии, имевших место после окончания Парижской мирной конференции и до подписания Парижского протокола, не входит в нашу задачу.

Все участники (мы имеем в виду Совет десяти и Совет четырёх) Парижской мирной конференции были единодушны по вопросу об отторжении Бессарабии от России. Свидетельством этого единодушия явилось единогласное решение Комиссии по территориальным вопросам от 6 апреля 1919 г. Позиция США на Парижской мирной конференции в «русском вопросе» сводилась к свержению советской власти и расчленению России. Делегаты США ни разу не высказались в том смысле, что Румыния не имеет никаких прав на Бессарабию и что её «права» имеют единственное основание — военную оккупацию, произведённую при помощи и по наущению союзников. Делегация США и в этом вопросе вела себя таким образом, чтобы обмануть американское и мировое прогрессивное общественное мнение, которое высказывалось против вмешательства в дела России, против расчленения России и в частности против отторжения от неё Бессарабии.

Между союзниками *не было разногласий по существу* вопроса об отторжении Бессарабии от России и о передаче этой территории Румынии вопреки воле населения.

Характеризуя политику союзников по отношению к Советской России в годы интервенции и в частности по вопросу о Бессарабии, И. В. Сталин сказал:

«Говорят о международном праве, о международных обязательствах. Но на основании какого международного права отсекли господу «союзники» от СССР Бессарабию и отдали ее в рабство румынским боярам? По каким меж-

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 522.

дународным обязательствам капиталисты и правительства Франции, Англии, Америки, Японии напали на СССР, интервенировали его, грабили его целых три года и разорjali его население? Если это называется международным правом и международным обязательством, то что же называется тогда грабежом?.. Не ясно ли, что, допустив эти грабительские акты, господа «союзники» лишили себя права ссылаться на международное право, на международные обязательства?»¹

Какие же движущие причины вызвали решение Парижской мирной конференции по бессарабскому вопросу? Были ли члены Совета убеждены в румынском характере Бессарабии после наглого и лживого выступления Братиану? Ни Лансинга, ни Ллойд Джорджа, ни Клемансо не интересовали ни аргументы, ни контраргументы исторического и этнографического характера. Захват Бессарабии аргументировался необходимостью ослабления Советской республики, созданием заградительной плотины против большевизма, плотины, «защищавшей» Юго-Западную Европу и в частности Балканы, и (как это было выявлено в откровенном заявлении маршала Фоша и что вскрывало действительный смысл «оборонных» аргументов) необходимостью создания блока окраинных государств, военные силы которых могли сообща нанести поражение Советской республике при новом туре вооружённой интервенции.

¹ *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 359.

ГЛАВА 15

ЮЖНЫЙ ФРОНТ ВООРУЖЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЛАНАХ СОЮЗНИКОВ

Среди многочисленных плацдармов вооружённой интервенции южный плацдарм (Украина) играл, несомненно, исключительную роль в политических, экономических и военных планах англо-франко-американских империалистов. Именно на этот участок устремились взоры Антанты сейчас же после поражения Германии, когда её армии «освободились» на Западном фронте. Именно на этом участке действовали те контрреволюционные силы, которые Антанта с момента их создания (в 1917 г.) избрала в качестве своих агентов по осуществлению вооружённой интервенции и расчленению России. Мы имеем в виду донскую контрреволюцию, возглавлявшуюся Калединым, Красновым, Богаевским, и так называемую Добровольческую армию под командованием Алексеева, Корнилова, Деникина и Врангеля.

В. И. Ленин и И. В. Сталин дали исчерпывающую характеристику значения Южного фронта контрреволюции и вооружённой интервенции как одного из основных участков борьбы Антанты против Советской России. «Южный наш фронт не есть фронт единичный, — это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире...»¹ В статье «Украина освобождается» И. В. Сталин 1 декабря 1918 г. писал:

«Украина с её богатствами уже давно является объектом империалистической эксплуатации.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 237.

До революции Украину эксплуатировали империалисты Запада, так сказать, втихомолку, без «военных операций». Организовав на Украине громадные предприятия (по углю, металлу и т. д.) и забрав в свои руки большинство акций, империалисты Франции, Бельгии и Англии высасывали соки из украинского народа в порядке легальном, «законном», без шума.

После Октябрьской революции картина изменилась. Октябрьская революция, порвав нити империализма и объявив земли и предприятия достоянием украинского народа, отняла у империалистов возможность «обычной», «бесшумной» эксплуатации. Тем самым империализм был изгнан из Украины.

Но империализм не хотел уступить, он ни за что не хотел мириться с новым положением. Отсюда «необходимость» насильственного порабощения Украины, «необходимость» её оккупации¹.

Отмечая попытки австро-германских империалистов овладеть Украиной, И. В. Сталин писал, что «...англо-французские империалисты хотят занять теперь вакантное место немецких оккупантов Украины». Именно с этой целью «англо-французский империализм сосредоточивает войска и готовит десант в Крыму для оккупации Украины»².

11 апреля 1919 г. В. И. Ленин подчёркивал значение Южного фронта, говоря: «Действительно, на Южном фронте сосредоточились такие силы красновцев и там настолько прочным было гнездо несомненно контр-революционного казачества, после 1905 г. оставшегося таким же монархическим, как и прежде, что без победы на Южном фронте ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи. В связи с тем, что союзники-империалисты как раз с юга, с Украины, пытались наступать и хотели сделать из Украины опорный пункт против Советской республики, значение Южного фронта для нас тем более усилилось...»³

Южный участок, Украина, был избран англо-франко-американскими империалистами в качестве места для нанесения основного удара по советской власти, удара,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 174.

² Там же, стр. 176.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 229.

который имел своей задачей уничтожение Советской республики как социалистического государства, расчленение России, превращение её в колониальный придаток капиталистических стран. Выбор союзниками Украины диктовался стремлением оторвать эту богатую страну от России и захватить её в целях продолжения империалистической эксплуатации, прерванной Октябрьской революцией. Осуществление плана интервенции облегчалось, во-первых, удобством высадки вооружённого десанта через захваченные в 1918 г. союзниками Дарданеллы и, во-вторых, наличием крупных антисоветских вооружённых сил, пытавшихся помощью союзников. В первой главе настоящей работы мы дали картину вооружённой интервенции на юге в 1918 г., до открытия Парижской мирной конференции.

Интервенция на юге приняла характер неприкрытой интервенции, поскольку Антанта пыталась осуществить её при помощи собственных вооружённых сил — сухопутных и морских. Следует отметить, что именно неудачный опыт неприкрытой интервенции на юге в значительной мере predetermined переход Антанты к методу прикрытой интервенции при помощи войск малых государств, к сочетанию метода открытой и прикрытой интервенции.

В. И. Ленин говорил: «И первый период гражданской войны в России характеризуется тем, что попытка Антанты своими собственными войсками сломить Советскую республику потерпела крушение... Высадка французских войск на юге России кончилась рядом восстаний французских матросов...»¹ «Нечего говорить о том, что процессы, происходящие среди английских и французских солдат и матросов, знающих имена тех, кто расстрелян за большевистскую агитацию, нечего говорить о том, что, как ни слабы эти процессы, как ни слабы там коммунистические организации, — они делают работу гигантскую. Результаты налицо: они заставили Антанту убрать свои войска назад... это дало нам первую крупнейшую победу»².

Вооружённую интервенцию на Украине осуществляли все участники англо-франко-американской коалиции. О позиции США по отношению к интервенции на юге

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 559.

² Там же, стр. 561.

России мы скажем ниже. Что касается Великобритании и Франции, то, как мы уже указывали в первой главе, основным документом, «оформлявшим» их сотрудничество в вооружённой интервенции против Советской России, было соглашение 23 декабря 1917 г. о разделе «зон влияния». Это соглашение, как известно, было возобновлено в 1918 г. Роль основного кредитора Добровольческой армии (перешедшей затем под командование генерала Деникина) взяла на себя Великобритания. В глазах Ллойд Джорджа и в особенности Черчилля Деникин был основным оплотом вооружённой интервенции. Колчак, как второй ставленник, появился позже, с осени 1918 г.

В течение второго периода интервенции на юге Антанта действовала при помощи местных контрреволюционных сил — Добровольческой армии Деникина и петлюровцев.

«На Украине бегство Скоропадского, разыгранное по нотам, и признание директории Винниченко Антантой раскрывают новую картину новых «работ» дипломатии Антанты. Очевидно, вчера еще бряцавший мечом «самостоятельности» г. Петлюра сегодня склоняется в пользу «идущих» к нему на помощь войск Антанты, т. е. Краснова и Деникина. Главным врагом Украины объявлены повстанческие войска и Советы. Главным другом — «желанный гость» Антанта и её друзья, красноско-деникинские белогвардейцы, уже оккупировавшие Донецкий бассейн. Раз продавший немцам Украину, г. Петлюра теперь её заново продаёт английским империалистам»¹, — писал И. В. Сталин.

Союзники оказывали как петлюровской директории, так и Деникину помощь оружием, военным снаряжением, деньгами, продовольствием, советами и всевозможную иную поддержку. При этом следует иметь в виду, что с петлюровской директорией главным образом имела дело Франция, завязавшая сношения с Украинской Радой ещё в 1917 г. Наоборот, помощь Деникину находилась почти целиком в ведении и попечении Англии. Из всех участников вооружённой интервенции Англия, несомненно, имела наиболее тесные отношения с Деникиным. Если к

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 185.

сказанному прибавить, что петлюровские войска не играли в период весны и лета 1919 г. (т. е. наибольших успехов южной контрреволюции) сколько-нибудь решающей роли, то станет ещё более очевидной роль Англии на этом плацдарме интервенции.

Принимая во внимание важное значение Южного фронта интервенции и активную роль, которую играла Антанта, в частности Англия, на этом участке вооружённой борьбы с Советской Россией, а также тот несомненный интерес, который имелся у всех участников интервенции к исходу борьбы именно на юге России, можно изумляться тому обстоятельству, что в опубликованных протоколах Парижской мирной конференции интервенция на южном участке занимает сравнительно скромное место, гораздо более скромное, нежели другие плацдармы. Исследователя протоколов как Совета десяти, так и Совета четырёх не может не поразить почти полное отсутствие в повестке дня этих обоих органов конференции (при том факте, что вопросы интервенции в России вообще почти не сходили с порядка обсуждения) проблем, относящихся к плацдарму Деникина. Вопрос о Деникине обычно обсуждался (повторяем: судя по *опубликованным* протоколам) в органах конференции преимущественно тогда, когда разрешались проблемы взаимоотношений Деникина с другими участниками интервенции: белополяками, петлюровцами или буржуазными правительствами Закавказских республик¹.

Чем же следует объяснить такую «сдержанность» конференции в отношении обсуждения вопросов, связанных с деникинским участком, в отличие от прочих плацдармов интервенции? Дело было, конечно, не только в том техническом распределении помощи различным агентам Антанты, о котором писал президенту Вильсону и. о. государственного секретаря США Филиппс: «Имеется в виду,

¹ Английские государственные деятели считали, что интервенция на этом фронте является исключительно делом Великобритании. Не случайно (и не в первый раз), когда в январе 1920 г. Совет премьер-министров обсуждал вопрос о помощи оружием и боеприпасами Закавказским республикам и когда Черчилль заметил, что эта помощь не должна отразиться на размере военной помощи Деникину, Ллойд-Джордж резко вмешался в разговор, заявив, что помощь оружием Деникину «является чисто британским делом».

что англичане снабжают одеждой и всем необходимым вооружением Деникина, французы — чехов и антибольшевицкие силы в западных пограничных (с Советской Россией) странах, в то время как Колчак полагается на получение вооружения от Соединённых Штатов»¹.

Означает ли сравнительно небольшое обсуждение на мирной конференции проблем, непосредственно относящихся к южному плацдарму интервенции, что эти проблемы вообще не обсуждались? Нет, конечно, не означает. Трудно представить себе, чтобы другие интервенты — Франция и США — молча и безучастно смотрели на хозяйничание англичан на богатом юге России и признавали бы исключительные права Англии в этом районе. Дело было не в отсутствии интереса к югу России со стороны французов и американцев, а в том, что ни те, ни другие по разным мотивам не могли оказывать эффективную помощь Деникину и, следовательно, оказывать на него своё влияние помимо и вопреки англичанам. До начала краха Деникин с согласия всех союзников оставался «в ведении» Англии. С момента начала этого краха обстановка изменилась. Англичане стали терять интерес к Деникину и готовы были обсуждать проблему юга России как вопрос, касающийся не только Англии, но и других участников интервенции.

США, как и другие участники интервенции, также проявляли большой интерес к югу России. Так называемая «информационная миссия» во главе с подполковником Ригсом, военным атташе США в Петрограде, отправилась на Украину ещё 12 февраля 1919 г. Её штаб-квартира находилась в Одессе, а члены миссии посещали Бессарабию, Украину, Крым, Дон и Кавказ². Её доклады и сообщения посылались делегации США на Парижской мирной конференции и государственному департаменту. 28 марта глава американской миссии Ригс делает свои политические выводы и предложения для Совета десяти. Он останавливается на положении крестьянства, поскольку считает это основной проблемой для успеха или неуспеха всего дела интервенции. Чтобы обеспечить колеблющуюся

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 425.

² Ibid., p. 750.

симпатию крестьянства, союзники должны убедить его в том, что они намерены провести аграрную реформу. Земельный вопрос — это политическая и социальная проблема. Немедленное перераспределение земли в восточных и южных провинциях России будет иметь огромное моральное влияние на крестьян в центральной России. Совет десяти должен обратиться с торжественной декларацией, в которой гарантирует крестьянам полную и достаточную земельную реформу. Только этим путём можно завоевать доверие и поддержку крестьян. Суммируя свои выводы, американский подполковник Ригс пишет, что Россия не может быть оккупирована союзными войсками, а равно не может быть завоёвана казаками и колчаковцами, если русский крестьянин останется нейтральным¹.

Таким образом, представители государственного департамента США искали пути для привлечения на сторону Антанты русского крестьянства, чтобы тем вернее осуществить планы интервенции.

Стремясь создать массовую базу белогвардейским генералам, противопоставить политике советской власти «либеральную программу», советники Антанты добились от Деникина издания специальной декларации, которая была попыткой, с одной стороны, обмануть широкие массы трудящихся России, прежде всего крестьянство, и с другой — ввести в заблуждение мировое общественное мнение, представив Деникина (как в своё время Колчака) «истинным демократом», борющимся «за народ».

27 апреля 1919 г. верховное командование Добровольческой армии обратилось к союзным державам через посредство их официальных представителей с декларацией:

«Я имею честь сообщить вашему правительству о тех целях, которые преследует Верховное командование вооружённых сил Юга России в вооружённой борьбе с советской властью и в процессе создания правительства.

1. Свержение большевистской анархии и восстановления закона и порядка в стране.

2. Воссоздание могущественной, единой и неделимой России.

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 755, 756.

3. Созыв народного собрания на основе всеобщего голосования.

4. Децентрализация власти, допущение региональной автономии и широкое развитие местного самоуправления.

5. Гарантия полной гражданской и религиозной свободы.

6. Немедленный указ о земельной реформе для удовлетворения земельной нужды трудящегося населения.

7. Немедленное введение законодательства о защите рабочего класса от эксплуатации со стороны хозяев и капитала»¹.

Для характеристики лицемеров Вильсона и Ллойд Джорджа показателен следующий факт: 10 мая 1919 г. Совет четырёх заслушивал Чайковского, упомянувшего о декларации Деникина (от 27 апреля 1919 г.). Клемансо сделал вид, что он об этой декларации ничего не знает. Ллойд Джордж и президент Вильсон сказали, что они находятся в таком же положении. Чайковский передал текст декларации присутствующим, и она была тут же прочтена. Чайковский ясно сказал: инициатива этой декларации исходит от союзных и ассоциированных правительств. На этот раз никто из присутствовавших — ни Вильсон, ни Ллойд Джордж — не опроверг того, что инициатива политической акции Деникина исходила от них². Вильсон ограничился замечанием, что военные представители союзных и ассоциированных держав, очевидно(!), предложили Деникину, чтобы его политическая программа была сообщена в Париж. Несомненно, что инициатива издания монархистом Деникиным «демократической» декларации исходила от миссии США. Союзники были заинтересованы в том, чтобы тыл Деникина был укреплен, хотя бы при помощи лживого, демагогического обещания «реформ».

С момента, когда Деникин начинает терпеть поражение и откатываться в южном направлении, «проблема Деникина» начинает чаще обсуждаться на конференции.

На заседании Совета глав делегаций 10 ноября 1919 г. обсуждался вопрос о снабжении генерала

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 761.

² Foreign Relations of the USA, 1919, v. V, p. 544, 545.

Деникина оружием из Германии¹. На заседании Совета 25 ноября снова обсуждался вопрос о снабжении оружием армии Деникина. 1 декабря 1919 г. Совет снова рассматривал этот вопрос. Было решено отметить, что союзные и ассоциированные правительства не возражают против закупки Деникиным у немцев патронов, в которых он срочно нуждается².

На заседании 18 декабря Совет глав делегаций обсуждал более важный в политическом отношении вопрос, касавшийся Деникина. Телеграммой от 1 декабря 1919 г. верховный комиссар союзников в Армении американский полковник Хаскель сообщил о подписании договора о прекращении военных действий между Арменией и Азербайджаном. Хаскель рекомендовал, чтобы Парижская конференция определила границы действий Деникина в отношении Кавказа. Границы, предлагаемые для этих действий Деникина, должны соответствовать тем, которые первоначально были намечены англичанами, а именно: от Каспийского моря пять миль южнее Петровска на запад до Дагестана, далее следуя по границе бывших русских губерний Терской и Кубанской и реке Мекадар до Чёрного моря у Гагр³.

Дискуссия по этому вопросу была отложена.

31 декабря 1919 г. французская делегация сообщила, что Деникин снова запросил союзников о помощи. Деникин писал, что «проигрыш борьбы с большевиками на востоке России... сделал возможным для большевиков концентрацию не менее 500 тыс. человек против армии южной России. Совершенно очевидное превосходство противника поставило мои войска в тяжёлое положение и вызвало отступление, которое может привести к оставлению Донецкого угольного бассейна, являющегося угольным резервом, питающим всю южную Россию, корабли и порты на Чёрном море, и где имеется большое количество иностранных предприятий. Считая, что борьба, которую я веду против большевиков, является делом не только России, но и всей Европы, я полагаю своим долгом сообщить вам, что известная помощь войсками со сто-

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, v. IX, p. 84—85.

² Ibid., p. 391—393.

³ Ibid., p. 606, 607.

роны союзников является необходимой для нас, если даже это будет всего один или два армейских корпуса»¹.

Французская делегация предложила, чтобы союзники разрешили зачисление в армию Деникина болгарских добровольцев. Около 30 тыс. как находящихся, так и не находящихся на службе офицеров и солдат могло бы быть завербовано таким путём. Это предложение, добавляла французская делегация, отличается от просьбы Деникина тем, что базируется на помощи вражеской стороны, с которой заключён, но ещё не ратифицирован мирный договор. Приводя далее результаты обследования состояния вооружений Болгарии, произведённого генералом Франше д'Эспери, французская делегация ставила вопрос о возможности передачи Деникину части этих вооружений.

Сочувственно отнесясь к просьбе Деникина, союзники не смогли, однако (вследствие создавшейся общей обстановки), спасти его войска от разгрома Красной Армией.

«Они сделали все возможное, чтобы помочь белогвардейцам, помещикам и капиталистам оружием и снаряжением. Английские газеты открыто хвастали,— и английские министры тоже,— что они дали помощь Деникину своим подкреплением. До нас доходили сведения, что они послали снаряжение для 250 тысяч человек и дали все вооружение. У нас были сведения, которые подтвердились, о том, что они послали десятки танков. Это способствовало тому, что в то время, когда нас теснили с востока, нам были нанесены самые тяжелые удары со стороны Деникина»².

«Две попытки Антанты сразить Советскую Федеративную Россию: первая с востока, при помощи Колчака, вторая с юга, при помощи Деникина,— сорвались»³.

В плане вооружённой интервенции Антанты в России южному плацдарму отводилась большая роль. Уже в первом англо-французском соглашении 23 декабря 1917 г., касавшемся вооружённой интервенции в России, говорится о помощи Добровольческой армии, действовавшей

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, v. IX, p. 796, 797.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 353—354.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 296.

именно на Южном фронте. Южный фронт играл в течение всего 1919 г. едва ли не основную роль в вооружённой интервенции. Наиболее грозную опасность для Советского государства в 1919 г. представлял собой Южный фронт, когда действовавшие на этом фронте контрреволюционные войска Деникина, снабжённые и вооружённые Антантой, доходили почти до Тулы и были в непосредственной близости от столицы Советского государства Москвы.

Деникин и возглавлявшая им Добровольческая армия были оружием Антанты ещё до появления на сцене Колчака. Хотя последний был признан союзниками в качестве «верховного правителя России», тем не менее Деникин являлся не меньшей, а в некоторые периоды и большей ставкой интервентов, нежели «верховный правитель» Колчак. Южный фронт был ближе к жизненным центрам Советского Союза, и это обстоятельство играло существенную роль.

Наконец, первостепенная важность Южного фронта в глазах интервентов заключалась в том, что юг России представлял собой исключительно богатую область, на которую давно обратили внимание иностранные империалисты. Следует учесть и то обстоятельство, что юг России легче было снабжать оружием и боеприпасами (а в первой стадии интервенции и иностранными войсками), нежели другие фронты антисоветской интервенции. Операции на Южном фронте интересовали решительно всех участников иностранной вооружённой интервенции. Достаточно изучить иностранную печать периода 1919 г., чтобы убедиться в том, какую ценность представлял собой Деникин для всех интервентов. От успеха или неуспеха операций Деникина зависела судьба всей вооружённой интервенции. Приказ Деникина в июле 1919 г. о движении «на Москву» привлёк исключительное внимание Антанты именно к этому фронту; деникинщина являлась общей ставкой интервенции. Неспроста в качестве представителя США при штабе Деникина находился американский генерал Маккелли и значительное количество военных и дипломатических сотрудников Соединённых Штатов.

ПЛАНЫ ОТТОРЖЕНИЯ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ ОТ РОССИИ

В нашу задачу не входит писать очерк интервенции на Кавказе и в Закавказье. Наше исследование будет касаться лишь отражения этой интервенции на Парижской мирной конференции, как части общего обсуждения «русского вопроса».

В статье «Положение на Кавказе» И. В. Сталин писал: «Положение Закавказья становится всё более угрожающим. Объявление сеймом независимости Закавказья (22 апреля), должествовавшее развязать руки тифлисскому «правительству», на самом деле бросило его в ловушку международных хищников. Чем кончатся так называемые «мирные переговоры» в Батуме¹, покажет ближайшее будущее. Одно несомненно: *независимость* тифлиских меньшевиков и их правительства от российской революции неизбежно превратится в их рабскую *зависимость* от турко-германских «цивилизованных» хищников»².

Прогноз И. В. Сталина оправдался всем ходом последующих событий.

28 мая 1918 г. грузинские меньшевики провозгласили «независимость» Грузии. Уже на следующий день после этого акта меньшевистское правительство Грузии подписало кабальное грузинско-германское соглашение. Через

¹ Речь идёт о переговорах между представителями Закавказского сейма и Турцией.— Б. Ш.

² И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 95. (Статья опубликована 23 мая 1918 г.)

несколько дней германские войска прибыли в Грузию. Сообщение от 13 июня 1918 г. гласило: «Грузинское правительство доводит до сведения населения, что прибывшие в Тифлис германские войска приглашены самим правительством Грузии и имеют своей задачей защищать в полном согласии и по указаниям правительства границы Грузинской Демократической Республики».

Вряд ли нужно доказывать, что задача германских войск в Грузии отнюдь не заключалась в защите границ Грузии. Германский империализм стремился, во-первых, захватить Закавказье с его колоссальными естественными богатствами и тем самым осуществить расчленение России на юго-востоке, подобно такой же попытке расчленения на западе при помощи захвата Прибалтики и на юге — захватом Украины, а во-вторых, использовать этот плацдарм для борьбы с Великобританией. Попутно Германия ставила своей задачей не допустить Турцию овладеть Закавказьем. Воспользовавшись подписанием Брест-Литовского мира, Турция пыталась осуществить захват Закавказья. Вскоре после подписания Брест-Литовского договора и в нарушение его постановлений о прекращении военных действий эти действия были со стороны Турции возобновлены. В воспоминаниях генерал Людендорф писал: «В конце февраля¹ турки начали наступление в Армении... в конце апреля оккупировали Карскую и Батумскую области... Но они на этом не остановились и предполагали продолжать распространять на Кавказе сферу своего влияния. Энвер и турецкое правительство больше думали о своих панисламистских целях на Кавказе, чем о войне с Англией. Они преследовали вполне реальные цели, главным образом выгоды, связанные с использованием закавказского сырья. Что германское военное хозяйство не получило бы при этом ничего, это было понятно каждому, кто имел представление о деловых приёмах турок. Ввиду этого мы поневоле оказались в противоречии с целями, которые преследовались турками»².

¹ 1918 г.— Б. Ш.

² Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 2, Госиздат, М. 1924, стр. 186—188.

В середине лета 1918 г. началось развёртывание английской интервенции на Кавказе. 24 июля 1918 г. Бакинский Совет голосами дашнаков, меньшевиков и правых эсеров принял решение о приглашении английских войск для оккупации Баку. Это решение было мотивировано необходимостью «защиты Баку от наступающих турецких войск», пропущенных меньшевистским правительством Грузии через её территорию. Протесты большевиков, вскрывавших истинную причину и сущность «помощи англичан», не помогли. Власть в Баку была захвачена правыми эсерами, дашнаками, меньшевиками и муссаватистами. 26 бакинских комиссаров во главе с т. Шаумяном были заключены в тюрьму, а затем увезены в Красноводск, где находилось образованное англичанами контрреволюционное закаспийское «правительство». 20 сентября 1918 г. они были расстреляны англичанами недалеко от Красноводска. Баку был оккупирован английскими войсками.

30 октября 1918 г. в Мудросе было подписано перемирие между союзниками и Турцией. Согласно статье 11 соглашения о перемирии турецкие войска должны были немедленно эвакуироваться из Закавказья. Согласно статье 15 того же соглашения закавказские железные дороги должны были быть предоставлены в свободное и полное распоряжение союзных властей, а Баку и Батум подлежали оккупации союзными войсками¹.

Грузинские меньшевики немедленно переменили германскую ориентацию на английскую. 11 ноября в их центральной газете была опубликована статья, заявлявшая, что «назревающий мир» будет прежде всего «миром британским», и выражавшая надежду на то, что Англия прочно укрепитс в Закавказье. «Победоносная Англия отнесётся с особым вниманием к самому удобному пути к Северной Персии, пролегающему через Закавказье, тем более, что этот путь связывает Европу с Азией».

31 декабря 1918 г. министерство иностранных дел Великобритании послало грузинской дипломатической миссии в Лондоне ноту, сообщавшую, что «правительство

¹ См. «Международная политика новейшего времени», т. 2, стр. 189.

его величества с симпатией отнеслось к провозглашению независимой Грузинской республики и готсво отстаивать её признание на мирной конференции».

Политика союзников по отношению к Закавказью и Грузии в частности являлась лишь частью общей политики в «русском вопросе».

И. В. Сталин писал: «...центральная Россия не может довести до конца дело революции без поддержки менее развитых, но богатых необходимыми ресурсами окраин России».

Это обстоятельство несомненно учитывалось Антантой с первых же дней появления Советского правительства, когда она (Антанта) проводила план экономического окружения центральной России путём отрыва от неё наиболее важных окраин. В дальнейшем план экономического окружения России остаётся неизменной основой всех походов Антанты на Россию...»¹

Обещание, данное 31 декабря 1918 г., было осуществлено лишь через год, в январе 1920 г. Между обещанием и его выполнением лежала Парижская мирная конференция. К анализу обсуждения на этой конференции вопроса о Закавказье мы и обратимся.

В Грузии находились британские войска и британская военная миссия, глава которой являлся наместником Грузии. Именно он осуществлял политику, которая, с одной стороны, поощряла грузинский сепаратизм, а с другой — оказывала всяческое содействие Деникину в борьбе с Грузией. Эта политика исходила из основных задач, которые ставили перед собой интервенты. Первой из этих задач являлся военный разгром Советской республики. Хотя грузинские меньшевики настойчиво предлагали интервентам свои услуги в борьбе с большевиками, Антанта (которая не отказывалась от этих услуг и пользовалась ими) не могла считать Деникина и Колчака, с одной стороны, и грузинских меньшевиков — с другой, одинаково ценными партнёрами в вооружённой борьбе против Советской России. Она отдавала предпочтение в этом вопросе Деникину и Колчаку, своим главным ставленникам.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 351—352.

Другая задача (параллельная первой) вооружённой интервенции заключалась в ослаблении и расчленении России. С точки зрения этой задачи признание «независимости» Грузии отвечало интересам Антанты. Вот почему те же английские генералы в Грузии — Томсон, Бригс и Бич, которые поддерживали контакт с Деникиным, не переставали вести с грузинскими меньшевиками игру в «независимость», приберегая этот козырь до удобного момента. Такой момент наступил после разгрома обоих основных ставленников — Колчака и Деникина. В январе 1920 г. «независимость» Грузии была признана, её отторжение от России было юридически санкционировано союзниками.

Следует учесть ещё одно обстоятельство. Как ни распинались грузинские меньшевики, доказывая английским генералам, что революция в Грузии кончилась, как ни предлагали они естественные богатства страны, всё же для английских «демократических» генералов Деникин по своей реальной власти в тот период и по программе был ближе, нежели грузинские меньшевики.

Взаимоотношения английских оккупантов с Деникиным и грузинскими меньшевиками нашли выражение в меморандуме грузинской «социалистической» делегации на Люцернской конференции II Интернационала. В меморандуме говорится: «Надежды грузинского народа на Англию нашли как будто своё подтверждение в одной официальной ноте, которую британское министерство иностранных дел передало ещё в ноябре 1918 г. в Лондоне представителю грузинского правительства г. Авалишвили».

Грузинские меньшевики прекрасно отдавали себе отчёт в истинных целях политики Антанты и в частности Англии в «русском вопросе». В апреле 1919 г. газета грузинских меньшевиков писала: ««Times» нужно не установление порядка в России, а упрочение в ней анархии, при господстве которой вся страна будет представлять собой море мутной воды, в которой легко ловить рыбку». Тем не менее меньшевики шли с ними на грязную сделку.

В конце мая 1919 г. основную ставку вооружённой интервенции Антанта делала на Колчака и Деникина. В послании Колчаку, подписанном Вильсоном, Клемансо,

Ллойд Джорджем, Орландо и Сайондзи 26 мая 1919 г., союзники всячески стремились завуалировать свою линию, направленную на расчленение России.

В этом послании не упоминается о «независимости» Грузии, которую английское правительство обещало защищать ещё в ноте от 31 октября 1918 г. До тех пор, пока ставка Антанты на Колчака и Деникина продолжала быть основной, разговоры о Грузии на Парижской мирной конференции официально не велись.

Вопрос о Грузии возник на заседании Совета десяти 11 августа 1919 г. в связи с письмом американского полковника Хаскеля, верховного комиссара союзников в Армении. В этом письме шла речь о дальнейшей продовольственной помощи Армении. Хаскель указывал на то, что предполагаемая эвакуация британских войск сделает оказание продовольственной помощи невозможной, и просил Совет принять какие-либо меры. Он отмечал, что итальянские войска, которые по первоначальному плану должны были заменить британские, не придут, так как Италия заявила, что она не намерена посылать свои войска на Кавказ¹.

Ссылка американского полковника Хаскеля на отказ Италии послать свои войска в Грузию требует объяснения.

28 июня 1919 г. английское правительство объявило, что оно решило приступить к эвакуации английских войск из России. 14 августа 1919 г. английское правительство предало гласности то обстоятельство, что операции воздушные, морские и военные, предпринятые английскими интервенционистскими силами в России после подписания перемирия и до 13 июля 1919 г., стоили казначейству свыше 20 млн. фунтов стерлингов. Союзники договорились, что эвакуируемые из Грузии английские части будут заменены итальянскими войсками. Правительство Орландо охотно пошло на эту сделку. Аппетиты итальянских империалистов разгорелись в предвидении возможной эксплуатации естественных богатств Грузии. «Обиженная» на Парижской мирной конференции Италия, не получившая Смирны и урезанная своими соперни-

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 647—648.

ками в захватнических вождениях в Адриатике, увидела в предложении союзников относительно Грузии некоторую компенсацию. Однако этой сделке империалистов не суждено было осуществиться. В июне 1919 г. правительство Орландо пало. Новый кабинет отражал собой бесполое италийской мелкой и средней буржуазии в связи с авантюристической политикой италийского империализма. Вот что писал новый италийский премьер-министр Нитти:

«Когда я принял бразды правления в июне 1919 г., италийская военная экспедиция в Грузию, подготовленная не только с согласия, но и по желанию Антанты, была уже готова. Бывшие там... английские войска отзывались. 12-й армейский корпус, состоявший из двух пехотных дивизий и отряда альпийских стрелков, был готов к походу. Грузия имеет огромные минеральные богатства, и в то время полагали, что она могла бы снабдить Италию большим количеством недостающего ей сырья. Меня поразило, что не только правительство, но и целый ряд умных финансистов и вообще лиц прогрессивного образа мыслей были убежденными сторонниками этой экспедиции»¹.

«Умные италийские финансисты» были такими же сторонниками расчленения России и разграбления её огромных богатств, как и их более могущественные американские, английские и французские собратья.

Заслушав письмо американского полковника Хаскеля, Совет десяти открыл дискуссию по вопросу об интервенции в Закавказье, прикрытую благовидным предложением оказания продовольственной помощи населению.

Бальфур сообщил, что конференция осведомлена о том, что продолжение британской оккупации невозможно. Было установлено, что италийские войска заменят британские. Италия на это согласилась. Из замечаний Титтони Бальфур получил впечатление, что Италия не может осуществить эту экспедицию. В результате получится, что британские войска уйдут, а италийские войска не сменят их.

¹ Ф. Нитти, Европа без мира, «Петроград», П.—М. 1923, стр. 123.

Титтони заявил: Италия в своё время согласилась послать войска в Грузию и Азербайджан. Если Италия примет мандат на Грузию, она возьмёт на себя ответственность по охране этой страны. Но она не может этого сделать. Пространство, которое необходимо охранять, велико; железнодорожная линия из Баку до Батума идёт на большом расстоянии. Для её охраны необходимы 40 тыс. солдат и в дополнение ещё перевозочные средства и продовольствие. Первоначальные затраты исчислены в 75 млн. лир, а годовой расход был бы около 1 млрд. лир. Италия не может согласиться на такое бремя, и мысль об этом плане оставлена.

Рассуждения Титтони вуалировали отказ, вынужденный внутренним политическим и экономическим положением Италии и успешными действиями Красной Армии.

Клемансо спросил, намерены ли Соединённые Штаты что-либо сделать. На это Полк ответил, что вопрос о мандате США на Армению будет поставлен президентом перед конгрессом.

Клемансо подвёл итоги дискуссии в следующих словах: «Франция не может ничего сделать. Италия не может ничего сделать. Великобритания не может ничего сделать, и в настоящий момент Америка тоже ничего не может сделать»¹. Совет десяти не принял постановления по вопросу, возбуждённому письмом американского полковника Хаскеля. Интервенция по существу продолжалась, ибо, несмотря на заявление английского правительства об эвакуации британских войск, Батум продолжал оставаться в качестве зоны британского оккупационного управления, весь аппарат английского военного представительства был оставлен в Грузии, в Тифлисе сидел «верховный представитель Великобритании», который продолжал оставаться настоящим хозяином страны.

Большое внимание Парижская мирная конференция уделила Армении. «Армянский вопрос», как известно, являлся одной из проблем европейской внешней политики в течение всего XIX в. Попытки европейской дипломатии

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 648—649.

«разрешить» этот вопрос в период существования Оттоманской империи представляли собой картину непрерывных столкновений противоречивых интересов великих держав. Жертвой этих столкновений систематически являлся армянский народ. Только Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла новую эру в истории Армении. Однако армянскому народу пришлось из-за англо-франко-американских и немецко-турецких интервентов и предательства «отечественных» меньшевиков пережить ещё немало страданий, пока он смог при активной помощи русского народа получить подлинную независимость как равноправный член дружной семьи народов Советского Союза.

29 декабря 1917 г. был издан декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР (написанный И. В. Сталиным) об Армении. В газете «Правда» от 31 декабря 1917 г. было напечатано обращение народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина в связи с этим декретом. В обращении было сказано: «Это тот самый «райский уголок», который долгие годы служил (и продолжает служить) предметом алчных дипломатических вождедений Запада и кровавых административных упражнений Востока. Погромы и резня армян, с одной стороны, фарисейское «заступничество» дипломатов всех стран, как прикрытие новой резни, с другой стороны, в результате же окровавленная, обманутая и закабалённая Армения,— кому не известны эти «обычные» картины дипломатического «художества» «цивилизованных» держав?»

Сыны Армении, героические защитники своей родины, но далеко не дальновидные политики, не раз поддававшиеся обману со стороны хищников империалистической дипломатии,— не могут теперь не видеть, что старый путь дипломатических комбинаций не представляет путь освобождения Армении. Становится ясным, что путь освобождения угнетённых народов лежит через рабочую революцию, начатую в России в октябре. Теперь ясно для всех, что судьбы народов России, особенно же судьбы армянского народа, тесно связаны с судьбами Октябрьской революции. Октябрьская революция разбила цепи национального угнетения. Она разорвала царские тайные

договоры, сковывавшие народы по рукам и ногам. Она, и только она, сможет довести до конца дело освобождения народов России»¹.

Жизнь и на этот раз полностью подтвердила сталинский анализ политики дипломатов всех буржуазных стран. Только Октябрьская революция, советская власть, партия большевиков, В. И. Ленин и И. В. Сталин дали армянскому народу подлинную свободу.

Мелкобуржуазная армянская партия «Дашнакцутюн», которая захватила власть в Армении после Октябрьской революции и при помощи Антанты удерживала эту власть до провозглашения в конце ноября 1920 г. Советской Армении, пошла по пути «дипломатических комбинаций». Армения 22 апреля 1918 г. вошла в состав Закавказской федерации. Эта политическая комбинация, вдохновлённая Антантой, продержалась лишь до 26 мая 1918 г., т. е. немногим более месяца.

В день распада Закавказской федерации Турция предъявила правительству Закавказья ультиматум, в котором требовала отторжения в свою пользу Нахичеванского уезда, половины Шурурбаралзянского уезда, половины Ереванского уезда, Весурмалинского уезда, почти всего Эчминдинского уезда, части Александропольского уезда с городом Александрополем и всего Ахалкалакского уезда. Турки требовали беспрепятственной перевозки своих войск по всем закавказским железным дорогам².

4 июня 1918 г. дашнакское правительство предательски подписало в Батуме договор с Турцией, согласно которому от Армении была отторгнута значительная территория, населённая по преимуществу армянами.

В течение 1918 г. представители стран Антанты не скупились на обещания помощи армянскому народу. Так, в письме от 14 июля 1918 г. Клемансо заявил, что французское правительство намерено «устроить судьбу армянского народа согласно принципам человечности и спра-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 25—26.

² См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 79.

ведливости». 11 июля 1918 г. министр иностранных дел Великобритании Бальфур заявил, что «судьба Армении» будет разрешена на основе «принципа самоопределения народов». Такого же рода заявления имели место в итальянском парламенте 26 ноября со стороны председателя Совета министров Орландо, который обещал добиться «политической независимости Армении».

Все эти обещания на деле оказались именно тем «фарисейским заступничеством» дипломатов буржуазных стран, которое разоблачил И. В. Сталин. Фарисейский характер этих деклараций сказался очень скоро. Подписанное 30 октября 1918 г. перемирие с Турцией в Мудросе вселило армянскому народу надежды, что он сможет объединить в одно целое свою родину. Однако эти надежды немедленно рассеялись, поскольку союзники отказались от объединения Армении.

Вопрос об Армении был передан союзниками на усмотрение руководителей Парижской мирной конференции и сразу же был связан с проблемой раздела Турции, с проблемой распределения между державами Антанты мандатов на отдельные турецкие области. С самого начала обсуждения союзниками вопроса о судьбе Армении не было речи о предоставлении ей подлинной независимости. Вопрос сразу же был поставлен в плане объявления Армении подмандатной территорией. Именно в таком плане вопрос об Армении обсуждался на заседании Совета четырёх 20 марта 1919 г. Началось обсуждение вопроса о Сирии. Президент Вильсон предложил создать специальную исследовательскую комиссию из равного количества представителей Франции, Великобритании, Италии и США. Клемансо не возражал в принципе против создания такой комиссии для Сирии, но при этом заметил, что мандаты предусмотрены не только для Сирии, но и для Палестины, Месопотамии и Армении, поэтому он не видит основания проводить исследование только по отношению к одной Сирии. Ллойд Джордж заявил, что он не возражает против того, чтобы исследование было проведено по отношению ко всем названным территориям. С этим же согласился и Вильсон, заметив, что было бы чрезвычайно удобно произвести унифицированное исследование всех мандатных территорий Турции.

Вильсону было поручено составить проект инструкции для комиссии¹.

5 мая Совет четырёх снова затронул вопрос об Армении в связи с проблемой военной оккупации на Кавказе. Ллойд Джордж предложил перераспределить оккупационные силы с тем, чтобы США могли занять Константинополь и Армению. Вильсон ничего не возразил относительно оккупации США Константинополя и Армении².

Вопрос об оккупации Армении (как и Константинополя) американскими войсками был связан с проблемой мандата на эти области, который США предполагали получить. На следующем заседании Совета четырёх Вильсон, затронув вопрос о мандате, сказал, что «некоторые влиятельные турки считают желательным, чтобы вся Турция была под единым мандатом. Однако он, Вильсон, считает, что это выходит за рамки того, в чём он может убедить США»³.

Ссылка Вильсона на «некоторых влиятельных турок», которые, дескать, только и мечтают о превращении Турции в подмандатную страну, весьма плохо прикрывала вождедения США по отношению к этой стране. Зондируя почву, Вильсон говорил о мандате США на всю Турцию, ссылаясь «на некоторых влиятельных турок».

На заседании Совета четырёх 13 мая Ллойд Джордж внёс предложение о распределении мандатов на Турцию. Последняя должна была быть расчленена между США, Францией, Италией и Грецией (разумелось, что Великобритания получит мандаты на Ирак и Палестину, а Франция — на Сирию. Таким образом, речь шла, собственно, о Турции).

Это распределение Ллойд Джордж предлагал в следующем виде: США получают мандат на Армению и Константинополь, Франция — на Северную Анатолию, Италия — на Южную Анатолию, Греция получает Смирну и Додеканез в полное обладание и некоторую часть турецкой территории в виде мандата⁴.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. V, p. 12—14.

² Ibid., p. 466, 467.

³ Ibid., p. 482.

⁴ Ibid., p. 582.

На заседании Совета четырёх 14 мая 1919 г. вопрос о мандате США на Армению (и Константинополь вместе с проливами) был решён положительно. Президент США Вильсон выражал согласие принять мандат на Армению, город Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы, Мраморное море и узкую полосу территории вдоль проливов. Границы указанных территорий должны были быть определены США, Великобританией, Францией и Италией¹.

Мы затрагиваем вопрос о мандатах на турецкие территории только в связи с вопросом о судьбе Армении. Во время дискуссии по вопросу о мандатах на заседании Совета четырёх 21 мая Клемансо снова вернулся к Турции с точки зрения распределения мандатов. Высказавшись против раздела Анатолии (несмотря на предшествовавшее согласие на раздел Анатолии между США, Францией и Италией), Клемансо заметил, говоря об американском мандате, что до тех пор, пока Россия не будет восстановлена, США будут распространять свой контроль и на Кавказ². На этом заседании Вильсон подчеркнул, что США в течение длительного времени проявляют постоянный интерес к Турции и Армении, а многие американцы потратили огромные деньги на эту страну³.

Обсуждение вопроса вращалось вокруг схемы мандатов на территории бывшей Турецкой империи. Для нас эта схема представляет интерес, поскольку она включала в себя предложение о мандате не только по отношению к Турции, но и по отношению к России. В этой схеме предусматривались две альтернативы: первая, если США возьмут мандат на всю Турцию, и вторая, если США получат мандат только на Армению и Киликию, однако в этом случае *мандат будет распространён на всю Армению, Азербайджан и на весь Кавказ до разрешения союзниками всей русской проблемы*⁴. Более яркой иллюстрацией планов США, Англии, Франции расчленения России, да притом не с помощью создания так называемых «независимых» национальных государств или

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. V, p. 622.

² Ibid., p. 758.

³ Ibid., p. 765.

⁴ Ibid., p. 770.

«правительств» типа Колчака, Деникина или Юденича, а с помощью прямой аннексии — представить было невозможно.

Планы распространения американского мандата на территорию России (Армения), представлявшие собой попытку прямой аннексии этой территории, свидетельствуют о том, что метод прикрытой интервенции (при помощи местных контрреволюционных сил и так называемых «национальных правительств») был не единственным методом интервенции Антанты в этот период. Отказавшись по не зависевшим от них причинам от посылки своих войск в Россию, США, Англия, Франция стремились захватить советскую территорию, прикрываясь словом «мандат».

На заседании Совета четырёх 25 июня 1919 г. Ллойд Джордж предложил продолжить обсуждение турецкого вопроса, принимая во внимание, с одной стороны, предстоящий отъезд президента Вильсона из Европы, а с другой — то, что продолжение состояния войны с Турцией может привести к ряду нежелательных для союзников последствий. Вильсон сказал, что его коллеги знают его позицию и поэтому могут обсуждать во всяком случае те стороны договора с Турцией, которые будут относиться к областям, отходящим от неё. При этом он повторил, что должны быть отделены от Турции Месопотамия, Сирия и Армения и что союзные войска должны будут оставаться в этих областях до того, как союзники окончательно договорятся об их статусе.

На последнем заседании Совета четырёх — 28 июня 1919 г. (в день подписания Версальского договора) обсуждалось предложение Герберта Гувера (сделанное им в письме от 27 июня президенту Вильсону) о назначении верховного союзного комиссара в Армению. Гувер писал, что в соответствии с разговорами, которые Вильсон имел с ним и с Моргентау (бывшим послом США в Турции), они (Гувер и Моргентау) считают необходимым сделать предложение, которое могло бы быть рассмотрено главами правительств до отъезда Вильсона из Парижа. Они предлагают назначить единого комиссара для Армении, который действовал бы со всей полнотой власти от имени США, Великобритании, Франции и Италии во всех

отношениях с де-факто правительством Армении в качестве общего представителя этих правительств в Армении. Его обязанности заключались бы в контроле и советах в отношении различных вопросов управления на всей территории Армении как *русской, так и турецкой*, а также в контроле по вопросу о помощи до момента окончательного решения политической судьбы этой территории¹.

Далее Гувер останавливался на ряде технических деталей, в случае если предложение (Гувера — Моргентгау) будет принято, и выдвигал на пост комиссара в Армении в качестве «идеального» кандидата генерала Харборда, начальника штаба американских сил во Франции.

Предложение Гувера о назначении союзнического комиссара в Армению было принято Вильсоном, Ллойд Джорджем, Клемансо без прений и именно в таком виде, как писал Гувер в своём письме. Решение Совета четырёх, распространявшее власть и компетенцию межсоюзнического комиссара на русскую Армению, представляло собой недвусмысленный план прямой аннексии США Армении.

5 июля 1919 г. по предложению Лансинга Совет десяти назначил полковника Хаскеля (США) союзническим комиссаром в Армении. Согласно резолюции, принятой Советом, все представители США, Великобритании, Франции и Италии в Армении, Грузии, Азербайджане и Константинополе должны были получить инструкцию о контакте, сотрудничестве с американским полковником Хаскелем и помощи ему².

На заседании Совета 18 июля делегат США Уайт дошёл до сведения присутствовавших телеграмму Вильсона по вопросу о турецких мандатах. Клемансо подчеркнул, что Вильсон хотел получить мандат на Армению, и это было решено в пользу США. Союзническим комиссаром назначен американец. Вильсон также был благоприятно настроен в пользу получения мандата США на Константинополь. Однако вопрос о Константинополе является одним из самых важных и требует внимательного

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VI, p. 743, 744. Курсив мой.— Б. III.

² Foreign Relations of the USA, v. VII, p. 28.

изучения. Было решено, что Уайт (представитель США) сообщит президенту о высказанных мнениях¹.

На заседании Совета 25 августа имела место чрезвычайно характерная дискуссия, которая коснулась не только вопроса об Армении, но и в известной мере осветила общую политику союзников в отношении Кавказа. Клемансо доложил Совету (на основании телеграммы французского верховного комиссара в Константинополе) о том, что назначенный в Константинополь верховный комиссар США адмирал Бристоль обратился с меморандумом к турецкому великому визирю. Меморандум гласил: «Президент Вильсон уведомляет турецкое правительство о том, что если не будут приняты немедленные меры к прекращению всяких насилий или убийств со стороны турок, курдов или других мусульман в отношении армян на Кавказе или в каких-либо других местах, он, президент Вильсон, намерен отказаться от пункта 12 условий мира (в нём говорится о сохранении турецкого суверенитета). Это приведёт к расчленению Османской империи. Если турки желают продолжения суверенитета на какой-либо части империи, они должны показать не только своё желание, но и имеющуюся у них возможность запретить своим гражданам совершать подобные зверства. Никакие отговорки со ссылкой на отсутствие фактической власти не будут приняты от турок»².

Предупреждение о возможном отказе Вильсона от провозглашённого им же пункта 12 (из его 14 пунктов) о сохранении турецкого суверенитета было продиктовано, конечно, не заботой о судьбе армян. Известно, как империалистические державы «защищали» в течение XIX и в начале XX в. армян от турецких зверств. Это «предупреждение» имело своей задачей подготовить предлог, прикрываясь которым США могли бы получить мандат на Армению и фактически установить американский протекторат в Турции по «гуманитарным соображениям»³.

¹ Foreign Relations of the USA, v. VII, p. 193.

² Ibid., p. 859.

³ Сообщая содержание меморандума адмирала Бристоля, его французский коллега сообщил также, что великий визирь в письме на имя французского и английского комиссаров указал на полную невозможность для турецкого правительства контролировать необ-

Бальфур сказал, что, насколько ему известно, США создают добровольческую армию для осуществления своих планов в отношении Турции. Часть этих войск может быть использована в Армении. Полк (США) отметил, что рекрутирование добровольцев уже началось.

Картина, выявленная на заседании Совета 25 августа, была чрезвычайно красочной. Правительство Вильсона не хотело отказываться от принятия турецкого мандата и упускать такие лакомые куски, как Армения, с одной стороны, и Константинополь — с другой. Ведь и тот и другой объекты являлись опорными точками против России. Вильсон (и это выявляется протоколом заседания Совета от 25 августа) пошёл даже на такое мероприятие, как набор добровольческой антисоветской армии.

На заседании Совета 29 августа Клемансо зачитал полученную им от союзнического комиссара в Армении американского полковника Хаскеля телеграмму. Последний сообщал, что он лично изучил положение в Армении и находит его ужасным. Чтобы во-время предотвратить смерть от голода, ему (Хаскелю) нужна помощь... присылкой войск. Если возможно, то присылка кавалерии была бы более всего желательна. Присылка войск могла бы спасти положение в *русской Армении*.

Зачитав сообщение полковника Хаскеля, Клемансо сказал, что он подготовил и роздал коллегам меморандум¹, в котором французское правительство соглашается после 10 сентября послать 12 тыс. человек в Киликию. Это количество окажется вполне достаточным, чтобы

ходимые для поддержания порядка силы или получить денежные средства для оплаты солдат и чиновников. При наличии этих условий он (визирь) находится в отчаянном положении. К сказанному он прибавил, что США, которые не находились с Турцией в состоянии войны и не подписывали перемирия, прислали это императивное сообщение сепаратно и без участия со стороны союзных держав. Докладывая эту телеграмму Совету, Клемансо выразил убеждение, что Вильсон не одобрит действия адмирала Бристоля. Он особенно подчеркнул (и даже процитировал) 12-й пункт из 14 пунктов Вильсона, добавив, что союзники присоединились к мирной программе Вильсона и она не может быть изменена. Не может, сказал Клемансо, один из комиссаров диктовать условия Турции, с которой его государство не находится в войне, притом без консультации с другими государствами.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VIII, p. 11.

занять пункты, указанные полковником Хаскелем. Необходимо будет для этого использовать Багдадскую железную дорогу. В меморандуме говорилось, что французские войска высадятся в Мерсине и Александретте, где должны быть созданы французские морские базы.

Казалось бы, «великодушное» предложение Клемансо о помощи армянам разрешало вопрос о том, где найти войска для посылки в Армению, вопрос, над которым трудился Совет глав делегаций. На деле это было далеко не так. Полк немедленно спросил, не может ли армия, о которой хлопочет полковник Хаскель, быть перевезена через Чёрное море и высажена на берегу этого моря. Бертелло (Франция) сказал, что высадка может быть произведена в Киликии, поскольку там хорошие дороги, приспособленные для грузовиков. Снабжение может доставляться в Армению через Мерсину и Александретту. Бальфур задал вопрос, был ли этот план изучен французским генеральным штабом, на что Клемансо ответил утвердительно¹. Было решено отложить обсуждение этого вопроса.

Что же произошло? Дело заключалось в следующем: Армения не интересовала Клемансо, Франция не могла рассчитывать, что ей дадут мандат на эту страну, да и ввязываться в кавказские дела у неё большой охоты не было. Жестокости турок по отношению к армянам, резня и убийства в Армении её мало волновали. Они послужили для Клемансо удобным предлогом для того, чтобы попытаться стать твёрдой ногой в Киликии и Сирии, на которые Франция претендовала. Сирию у неё оспаривали англичане, а Киликию требовал Вильсон. Вот почему Клемансо настаивал, чтобы высадка французских войск шла не через Чёрное море, а через Мерсину (Киликия) и Александретту (Сирия), где и должны были быть созданы французские морские базы. Вот почему Полк спросил, нельзя ли французские войска послать через Чёрное море, а Бальфур задал наводящий вопрос об участии в этом плане французского генерального штаба. Все вопли о гуманитарной помощи Армении, о судьбе армянского народа, которому действительно угрожало физическое

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VIII, p. 5.

истребление со стороны турок, умолкли перед лицом империалистических планов США, Франции и Великобритании.

Подлинное избавление Армения обрела тем, что объявила себя советской страной.

И. В. Сталин писал: «Ни лживые заверения Англии, «вековой защитницы» армянских интересов; ни пресловутые четырнадцать пунктов Вильсона; ни широковетательные обещания Лиги наций с её «мандатом» на управление Арменией — не смогли (и не могли!) спасти Армению от резни и физического истребления. Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления»¹.

Значительное внимание Парижская конференция уделила обсуждению вопроса о Кавказе и Закавказье.

И. В. Сталин дал следующее определение значения Кавказа в общем плане борьбы Антанты против Советской России:

«Важное значение Кавказа для революции определяется не только тем, что он является источником сырья, топлива и продовольствия, но и положением его между Европой и Азией, в частности, между Россией и Турцией, и наличием важнейших экономических и стратегических дорог (Батум — Баку, Батум — Тавриз, Батум — Тавриз — Эрзерум).

Всё это учитывается Антантой, которая, владея ныне Константинополем, этим ключом Чёрного моря, хотела бы сохранить прямую дорогу на Восток, через Закавказье.

Кто утвердится в конце концов на Кавказе, кто будет пользоваться нефтью и наиважнейшими дорогами, ведущими в глубь Азии, революция или Антанта, — в этом весь вопрос»².

В сталинской характеристике значения Кавказа дано объяснение подлинных мотивов вооружённой интервенции иностранных империалистов в Грузии, Азербайджане и Армении.

Англичане проникли в Баку летом 1918 г. Вынужденные уйти оттуда в момент наступления турецких войск,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 413.

² Там же, стр. 408.

они в октябре 1918 г. снова вернулись в этот город, о котором английский журнал «Нир ист» писал: «В отношении нефти Баку не имеет себе равных. Баку — величайший нефтяной центр мира. Если нефть — королева, то Баку — её трон»¹.

Впервые вопрос об Азербайджане фигурирует на заседании Совета четырёх 2 мая 1919 г., когда президент Вильсон потребовал, чтобы делегация мусаватистско-буржуазного азербайджанского «правительства» была допущена в Париж.

На заседании Совета глав делегаций 15 ноября 1919 г. по предложению Полка (США) полномочия верховного комиссара союзников в Армении американского полковника Хаскеля были распространены на Грузию и Азербайджан.

Распространение компетенции межсоюзнического комиссара на все три Закавказские республики отвечало положению, создавшемуся во второй половине ноября 1919 г. Речь шла об определённой политике по отношению ко всем трём республикам с учётом нового фактора — разгрома русского белогвардейского движения. Эта новая обстановка была выпукло отражена в частном разговоре, который Ллойд Джордж имел в конце ноября с делегатом США Полком и который последний передал государственному секретарю Лансингу телеграммой от 29 ноября 1919 г. Ллойд Джордж настойчиво подчёркивал, что Европе будет угрожать объединившаяся Россия. Поэтому он считает, что Грузия, Азербайджан, Бессарабия, Украина, Балтийские провинции и Финляндия, а по возможности и Сибирь должны быть независимы².

Нигде Ллойд Джордж с такой ясностью и определённо-стью не излагал свою программу расчленения России, как в этом частном разговоре с Полком, разговоре, не предназначенном для опубликования. Это целая и притом законченная программа, и именно эта программа легла в основу последующих дискуссий об отношениях к трем Закавказским республикам.

¹ М. Сайерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, стр. 115.

² Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 126.

Во время декабрьской (1919 г.) встречи премьер-министров в Лондоне вопрос о Закавказских республиках дебатировался лишь в общем контексте политики по отношению к России. Наоборот, во время январской (1920 г.) сессии Совета глав делегаций был специально и очень подробно обсуждён вопрос о Закавказских республиках. На заседании Совета 10 января 1920 г. Ллойд Джордж сообщил о получении им тревожной информации о Кавказе. Большевики продвинулись у Каспия; если они, окончательно разбив Деникина, достигнут Каспийского моря, возможно, что турки присоединятся к ним, что создаст для Кавказских государств безнадёжную обстановку. Это налагает на Совет обязанность рассмотреть, не было ли бы разумно помочь этим государствам посылкой, например, оружия и боеприпасов, дабы облегчить им сопротивление натиску большевиков. Он предлагает обратиться к военному совету в Версале (совет военных экспертов), который, не предрешая политических выводов, мог бы дать чисто военную информацию, необходимую для принятия решения. Клемансо предложил, чтобы британская делегация представила по этому вопросу меморандум, который Совет мог бы дать на рассмотрение военному совету в Версале. Так и было решено¹.

Пока британская делегация разрабатывала свой меморандум о «помощи Закавказским республикам» и пока военные эксперты в Версале рассматривали этот меморандум, Совет (он заседал в это время в качестве Совета министров иностранных дел) в тот же день, 10 января 1920 г., рассмотрел вопрос о Закавказских республиках с политической точки зрения. Лорд Керзон предлагал представить главам правительств следующие соображения: судьба Армении будет решена Мирной конференцией, когда будет решена вся турецкая проблема. Остаются, таким образом, Грузия и Азербайджан. Он имеет в виду признание де-факто правительств Грузии и Азербайджана. Британские войска оккупировали эти территории после перемирия, и британское правительство имело больше, чем какое-либо другое, возможностей проявить свои симпатии по отношению к этим государствам.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 837, 838.

(«Проявить симпатии» — в устах Керзона означало на деле вмешательство во внутренние дела этих государств, превращение их в британских вассалов, отторжение от России.— *Б. Ш.*) Правительства упомянутых здесь государств, продолжал Керзон, решительно антибольшевистские. Признание де-факто этих правительств будет равносильно оказанию им огромной помощи, как это уже сделано в отношении Балтийских государств.

Было решено, что главные союзные и ассоциированные державы совместно признают правительства Грузии и Азербайджана в качестве правительств де-факто¹.

Продолжение обсуждения вопроса имело место на заседании Совета премьер-министров 17 января 1920 г. На этом заседании, кроме Ллойд Джорджа, Клемансо и Нитти, присутствовали маршал Фош, фельдмаршал Генри Вильсон (начальник имперского генерального штаба), Уинстон Черчилль, адмирал Битти и лорд Керзон. Совет обсуждал вопрос в духе меморандума, представленного английской делегацией о Закавказских республиках. Документ британской делегации, судя по стилю, вышел из-под пера Ллойд Джорджа. Нет также сомнений, что к нему приложил руку и «поклонник» Грузии Керзон.

Начинается меморандум (от 12 января 1920 г.) констатацией, что нынешняя обстановка явилась результатом поражения как Колчака, так и Деникина. В результате неизбежного наступления Красной Армии на Кавказ положение в Грузии сделалось особенно сложным. Без эффективной помощи Грузия, переживающая болезненный экономический кризис, окажется не в состоянии противостоять наступлению одновременно с севера и юга, а крах Грузии будет иметь серьёзные последствия для союзников. Если союзники помогут, Грузия обретёт необходимое мужество и силу, чтобы защищать свои границы. В качестве предварительных мер до обсуждения широких планов по предотвращению большевистского нашествия на восток должны быть приняты следующие:

1. Признание союзниками Грузии и Азербайджана (это уже сделано).

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 958, 959.

2. Поворот всех запасов, находящихся в настоящее время по дороге к Деникину, в сторону этих республик и Армении.

3. Дополнительная помощь союзников Грузии, Азербайджану и Армении:

- а) финансовая,
- б) военные припасы, особенно патроны и обувь,
- в) продовольствие, особенно хлеб.

4. Достаточная военная помощь для защиты Батума и Баку.

5. Недопущение большевиков к Каспийскому морю и флоту. Деникинский флот должен либо добровольно быть потопленным, либо взят для нашего использования¹.

Этот документ полностью отражает империалистическую программу союзников, в частности Великобритании. Закавказье представляло собой лакомую добычу для всего империалистического мира. Американские нефтяные монополии (Standard Oil и др.) не меньше, чем английские (Royal Datsch Shell, Anglo-Persian), протягивали жадные лапы к бакинской нефти. Империализм США, нажившийся и разжиревший в результате войны, устремлял свои алчные взоры на богатства Кавказа. Захват Закавказья союзниками (под маской «независимости») представлял осуществление планов как расчленения России, так и нанесения сильнеего удара социалистическому государству. Наступление Красной Армии в сторону Кавказа, неизбежная советизация Закавказья представляли конец планов британского и американского империализма по овладению этой территорией. Больше всего их привлекали Баку и Батум, из которых первый означал нефть, а второй — возможность её передачи в Европу. Боязнь «соединения большевиков и мусульман» отражает страх англо-американских монополистов перед влиянием Октябрьской революции на колониальные и полуколониальные страны Востока.

В. И. Ленин говорил: «Нет ни одной страны, не осталось теперь ни одного куска земного шара, где бы фактически не господствовал полностью английский, французский и американский финансовый капитал. На этом была

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 903, 904.

основана новая попытка, которую они сделали — заставить те маленькие государства, которые окружают Россию и из которых многие освободились и получили возможность объявить себя независимыми только во время войны — Польша, Эстляндия, Финляндия, Грузия, Украина и др., — попытаться заставить эти маленькие государства воевать против России на английские, французские и американские деньги»¹.

Военные эксперты, обсудившие английский проект, сообщали Совету премьеров:

«Если невозможно победить большевизм на его собственной территории, то должно быть возможным остановить его на некоторых опасных путях, как, например, Кавказ. С этой целью должен быть рассмотрен вопрос об организации военного барьера на Кавказе. Принимая во внимание неустойчивое положение местных правительств и незрелость их военных сил, этот барьер должен быть прежде всего *организован при помощи европейских войск*»².

План военных экспертов идёт дальше английских предложений. Они предложили посылку на Кавказ союзных дивизий под командованием союзных офицеров. Это уже настоящая военная экспедиция, новый антисоветский поход. В начале 1920 г. союзники предполагали возродить неприкрытую интервенцию, от которой Антанта вынуждена была отказаться в начале 1919 г. Весь план выдержан в этих тонах. Военные эксперты предложили захватить господство на Каспийском море. Обсуждение доклада военных экспертов началось с того, что маршал Фош заявил, что нужно действовать быстро. Ллойд Джордж сказал, что, насколько он понял заключение военных экспертов, невозможно говорить о каком-либо барьере, если только не будет послано три дивизии. Он, Ллойд Джордж, думает, что к вопросу можно подойти и с другой точки зрения. С целью задержать большевиков будет ли полезно помогать Кавказским республикам — Грузии, Азербайджану и Дагестану — оружием и военными материалами, и если это так, нужно ли это

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 595—596.

² Foreign Relations of the USA, v. IX, p. 902.

сделать немедленно? Готово ли население Кавказа к получению и применению с пользой этих военных материалов, или же всё, что мы будем посылать, попадёт просто в руки большевиков?

Фельдмаршал Генри Вильсон сказал, что совещание военных экспертов, рассматривая вопрос о защите линии Батум — Баку, пришло к заключению, что без эффективной помощи британского флота на Каспии эту линию нельзя успешно защищать и, наоборот, если не будет средств защиты этой линии, невозможно будет послать морские силы в Каспий. Таким образом, если только Каспийское море не будет занято и удержано, Баку, несомненно, падёт.

Лорд Керзон поставил вопрос в несколько иную плоскость. Он беседовал с представителями Закавказских республик, которые в данный момент находятся в соседней комнате. Они мне заявили, сказал Керзон, что большевики намерены на них напасть, они намерены защищаться сами, учитывая, что мы им поможем продовольствием, оружием и боеприпасами. Получив такую помощь, они полагают, что опасность может быть отвлечена. Без этой помощи их падение неизбежно. Керзон предложил не выносить решения, предварительно не заслушав их.

Обсуждение сосредоточилось вокруг вопроса о дальнейших методах интервенции на Кавказе. Фош стоял за прямую, неприкрытую интервенцию. Ллойд Джордж, учитывая печальный для союзников опыт неприкрытой интервенции как на юге, так и на севере России, высказался за помощь оружием, продовольствием и боеприпасами, но не войсками. Для того чтобы обмануть общественное мнение, следовало, по Ллойд Джорджу, создать версию о «нападении большевиков» на Закавказские республики, которые-де защищаются. Англия и другие союзники «помогают» им лишь в организации «защиты». Вот почему в последовавшем допросе представителей грузинских меньшевиков и азербайджанских муссаватистов им усиленно подсказывали версию «нападения большевиков» и «защиты» Закавказья.

Было решено выслушать представителей Грузии и Азербайджана, которым Клемансо заявил: мы надеемся,

что вы дадите информацию о предполагаемом нападении большевиков и о средствах, которыми вы располагаете для защиты. Мы хотели бы знать, находитесь ли вы в состоянии использовать эту помощь, которую мы могли бы вам послать. Мы вполне готовы сделать что-нибудь полезное, но мы хотели бы знать о нынешнем положении ваших стран и о том, могли ли бы вы использовать эту помощь действительно против большевиков или скорее может случиться, как это произошло с Деникиным, что большевики захватят у вас посланные материалы и создастся ещё худшее положение.

Церетелли, говоря от имени как грузинского, так и азербайджанского правительств, сказал, что обе республики, вероятно, подвергнутся нападению большевиков, но они не знают, будет ли это наверно. Если Антанта окажет помощь, большевики будут колебаться напасть. Во всяком случае, они просят материальной помощи от великих держав, если им нужно будет защищаться самим. Клемансо спросил, следует ли это заявление понимать в том смысле, что они просят также о присылке войск. Церетелли ответил, что это было бы ещё лучше, защита на море и получение оружия, боеприпасов и продовольствия будут также неоценимой помощью. Материальная помощь нужна немедленно.

После информационного допроса представители меньшевистского правительства Грузии и муссаватистского правительства Азербайджана покинули зал заседаний, и Совет начал обсуждение вопроса по существу. Черчилль спросил маршала Фоша: рассматривает ли он вопрос о Кавказе как самостоятельную проблему или как часть проблемы «общей защиты против большевизма»? Фош ответил, что вопрос является частью проблемы «общей защиты против большевизма», большевизм находится в восходящем движении, нужно установить, где только возможно, «барьер».

Черчилль спросил: считает ли Фош Польшу в опасности, осведомлён ли он о концентрации большевистских сил в этом направлении? В случае распада деникинских сил, не кажется ли ему возможным, что Польша подвергнется нападению? В этом случае где может иметь место нападение? Маршал Фош ответил, что ему неизвестно о больше-

вистской концентрации или о подготовке нападения, однако это вполне возможно в будущем, причём Советы, вероятно, смогут одолеть польскую армию. Необходимо противопоставить огромной большевистской России мощные объединённые усилия. Силы, которые могут быть противопоставлены большевикам,— это силы окраинных республик. Идя от Азербайджана через Кавказ — это Грузия, Бессарабия, Польша, Эстония, Латвия; если их взять в руки, то возможен успех в создании военных сил, способных ограничить распространение большевизма.

Ллойд Джордж спросил Фоша: предлагает ли он военный союз между этими различными государствами с целью напасть на Советскую Россию, или, наоборот,— с целью общей защиты в случае нападения большевиков?

Маршал Фош сказал, что первой задачей является приостановить продвижение большевизма и консолидировать государства, которые уже созданы. Речь идёт о создании защитной организации, пояса безопасности для защиты Центральной Европы против продвижения большевиков.

Ллойд Джордж спросил: не предлагает ли Фош вооружить польскую армию с тем, чтобы она могла вторгнуться в Россию? Фош предложил создать «антанту» между Польшей, Румынией, Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией. Закавказские государства должны присоединиться к этой лиге, и большевизм, таким образом, оказался бы в окружении.

Ллойд Джордж спросил Фоша: не знает ли он, готовят ли большевики нападение на эти страны? Фош ответил, что это невозможно знать до наступления соответствующих событий. Ллойд Джордж продолжал спрашивать: не может ли Фош назвать хотя бы одно из этих государств, на которое большевики намерены напасть? Фош не без раздражения заявил, что, когда это нападение совершится, он сможет ответить на поставленный вопрос.

Диалог Ллойда Джорджа — Фоша является исключительно характерным и важным документом. При всей на первый взгляд кажущейся разнице тактик Ллойда Джорджа и Фоша она была не так велика. Характерно, что как Ллойд Джордж, так и Фош стремились представить дело

таким образом, будто они исходят из концепции «обороны» против «наступления большевиков». Ллойд Джордж всячески стремился получить у Фоша какие-либо доказательства, что большевики нападают или хотя бы «собираются напасть» на какое-либо государство. Своими настойчивыми вопросами он даже вызвал раздражение Фоша, который, повидимому, не сразу сообразил, для чего нужны Ллойд Джорджу эти «наступательные» аргументы. А Ллойд Джорджу во что бы то ни стало необходимо было «защищать» Закавказские республики, ибо без этой маскировки получить дальнейшие кредиты на интервенцию и обмануть общественное мнение будет труднее. Одно дело заявить, что деньги нужны для захвата бакинской нефти, грузинского марганца, для расчленения России, создания барьера между Советской Россией и Востоком, а другое — просить кредиты для «защиты» Закавказских республик от «наступающих» или хотя бы «собирающихся наступать» большевиков. Что будет в действительности представлять собой «защита», — дело союзников. Фош, не будучи столь опытным в дипломатических методах, проговорился, когда Ллойд Джордж спросил его, будет ли предлагаемый им союз государств нападать на Советскую Россию или, наоборот, защищаться. На этот вопрос он ответил, что «первой задачей является приостановить продвижение большевизма». Не трудно себе представить, что под второй задачей Фош и его партнёры понимали разгром советского строя. Это понимал и Ллойд Джордж. Получив недвусмысленные ответы, он, однако, и не подумал возражать против плана создания «барьера», а по существу военного союза малых государств. Наоборот, он всячески эту идею поддержал. Разница между Ллойд Джорджем и Фошем была только в методах помощи этому военному союзу, создаваемому в целях интервенции, окружения Советской России враждебным поясом, расчленения её. Фош настаивал на посылке дивизий, Ллойд Джордж предлагал пока ограничиться помощью деньгами, оружием и продовольствием. Фош стоял за интервенцию неприкрытую, Ллойд Джордж — за интервенцию прикрытую, но цель у обоих была одна — восстановить единство капиталистической системы.

Лорд Керзон выступил со специальным заявлением об Армении. Он хотел бы объяснить, почему не дано признание Армении. Вопрос об Армении должен решаться мирным договором с Турцией. Казалось, что дать признание Армении означало бы предвосхитить работы Мирной конференции. Тем не менее теперь имеются серьёзные аргументы в пользу признания Армении. Нынешнее армянское государство со столицей Эривань является частью старой русской империи, так же как Грузия и Азербайджан. Сверх того, армянское государство готово присоединиться к общей защите Закавказских республик против большевизма. Исходя из этого, Керзон думает, что было бы правильно и мудро дать Армении признание при ясном условии, что это не предпринимает окончательных границ Армении, которые должны быть определены мирным договором с Турцией.

Дело было, конечно, не в боязни «предвосхитить работу Мирной конференции», а в стремлении союзников создать стимул (признание!) для вовлечения Армении в вооружённую борьбу против Советской России.

Клемансо констатировал, что возражений по этому предложению нет, и заявил, что Армения признается на условиях, предложенных лордом Керзоном. Черчилль заметил, что принятое решение является политическим и дипломатическим и не разрешает военной проблемы. Ллойд Джордж сказал, что согласно его информации казначейство США внесло в конгресс предложение о займе Армении в 25 млн. долларов. Это предложение будет рассмотрено конгрессом и сенатом и, вероятно, будет принято. Это явится очень существенной помощью. Представитель США подтвердил правильность информации Ллойда Джорджа.

Характерно, что эта американская «помощь» предназначалась для Армении, поскольку речь шла о мандате США над этой страной.

Ллойд Джордж сказал, что необходимо рассмотреть, можно ли послать оружие и боеприпасы. Он считает, что необходимо помочь Закавказским республикам всеми материалами на том условии, что эти государства будут сопротивляться большевикам и охранять Баку всеми своими силами.

В этот момент выступил Нитти с заявлением, что итальянское правительство не может принять на себя никаких обязательств в этом вопросе ни в отношении людей, ни в отношении оружия, так как это противоречило бы закону, принятому итальянским парламентом и всеми партиями, включая консерваторов, почти единогласно. Сущность этого закона заключается в том, что Италия не может участвовать в какой-либо интервенции против правительств де-факто в России.

Это заявление Нитти вызвало реплику Ллойд Джорджа, который сказал, что они собираются посылать материалы правительствам де-факто, и это не может считаться вмешательством в русские дела, как, например, помощь Деникину и Колчаку.

«Логика» Ллойд Джорджа поистине была поразительной. Выходило, что вооружить признанные союзниками меньшевистские «правительства» Грузии, Азербайджана и Армении для борьбы против Советской России не значит вмешиваться в русские дела.

Лорд Керзон сказал, что согласно имеющейся в его распоряжении информации прецедент итальянской интервенции имеет место. Некоторое время тому назад, продолжал Керзон, Италия послала оружие в Дагестан. С другой стороны, ему известно, что Баку и Дагестану обещана итальянская помощь. Нитти ответил, что он ничего не может делать *официально*. Имеются, сказал он, известные итальянские интересы в Грузии, и он допускает, что итальянские добровольцы отправились туда. Он допускает также возможность помочь этому движению, тем не менее невозможно посылать туда регулярные войска и посылать *официально* какие-либо материалы.

Нитти дважды употребил слово «официальная» посылка материалов, и Ллойд Джордж не преминул заметить это. Он сказал, что не понимает, какая разница между официальной и неофициальной посылкой оружия, если последнее дойдёт до Кавказских государств. Нитти заявил: «Я могу совершенно конфиденциально сказать, что готов помочь оружием и военными материалами, если Великобритания или Франция возьмут на себя ответственность за их посылку».

Ллойд Джордж: Мы согласны.

Таким образом, заявление Нитти в его книге («Европа без мира»), где он писал, что с его приходом к власти Италия отказалась от интервенции, что с приходом к власти он прекратил всякое участие Италии в интервенции против России, является заведомой ложью.

Клемансо констатировал согласие всех держав посылать военные материалы и продовольствие на Кавказ и предложил сообщить это решение военным экспертам. Было решено признать армянское правительство, как правительство де-факто, послать Закавказским государствам оружие, боеприпасы и продовольствие; маршал Фош и фельдмаршал Вильсон должны рассмотреть вопрос о том, в чём должно заключаться это снабжение, и средства его доставки¹.

Интервенция в Закавказье была, несомненно, частью общего интервенционистского плана союзников «разрешения» «русского вопроса» в целом. Некоторое своеобразие этому плацдарму придавало то обстоятельство, что судьба Закавказья была связана, кроме русского, ещё с турецким вопросом, причём как по отношению к Советской России, так и по отношению к Турции речь шла о захвате союзниками соответствующих территорий. Особенно это сказалось при решении вопроса об Армении. Это было характерным для решения вопроса об этом плацдарме англо-франко-американской интервенции. Английская дипломатия пошла на сделку с американской, предложив США мандат на Константинополь, на весь остаток Турции и Армению. Такой мандат при наличии сильной английской базы в Закавказье, с одной стороны, и отделения от Турции Ирака и Палестины — с другой, был не страшен Великобритании и вовлекал США в широкие империалистические планы на Ближнем Востоке.

Политика Англии, США, Франции на Парижской мирной конференции и по отношению к Закавказью диктовалась основной их целью — уничтожить советскую власть. В этом вопросе между закавказским плацдармом и всеми другими плацдармами интервенции никакой разницы не было. Не было разницы и во второй цели интервентов — расчленение России и отрыв, отторжение от неё

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 890—902.

Закавказья. Овладение Закавказьем не просто отрывало его от России, не просто отдавало в руки англо-американского империализма исключительно богатую сырьевую базу (нефть, марганец и т. д.). Захват Закавказья означал приобретение англо-американским империализмом опорной базы мирового значения и прежде всего базы агрессии против Советской республики. Одновременно захват Закавказья создавал возможность продолжения и усиления владычества Англии над Индией, полное подчинение англо-американцами Ирана, возможность держать под дулом пистолета расчленённую Турцию и быть поблизости от новых государств, созданных из бывших областей Турции — Ирака, Палестины и других.

Все эти задачи империализм не мог разрешить сразу. Они были слишком сложны, и выполнение их наталкивалось на противоречия в применении той или иной тактики. Вот почему английская, американская, французская дипломатия взялась за выполнение той цели, которую она считала главной, не терпящей отлагательств. Этой целью было нанесение смертельного удара советскому строю, стремление уничтожить в лице Советской России классового врага. В течение первой половины 1919 г. и даже до осени англо-американские империалисты ставили основную ставку на Колчака и Деникина. Всё делается для достижения главной цели — военного разгрома большевизма.

Крах Колчака и Деникина под ударами Красной Армии вызывает поворот в тактике, но не в политике союзников по отношению к Закавказью. Они стремятся осуществить план отторжения Закавказья при помощи игры в «независимость», в виде признания де-факто разного рода так называемых национальных «правительств». Это признание даётся под условием непримиримой борьбы с Советской Россией под маской «сопротивления» большевикам.

Это отмечал И. В. Сталин:

«Разбитые наголову, «национальные правительства» «вынуждены» были обратиться за помощью против «своих» рабочих и крестьян к империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплуататорам национальностей всего мира.

Так началась полоса иностранного вмешательства и оккупации окраин,— полоса, лишняя раз разоблачившая контрреволюционный характер «национальных» и областных «правительств»¹.

«Эфемерность национальных «правительств» оккупированных областей объясняется не только их буржуазным характером, чуждым интересам рабочих и крестьян, но и, прежде всего, тем обстоятельством, что они являются простыми придатками оккупационных властей, что не могло не лишить их всякого морального веса в глазах широких слоёв населения»².

Новая тактика союзников — ставка на «самостоятельные» окраинные государства (как и в отношении Прибалтики) в Закавказье имела различные аспекты. К этому времени идея о возможности прямой военной интервенции обанкротилась. Ллойд Джордж, Клемансо и Нитти от имени соответствующих правительств заявляли, что войск они послать не могут. Не следует, конечно, думать, что Клемансо, Ллойд Джордж и Нитти, возражая против посылки в этот период своих солдат в Закавказье и ограничиваясь помощью вооружением и продовольствием, отказывались тем самым от наступления на Советскую Россию. Ничего подобного не было. В момент, когда союзниками решался вопрос о признании и помощи Закавказским республикам, Советская Россия с ними не воевала. Даже Фош не мог дать Ллойд Джорджу удобную ему «справку» о том, на кого нападают или хотя бы намерены напасть большевики. Военная помощь правительствам Закавказских республик означала стремление союзников закрепить свои базы в Закавказье (Баку, Батум), решающий шаг по пути создания одного из участков «антанты» окраинных государств для похода на Россию. Именно в этом заключалась в начале 1920 г. линия союзников.

Её раскрыл И. В. Сталин:

«Так называемая независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши, Финляндии и т. д. есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную

¹ *И. В. Сталин*, Соч., т. 4, стр. 162.

² Там же, стр. 179.

зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов»¹.

Следует отметить, что в продолжение всей Парижской конференции речь шла об установлении мандата на турецкую и русскую Армению, о передаче этого мандата США и о принятии президентом Вильсоном этого мандата. Это уже не «признание независимости», а отдача территории России под протекторат (мандат) США. Ни о каком волеизъявлении армянского народа речи не было и в помине. Это был грабёж, даже не прикрытый дипломатическими фразами великого демагога Вильсона.

Подводился итог вооружённой интервенции периода 1918—1919 гг. Была эвакуирована из Советской России (в результате военных поражений от Красной Армии и разложения) часть французских, английских и американских войск. Были разгромлены основные агенты интервентов — Колчак, Деникин и Юденич. Союзники были *вынуждены* перейти к тактике прикрытой интервенции. Англия, Франция, США, Италия, Япония создавали военный союз окраинных государств, который с материальной помощью союзников (но без посылки солдат) должен был, по плану интервентов, начать новое наступление на Советскую Россию. Закавказские республики должны были сыграть серьёзную роль в этом военном союзе, целью которого было расчленение России, разгром советской власти.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 353.

ГЛАВА 17

БЛОКАДА КАК ОРУЖИЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Не довольствуясь военной интервенцией, государства Антанты и США организовали блокаду Советской России. Они не только осуществляли её собственными силами, но и потребовали от ряда нейтральных государств присоединения к ней. Высадка интервентов в Мурманске, Архангельске, Владивостоке, мятеж чехословацкого корпуса отрезали Советскую Россию от Белого моря и Тихого океана. К концу 1918 г. прекратилась всякая легальная внешняя торговля. Официально блокада против Советской России была объявлена 10 октября 1919 г., по существу же она применялась к Советской республике с первого дня её возникновения.

«Эта новая форма интервенции, не менее опасная, чем интервенция военная...»¹, — писал И. В. Сталин.

Экономическая блокада преследовала не только задачу непосредственного нажима на Советскую Россию.

В. И. Ленин писал:

«Империалисты стран «Согласия» блокируют Россию, стремясь отрезать Советскую республику, как очаг заразы, от капиталистического мира. Эти люди, хвастающиеся «демократизмом» своих учреждений, до того ослеплены ненавистью к Советской республике, что не замечают, как они сами себя делают смешными. Подумать только: передовые, наиболее цивилизованные и «демократические» страны, вооруженные до зубов, господствующие

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 148.

в военном отношении безраздельно над всей землей, бояться, как огня, *идейной* заразы, идущей от разоренной, голодной, отсталой, по их уверению — даже полудикой, страны!

Одно уже это противоречие открывает глаза трудящимся массам всех стран и помогает разоблачать лицемерие империалистов Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона и их правительств»¹.

Первоначально разговоры о блокаде, имевшие место на Парижской мирной конференции, относились к блокаде Прибалтики, хотя в действительности речь шла о блокаде Советской России. 24 марта Верховный экономический совет рассмотрел резолюцию, принятую комитетом по блокаде. В этой резолюции были перечислены мероприятия, которые позволяли союзникам осуществлять контроль над судами, направляющимися в Эстонию, с целью помешать доставке товаров в Советскую Россию². На заседании Совета десяти 27 марта 1919 г. Бальфур поднял вопрос о необходимости усиления блокады Латвии, Эстонии, чтобы препятствовать доставке продовольствия в Республику Советов.

На заседании Совета десяти 28 марта 1919 г. обсуждалась резолюция Верховного экономического совета и было принято постановление распространить меры, касающиеся торговли с Эстонией (разрешение ввоза товаров в Эстонию, но с контролем, против проникновения этих товаров в Советскую Россию), также на Латвию и Литву.

На заседании Совета четырёх 9 мая при обсуждении вопроса о возможности снятия блокады с Германии было решено, что предполагаемые меры по смягчению блокады Германии не будут применяться к Советской России³.

На заседании Совета четырёх 17 июня 1919 г. по вопросу о блокаде Советской России возникла оживлённая дискуссия. Верховный экономический совет поставил перед Советом четырёх вопрос о том, какие следует принять меры к тому, чтобы льготы в отношении Германии

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 246.

² Foreign Relations of the USA, 1919, v. IV, p. 535.

³ Ibid., v. V, p. 522.

(касающиеся снятия блокады) после принятия ею условий мира не были распространены на Советскую Россию.

Президент Вильсон подчеркнул, что легальная блокада не может быть установлена после заключения мира. Ллойд Джордж заявил, что Германия стремится получить из России кожу и лён, чрезвычайно нужные европейским государствам. Если бы я был вполне уверен, сказал Ллойд Джордж, чего в действительности нет, что большевики будут разбиты в этом году, я был бы склонен сделать специальные усилия. Вильсон указал на § 7 решения Верховного экономического совета, в котором рекомендуется воздержаться от каких-либо положительных мероприятий или публичного заявления, означающего возобновление торговли с Россией. Ллойд Джордж спросил: «Что можно ответить в парламенте на вопрос: «Разрешается ли торговля с Россией?» Должен ли он на этот вопрос ответить «да» или «нет»? ¹ Каков должен быть его ответ, если его спросят, могут ли британские подданные покупать лён и продавать обувь? Если он ответит «нет», то немцы будут вести эту торговлю. Вильсон заявил, что ответ должен заключаться в следующем: нет легального основания для запрещения торговли, но торговцы должны вести торговлю на собственный риск. Ллойд Джордж подчеркнул, что необходимо предотвратить контрабанду из Германии в большевистскую Россию морем.

Вильсон занял формально-юридическую позицию. Нет войны (легально объявленной), нет и блокады. Эта позиция, как мы увидим ниже, являлась лицемерным прикрытием требования США так называемой «свободы морей», которое Вильсон, защищая интересы американского капитала, предъявлял как во время первой мировой войны, так и при формулировании условий мира. США

¹ Президент Вильсон спросил: находится ли Великобритания в войне с большевистской Россией? На это Ллойд Джордж ответил, что враждебные действия происходят. Вильсон заметил, что это ещё не означает легального состояния войны, так как не было формального объявления войны, а следовательно, нет легального базиса для блокады. Его ответ на подобный вопрос заключался бы в том, что законного основания для устранения торговли нет и что подписание мира исключает легальный базис для устранения торговли.

могут торговать с кем они хотят, и никакие военные корабли, какой бы стране они ни принадлежали, не могут задерживать и возвращать (а тем более конфисковывать) американские суда. Значит ли это, что Вильсон хотел торговать с Советской Россией? Нет. Вильсон высказывался за полную изоляцию Советской России, за полный её бойкот, но ему важно было, чтобы эта изоляция не проходила под именем блокады, потому что установление формальной блокады нарушало принцип «свободы морей» и дало бы в руки соперника США — Великобритании — опасный прецедент, который последняя могла бы в другом случае применить против США.

Ллойд Джордж сразу же взял быка за рога. Его в этом вопросе мало интересовала юридическая сторона. Попадёт ли торговля Советской России в германские или английские руки — вот была его забота. Он даже забыл о том, что речь идёт о «борьбе с большевизмом», о «защите цивилизации» и прочее. Не дать сопернику Англии — Германии — захватить в свои руки русское сырьё — таково было содержание его аргументации в пользу блокады.

Рекомендации Верховного экономического совета были одобрены Советом четырёх в том смысле, что следует воздержаться от каких-либо позитивных мероприятий или публичного заявления, означającego возобновление торговли с Россией. Верховному экономическому совету поручается изучить вопрос о возможных мерах, чтобы помешать доставке по морю материалов из Германии в Россию¹. Желание избежать публичного оповещения о блокаде вызывалось страхом перед запросами в парламентах, поскольку блокада, объявленная стране, с которой союзники официально не находились в состоянии войны, их разоблачала как интервентов.

На заседании Совета десяти 11 июля 1919 г. было решено официально прекратить блокаду Германии 12 июля. В этой связи Бальфур обратил внимание Совета на то обстоятельство, что до сих пор блокада России проводилась под видом блокады Германии. Поскольку последняя теперь отменяется, следует обсудить, какая нужна форма

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VI, p. 530—532.

продолжения блокады, чтобы помешать доставке снабжения русскому советскому правительству. Это правительство не признано, и союзники официально не состоят в войне с ним. Поэтому, кажется, невозможно официально объявить ему блокаду. Тем не менее будет очень серьёзным делом позволить Швеции и другим государствам доставлять Советской России средства для борьбы с нашими друзьями. Было решено поставить в повестку дня ближайшего заседания Совета вопрос о последствиях окончания блокады Германии для официальной блокады России¹.

Вопрос был обсуждён на заседании Совета 15 июля. На этом заседании Совету были доложены следующие три документа: объединённая резолюция межсоюзнического комитета блокады и комитета по восточной блокаде, добавление британской делегации к этой резолюции и резолюция, принятая Советом четырёх на заседании 17 июня.

Первый из этих документов представляет интерес с точки зрения тех тенденций, которые господствовали среди руководителей союзников по отношению к Советской России в середине 1919 г. Этот документ только теперь впервые опубликован, и мы его приводим полностью:

«ТОРГОВЛЯ С БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИЕЙ

Сообщение Верховному совету главных союзных и ассоциированных держав.

1. Союзный комитет блокады и комитет блокады Востока (Париж), которые были уполномочены Верховным советом осуществлять контроль по блокаде, считают необходимым срочно обратить внимание Верховного совета на вопрос о торговле с большевистской Россией.

2. Комитеты разрешают себе напомнить Совету, что 7 июня ему было представлено сообщение Совета блокады, подчёркивавшее, что в течение действия блокады по отношению к Германии было возможно поддерживать, как часть этой блокады, эффективные ограничения торговли с большевистской Россией, либо при помощи

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 102.

соглашений с нейтральными государствами, либо при помощи действенного осуществления морского контроля; однако после снятия блокады с Германии будет трудно продолжать применять ограничения к большевистской России, если только не будут приняты меры, специально направленные к этой цели. Поэтому они (комитеты) поставили перед Советом четырёх вопрос о том, не желает ли он с момента отмены блокады Германии:

а) чтобы союзниками была объявлена формальная блокада портов большевистской России на Балтийском и Чёрном морях или

б) чтобы были начаты переговоры с нейтральными странами, дабы обеспечить гарантии против реэкспорта (из нейтральных стран) в большевистскую Россию.

3. Совет четырёх ответил 17 июня, что он не желает применения пунктов «а» и «б», но что не должно быть сделано никакого сообщения относительно возможности торговли с большевистской Россией, а равно, что он (Совет четырёх) считает, что фактически физические препятствия на пути этой торговли не дадут возможности её восстановления.

4. Комитеты надеялись, что в отношении Балтийского и Чёрного морей, которые являются двумя трудными зонами, вопрос разрешится значительно проще событиями, которые в то время, казалось, могли произойти до снятия блокады с Германии.

Этими событиями могли быть:

а) падение Петрограда и

б) объявление адмиралом Колчаком блокады большевистских портов в Чёрном море и признание этой блокады эффективной блокадой. Наступление каждого из этих событий дало бы возможность устранить трудности в соответствующих зонах.

5. Однако теперь уже ясно, что ни одно из этих событий не будет предшествовать снятию блокады с Германии, и комитеты почтительно подчёркивают, что при этих обстоятельствах отсутствие определённой политики поставит исполнительные власти в тяжёлое положение. Уже поступают запросы не только от союзных подданных, но также и от подданных нейтральных государств, как Швеция и Дания, о том, какое отношение будет проявлено к

товарам, погруженным для отправки в большевистскую Россию с момента снятия блокады Германии (какое снятие, повидимому, является делом дней, если не часов). Исполнительные власти должны быть в состоянии дать ответ на эти запросы.

6. Поэтому комитет почтительно, но весьма настойчиво просит Верховный совет дать им немедленно установку в отношении следующих запросов.

7. С момента снятия блокады Германии:

а) будут ли подданные союзных стран свободны в торговле с большевистской Россией,

б) если нет, получают ли нейтральные подданные такую свободу торговли,

с) если на вопросы «а» и «б» будет дан отрицательный ответ, то как предполагается проводить в жизнь эти ограничения,

д) в частности, принимая во внимание происходящие в настоящий момент враждебные действия на море и особенно в Финском заливе, считается ли всё ещё нежелательным для союзников объявление местной блокады портов на Неве»¹.

На этом заседании Совета участвовали также и члены обоих комитетов. Сейду (Франция) объяснил Совету, в чём заключается срочность постановки вопроса. Он отметил, что Швеция поставила вопрос о блокаде, и необходимо найти какое-то решение. То решение, которое предлагает пункт 7 сообщения обоих комитетов, относится лишь к Балтийскому морю. В Чёрном море положение менее срочное. Там мало стран, желающих или способных много импортировать в Россию. Наоборот, в районе Петрограда положение иное. Расстояние между Петроградом и Стокгольмом или Копенгагеном 5 часов пути. Меры, предложенные комитетами, он считает нереальными, основанными на том факте, что враждебные действия имеют место в Балтийском море. Может быть, возможно без объявления блокады ввести эмбарго, которое может быть снято только союзными державами. Союзные и ассоциированные державы предложили помощь адмиралу Колчаку на известных условиях. Если эта помощь

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 142—143.

должна быть ему оказана, то её нужно оказать во всех местах. Если нейтральным государствам будет разрешено торговать с большевиками, с которыми Колчак сражается, союзная помощь будет таким образом нейтрализована. Вследствие этого нейтральным странам может быть сказано, что союзные и ассоциированные державы будут рассматривать как недружественный акт с их стороны, если они будут торговать с Советской Россией.

Бальфур настаивал на том, что, поскольку в Финском заливе враждебные действия развиваются, союзники имеют право останавливать и возвращать с пути торговые суда из зон враждебных действий. Входы в этих местах заминированы, и для успеха операций необходимо соблюдение секрета. Он не предлагает секвестровать эти суда, топить их или передавать призовому суду. Речь идёт лишь о том, чтобы возвращать суда в порты. Такие действия могут встретить возражения, но их будет меньше, чем при любых других действиях.

Клемансо считал, что в качестве временного плана могут быть приняты предложения, изложенные Сейду. Сейду прибавил, что с целью дать Колчаку и Деникину определённую силу для проведения блокады он предложил бы предоставить в их распоряжение несколько военных кораблей союзников. Титтони заявил: так как ничего лучшего он не видит, он склонен принять предложения Сейду. Уайт отметил, что предлагается так называемая мирная блокада. Бальфур сказал, что речь идёт не о мирной блокаде. Режим в Финском заливе не является миром, хотя с точки зрения правовой это не может быть названо войной, но активные враждебные действия имеют место. Поскольку советское правительство не признано, эти действия не могут, с точки зрения права, рассматриваться как война. Военные операции имеют цель, признанную союзными и ассоциированными правительствами в отношении малых пограничных республик, образовавшихся на северо-западе России. Таким образом, нельзя позволять торговле мешать этим операциям. Он предлагает поэтому установить в Финском заливе фактическую блокаду.

Заявление Бальфура характерно с двух точек зрения. Во-первых, член английского правительства, которое вело уже в течение полутора лет подлинную войну с Совет-

ской республикой, посылая свои войска, вооружая белогвардейцев, снабжая их армии, лицемерно заявляет, что «никакой войны с Советской Россией нет» на том-де основании, что советское правительство не признано. Этот юридический кретинизм понадобился Бальфуру для одурманивания широких масс, прежде всего собственной страны, поскольку эти массы всё громче и громче возвышали свой голос против войны с Советской Россией. Во-вторых, Бальфур вынужден был признать, что хотя формальной войны нет, но «...активные враждебные действия имеют место». Так деликатно сей джентльмен называл вооружённую интервенцию союзников. Но тут же он добавлял, что вся вооружённая интервенция была предпринята союзниками не для свержения советского правительства и расчленения России, а для «защиты» «малых пограничных республик». Дальше в лицемерии и лжи трудно было пойти.

Уайт заявил, что он пошлёт специальную телеграмму в Вашингтон, объясняющую точку зрения его коллег, но он не может принять решение без согласия своего правительства. Теоретически с Россией существует мир.

Лицемеру Бальфуру подпевал лицемер Уайт, придумавший формулу «теоретический мир», формулу, которой США, Англия и Франция пытались замазать кровавую действительность вооружённой интервенции.

Джон Фостер Даллес (США) заявил, что необходимо объяснить президенту Вильсону, каким образом вновь был поставлен этот вопрос. В то время когда Совет четырёх вынес своё решение (17 июня), было совершенно ясно, что нынешняя обстановка возникнет. Вопрос сначала рассматривался в Совете блокады, затем в Высшем экономическом совете и, наконец, в Совете глав правительств. Вот почему необходимо информировать президента Вильсона, какие новые обстоятельства оправдывают новую постановку вопроса. Бальфур согласился с тем, что президент Вильсон должен быть информирован, но при этом заметил, что, например, в решении Совета четырёх с участием представителя США Венгрия была поставлена наряду с Россией. Блокада Венгрии установлена. С другой стороны, в то время рассчитывали на падение Петрограда, что сняло бы необходимость блокады. Бальфур закончил

заявлением, что снятие блокады было бы несовместимо с той политикой, которая принята и поддерживается всеми державами.

Было решено, что Даллес составит проект телеграммы, которая будет послана от имени Совета президенту Вильсону с объяснением причин необходимости установления блокады в Балтийском и Чёрном морях¹.

На заседании Совета 25 июля снова выступил Бальфур. По его мнению, вопрос чрезвычайно серьёзен именно в этот момент, когда британские вооружённые силы сражаются в Архангельске. В дополнение к этому население Балтийских государств организовано и вооружено для борьбы с большевизмом. И именно в этот момент у нас просят разрешения помогать нашим врагам, облегчая им получение оружия, боеприпасов и различных материалов. Какова была бы позиция Лиги наций, если бы она уже существовала? Предположим, что она решила бы, как это сделал Верховный совет, помогать Колчаку, Деникину и Балтийским государствам сражаться против Советской России. Как она действовала бы? Несомненно, она объявила бы блокаду, не имея в своём распоряжении других средств. Англичане и солдаты в армиях Колчака и Деникина ежедневно терпят урон в сражениях против большевиков. Если состояние войны не существует юридически, оно существует фактически.

26 июля Бальфур представил проект телеграммы, которая была утверждена и послана президенту Вильсону.

«Британский, французский, итальянский и японский члены Совета пяти почтительно представляют следующие замечания по поводу телеграммы президента, относящейся к нейтральной торговле в Финском заливе. Они не намерены излагать какое-либо мнение по поводу положений международного права, затронутых в этой телеграмме. Возможно, что совершенно верно положение о том, что не может быть законной блокады, если нет состояния войны; однако они хотели бы подчеркнуть, что положение в России и в Финском заливе в настоящий момент едва ли допускает строгое применение правил, которые в обычных случаях совершенно неоспоримы. Язык

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 131—134.

международного права приложим к отношениям между организованными государствами, но не столь приложим к отношениям между организованными государствами, с одной стороны, и неорганизованным хаосом — с другой. Россия в течение этого переходного периода является не государством, а собранием правительств «де-факто», находящихся в войне друг с другом; хотя совершенно правильно сказать, что союзные и ассоциированные государства не находятся в состоянии войны с Россией, но также правильно, что они ведут военные операции против одного из этих правительств де-факто, снабжают оружием и боеприпасами другие из этих правительств.

Было бы неправильно называть эти условия войной, но было бы неправильно также рассматривать их как мир; международные правила, применяемые к состоянию мира, не могут быть применены в данном случае без изменений. Это специальный случай, и он должен быть рассмотрен специально...

Войска союзников и ассоциированных государств сами сейчас ведут оборонительную борьбу в очень тяжёлых условиях против большевистских атак в Архангельске. Однако мы позволяем большевистским войскам, которые ведут эти атаки, получать помощь, которую мы могли бы прекратить. Мы доставляем сибирской армии Колчака вооружение, и в то же время мы позволяем, чтобы это вооружение шло к его врагам. Мы действуем в направлении признания эстонцев и других нерусских народов, которые напрягают усилия для сопротивления большевистскому наступлению, и, однако, мы даём нейтральным торговцам возможность укреплять большевистские армии и беспрепятственно доставлять информацию вражескому флоту о количестве и диспозиции наших собственных военных судов...

В свете этих соображений мы хотели бы весьма настойчиво просить правительство Соединённых Штатов сотрудничать в политике, которая, как нам кажется, имеет специальный и исключительный характер и находится вне обычных правил, применяемых международным правом при проведении морской блокады»¹.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 312—314; Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 154—155.

Таким образом, в обращении к Вильсону союзники признают факт войны с Советской Россией, факт, который они до этого лицемерно отрицали в целях маскировки вооружённой интервенции перед народными массами. Они пытаются отрицать за Советской Россией право пользоваться теми же правами, что и другие государства, лживо утверждают, что агрессивная война, которую они ведут против России, является «оборонительной войной».

2 августа Лансинг прислал на имя делегации США в Париже ответ Вильсона, в котором он пишет: хотя президент «полностью понимает необходимость применения военных мер для предотвращения ввоза оружия и продовольствия в ту часть России, которая находится в руках большевиков, он испытывает трудности, не имея конституционных прав для применения такого военного акта, как блокада, к нейтралам без объявления войны со стороны конгресса Соединённых Штатов тому государству, которое подвергается блокаде...

Президент убеждён в том, что если соответствующие представления будут сделаны странам нейтральным в течение войны, их можно побудить запретить торговлю оружием и боеприпасами с теми частями России, которые контролируются большевиками...

Поэтому президент предлагает, чтобы так называемые нейтральные правительства были оповещены союзными и ассоциированными правительствами в общей ноте о фактическом положении и о той угрозе, которую составляет для этих стран и для всего мира укрепление большевистской власти, с просьбой, чтобы эти нейтральные правительства немедленно предприняли шаги для предотвращения торговли и обмена с большевистской Россией и дали гарантии, что эта политика будет строго применяться в согласии с другими правительствами, по отношению к которым существует такая же угроза»¹.

Передавая послание президента, Лансинг добавил собственные соображения, касающиеся подлинных мотивов подобной позиции Вильсона. Эти соображения чрезвычайно характерны и весьма далеки от официального сообщения, приведённого выше.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 644—645; Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 155—156.

Конфиденциально, для членов делегации США, Лансинг сообщил, что предлагаемые четырьмя членами Совета меры по блокаде вызовут серьёзную критику как с точки зрения конституционных прав президента, так и с точки зрения политической, а именно как вмешательство во внутренние дела России. Лансинг сообщил, что при нынешнем положении всякая акция, которая вызовет новые осложнения (в данном случае речь идёт о блокаде), явилась бы новым предлогом для критики. Давать такой повод неразумно.

Лансинг разрешил делегации в частном порядке воспользоваться этими аргументами для объяснения официальной позиции Вильсона. Лансинг сообщил, что американские суда будут извещены о запрещении заходить в советские порты и если другие правительства сделают то же самое, то это может привести к тем же самым последствиям, что и блокада¹. Комментарии Лансинга подчёркивают те мотивы внутренней политики, которые побуждали Вильсона скрывать свою истинную позицию в вопросе о блокаде, которую он целиком поддерживал. Дело шло о нараставшей в США оппозиции против американского участия в интервенции. Участие США в официальной блокаде Советской России грозило вызвать бурю в стране. Вильсон вынужден был считаться с оппозицией широких масс своей политике прикрытой и неприкрытой интервенции в России.

После оглашения ответа Вильсона выступил Бельфур, который заявил, что в настоящий момент в том районе, о котором идёт речь, торговый оборот не очень активен и, кроме того, в ближайшие три месяца зимние условия сделают его вообще невозможным. Всё это позволяет переждать этот период с тем, чтобы пересмотреть вопрос, если произойдёт какое-нибудь серьёзное изменение. Было решено, что эксперты главных союзных и ассоциированных держав должны заняться этой проблемой, чтобы сообща найти меры, которые были бы равносильны блокаде русских портов, и доложить об этом Совету². Осуществить мероприятия, «равносильные блокаде», без

¹ Foreign Relations of the USA, Russia, 1919, p. 156—157.

² Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 634—635.

объявления официальной блокады, такую цель преследовали союзники. Блокада по существу вводилась, но общественному мнению можно было лгать, уверяя, что блокады нет.

Морские эксперты пришли к следующему заключению.

Ввиду того что состояние войны между союзниками и ассоциированными державами, с одной стороны, и большевистской Россией — с другой, не существует и что вследствие этого морские представители не знают какой-либо законной меры, которая могла дать возможность союзникам помешать торговле с Россией, они полагают, что возможно лишь соглашение между союзными и ассоциированными державами, с одной стороны, и нейтральными государствами — с другой. Такое соглашение могло бы объявить общее эмбарго в отношении большевистских русских портов с тем, чтобы суда союзных и ассоциированных стран были уполномочены проводить это эмбарго. Если бы такая мера была принята, суда и их груз не конфисковались бы, но такие суда оповещались бы, что они не могут входить в русские порты и что от них не будут приниматься никакие жалобы и претензии по возмещению убытков, которые от этого произойдут. Если военные корабли союзных и ассоциированных держав будут уполномочены проводить мероприятия, изложенные выше, необходимо, чтобы их задача была точно определена союзными и ассоциированными правительствами. Эти правительства должны будут подчеркнуть, что корабль той или иной союзной или ассоциированной державы в этом случае будет представлять союзников в целом.

Союзные эксперты по блокаде полностью согласились с этим заключением морских представителей. Кроме этого они приняли в дополнение следующие постановления:

«1. Комитет считает необходимым, чтобы в первую очередь было совершенно точно определено, какие меры предпринимает каждое из союзных и ассоциированных правительств для того, чтобы воспрепятствовать своим подданным вести торговые сношения с большевистской Россией через порты в Балтийском, Чёрном или Северном морях.

2. Эти меры должны заключаться, насколько это будет возможно: а) в наложении эмбарго (или других соответ-

ствующих мер) на экспорт товаров, предназначенных для большевистской России; эти меры должны осуществляться на пограничных пунктах; б) в указании почтовым учреждениям не передавать радио и другие телеграммы из большевистской России или в обратном направлении; с) в указании почтовым властям отказывать в передаче почтовых корреспонденций в большевистскую Россию или из большевистской России; д) в отказе в выдаче паспортов; е) в наложении банками запрещения всяких сделок с большевистской Россией.

3. Нейтральные правительства должны быть призваны, в соответствии с мерами, применяемыми ассоциированными правительствами, предпринять аналогичные шаги; соответствующие меры должны быть также приняты германским правительством»¹

Было решено послать ноту германскому правительству и нейтральным государствам от имени главных союзных и ассоциированных держав. В этой ноте решено было зафиксировать все те требования, которые были предложены комитетом экспертов, а равно сообщить нейтральным государствам, что меры, аналогичные тем, которые требуются от них, будут приняты и самими союзниками. Кроме того, решено было известить нейтральные государства, что корабли союзных флотов, которые будут осуществлять эмбарго в отношении портов большевистской России, будут действовать от имени всех союзных и ассоциированных правительств².

Вопрос о блокаде снова обсуждался на заседании Совета 29 августа.

Сейду подчеркнул, что с точки зрения комитета по блокаде совершенно необходимо, чтобы военный корабль, действующий при осуществлении мероприятий по эмбарго, мог действовать от имени всех союзных и ассоциированных правительств. Бальфур спросил: как намерено будет поступить американское правительство, если американский торговец запросит разрешения на отправку груза в Петроград? Полк ответил, что правительство

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VII, p. 724—726.

² Ibid., p. 720—721.

США не даст такого разрешения. Бальфур со своей стороны сказал, что британское правительство поступит так же, что правительство Соединённых Штатов делает различие между борьбой с Россией и состоянием войны с Россией. На это Полк заметил, что британское правительство делает такое же самое различие. Бальфур заметил, что, согласно мнению специалистов по международному праву, невозможно находиться в состоянии войны с правительством, если только это правительство не признано.

На заседании Совета 25 сентября Тардье доложил о том, что комитет по блокаде представил новые предложения. Эти новые предложения заключаются, в сущности говоря, в констатации того, что комитет по блокаде не пришёл к соглашению о том, что военные суда союзных и ассоциированных держав имеют право останавливать пароходы, идущие в порты Советской России, и насильно возвращать их обратно. Иначе говоря, комитет по блокаде не пришёл к соглашению относительно самой блокады. Американские эксперты в этом комитете предложили изменить соответствующий параграф с тем, чтобы он читался так:

«Понимается, что каждая из союзных и ассоциированных держав будет давать согласие на меры, предпринимаемые военными кораблями одной из них при выполнении этой политики (блокады) в той мере, в какой эти меры с её точки зрения не будут противоречить международному праву»¹.

Иными словами, американское предложение оставляло полную свободу рук для США.

Тардье заявил, что предлагаемые США меры фактически являются блокадой, но без права конфискации груза. Полк сказал, что Соединённые Штаты не намерены давать разрешения для перевозки товаров в Советскую Россию из Америки, но что опасность заключается в возможности пересылки товаров из Скандинавии или Германии. Если быть откровенным, сказал он, то раз речь идёт о блокаде, наилучшим средством было бы объявить войну

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VIII, p. 356.

России. Кроу напомнил, что военные корабли союзников ведут враждебные операции в Балтийском море против большевиков согласно приказу союзников. Необходимо дать им средства для выполнения их задач. Полк заявил, что Соединённые Штаты боятся создать прецедент. В настоящей войне США испытывали затруднения, проистекавшие от прецедентов, имевших место ещё в период американской гражданской войны. Тардые предложил передать юридическим экспертам вопрос об изучении прецедентов с тем, чтобы найти формулу, которую все примут. Полк согласился с этим, и было решено передать редакционному комитету для немедленного изучения положения международного права, на которых можно было бы базировать блокаду Советской России. Одновременно было решено обратить внимание редакционного комитета на тот факт, что отсутствие в Советской России правительства, признанного державами, избавляет их от нотификации этому правительству обычным путём о состоянии блокады¹.

На заседании Совета 29 сентября Фромажо (юридический эксперт Франции) доложил заключение редакционного комитета, который пришёл к следующим выводам:

1. В существующих условиях чрезвычайно трудно говорить о блокаде, поскольку державы имеют различные взгляды относительно законности блокады без одновременного наличия состояния войны.

2. Предлагаемые мероприятия, включающие запрещение всякой торговли, всяких финансовых отношений и всякой связи, выходят за пределы морских мероприятий, обычно именуемых блокадой.

3. С другой стороны, если Верховный совет считает, что меры принуждения совершенно независимо от военных действий необходимы по отношению к Советской России, принцип, находящийся в статье 16 Устава Лиги наций, оправдывает в качестве меры принуждения принятие державами, которые не хотят прибегать к вооружённой силе, экономического давления, заключающегося в немедленном разрыве всех финансовых и торговых

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VIII, p. 345—347.

отношений, запрещении всякого обмена, прекращении всех видов связи — финансовой, коммерческой или личной¹.

Доложив это заключение крикотворцев из редакционного комитета, Фромажо предложил добавить к ранее обсуждавшемуся документу слова «в соответствии с мерами, предусмотренными статьёй 16 Устава Лиги наций». Американский делегат заметил, что Лига наций ещё не существует, и механизм, который предвидит Устав Лиги, не может вступить в силу до того, как сама Лига не начнёт существовать. Для американской делегации упоминание о Лиге наций в тот момент было неприемлемым.

Было решено: 1) что прилагаемая нота должна быть отправлена нейтральным правительствам от имени союзных и ассоциированных держав; 2) что нейтральным правительствам будет в то же время устно сообщено, что британские и французские военные корабли в Финском заливе будут продолжать возвращать обратно пароходы, следующие в морские порты Советской России².

США, как и другие вдохновители и организаторы интервенции, хотели создать кольцо вооружённой интервенции и блокады вокруг Советской республики, в то же время американское правительство не хотело создавать прецедент, который в другом случае мог бы затронуть интересы американской торговли, мог быть использован британским «союзником» в ущерб США. Несмотря на все «юридические» аргументы, США согласились на меры экономического давления, включая полный разрыв торговых отношений, финансовых, почтовых и персональных, т. е. на меры гораздо более обширные, чем блокада.

На заседании Совета 2 сентября 1919 г. было решено, что Клемансо в качестве председателя Мирной конференции пошлёт идентичную ноту всем представителям нейтральных государств в Париже и сообщит им о решении Совета относительно применения экономического давления на Советскую Россию³. Устанавливая подлинную блокаду Советской России, союзники, однако, избегали

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. VIII, p. 452.

² Ibid., p. 438—440.

³ Ibid., p. 490.

применять этот термин, дабы избежать парламентских запросов и, главное, волны негодования народных масс, протестовавших против интервенции.

10 октября 1919 г. были посланы ноты правительствам Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Финляндии, Испании, Швейцарии, Мексики, Чили, Аргентины, Колумбии, Венесуэлы и германскому правительству. Ноты соответствовали тому содержанию, которое было принято при последнем обсуждении вопроса о блокаде в Совете. Речь шла о том, «чтобы воспрепятствовать всякой торговле их граждан с большевистской Россией и чтобы обеспечить строгое проведение этой политики». Перечислялись все мероприятия, которые будут применяться в этом направлении, и, наконец, последний абзац ноты гласил: «Британские и французские военные суда в Финском заливе будут попрежнему изменять курс тех судов, бумаги которых выписаны на порты большевистской России»¹.

Советское правительство в нотах, направленных 20 октября правительствам Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Испании, Швейцарии и Германии, протестовало против системы «варварской блокады, имеющей целью сломить силу сопротивления российских народных масс всякого рода лишениями, которым подвергаются также женщины и дети». Советское правительство выражало надежду, что «нейтральные правительства ответят решительным отказом на не имеющие никакого оправдания требования держав Согласия». В ноте на имя германского правительства советское правительство в случае согласия Германии на участие в блокаде оставляло за собой «право принять соответствующие мероприятия, какие оно найдёт нужным»².

Почему союзники оказались вынужденными прекратить (формально — 16 января 1920 г.) блокаду? В речи, произнесённой 9 февраля 1920 г., В. И. Ленин говорил:

«Снятие блокады объясняется исключительно той симпатией, которую внушает Советская власть рабочим враждебных нам стран. В Италии дошло до того, что

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 318.

² Там же, стр. 320.

съезд социалистических партий единогласно принял резолюцию о снятии блокады с Советской России и возобновлении с нею торговых сношений»¹.

1 марта 1920 г. В. И. Ленин снова вернулся к этой теме. Он сказал: «Когда Англия предложила немцам блокировать Советскую Россию, а Германия ответила отказом, это взорвало терпение английских и других эс-эров и меньшевиков. Они сказали: «Мы — противники большевиков и считаем их насильниками и грабителями, но поддерживать предложение немцам, чтобы они вместе с нами душили голодной блокадой Россию, мы не можем». Таким образом, внутри неприятельского лагеря, в собственных их странах, в Париже, Лондоне и т. д., где травят большевиков и обращаются с ними так же, как при царе обращались с революционерами, — во всех городах буржуазная интеллигенция выступила с воззванием: «Руки прочь от Советской России». В Англии это — лозунг, под которым буржуазная интеллигенция собирает митинги и пишет воззвания.

Вот почему пришлось снять блокаду»².

И. В. Сталин отмечал, что «...предпринятая Антантой блокада России ударила по интересам не только России, но и самой Антанты, ибо последняя лишилась русского сырья»³.

В. И. Ленин говорил: «...пришлось снять блокаду. Они не могли удержать Эстонию, и мы с нею подписали мир и можем торговать со всем народом. Мы пробили окно в цивилизованный мир. На нашей стороне сочувствие большинства трудящихся, а буржуазия озабочена, как бы скорее начать торговлю с Россией.

Теперь империалисты нас боятся, и им есть чего бояться, потому что Советская Россия вышла из этой войны крепче, чем когда-нибудь»⁴.

Официального сообщения об отмене блокады не последовало. Фактически же она существовала, хотя и не в прежнем объёме, ещё некоторое время, поскольку союзники чинили всяческие препятствия торговле с Со-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 26—27.

² Там же, стр. 55—56.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 376.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 56.

ветской Россией. Подписание мирного договора между Советской Россией и Эстонией 2 февраля 1920 г., подписание торговых соглашений Центросоюзом с итальянской кооперацией 29 марта 1920 г. и с шведским промышленным концерном 15 мая 1920 г. постепенно ликвидировало состояние блокады в Балтийском море. Однако и после подписания указанных соглашений торговля Советской России с внешним миром находилась в чрезвычайно трудных условиях. Не говоря уже об исключительно повышенных ценах на товары, ввозимые в Советскую Россию, тяжёлые условия платежа (обычно почти вся сумма должна была уплачиваться наличными в момент заключения сделки), контрагенты Советской России неизменно оговаривали, что «в случае общего запрещения вывоза в Россию настоящий договор прекращает свое действие».

Наконец, необходимо иметь в виду, что торговля Советской России и после 16 января 1920 г. находилась под угрозой конфискации любым правительством любого груза, отправленного из Советской России. Любая претензия, предъявленная бывшим собственником иностранного имущества в России, служила основанием для судебного приказа о конфискации советского груза в иностранном порту. Эта угроза (которая часто осуществлялась) отпала лишь после заключения соответствующих торговых договоров.

«Хотя снятие блокады и дает нам некоторое облегчение,— говорил В. И. Ленин,— все же буржуазия Запада, наверное, попытается с нами еще бороться»¹.

Недопуск кораблей в советские порты представлял собой лишь часть системы экономической агрессии против Советской России. Проводилось нечто большее, чем блокада, — полное прекращение всяких торговых, финансовых, почтовых, телеграфных и персональных отношений. Эти мероприятия выходили за пределы обычной блокады и представляли собой самую подлинную экономическую интервенцию. Её проводили и англичане, и французы, и американцы.

Сперва союзники проводили блокаду Советской России «под видом блокады Германии». Затем они условились

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 13.

не распространять на Советскую Россию всего того, что вытекало из отмены блокады Германии. Мало того, условились молчать об этом и продолжили фактическую блокаду без какого бы то ни было её объявления. В этот период ещё ставилась ставка на захват Петрограда в скором времени. Подобный захват снял бы вопрос о блокаде Балтийского моря. Эта ставка, однако, скоро оказалась битой, и тогда была выдвинута новая позиция — объявление блокады Колчаком и Деникиным. Это была явно фальшивая ставка. Деникин не мог блокировать порты Чёрного моря, поскольку он не располагал соответствующим флотом. Тем менее мог Колчак объявить о блокаде балтийских портов.

Экономическая блокада, которую проводили Англия, Франция, США, являлась дополнением в системе вооружённой интервенции. Экономическая блокада наряду с помощью оружием и припасами русским белогвардейцам представляла собой часть, продолжение, этап вооружённой интервенции союзников. Лобовой удар при помощи прямой вооружённой интервенции потерпел крах. Такой же крах потерпела и система помощи белогвардейцам плюс экономическая блокада Советской России. Оружие экономической блокады также оказалось негодным в борьбе против Советской России.

«РУССКИЙ ВОПРОС» НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ллойд Джордж, этот «специалист по части одурачивания масс»¹, и правящие круги, чьи интересы он представлял, учли военный разгром Красной Армией войск Деникина, Колчака, Юденича для поворота внешней политики Великобритании в сторону отказа от прямой военной интервенции и перехода к другим методам воздействия на Советскую страну. Ещё до того, как окончательный разгром белых армий был закончен Красной Армией, но неудача Колчака, Деникина, Юденича уже явно обозначалась, Ллойд Джордж выступил на протяжении одной недели с двумя весьма важными заявлениями. На приёме у лорд-мэра Лондона 8 ноября 1919 г. и в палате общин на заседании 13 ноября 1919 г. Ллойд Джордж высказал мысль, что поддержка антибольшевистских армий требует больших расходов от казны, положение которой и без того затруднительно, и что пора вступить в торговые сношения с Советской Россией. Это был зондаж со стороны Ллойда Джорджа настроения правящих классов как в Англии, так и в других странах.

Примерно в тот же период Лондонский конгресс тред-юнионов под давлением рабочих масс принял постановление требовать немедленного рассмотрения правительством предложения советского правительства (речь шла о разосланной советским представителем посланникам держав

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 246.

Согласия в Копенгагене копии мирной резолюции VII съезда Советов и предложения начать переговоры о мире. Это предложение вместе с копией резолюции было возвращено представителю Советской России в Копенгагене с указанием на то, что упомянутые посланники не уполномочены принимать какие-либо заявления).

Изменения «русской политики» требовали и другие. 16 декабря 1919 г. итальянский парламент вынес постановление о том, чтобы правительство добилось от союзного Совета снятия блокады, прекращения военной интервенции и восстановления сношений со всеми существующими в России правительствами, не исключая советского.

12—13 декабря 1919 г. в Лондоне заседал Совет премьеров, на котором «русский вопрос» был обсуждён под углом зрения основных линий будущей политики по отношению к Советской России. Одновременно это обсуждение как бы подвело итоги всему предшествовавшему периоду военной интервенции.

На заседании Совета премьеров 12 декабря в Лондоне обсуждение «русского вопроса» началось с выступления Ллойд Джорджа, который сказал, что в палате общин он заявил о том, что ближайшая конференция союзных и ассоциированных держав должна будет рассмотреть вопрос о России. Он считает, что необходимо установить общую политику. Он говорил на-днях об этом с Клемансо, и идеи последнего совпадают с его собственными.

Клемансо сказал, что все согласны в том, что мира в Европе не будет до тех пор, пока Россия будет находиться в нынешнем положении. Интервенция действовала при помощи различных средств — посылка людей и денег, оказание помощи с целью создания устойчивого правительства. До настоящего времени никакого результата не достигнуто. Антибольшевистские элементы доказали свою беспомощность. Совершенно очевидно, что до настоящего времени политика союзников не увенчалась успехом. В последнее время Колчак отступил до половины Сибири, а его войска находятся в ужасных условиях. Деникин отступает. Следовательно, бесполезно как будто продолжать эту линию, и поэтому он хотел бы предложить создать заграждение из колючей проволоки и обнести им Россию, чтобы не дать ей возможности создавать

беспорядки по другую сторону проволоки и чтобы помешать Германии войти в непосредственные отношения с Россией, отношения политического или военного характера. По его, Клемансо, мнению, поддержка Польши является наилучшим путём для этого. Польша занимает первоклассную стратегическую позицию. Она обладает армией в полмиллиона солдат. Политически она расположена по отношению к союзникам и удовлетворительно вооружена. Она только просит союзников помочь ей. Было бы огромной ошибкой, если бы союзники не поддерживали Польшу с целью преградить путь русскому потоку и удержать в повиновении Германию. Польшу нужно рассматривать в качестве левого фланга деникинской армии по отношению к большевикам. Он считает нужным покончить с идеей дальнейшей прямой интервенции в России. Все усилия в этом направлении окажутся столь же бесплодными в будущем, как они были и в прошлом.

Выступление Клемансо (от своего и Ллойд Джорджа имени) вначале создаёт впечатление, что оба премьера признали полную неудачу и провал организованной и проводившейся ими вооружённой интервенции в России и попытались сделать отсюда необходимые выводы. Однако такое впечатление было бы ложным. В самом деле, Клемансо как будто категорически предложил «покончить с идеей прямой интервенции» (войска) и менее категорически — отказаться и от прикрытой интервенции (вооружение, деньги, продовольствие). Что же он предложил взамен? Какую новую политику следует осуществлять по отношению к Советской России? Клемансо предложил, во-первых, установить вокруг Советской России «заграждение из колючей проволоки», а во-вторых, «поддерживать Польшу». В переводе на простой язык предложения Клемансо означали временную *приостановку* прямой интервенции (именно *приостановку*, а не полный отказ). «Колючая проволока» должна была помочь союзникам и их сателлитам сделать переход к новой вооружённой интервенции в подходящий для них момент. Второе предложение — помочь Польше — означало, что одни адресаты (Колчак, Деникин, Юденич, Прибалтийские республики), либо разбитые и обанкротившиеся, либо выразившие уже в это время стремление

пойти на заключение мирных договоров с Советской Россией, заменяются новым адресатом — панской Польшей, которая под видом «преграждения пути советскому потоку» должна готовиться сыграть свою роль в очередном походе Антанты против Советской России. Клемансо, подобно Бурбонам, ничему не научился (в истории интервенции) и ничего не забыл.

Ллойд Джордж заявил, что Великобритания истратила в России 100 млн. фунтов стерлингов. Британская палата общин и, как он думает, также и французский парламент не расположены в дальнейшем оказывать материальную помощь антибольшевистским силам. Он не знает, как смотрят на этот вопрос Италия и США.

Маркиз Имперали от имени Италии и Дэвис от имени США подтвердили свою солидарность с взглядами Ллойд Джорджа о затруднениях с материальной «помощью» антибольшевистским силам.

Ллойд Джордж отметил, что недавно обсуждалось предложение о создании федерации антибольшевистских государств (речь шла о создании и поддержке вокруг Советской России окраинных государственных образований: Прибалтийские государства, Финляндия, Польша, Румыния, Кавказские государства). Это предложение не может быть осуществлено, если только союзники не будут помогать такой федерации деньгами, оружием и материалами. Он, Ллойд Джордж, и Клемансо пришли к заключению, что такая помощь не была бы весьма удачным предприятием. Что касается Польши, то, по его мнению, это зависит от того, намерена ли Польша напасть на большевиков.

В этом месте Клемансо прервал Ллойд Джорджа замечанием, что подобное предложение (о нападении Польши на Россию) далеко от его мыслей.

Ллойд Джордж возразил, что он поднял этот вопрос потому, что в сентябре в Париже Падеревский заявил ему (Ллойд Джорджу), что он готов к походу на Москву, если его поддержат и вооружат. То же можно сказать о финнах. Если польская армия должна быть перевооружена, то это нужно сделать.

Заявление Ллойд Джорджа, что он и Клемансо отказались от плана создания федерации антибольшевистских государств (Прибалтика, Финляндия, Польша, Румыния,

Кавказские республики), безусловно лживо. Напомним, что вопрос о признании Грузии, Азербайджана и Армении ставился в расчёте на то, что эти республики, будучи признаны союзниками, сыграют определённую роль в том враждебном поясе, который должен окружить Советскую Россию плотным кольцом и с помощью Антанты задуть Советскую республику. Ни Ллойд Джордж, ни Клемансо и не думали отказываться от идеи создания антибольшевистской федерации. Более того, буквально через несколько фраз после заявления об «отказе» от идеи федерации Ллойд Джордж, говоря о помощи Польше, открыл карты, сказав, что «это (т. е. помощь союзников) зависит от того, намерена ли Польша напасть на большевиков» (курсив мой.— Б. Ш.). Правда, после поспешной реплики Клемансо, что речь идёт (боже упаси!) не о нападении, а только об обороне, Ллойд Джордж начал замазывать вопрос и уверять, что перевооружать Польшу нужно вовсе не для нападения на Советскую Россию, а в «предвидении будущих осложнений». Этими «будущими осложнениями», которые Ллойд Джордж «предвидел», был подготовлявшийся третий поход Антанты.

Шалоя (Италия) заявил, что он полностью согласен с Ллойд Джорджем. Дэвис (США) заявил, что он думает, что правительство США будет согласно со всем тем, что здесь сказал Ллойд Джордж.

Керзон суммировал предложения Клемансо в следующем виде:

1. Россия окружается оградой из колючей проволоки.
2. Денежные взносы и поставки снабжения для целей поддержания или восстановления порядка в России пре-
ращаются.
3. Польша превращается в барьер против России и в средство держать в повиновении Германию.

Он (Керзон), однако, сомневается, может ли быть данный вопрос разрешён в таких точных выражениях. Мы не должны создавать впечатление, что мы не питаем интереса к России. Наш интерес зависит от того, что делается непосредственно вне пределов колючей проволоки. Мы должны помнить, что все государства, окружающие Россию, борются за свободу (как известно, на языке

Керзона «борьба за свободу» в подобных случаях означала активное участие в вооружённой интервенции против Советской России). Это, продолжал Керзон, относится одинаково к Финляндии, Балтийским государствам, Польше, Деникину и Кавказу. Каждое из них борется за своё национальное существование. Он (Керзон) думает и надеется, что, хотя союзники прекращают материальную помощь, они не должны прекращать моральную помощь и отзываться своих представителей из этих государств. Второе обстоятельство заключается в том, что союзники не могут совершенно точно провести линию, с которой должна начаться эта новая политика. Новая политика не должна проводиться с слишком большой точностью, и должна быть оставлена известная свобода действий.

Клемансо заявил, что он полностью согласен с Керзоном.

Бальфур поднял вопрос о Балтийских государствах. Если мы хотим окружить Россию оградой из колючей проволоки, сказал Бальфур, можем ли мы оставить в ней такую большую лазейку, как пространство между Польшей и Финляндией? Это означало бы отделить Финляндию от Польши и дать большевикам выход к морю. Если мы не хотим согласиться на их мир с большевиками, какие же мы должны сделать шаги? Каким образом предупредить заключение мира? Этот вопрос должен быть предметом дипломатических сношений между Парижем, Римом и Лондоном. Бальфур считает, что было бы чрезвычайно печальным увидеть мирный договор, который даст России выход в Балтику¹.

Этой фразой Бальфур сказал больше, чем любой длинной дискуссией. Все разглагольствования о «помощи Прибалтийским государствам в их «борьбе за свободу», о «советах по вопросу о мирном договоре с Советской Россией» — всё это словесная шелуха по сравнению с опасениями Бальфура о том, что мирный договор (Прибалтийских государств) с Советской Россией «даст России выход в Балтику». Вот где была зарыта собака!

Дискуссия по «русскому вопросу» продолжалась на заседании Совета премьеров 13 декабря. Первым выступил

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 847—852.

Ллойд Джордж, который сказал, что нужно решить вопрос о дальнейшей денежной помощи и о том, что делать, если на Балтийские государства нападут большевики. Далее стоит вопрос о Кавказских государствах и о том, что делать, если на них нападут. Вопрос о Сибири касается больше США и Японии, нежели других государств. Что касается Европейской России, то точка зрения британского, французского и итальянского правительств такова, что они не намерены более предпринимать какие-нибудь действия по вмешательству. Каждая держава будет иметь свободу действий в смысле оставления на месте или отзыва своих политических или иных миссий, прикомандированных к антибольшевистским элементам. Державы считают, что сильная Польша желательна. По вопросу о помощи, которую следует предоставить пограничным образованиям, все согласились, что союзники должны оказывать эту помощь для защиты их свободы, причём вопрос должен решаться в зависимости от обстоятельств и в каждом отдельном случае.

Характерно, что Ллойд Джордж усиленно подчёркивал возможность «нападения» как на Прибалтийские, так и на Закавказские республики. Подобное «нападение» было тесно связано с «помощью», которую в этом случае нужно было оказывать «жертвам нападения». Иными словами, Ллойд Джордж оставлял для себя и союзников полную свободу рук в отношении дальнейшего. Отказываясь от предоставления помощи на словах, он на деле подготавливал возможность продолжать эту помощь. Именно в этом направлении было принято решение о «сильной Польше». Ответ его на реплику Империи о том, что Польшу не будут понуждать предпринимать наступательные действия, предназначался для целей камуфляжа истинных намерений. Это подтвердилось летом 1920 г., во время третьего похода Антанты.

Виконт Чинда (Япония) заявил, что положение в Сибири является действительно критическим и он не видит, куда это может повести без дальнейшей финансовой или военной помощи.

Ллойд Джордж спросил Дэвиса, известно ли ему, предполагает ли американское правительство оказывать дальнейшую помощь адмиралу Колчаку. Дэвис ответил,

что не знает, в каком положении находится этот вопрос.

Виконт Чинда сказал, что, как ему известно, США и японское правительство обсуждают этот вопрос в данный момент. Японское правительство весьма серьезно смотрит на положение в Сибири. Отступление адмирала Колчака воодушевило большевиков, и, если это отступление будет продолжаться, войска союзных и ассоциированных держав на Дальнем Востоке могут сами очутиться лицом к лицу с русской Красной Армией. По мнению виконта Чинда, есть три возможности:

1. Попытка разгромить русскую Красную Армию при помощи посылки достаточных подкреплений в Сибирь и в сотрудничестве с местными антибольшевистскими силами.

2. Частичная эвакуация с целью избежать столкновения с русской Красной Армией.

3. Попытка остановить русскую Красную Армию путем поддержания статус кво.

Что касается первой возможности, т. е. посылки достаточно серьезных подкреплений, то общественное мнение в Японии делает это неосуществимым, поскольку оно настаивает на общей эвакуации из России. Что касается второй возможности, то, по мнению японского правительства, всякая частичная эвакуация военных сил вызовет усиление большевистского давления и вынудит в конце концов общую эвакуацию. Подобное положение создаст серьезную большевистскую угрозу по отношению к Манчжурии, Корею и даже к самой Японии. Отсюда вытекает, что единственная основа дальнейших действий может заключаться в третьей возможности, т. е. в поддержании статус кво при помощи посылки таких подкреплений, которые были бы действительно необходимы для удержания важнейших позиций фронта.

Совет премьер-министров принял следующую резолюцию:

- «1. Русская политика в том виде, в каком она принимается конференцией, может быть изложена следующим образом: не принимать на себя в будущем никаких обязательств, кроме тех, которые уже были даны или, поскольку это относится к Сибири, могут быть приняты

по соглашению между США и Японией, в отношении посылки помощи антибольшевистским элементам, будь то в виде посылки войск, военных материалов или финансовой помощи; антибольшевистские элементы имеют возможность покупать военные материалы в союзных странах; каждая держава сохраняет свободу оставлять на месте всевозможные политические или другие миссии, которые уже прикомандированы к антибольшевистским элементам или будут посланы позднее на основе уже принятых решений, и окружить большевистскую Россию как бы колючей проволокой.

2. Конференция считает, что сильная Польша отвечает интересам стран Антанты, и оставляет для дальнейшего рассмотрения вопрос о форме и размерах помощи, которая может быть предоставлена Польше для защиты её территории.

3. Конференция считает, что созыв общей конференции представителей антибольшевистских государств в настоящее время не является полезным.

4. Что касается пограничных областей с нерусским населением, которые сражаются за свою свободу и самоуправление, союзники готовы оказать известную помощь в защите их свобод, в размерах, признанных желательными в каждом отдельном случае, по мере их возникновения»¹.

Как резолюция, так и предшествовавшие ей прения показали как будто бы полное единство взглядов всех участников Совета премьер-министров. Прежде всего все были совершенно согласны с тем, что прямая вооружённая интервенция в России должна быть прекращена. Все исходили из того, что эта интервенция закончилась неудачей. Никто из участников не предлагал попытаться продолжить прямую вооружённую интервенцию на том или ином участке, хотя на этот раз в отличие от заседания Совета десяти, бывшего почти год назад, в январе 1919 г., никто не пытался анализировать причины неудачи прямой военной интервенции (как это делал Ллойд Джордж в январе 1919 г.), а Клемансо открыто заявил, что он не хочет заниматься «высокой политической

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 853—858.

философией». Все были согласны с тем, что открытая вооружённая интервенция провалилась и её нужно прекратить. Клемансо прямо заявил: «Нужно покончить с идеей дальнейшей прямой интервенции в России». И это говорил Клемансо, который вместе с Черчиллем и Керзоном был одним из наиболее последовательных и убеждённых сторонников именно этого вида «воздействия» на Советскую республику. На этот раз казалось, что факты явного провала авантюры Деникина, Колчака и Юденича оказали решающее давление на политику Клемансо. Мы не случайно употребили слово «казалось», поскольку даже заявление Клемансо о необходимости покончить с идеей дальнейшей прямой интервенции в России не было действительным концом вооружённой интервенции со стороны союзников. Союзники осуществили весной 1920 г. новую попытку вооружённой интервенции, известную под именем третьего похода Антанты, причём на этот раз ставки были поставлены на Польшу Пилсудского, с одной стороны, и Врангеля — с другой.

Итак, в негативной части будущей политики по отношению к России все участники Совета премьер-министров, заседавшего 12 и 13 декабря 1919 г., были согласны: никакого продолжения (по крайней мере в ближайшее время) прямой вооружённой интервенции. Совет премьер-министров прибавил ещё один пункт в негативной части программы. Не только не следует посылать в Россию вооружённых солдат, но также не следует посылать туда (т. е. русским белогвардейским группам) снаряжение, военные материалы и давать им деньги. И на этом все сошлись, хотя представители Великобритании (как Ллойд Джордж, так и Керзон) оговорили, что, во-первых, те обязательства денежного характера, которые были уже условлены, могут быть и будут выполнены (Ллойд Джордж говорил об обещании 15 млн. фунтов стерлингов Деникину), а, во-вторых, политика полного отказа в помощи белогвардейским организациям должна осуществляться не слишком буквально, т. е. могут допускаться известные случаи, когда такая помощь будет оказываться. Однако в качестве как бы генеральной линии было принято решение о том, что помощь денежная и снаряжением оказываться не будет. Всё ска-

занное относилось к тому, чего союзники не будут делать по отношению к Советской России в дальнейшем.

Программа Клемансо (против которой не возражал Ллойд Джордж) заключалась в двух пунктах: создание «барьера из колючей проволоки» против Советской России и создание сильной Польши как «плотины против Советской России». По внешнему виду оба эти мероприятия носили как бы оборонительный характер. Колючей проволокой союзники защищали себя от «угрозы большевизма», а «сильная Польша» должна была, по их словам, служить известного рода плотинной. Однако этот «оборонительный» характер обоих мероприятий был только внешним. Это доказали последующие события.

Констатировав неудачу прямой вооружённой интервенции, а также политики помощи белогвардейским организациям, союзники изменили тактику. Этим изменением в момент декабрьского (1919) заседания Совета премьер-министров была полная морская блокада Советской России. Эта блокада полностью исключала какую бы то ни было торговлю с Советской республикой. Закрыв доступ в Советскую Россию с моря, союзники объявили о том, что они на суше протягивают вокруг неё колючую проволоку. Таким образом, изоляция Советского государства должна была быть полной. Этого мало. Они поддерживают и вооружают Польшу в качестве плацдарма против Советской России. Наконец, они оставили за собой полную свободу рук на случай «нападения» Советской России на Прибалтийские и Закавказские республики, которые согласно их плану должны будут отныне образовать вокруг Советской республики пояс из враждебных государств, готовых в любой момент по приказу Лондона, Парижа и Вашингтона напасть на социалистическую республику.

Ллойд Джордж ни по одному вопросу, дискутировавшемуся на Совете премьер-министров в декабре 1919 г., не возражал Клемансо. Более того, он был очень осторожен, когда речь шла о положительной программе по «русскому вопросу». Он мало говорил о том, что же должны делать союзники и в частности Великобритания по отношению к Советской России. Блокада, колючая проволока, поддержка сильной Польши, свобода для

США и Японии решить вопрос о Дальнем Востоке — всё это представляло собой скорее негативную программу. Однако у Ллойд Джорджа в этот момент была и другая программа, но только он о ней умолчал. Эта программа была выявлена ровно через месяц после лондонского заседания Совета премьер-министров, а именно на парижском заседании Совета 16 января 1920 г. Эта программа заключалась в возобновлении «торговых отношений с русским народом», минуя советское правительство.

20 января 1920 г. в Москве была получена радиотелеграмма, отправленная из Карнарвона и подписанная Александром Беркенгеймом — главой заграничной делегации и вице-председателем дореволюционного Всероссийского центрального союза потребительских обществ. Эта делегация была отправлена за границу ещё во время первой мировой войны и после Октябрьской революции не вернулась в Советскую Россию. В телеграмме Беркенгейм сообщал о том, что 14 января он «сделал доклад в Верховном Совете Клемансо, Ллойд Джорджу и Нитти о взглядах русских кооператоров по вопросу о коммерческих отношениях с Россией»¹. В телеграмме далее излагалось решение, которое 16 января принял Совет, — «о возобновлении торговых отношений с русским народом при помощи кооперации», минуя советское правительство. Беркенгейм перечислял условия, при соблюдении которых эти торговые отношения могут быть установлены.

На заседании Верховного совета (Совета премьер-министров) 16 января 1920 г., на котором присутствовали Клемансо, Ллойд Джордж и Нитти, был рассмотрен доклад специального комитета, назначенного для рассмотрения вопроса о возобновлении известных торговых отношений с Россией. Доклад этого комитета, датированный 15 января 1920 г., был подписан Уайзом (Великобритания), Камерером (Франция) и де ла Торетта (Италия). В нём было сказано следующее:

«Комитет понимает свою задачу в том смысле, что он был уполномочен рассмотреть практические детали схемы восстановления торговых операций с русским народом без официального признания советского правитель-

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 351.

ства, и в частности ему было поручено исследовать, насколько возможно участие кооперативных организаций в этом процессе. .

Следующие основные предложения были сделаны после рассмотрения предложений Беркенгейма, и они рекомендуются для принятия конференцией.

1. Союзные правительства сообщат кооперативным организациям, что они готовы разрешить обмен товарами на базисе взаимности между Россией и союзными и нейтральными странами, и пригласят эти организации вывозить излишек зерна, продовольствия и сырья из России для обмена на одежду и другие товары, в которых нуждается Россия.

2. Кооперативные организации снесутся по радио со своим главным правлением в Москве и запросят его, готово ли кооперативное движение взять на себя ответственность за осуществление экспорта и импорта товаров и возможен ли практически такой обмен. Представители парижской или лондонской контор кооперативных организаций сейчас же выедут в Москву для обсуждения деталей.

3. Кооперативное правление в Москве выяснит, будет ли ему разрешено экспортировать зерно, лён и т. д. и будут ли ему предоставлены транспортные и другие возможности.

4. По получении ответа кооперативное правление сообщит своё решение своим парижским представителям.

5. Если кооперативное правление (в Москве) будет готово взять на себя ответственность, Беркенгейм и другие сотрудники кооперативной организации будут готовы заключить определённые контракты по вывозу зерна, льна и т. д. из России, исходя из того, что эти сделки будут финансированы на 25% общей суммы контрактов либо непосредственно, либо через посредство английских, французских или итальянских кооперативных организаций или частных торговцев.

6. Покрытие полученных кредитов будет производиться кооперативным правлением из его собственных ресурсов в Лондоне, Париже и т. д. или с помощью соглашений с английским, французским или итальянским кооперативным движением, или частными банками, или торговцами.

7. Кооперативное правление немедленно приступит к отправке полученных при помощи указанных кредитов товаров в направлении Чёрного моря или балтийских портов и будет нести ответственность, если эти товары будут конфискованы или уничтожены.

8. Что касается транспорта, то кооперативное правление в Москве должно озаботиться обеспечением по крайней мере четырёх комплектных поездов для перевозки в порты Чёрного моря и из этих портов. Если это окажется невозможным, то Беркенгейм и его сотрудники употребят часть своих кредитов для покупки вагонов и паровозов в союзных странах. Они должны во всяком случае послать некоторое количество грузовых машин в помощь железнодорожному транспорту.

9. Как только получится сообщение, что зерно отправлено из России и что большевики этому не мешают, контракты, несомненно, будут значительно увеличены и должны дойти по крайней мере до 1 млн. тонн зерна, которое может быть экспортировано в соответствующие сроки»¹.

Приведённый доклад комитета был роздан на заседании 16 января 1920 г. Комментируя его, Бертелло (Франция) сказал, что было бы чрезвычайно важно установить торговлю непосредственно с русскими крестьянами во всей России; это было бы, в случае успеха, наилучшим путём для уничтожения большевизма. Бертелло видел основное затруднение в том, что союзники отказываются вести переговоры с большевиками, поскольку это путь, который ведёт к признанию большевистского правительства, и одновременно, отказываясь войти в прямые отношения с большевиками, они ищут пути, чтобы получить их согласие (на возобновление торговли при помощи кооперации). Выходом из этого положения и является тот путь, который предлагает комитет, а именно, что кооперативные организации, которые имеют свои представительства в Лондоне и Париже, так же как и в различных русских городах, могут войти в непосредственное соглашение с советским правительством и получить у него разрешение на экспорт продуктов, которые эти кооперативы сами будут продавать.

¹ Foreign Relations of the USA, 1919, v. IX, p. 868—870.

Ллойд Джордж немедленно заявил, что он полностью согласен с основными линиями доклада комитета и объяснением, которое было дано. Чрезвычайно характерным для демагогии Ллойда Джорджа, этого одного «...из опытных, чрезвычайно искусных и умелых вождей капиталистического правительства...»¹, является его предложение заменить в редакции доклада слово «большевики» словами «русский народ». Он пояснил, что державы должны проявить симпатии по отношению к русским крестьянам.

Ллойд Джордж поинтересовался вопросом о том, что будет сообщено в печати. На это последовал немедленный ответ Клемансо: «Насколько возможно мало». Ллойд Джордж был заинтересован в публикации документов о новой линии союзников в «русском вопросе»².

На следующем заседании, в тот же день 16 января, Совет занялся вопросом о сообщении для печати. Был принят следующий текст сообщения, которое и было выпущено 16 января:

«С целью помочь в тяжёлом положении населению России, которое в настоящее время лишено каких-либо товаров из-за границы, Верховный совет после рассмотрения доклада комитета, уполномоченного изучить вопрос о восстановлении некоторых торговых отношений с русским народом, решил разрешить обмен товарами на базисе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами. С этой целью было решено оказать содействие русским кооперативным организациям, которые имеют непосредственный контакт с крестьянством России, с тем, чтобы они могли организовать ввоз в Россию одежды, медикаментов, сельскохозяйственных машин и всего другого, в чём остро нуждается русский народ, в обмен на зерно, лён и т. д., которые Россия имеет в избытке.

Этот порядок не означает изменения политики союзных правительств по отношению к Советскому правительству.

Париж, 16 января 1920 г.»³

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, изд. 3, стр. 116.

² Foreign Relations of the USA, v. IX, p. 864—866.

³ Ibid., p. 886—887.

Парижская мирная конференция формально закончилась заседанием Совета министров иностранных дел 21 января 1920 г. В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о дальнейшей судьбе плана «торговли с русским народом через посредство кооперации, минуя советское правительство». Приводя материалы, характеризующие первую стадию этого вопроса, мы ставили своей задачей показать конечный этап «русского вопроса» на Парижской мирной конференции. Теперь необходимо остановиться на причинах, которые послужили основанием для этого нового этапа.

13 ноября 1919 г. Ллойд Джордж произнёс в палате общин программную речь по «русскому вопросу».

Что можно извлечь из этой речи Ллойда Джорджа? В ней прежде всего необходимо отметить всю ту неправду, которую Ллойд Джордж преподнёс палате общин. Это в частности относится к утверждению Ллойда Джорджа, что «ни одна из партий не согласилась с предложением о конференции на Принцевых островах, — ни одна из партий, ни большевики, ни антибольшевики. Поэтому бесполезно было пытаться идти дальше». В главе «Принцевы острова» мы показали, как далеко было это утверждение (которое Ллойд Джордж затем повторил в своей книге «Правда о мирных договорах») от исторической действительности. Вторая неправда относится к изображению Ллойд Джорджем «эпизода Буллита». Можно лишь удивляться той бесцеремонности, с которой Ллойд Джордж дезинформировал палату общин, изображая всю эту историю как выдумку. В главе «Миссия Буллита» мы подробно останавливались на этой неправде Ллойда Джорджа. Третья ложь, на которую пошёл Ллойд Джордж в своём выступлении 13 ноября (ложь гораздо более важная в политическом отношении), заключалась в его утверждении, что интервенция в России вообще началась с исключительной целью восстановления так называемого «восточного фронта» против Германии.

Попытки частичного восстановления «восточного фронта» играли известную роль в политике союзников, но это имело место в критический момент между разрывом Брест-Литовских переговоров (вследствие предательства Троцкого) и подписанием этого договора, когда

союзникам казалось возможным снова вовлечь Россию в войну на своей стороне. После подписания и ратификации Брест-Литовского мира (если не считать попытки, связанной с июльским мятежом левых эсеров) эти надежды были оставлены. С другой стороны, не следует забывать, что всё это могло иметь место лишь до Компьенской капитуляции Германии 11 ноября 1918 г. Между тем, как известно, союзническая интервенция в России начала приобретать внушительные размеры именно *после* разгрома Германии, т. е. тогда, когда надобность в каком-либо «восточном фронте» уже миновала. Характерно, между прочим, отметить, что в декларациях командующих союзническими войсками на Дальнем Востоке, выпущенных к местному населению и объясняющих от имени соответствующих правительств причины высадки союзных войск (например, итальянская декларация от 3 декабря 1918 г.), попрежнему имелась ссылка на необходимость воссоздания «восточного фронта»!

Приведя, таким образом, лживую аргументацию, Ллойд Джордж сделал в одинаковой степени лживый вывод, а именно, что возможная дальнейшая помощь антибольшевистским организациям является лишь исполнением ранее принятых на себя «обязательств чести». Дело было значительно проще. В момент произнесения речи Ллойд Джордж знал, что как он, так и Клемансо решили отказаться (по крайней мере временно) от дальнейшей материальной помощи антибольшевистским организациям. Однако тот же Ллойд Джордж не хотел связывать себя формальным обязательством — не давать ни одного пенни на помощь антибольшевистским силам в России. Достаточно будет впредь заявить, что та или иная помощь является выполнением старых, прежних «обязательств чести», и всё будет в порядке. Руки Ллойда Джорджа будут развязаны.

Следует остановиться ещё на одной лжи, допущенной Ллойд Джорджем, лжи явной и циничной. В тот момент, когда была установлена исключительно жёсткая блокада Советской России, Ллойд Джордж в ответ на реплику: «Как обстоит с блокадой?» — ничтоже сумняшеся, заявил: «Никакой блокады нет, кроме ледовой блокады». И этот ответ был дан в тот момент, когда

английские и французские военные корабли останавливали любой пароход, идущий в советский порт, и поворачивали его назад. Большого цинизма, повторяем, представить себе нельзя.

Наконец, новая ложь Ллойд Джорджа заключалась в его утверждении: «Мы дали Деникину всё необходимое вооружение для того, чтобы он мог устоять, и эта политика была успешной. Антигерманский фронт был восстановлен, и немцы не получили возможности обеспечить себе необходимое им снабжение». До разгрома Германии, как известно, Деникин находился на Северном Кавказе и никакого влияния на снабжение Германии не оказывал и, конечно, не мог оказывать. Если Германия в 1918 г. не могла получить с Востока необходимое снабжение, то этим она была обязана не мифическому «фронту» Деникина, а действительному фронту русского и украинского народов, которые сжигали поезда с продовольствием и сырьём, направлявшиеся в Германию, и которые вынуждали германское командование держать в Советской России до 1 млн. солдат.

И. В. Сталин писал: «Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную *отечественную* войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине.

Это значит, что каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придётся брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом»¹.

Как далека была эта подлинная действительность от демагогической лжи Ллойд Джорджа!

Однако суть выступления Ллойд Джорджа 13 ноября заключается вовсе не в передёргиваниях и прямой неправде, которые мы отметили выше. К чему можно свести положения, выставленные Ллойд Джорджем в этой речи? Прямая вооружённая интервенция в России (т. е. посылка союзнических и в частности английских войск) не должна иметь места. («Это было бы сумасшествием».) Дальнейшее финансирование (материальная помощь) антибольшевистских организаций должно прекратиться. («Совершенно ясно, что наша страна, учитывая

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 47.

тяжёлое бремя, возложенное на неё войной, не может взять на себя ответственность за финансирование гражданской войны в России в течение неопределённого срока».) В этом пункте, как мы видели, Ллойд Джордж всё же оставляет лазейку для возможного продолжения «финансирования гражданской войны в России» под видом выполнения старых «обязательств чести» по отношению к антибольшевистским организациям.

Всё сказанное представляет собой, так сказать, негативную сторону политики в «русском вопросе». Ллойд Джордж говорит о том, чего *не будет* делать его правительство по отношению к России. Оно не будет посылать войска и не будет оказывать (хотя и с оговорками) материальную помощь Деникину, Колчаку и т. д. Что же он предлагает *делать* по отношению к России? Какую позитивную политику в «русском вопросе» он рекомендовал палате общин 13 ноября 1919 г.? Он много раз подчёркивал, что «какого бы курса мы ни держались по отношению к этой русской загадке, этот курс будет связан с массой затруднений. Какого бы направления мы ни держались, наша дорога лежит в тумане. Факты неясны». Туман прежде всего был в самом выступлении Ллойда Джорджа. Какой позитивной политики в «русском вопросе» он намерен держаться, Ллойд Джордж *прямо* не сказал. Однако именно в этой речи Ллойд Джордж в косвенной форме вскрыл одну из подлинных целей вооружённой интервенции, в какой бы форме эта интервенция ни осуществлялась. Отметив весьма ярко патриотический характер борьбы, которую вёл советский народ под руководством большевистской партии и советского правительства, характер, который его современники из лагеря буржуазии проглядели и недооценили, Ллойд Джордж произнёс знаменательную фразу, которая вскрыла сущность его политики интервенции. Он процитировал заявление лорда Биконсфильда о том, что Англия должна бороться против «великой, гигантской, колоссальной, растущей России». Это означало — нужно и впредь добиваться расчленения России, добиваться распада её на мелкие части, на мелкие государства. Ссылка Ллойда Джорджа на слова лорда Биконсфильда и подчёркивание того, что Биконсфильд считал Россию *«величайшей*

угрозой для Британской империи», тень Биконсфильда понадобилась Ллойд Джорджу именно для того, чтобы, не называя вещи своими именами, определить подлинную политику правящих классов Англии по отношению к России. Этой политикой была *политика расчленения*. Сказать это открыто Ллойд Джордж не мог. Вот почему он обратился к тени лорда Биконсфильда. Члены палаты общин были прекрасно осведомлены о русской политике Биконсфильда, и разъяснять смысл этой ссылки не пришлось.

Именно эту политику осуществляли Ллойд Джордж и Черчилль, Клемансо и Пишон, Орландо и Нитти, Вильсон и Лансинг.

Эту политику осуществляли: злейший враг всего прогрессивного — *Клемансо*; «глава американских миллиардеров, прислужник акул капиталистов»¹ — *Вильсон*; величайший ненавистник Советской России² — *Черчилль*; первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха³ — *Ллойд Джордж* и прочие деятели капитализма.

Напомним такие факты, как отторжение от России государств Прибалтики, как отторжение Закавказья. Именно это и означало ту самую «консолидацию национальностей на своей собственной почве», о которой говорил Ллойд Джордж. Оно же означало и политику расчленения России, окружения её кордоном. Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния и контрреволюционные «правительства» Закавказья, Сибири и Дальнего Востока — таковы эти государства, которым можно будет помогать и которые в любой момент можно будет поднять на новый поход против России. В этих условиях можно было пойти и на восстановление торговых отношений с Советской Россией, поскольку эта торговля в частности нужна была буржуазным странам, переживавшим острый послевоенный кризис. Создание и признание окраинных государств, создание из этих государств враждебного Советской России союза, с одной стороны, и восстановление торговли с Советской Россией — с другой, означали, что политика интервенции перешла в новую фазу.

¹ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 185.

² См. *В. И. Ленин*, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 415.

³ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. XIX, изд. 3, стр. 311.

В. И. Ленин говорил: «... самые ответственные, самые могущественнейшие министры самых могущественнейших, всемирно не знающих себе соперников, капиталистических держав объявляли не очень давно о том, что ими изготовлен союз 14 держав против России; вы знаете, как этот союз под давлением всемогущих капиталистов Франции и Англии спланировал Юденича, Колчака и Деникина и как он построил действительно грандиозный в военном отношении и всеохватывающий план. И если мы этот план разрушили, то это случилось потому, что все единство империалистов было только кажущимся и силы международной буржуазии не выдерживают и одного испытания, когда речь идет о том, чтобы действительно жертвовать собой. Оказалось, что после четырех лет империалистской бойни трудящиеся массы не признают справедливость войны с нами, и мы имеем в их лице великого союзника. План Антанты был действительно разрушительный, но он разрушился благодаря тому, что капиталистические державы, несмотря на свой могущественнейший союз, не смогли осуществить его: оказались бессильны провести его в жизнь»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 257—258.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы можем подвести итоги нашего исследования. Прежде всего следует отметить, что тема этого исследования не охватывает всю историю вооружённой интервенции Антанты и США в Советской России, а является лишь частью этой истории. Ограничив нашу задачу именно Парижской конференцией, мы, естественно, не могли дать всю историю вооружённой интервенции, которая началась более чем за год до открытия этой конференции и прекратилась (не считая японской интервенции на Дальнем Востоке) почти через год после её окончания. Имеется и второе обстоятельство, которое отличает нашу работу от истории вооружённой интервенции. Мы не даём истории вооружённой интервенции даже в период с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г., т. е. в период работ Парижской мирной конференции, а показываем лишь работу политического центра, руководившего этой интервенцией. Таким центром была Парижская мирная конференция, принимавшая общие директивные решения, касавшиеся «русского вопроса», политики вооружённой интервенции. Ход интервенции, на отдельных её участках, нами излагается только в той мере, в какой речь шла об осуществлении решений Парижской конференции.

Вооружённая интервенция в России была ответом международного империализма на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Этот ответ был дан немедленно. Но не сразу интервенция достигла тех размеров, которыми она отличалась, например, летом 1919 г.

Как указывает И. В. Сталин, «...Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьёзное внимание борьбе с Октябрьской революцией»¹.

Это был выигрыш для Советской России. Однако проблема борьбы с социалистической республикой и вооружённой интервенции как средства этой борьбы была поставлена немедленно после Октябрьской революции. Клемансо, один из наиболее активных деятелей вооружённой интервенции, был призван французской буржуазией к власти не только для того, чтобы организовать победу над Германией, но и для того, чтобы задушить молодую Советскую республику, которая, только что родившись, вызвала со стороны буржуазии гораздо большую ненависть, нежели недобитая Германия.

Несмотря на наличие смертельной борьбы между собой, обе группировки империализма немедленно начали интервенцию в России. Германская интервенция развивалась в течение 1918 г. при наличии «мирного» Брест-Литовского договора и преследовала при этом по существу те же цели, что и интервенция Великобритании, Франции, США, Японии и др. Категорически отклонив предложение советского правительства начать переговоры о всеобщем мире, Антанта делала всё для того, чтобы снова втянуть Советскую республику в войну. В. И. Ленин писал: «Именно она, спекулируя на то, чтобы снова втянуть Россию в империалистскую войну, отстранилась от мирных переговоров и тем развязала руки столь же разбойническим капиталистам Германии, которые навязали России аннекционистский и насильственный Брестский мир!

Трудно представить себе более омерзительное лицемерие, чем то, с каким англо-французская и американская буржуазия сваливает «вину» за Брестский мир на нас...

Хищные звери англо-французского и американского империализма «обвиняют» нас в «соглашении» с немецким империализмом.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 358.

О, лицемеры! О, негодяи, которые клеветают на рабочее правительство, дрожа от страха перед тем сочувствием, с которым относятся к нам рабочие «их» собственных стран! Но их лицемерие будет разоблачено»¹.

Цели интервенции заключались прежде всего в уничтожении советской власти как классового врага. Этой основной задаче сопутствовала другая — низведение России до уровня объекта международной капиталистической эксплуатации, до уровня колонии иностранного капитала. Выполнению этой второй задачи должна была помогать программа расчленения России и, следовательно, всяческого её ослабления.

В. И. Ленин говорил (8 ноября 1918 г.), что «...английский и американский империализм ...обращает свои войска в положение душителей и жандармов всей Европы. Они давно стараются устранить Россию, и поход против нее был задуман давно. Стоит только вспомнить занятие Мурмана и то, как они миллионы выкинули чехо-словакам и заключили договор с Японией, а теперь Англия отняла по договору у турок Баку, чтобы душить нас, отняв у нас сырье.

Английские войска готовы начать поход на Россию, с юга или с Дарданелл, либо через Болгарию и Румынию. Они кольцом сжимают советскую республику, они стараются порвать экономическую связь между республикой и всем миром. Для того они заставили Голландию прервать дипломатические сношения. Если Германия вытурила нашего посла из Германии, то она действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам»².

Осуществление этой программы началось немедленно после Октябрьской революции, хотя сначала в сравнительно медленных темпах, поскольку оба лагеря империализма были заняты борьбой между собой. Такие акты, как англо-французское соглашение 23 декабря 1917 г. о разделе зон влияния в России, явившееся практиче-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 180—181.

² Там же, стр. 268—269.

ской программой вооружённой интервенции в России, франко-румынский захват Бесеарабии в декабре 1917 г.— январю и февралю 1918 г., мурманское «соглашение» об англо-американо-французской «помощи» 2 марта 1918 г., десант японцев во Владивостоке 5 апреля 1918 г., чехословацкий мятеж 26 мая 1918 г., международная интервенция на Дальнем Востоке в августе 1918 г.,— всё это были отдельные этапы разворачивавшейся вооружённой интервенции в тот период, когда государства Антанты были ещё заняты продолжавшейся вооружённой борьбой с Германией.

Второй этап интервенции наступил после того, как Германия 11 ноября 1918 г. подписала условия перемирия в Компьене. Опьянённым победой союзникам казалось, что разгром ненавистной им Советской страны — сравнительно лёгкая и непродолжительная операция. Захват Прибалтики, Закавказья, полная вассализация Финляндии, Польши, Румынии, широкая помощь Деникину, Колчаку, Юденичу, архангельскому «правительству», усиление интервенции на Дальнем Востоке—таков был плацдарм вооружённой интервенции в этот период. Международной буржуазии казалось, что конечный успех близок. Именно в этот момент В. И. Ленин говорил:

«...никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку, Российскую Советскую республику»¹.

Напали на Советскую Россию «именно те страны, которые больше всего считались и считаются демократическими, цивилизованными и культурными, именно они вели войну против России самыми зверскими средствами, без малейшей тени законности»².

Вплоть до открытия Парижской мирной конференции преобладающим методом вооружённой интервенции была интервенция неприкрытая, т. е. осуществляемая при помощи собственных войск стран Антанты. Это, конечно, не

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 269

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 560.

означает, что в первый период интервенции (до Парижской конференции) Антанта отказывалась от второго метода — вооружения и всех видов помощи контрреволюционным белогвардейским правительствам и организациям, а равно вооружённым силам малых окраинных государств (Прибалтика, Закавказье, Польша, Румыния и др.). Этот второй метод применялся наряду с первым, но основным и, с точки зрения руководителей интервенции, решающим был в тот период метод неприкрытой интервенции. Французские и греческие войска на юге России, равно как и французский флот, английские, американские и французские войска на севере России, английские войска в Грузии и Азербайджане, в Закаспии, японские, американские и английские войска на Дальнем Востоке, чехословаки — вот на кого была поставлена основная ставка интервенции в 1918 г. Эти войска должны были играть роль костяка, вокруг которого группировались как контрреволюционные внутренние силы, так и вспомогательные силы окраинных государств. Этот метод неприкрытой интервенции провалился в основном к началу Парижской мирной конференции. В выступлениях Ллойд Джорджа и Вильсона в январе 1919 г. прозвучала отходная не вооружённой интервенции, как таковой, а именно методу неприкрытой интервенции, т. е. войны с Советской Россией при помощи собственных войск.

В. И. Ленин и И. В. Сталин указывали, что ставка интервентов на собственные войска оказалась битой. «...Антанте пришлось убрать из России войска, потому что войска Антанты оказались неспособными вести борьбу против революционной Советской России»¹. Мы у Антанты отняли ее солдат, — говорил В. И. Ленин на VII Всероссийском съезде Советов.

Когда союзники взялись за организацию большой вооружённой интервенции в Советской России, последняя оказалась значительно сильнее, нежели год назад, в момент Октябрьской революции. Период между капитуляцией Германии (11 ноября 1918 г.) и открытием Парижской мирной конференции (18 января 1919 г.) оказался временем непрерывных побед советской власти как над

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 593.

белогвардейцами, так и над их иностранными хозяевами. В этот период советская власть была провозглашена на Украине, в Прибалтике, Белоруссии, были одержаны победы на востоке и юго-востоке.

Начало Парижской мирной конференции совпало с известной переоценкой ценностей Вильсоном, Ллойд Джорджем и другими в отношении методов интервенции. Вместе с тем критика Ллойд Джорджем в январе 1919 г. предшествующего периода вооружённой интервенции вовсе не означала ни критики интервенции вообще, ни отказа от её продолжения. Речь шла лишь о замене одного метода интервенции другим, вернее, о сочетании обоих этих методов, при преобладании новой формы. Эта форма «...более сложная, чем открытое вмешательство, но зато более «удобная» для «цивилизованной» и «гуманной» Антанты»¹. На этот раз уже не собственные войска Антанты, а войска малых окраинных государств плюс контрреволюционные белогвардейские армии Деникина, Колчака, Юденича должны были делать для Антанты её чёрное дело. Таким образом, повторяем, речь не шла об отказе от вооружённой интервенции, как бы ни распинались на этот счёт Ллойд Джордж и Вильсон. Речь не шла даже о *полном* отказе от метода неприкрытой интервенции. Этот метод был устранён как *основной* метод, и притом устранён на определённый период, что отнюдь не отрицало возможности вновь вернуться или попытаться вернуться к нему в другой, более благоприятный для империалистов период. В ходе Парижской мирной конференции, например при обсуждении вопроса о Закавказье, обсуждалась возможность посылки туда антантовских дивизий, а на Дальнем Востоке до самого конца вооружённой интервенции японские войска осуществляли её в неприкрытой форме. Что речь шла не об отказе от неприкрытой формы интервенции, как и от интервенции вообще, указывал В. И. Ленин в своём выступлении 19 мая 1919 г. «Как бы ни уверяли,— говорил он,— в этом Ллойд-Джорджи, Вильсоны и Клемансо, как бы они ни уверяли, что отказываются от интервенции, но мы все знаем, что это ложь»².

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 246.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 280.

В мае 1919 г., т. е. почти через пять месяцев после того, как по предложению Ллойд Джорджа и Вильсона был принят как главный, основной метод — метод прикрытой интервенции — борьбы при помощи *чужих войск*, союзники не отказались от применения и метода неприкрытой интервенции — борьбы при помощи *своих войск*. Этот метод, однако, применялся на последующих этапах интервенции как вспомогательный.

Дискуссия на Парижской мирной конференции выявила новую политическую тенденцию в лагере интервентов. Именно к этому периоду относится анализ, данный В. И. Лениным, что среди буржуазии и правительств Антанты замечаются некоторые колебания.

Колебания части буржуазии и правительств Антанты, о которых писал В. И. Ленин в начале 1919 г., не привели, однако, к отказу от военной интервенции, несмотря на то, что «колеблющиеся» сознавали опасность продолжения «военного вмешательства и попыток победить Россию». Эта опасность, однако, в первую очередь, как им казалось, вытекала из продолжения неприкрытой интервенции, т. е. посылки собственных войск, которые через некоторое время пребывания в революционной Советской России разлагались и делались негодными для дальнейшего продолжения интервенции. Вооружение других армий (окраинных государств и контрреволюционных правительств) и всяческая помощь им казались Вильсону, Ллойд Джорджу и другим операцией, значительно менее опасной и рискованной. Таким образом, колебания части буржуазии и правительств Антанты и США, совпавшие с началом Парижской мирной конференции, привели к замене в качестве основного метода интервенции её неприкрытой формы — прикрытой.

С другой стороны, эти же колебания привели к появлению нового метода маскировки планов интервенции, выразившегося в ряде проектов «соглашения» с советским правительством. К числу этих проектов относятся проект конференции на Принцевых островах, миссия Буллита и так называемый план Нансена (Гувера). Общим для всех этих планов был метод дипломатической закладки, при помощи которой достигалось бы расчленение России, активное вмешательство в её внутренние дела и

эффективный экономический контроль, который превращал бы создаваемые на её территории новые государства в объекты колониальной эксплуатации Антанты и США. Эта тактика допускала временное существование Советской России с тем, чтобы иным способом задушить ненавистного классового врага. Ленинско-сталинская внешняя политика, советская дипломатия во-время разгадали истинную сущность всех этих «мирных» предложений как метода дипломатической западни, с одной стороны (если удастся), и метода маскировки истинных целей вооружённой интервенции и оказания дипломатическим путём помощи терпящим от Красной Армии поражение белогвардейским армиям — с другой, и противопоставили им свою тактику, разоблачившую цели авторов этой коварной политики: Ллойд Джорджа, Вильсона и др.

«Мы доказали перед всем миром, что наша внешняя политика не имеет ничего общего с той, которую нам постоянно приписывают все буржуазные газеты»¹.

В промежуток времени январь — май 1919 г. отмеченные проекты «соглашений» были оставлены, поскольку они оказались бессильными обмануть бдительность советской власти, В. И. Ленина, И. В. Сталина, бдительность советской дипломатии, которая не пошла в расставленную ей западню.

Изучение протоколов Парижской мирной конференции позволяет выявить руководящую роль в организации и осуществлении вооружённой интервенции не только Клемансо и Черчилля, Ллойд Джорджа и Орландо, но и Вильсона и Лансинга. В. И. Ленин говорил:

«...эти люди, которые заседали в комиссии из 10 человек, сузили комиссию, и теперь разговаривают 4 человека: Вильсон, Ллойд-Джордж, Клемансо и Орландо. Вожди четырех наций... Это — звери, которые награбили добычу со всего мира и теперь не могут помириться. Эти четыре человека замкнулись в группе четырех...»²

Хотя и до ссыла «мирной» конференции в Париже вооружённая интервенция продолжалась год и руководство ею составляло предмет оживлённой дипломатической

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 259.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 217.

переписки и переговоров между Лондоном, Парижем, Вашингтоном, Токио и Римом (и рядом более мелких центров), впервые именно в лице Парижской мирной конференции был создан единый политический и организационный центр интервенции. Это обстоятельство имело немаловажное значение в истории самой интервенции.

Уже в начале этой работы мы указывали на то, что «русский вопрос» на Парижской мирной конференции в её работах занял большее место и потребовал большего внимания, нежели вопросы, ради которых эта конференция официально была созвана, — мирные договоры с Германией и её сателлитами. Подводя итоги нашего исследования, мы можем считать это положение вполне доказанным.

Может считаться полностью отпавшей точка зрения тех буржуазных историков, которые, излагая историю Парижской мирной конференции, обычно сводили её только к вопросу о заключении Версальского мирного договора. «Русский вопрос» занимал центральное место в работах конференции, на заседаниях её руководящих органов — Совета четырёх и Совета десяти. Цели интервенции — восстановление единства капиталистической системы, уничтожение советской власти как классового врага, расчленение России, превращение её в колониальный придаток «великих» империалистических держав и объект жесточайшей эксплуатации её естественных богатств, населения, в архивыгодный рынок сбыта и источник сырья — в течение всего времени интервенции были параллельными. Однако в различные фазы интервенции эти цели неодинаково выдвигались на первый план. Это не значит, что интервенция в ту или иную свою фазу *отказывалась* от одной из этих целей. Такой фазы не было. Это лишь означает, что в тот или иной период в силу *тактических соображений* интервенция временно отодвигала одну из целей во имя быстрее достижения другой цели с тем, чтобы *после* такого достижения приняться за следующую цель. Планы Принцевых островов, Буллита и Гувера (план Нансена) при их осуществлении допускали *временный* отказ от немедленного уничтожения советской власти с тем, чтобы добиться немедленного расчленения

России на ряд малых государств — сателлитов Антанты и США.

Обратную тактику мы наблюдали в тот период интервенции, когда главными фаворитами Клемансо, Черчилля, Ллойд Джорджа, Вильсона были Колчак и Деникин с их программой «единой и неделимой» *монархической* России.

И. В. Сталин в статье «Политика правительства по национальному вопросу» дал анализ того, что представлял собой этот колчаковско-деникинский монархический лозунг «единой и неделимой» России и какую задачу преследовали авторы этого лозунга.

И. В. Сталин писал: «Год назад, еще до Октябрьской революции, Россия, как государство, представляла картину развала. Старая «обширная Российская держава» и наряду с ней целый ряд новых маленьких «государств», тянувших в разные стороны, — такова была картина.

Октябрьская революция и Брестский мир лишь углубили и развили дальше процесс распада. Стали говорить уже не о России, а о Великороссии, причём образовавшиеся на окраинах буржуазные правительства, проникнутые враждой к социалистическому Советскому правительству в центре, объявили последнему войну...

Взявшие тогда первенствующую роль австро-германские империалисты, ловко играя на распадении бывшей России, обильно снабжали окраинные правительства всем необходимым для борьбы с центром, местами оккупировали окраины и вообще способствовали окончательному распаду России. Империалисты Антанты, не желая отстать от австро-германцев, пошли по тому же пути»¹.

Указав, что «Советская власть понимала, что насильственное единство России, поддерживаемое империалистическими штыками, должно было неминуемо распасться... Советская власть не могла поддерживать единство методами русского империализма. Советская власть создала, что для социализма необходимо не всякое единство, а единство братское, что такое единство может притти лишь как добровольный союз трудовых классов национальностей России...»², — И. В. Сталин продолжал:

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 225—226.

² Там же, стр. 226.

«Противники Советской власти не преминули ещё раз бросить ей обвинение в «новой попытке» расчленить Россию. Наиболее реакционные из них, учуяв тягу окраин к центру, провозгласили «новый» лозунг восстановления «Великой России», конечно, огнём и мечом, путём низвержения Советской власти. Красновы и Деникины, Колчаки и Чайковские, вчера еще пытавшиеся разбить Россию на ряд самостоятельных контрреволюционных очагов, сегодня вдруг прониклись «идеей» «всероссийского государства». Агенты англо-французского капитала, которым нельзя отказать в политическом нюхе, вчера еще игравшие на распад России, ныне повернули игру до того круто, что образовали сразу целых два «всероссийских» правительства (в Сибири и на юге). Всё это, несомненно, говорит о непобедимой тяге окраин к центру, использовать которую стараются ныне отечественные и иностранные контрреволюционеры»¹.

Так блестяще разоблачил И. В. Сталин действительное содержание белогвардейского лозунга «единой и неделимой России», лозунга, основной целью которого было вовсе не действительное объединение наций, населяющих Россию, а уничтожение советской власти и восстановление «старой России» со старым монархическим режимом.

И. В. Сталин разоблачил также смысл борьбы буржуазии окраинных по отношению к центральной России государств за создание «национальных правительств». Ещё в ноябре 1918 г. он писал:

«Борьба окраинных «правительств» была и остаётся борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристёгивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии»².

Действительное единство России вовсе не устраивало иностранных интервентов, ни Великобританию, ни США, ни Францию, ни Японию, жаждавших и стремившихся к расчленению России, чтобы превратить её в свою колонию.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 227.

² Там же, стр. 161—162.

Но Колчак, Деникин, Чайковский и Юденич были теми реальными силами, с помощью которых Клемансо, Вильсон, Ллойд Джордж, Черчилль надеялись уничтожить советскую власть, что в глазах этих интервентов летом 1919 г. было достижимой целью. И вот во имя достижения этой главной цели временно выдвигается лозунг «единой и неделимой России». Формальное признание государств Прибалтики, с одной стороны, и государств Закавказья — с другой, признание, которое лежало в плане расчленения России, временно отодвигается на задний план во имя сосредоточения всей помощи тем силам, посредством которых Вильсон и Клемансо надеялись добиться уничтожения советской власти. Когда эта цель будет достигнута, полагали они, тогда можно будет раскрыть свои карты и предъявить сторонникам «единой и неделимой России» требования насчёт второй цели: расчленения России путём отторжения окраин.

Следует иметь в виду, что отношение интервентов к той или иной проблеме окраинных государств в *первую очередь* определялось её значением с точки зрения вооружённой борьбы против Советской России. Это было *главное мерило*. Касался ли вопрос борьбы между пилсудчиками и петлюровцами в Западной Украине, пребывания немцев в Прибалтике, вооружения и помощи буржуазным республикам Закавказья, помощи и реорганизации польской армии, — проблема использования того или иного из плацдармов интервенции против Советской России была основной.

Следует обратить внимание, что в буржуазной исторической литературе, касающейся интервенции, очень часто тактика «санитарного кордона» противопоставляется активной вооружённой интервенции, причём тактике «санитарного кордона» придаётся пассивный, оборонительный характер. Это — извращение исторической действительности. Авторы тактики «санитарного кордона» в целях политической маскировки *сами* придавали такую оборонительную видимость агрессивному, наступательному союзу окраинных государств от Финляндии Маннергейма до Армении под властью дашнаков. В действительности эта тактика была столь же наступательной, агрессивной, как и тактика прямой интервенции.

В чём лежала основная причина провала вооружённой интервенции, провала, который отразился и на решениях Парижской мирной конференции?

Государственные деятели буржуазных стран не верили в возможность победы Советской России над интервенцией.

«Они не могут переварить того чуда, что разоренная Советская Россия побеждает цивилизованные государства, которые сильнее ее. Они не понимают того, что вся сила этих побед есть основное учение коммунистов...

Опыт мировой политики доказал, что союз против Советской России неминуемо осужден на неудачу, потому что это союз империалистский, союз хищников...»¹

В провале вооружённой интервенции, говорил В. И. Ленин, «...сыграли роль не только подвиг Красной армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия»².

В. И. Ленин дал сжатую формулировку причин провала обоих методов иностранной интервенции как в её неприкрытой форме (при помощи собственных войск), так и в прикрытой (при помощи войск малых государств): «Во-первых, мы отвоевали у Англии, Франции и Америки их рабочих и крестьян. Эти войска не смогли против нас бороться. Во-вторых, мы отвоевали у них эти малые страны...»³

И. В. Сталин, анализируя причины поражения контрреволюции, писал: «Ни одна армия в мире не может победить без устойчивого тыла. Ну, а тыл Деникина (а также Колчака) совершенно неустойчив. Этот факт непрочности тыла контрреволюционных войск объясняется социальным характером правительства Деникина — Колчака, создавшего эти войска. Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо помещика и капиталиста, но и ярмо англо-французского капитала. Победа Деникина — Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле правительство Деникина — Колчака есть самое антинародное, самое антинациональное пра-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 417.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, изд. 3, стр. 317.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 598.

вительство. В этом смысле Советское правительство есть единственно народное и единственно национальное в лучшем смысле этого слова правительство, ибо оно несёт с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и освобождение всей России от ига мирового империализма, превращение России из колонии в самостоятельную свободную страну»¹.

Эту же мысль подчёркивал В. И. Ленин, говоря: «Россия не может быть и не будет независимой, если не будет укреплена Советская власть»².

Указание И. В. Сталина на двойной характер борьбы против вооружённой интервенции (освобождение трудящихся от ярма помещика и капиталиста и освобождение России от ярма международного капитала) имеет исключительно важное значение для понимания причин провала как вооружённой интервенции в целом, так и плана расчленения России.

«Красная армия победила потому, что руководящим ядром тыла и фронта Красной армии была партия большевиков, единая своей сплоченностью и дисциплиной, сильная своим революционным духом и готовностью пойти на любые жертвы ради успеха общего дела, непревзойденная своим умением организовать миллионные массы и правильно руководить ими в сложной обстановке.

«Только благодаря тому, — говорил Ленин, — что партия была на-страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек, шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двухкратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить» (Ленин, т. XXV, стр. 96)»³.

«Если Россия устояла перед напором мирового империализма, если она одержала на внешних фронтах ряд

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 284—285.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 316.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 234.

серьёзнейших успехов... то этим она обязана... сплочённой, закалённой в боях и выкованной из твёрдой стали коммунистической партии...»¹

Партия подняла советских людей «на отечественную войну против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины»². И на этот призыв партии советские люди ответили, как патриоты своей социалистической родины, всегда готовые до последней капли крови отстаивать свободу, независимость и честь родной страны. Советский патриотизм победил.

«Ленин и Сталин руководили делом обороны страны вместе с лучшими деятелями большевистской партии.

Непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной Армии был Сталин. Всюду, где на фронтах решались судьбы революции, партия посылала Сталина. Он был творцом важнейших стратегических планов. Сталин руководил решающими боевыми операциями. Под Царицыном и под Пермью, под Петроградом и против Деникина, на западе против панской Польши и на юге против Врангеля — всюду железная воля и стратегический гений Сталина обеспечивали победу революции»³.

В провале планов интервентов определённую роль сыграла, как это отмечал В. И. Ленин, советская внешняя политика, советская дипломатия. Умение разгадать дипломатическую западню Принцевых островов и миссии Буллита и тем самым расстроить игру интервентов, непрерывные предложения общего мира, умение убедить государства Прибалтики пойти на мирные переговоры с Советской Россией и т. д. — всё это немало способствовало провалу интервенции.

Первое военное нападение международного капитала на страну социализма окончилось полным его крахом.

Парижская мирная конференция потерпела полный провал в обоих аспектах поставленного ею «русского вопроса», т. е. уничтожения советской власти и расчленения России. Вопреки планам руководителей конферен-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 99.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 236.

³ «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», стр. 82—83.

ции — Клемансо, Ллойд Джорджа, Вильсона — «русский вопрос» был разрешён усилиями народов социалистической республики, отбивших нашествие иностранных интервентов, отстаивших независимость и свободу своей родины и прочно ставших на путь социализма.

«Весь мир увидел, что есть сила, против которой Версальский договор не страшен, и что никакие Версальские договоры не сломят силы рабочих и крестьян, если они умеют расправляться с помещиками и капиталистами»¹.

Прошло немного времени, и эту истину вынуждены были осознать правящие классы во многих буржуазных странах. Провалилась вооружённая интервенция, провалились также попытки экономически удушить советскую власть, взорвать её при помощи троцкистско-бухаринской агентуры, изолировать посредством организованного дипломатического бойкота. Советская Россия доказала, что ведёт «свою независимую внешнюю политику»².

Прошло немного лет, и товарищ Сталин, говоря о гигантски возросшем международном значении Советского Союза, отметил:

«Вы, должно быть, обратили внимание, что так называемый «русский вопрос» стал в последнее время злободневным вопросом социал-демократической и буржуазной печати на Западе. Случайно ли это? Конечно, не случайно. Рост социализма в СССР и развёртывание коммунистического движения на Западе не могут не рождать величайшей тревоги в рядах буржуазии и её агентов в рабочем классе — социал-демократических лидеров. Водораздел между революцией и контрреволюцией проходит теперь по линии злобной ненависти одних и товарищеской дружбы других в отношении пролетарской партии в СССР. Величайшее международное значение «русского вопроса» является теперь фактом, с которым не могут уже не считаться враги коммунизма»³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 418.

² И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 136.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 52—53.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Изучение роли «русского вопроса» на Парижской мирной конференции 1919 г. до 1943 г. наталкивалось на значительные трудности, поскольку основной документальный источник для изучения этого вопроса — протоколы Мирной конференции — оставался достоянием архивов министерств иностранных дел Великобритании, США и Франции и не был опубликован. Следует оговорить, что стенографических протоколов конференции в подлинном смысле слова не существует. Имеются так называемые секретарские записи (американская, английская и французская, а по некоторым вопросам и итальянская), которые заменяли собой стенограммы заседаний. Обычно эти записи после каждого заседания сверялись соответствующими генеральными секретарями делегаций. Таким образом, за исключением стенограмм заседаний Совета десяти, Совета четырёх, а после 28 июня 1919 г. Совета глав делегаций, указанные записи должны считаться документальным источником для истории Парижской мирной конференции 1919 г.

В мемуарах участников Парижской мирной конференции, а также в книгах некоторых исследователей, писавших в разное время как о Парижской мирной конференции в целом, так и об отдельных договорах, ею разработанных, встречались отрывки секретарских записей. Их можно найти в мемуарах Ллойд Джорджа, Тартье, Альдрованди-Марескотти, Никольсона, Лансинга, в работах Рене Мартеля, Беккера и др.

Если ряд проблем Парижской мирной конференции (германская, австрийская, венгерская, репарационный вопрос, Лига наций, мандатная система и др.) нашёл значительное количество буржуазных историков и политических деятелей, исследовавших указанные проблемы, то этого нельзя утверждать относительно «русского вопроса». Обширная мемуарная литература участников Парижской мирной конференции в весьма малой степени посвящена этой важнейшей проблеме конференции. Одни из них вообще «не замечали» «русского вопроса» на конференции и в лучшем случае посвящали ему несколько фраз. Другие извращали действительность, ретушировали

прения по «русскому вопросу», пытаясь придать миротворческий характер наиболее гнусным замыслам империалистов.

Достаточно изучить наиболее значительные произведения, посвящённые Парижской конференции в целом, для того чтобы убедиться в наличии систематической фальсификации буржуазными политиками, дипломатами, историками, фальсификации, которая имела место в отношении «русского вопроса» в течение времени, прошедшего с момента Парижской мирной конференции.

Мы подвергнем разбору некоторые произведения буржуазной исторической и мемуарной литературы.

Ни один исследователь Парижской мирной конференции не может пройти мимо книги А. Тардьё «Мир». Написанная в 1921 г. по свежим следам закончившейся конференции, книга Тардьё представляет собой апологетику французского империализма и его внешней политики после окончания первой мировой войны. Подробно останавливаясь на ряде проблем конференции (репарации, территориальные требования и т. д.), Тардьё уделяет «русскому вопросу» более чем незначительное место, тщательно скрывая как его действительное значение и роль на конференции, так и дискуссию, касавшуюся этого вопроса. Например, проблеме Принцевых островов Тардьё уделяет лишь несколько строчек («и вот последовало постыдное банкротство проекта конференции на Принцевых островах, которое с первого же дня тшетно предрекал Клемансо — к голосу его не прислушались»¹). Между тем кому, как не Тардьё, ближайшему помощнику Клемансо, были известны не только все прения по вопросу о Принцевых островах, происходившие на заседаниях «четвёрки», но и все планы его шефа Клемансо. Таким образом, совершенно очевидно, что умолчание Тардьё по этому вопросу происходит не в силу того, что он не знал «русского вопроса» и его роли на конференции, а в силу того, что он много знал, но не хотел говорить.

Если вопросу о Принцевых островах Тардьё посвящает несколько строчек своей книги, то другим проблемам, обсуждавшимся на Парижской мирной конференции и прямо касающимся «русского вопроса», он не уделяет и этого. Тшетно было бы искать в книге Тардьё следы обсуждения Парижской мирной конференцией или её основными участниками таких вопросов, как миссия Буллита, план Нансена, признание Колчака, взаимоотношения с Прибалтийскими и с Закавказскими странами. Обо всём этом Тардьё сознательно умалчивает. Всё же из его книги можно извлечь некоторые полезные сведения, касающиеся «русского вопроса». У Тардьё мы находим заявление о том, что при обсуждении программы Мирной конференции англичане, отвергая французскую программу, как «слишком академическую», предложили «сделать сначала самое неотложное»: начать с «русского вопроса»². Это очень ценное признание важности «русского вопроса». Оно опровергает лживость английских, американских и французских мемуаристов и историков, стремящихся затушевать действительное значение «русского вопроса» на Парижской мирной конференции.

¹ А. Тардьё, Мир, Госплитиздат, 1943, стр. 101.

² Там же.

Не менее, если не более важное свидетельство невольно даёт Тардьё по другому вопросу, а именно о подлинной позиции Франции по вопросу о расчленении России. В исторической литературе, как буржуазной, так и в некоторых работах советских историков, по вопросу об иностранной интервенции в России в течение длительного периода пользовалась кредитом версия о том, что Франция в противоположность Англии придерживалась политики «единой и неделимой России» безотносительно к политическому строю в этой стране. Эта формулировка не соответствует действительному положению вещей. Как указывал В. И. Ленин, Франции нужна «...сильная Россия *царского типа*» (курсив мой.— *Б. Ш.*)¹. Таким образом, речь шла не о Советской России, а о России помещичье-буржуазного режима. Что же касается *Советской* России, то политика правящих классов Франции в вопросе о её расчленении не отличалась от английской и американской.

Уже англо-французское соглашение 23 декабря 1917 г. о разделе «зон влияния» в России свидетельствовало о том, что Франция идёт на расчленение России. Поддержка и связь французского правительства с петлюровским «правительством» шла в том же направлении.

В книге Тардьё мы находим чрезвычайно ценное (с точки зрения раскрытия подлинной позиции правящих классов Франции) свидетельство того, что и Франция, подобно Англии, осуществляла политику расчленения России. Тардьё приводит свой собственный меморандум, который он по поручению и с одобрения Клемансо передал в начале января 1919 г. главам делегаций. Этот меморандум, названный «принципы и методы», содержал как план организации работ конференции, так и основные проблемы и проекты их решения. В меморандуме Тардьё мы читаем:

«Русская проблема.

При условии обсуждения её в последнюю очередь национальностям предоставляется время организовать, по крайней мере частично, высказать свои пожелания при более нормальных условиях и перейти к необходимым соглашениям между различными этническими группировками»².

Это программное заявление Тардьё от имени французской делегации не в меньшей степени разоблачает действительную политику правящих классов Франции в вопросе о расчленении России, нежели комментарий полковника Хауза к 6-му пункту «14 пунктов» Вильсона разоблачает действительную позицию США. Специальное откладывание «русского вопроса» на самый конец конференции преследует в плане Тардьё цель дальнейшего углубления процесса расчленения России, процесса, который Тардьё пытается маскировать «заботой» о том, чтобы национальности (России) могли бы «организоваться», иначе говоря, отделиться от России при помощи союзников.

Так Тардьё вопреки собственным намерениям разоблачает французские планы расчленения Советской страны.

Книга Тардьё в целом (исключая цитированный меморандум) не может служить сколько-нибудь ценным материалом для изучения

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 259.

² А. Тардьё, Мир, стр. 80.

действительной политики союзников в «русском вопросе». Она является лишь свидетельством попыток как участников Парижской конференции, так и буржуазных историков фальсифицировать действительное содержание дискуссии по «русскому вопросу».

Мемуары Рэя Стеннарда Беккера, занимавшего пост председателя американского комитета печати на Мирной конференции в русском переводе появились в 1923 г. Беккер написал свои мемуары, пользуясь документами и записками Вильсона, с которым он находился в непосредственном контакте во время конференции.

Не касаясь мемуаров Беккера с точки зрения освещения работ Парижской мирной конференции в целом, мы остановимся лишь на освещении им «русского вопроса».

Наиболее характерным для этих мемуаров (с точки зрения освещения «русского вопроса») является полное умолчание как дискуссии по «русскому вопросу», так и самой проблемы. В этом отношении Беккер превзошёл даже полковника Хауза (или, вернее, редактора его дневника профессора Сеймура), в мемуарах которого тоже встречаются лишь те или иные намёки на обсуждение «русского вопроса». Несмотря на явное умолчание всего, что касалось России, Беккер не может быть обвинён в непонимании значения «русского вопроса» вообще и на конференции в частности. Это видно хотя бы из одного места его мемуаров, где он сравнивал Парижскую мирную конференцию 1919 г. с Венским конгрессом 1814/15 г. Он отмечает, что в отличие от Венского конгресса атмосфера в Париже была особенно напряжённой. Он буквально пишет: «И в течение этого времени (работ Мирной конференции) при каждом новом повороте переговоров поднимался с востока, подобно мрачной туче, призыв хаоса, грозивший охватить и уничтожить весь мир. В Вене не было России, стучавшей в дверь. В Вене, очевидно, не боялись революции, которая неустанно грозила Парижу»¹.

Нельзя, таким образом, отказать Беккеру в понимании того, что в Париже речь шла не просто о заключении мирных договоров с Германией и её союзниками, а о том, чтобы в первую очередь уничтожить Советскую Россию как очаг революции.

После такой констатации можно было ожидать, что Беккер, который находился в самом центре переговоров на Парижской мирной конференции, расскажет о том, как последняя разрабатывала свою программу борьбы с «Россией, стучавшей в дверь». Между тем Беккер буквально ни одним словом не намекает на переговоры по «русскому вопросу». Ни одного слова о вооружённой интервенции, Принцевых островах, миссии Буллита, признании Колчака, о Прибалтике, Закавказских республиках и т. д. Всё это, конечно, не случайно. Будучи апологетом Вильсона, Беккер стремится удалить из своего повествования всё то, что могло бы повредить «ореолу» Вильсона в качестве пацифиста и «поборника справедливости». Позиция Вильсона в «русском вопросе» и в частности его участие как в открытой, так и в прикрытой вооружённой интервенции, а равно в планах расчленения России отнюдь не могла дать Беккеру необходимый материал

¹ Р. С. Беккер, Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, Гиз, 1923, стр. 130.

для идеализации Вильсона. С другой стороны, Беккер, как и ряд других буржуазных исследователей Парижской мирной конференции, стремится всячески затушевать и замазать тот факт, что Парижская мирная конференция в течение года являлась центральным штабом вооружённой интервенции в Советской России. Вот почему Беккер говорит о каких угодно проблемах, обсуждавшихся на Парижской мирной конференции, но только не о «русском вопросе».

Несмотря на такой заговор молчания, в мемуарах Беккера можно отыскать отдельные места, полезные для освещения тех или иных сторон дискуссии по «русскому вопросу».

Так, например, Беккер чрезвычайно выпукло рисует картину тревоги, возникшей «в иностранных ведомствах Великобритании, Франции и Италии» в результате опубликования советским правительством тайных договоров. Беккер устанавливает тот факт, что как известные «14 пунктов» Вильсона, так и опубликованная Ллойд Джорджем «декларация о целях войны» были сделаны с целью «успокоить рабочий класс». Таким образом, как Вильсон, так и Ллойд Джордж пытались нейтрализовать разоблачение империализма стран Антанты, содержащееся в опубликованных советским правительством тайных договорах.

Нельзя пройти мимо характеристики, данной Беккером планам ряда деятелей союзников, которые «предлагали и на конференции и позже пройти с громадными армиями, включая и 2 млн. свежих и молодых американских солдат, через Германию и подчинить себе Россию»¹.

Если вспомнить, что в течение обсуждения Парижской мирной конференцией «плана Фоша» он, равно как и другие деятели конференции — Клемансо, Ллойд Джордж, — упорно подчёркивал «оборонительный» характер предложений об интервенции, характеристика Беккера, вскрывающая (несомненно, вопреки его собственным намерениям) действительный смысл этого «плана», является весьма ценным свидетельством.

Приведённые нами места из мемуаров Беккера исчерпывают его сообщения по «русскому вопросу» и не меняют высказанного выше убеждения о сознательной фальсификации Беккером действительной картины, развёртывавшейся на Парижской мирной конференции при обсуждении вопроса о России и об интервенции.

Вышедшая в 1922 г. книга Мермекса «Битва трёх»², являющаяся продолжением книги того же автора «Секретные переговоры и четыре перемирия», даёт богатый материал, относящийся к ряду проблем, обсуждавшихся на Парижской мирной конференции. В частности эта книга даёт ряд ценных деталей, рисующих портреты трёх главных руководителей Парижской мирной конференции — Вильсона, Клемансо и Ллойд Джорджа. Но опять-таки, как и в ряде других работ, посвящённых Парижской мирной конференции, и эта книга уделяет минимальное место «русскому вопросу». Глава 18, озаглавленная «Большевики и конференция», занимает 30 страниц (из 311). В этой главе автор публикует донесение американского агента Бук-

¹ Р. С. Беккер, Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 308.

² *Mermelx, Le Combat des Trois, Paris.*

лера, который осенью 1918 г. был отправлен в Копенгаген для переговоров с советским представителем М. Литвиновым. Доклад Буклера (который впоследствии был опубликован в протоколах Парижской мирной конференции) занимает почти половину главы. Вторая половина посвящена протоколу заседания Совета десяти 16—18 января 1919 г., на котором обсуждался вопрос о конференции на Принцевых островах и были заслушаны Нуланс (бывший французский посол в России) и Скавениус (бывший датский посланник в России). Сравнение этого протокола с протоколом, опубликованным впоследствии государственным департаментом США, устанавливает их тождественность.

Единственный документ, который опубликован в книге Мермекса и впоследствии не публиковался, это французская нота (за подписью министра иностранных дел Пишона) от 5 декабря 1918 г., в которой французское правительство отклоняет предложение Ллойд Джорджа пригласить все существующие правительства в России (в том числе и советское) на Парижскую мирную конференцию.

Работа А. Темперлея «История Парижской мирной конференции» (в 6 томах) тенденциозно освещает события с позиций английской буржуазной историографии. Остановимся лишь на той части работы Темперлея, которая посвящена «русскому вопросу». Прежде всего необходимо отметить, что в работе, насчитывающей 3 600 страниц, «русскому вопросу» уделена одна глава (глава 3, часть 2, том 6), занимающая 23 страницы. При этом указанная глава наполовину посвящена событиям 1920—1922 гг., т. е. периоду после окончания Парижской конференции.

Дело, конечно, не только в том, что Темперлей отводит «русскому вопросу» ничтожное место в своей работе, хотя такое умышленное минимализирование этой важнейшей проблемы является далеко не случайным. Основной порок работы Темперлея заключается в её содержании¹. Изложение Темперлеем истории «русского вопроса» на Парижской мирной конференции мало напоминает истину. Указывая, что белые «правительства» отказались от участия в конференции на Принцевых островах, Темперлей ни слова не говорит о том, кто приказал этим «правительствам» отказаться от участия в конференции. Далее Темперлей повторяет лживые заявления Ллойд Джорджа, будто советское правительство «не захотело принять предложение о прекращении военных действий»².

Подтверждая, что проект соглашения, привезённый Буллитом из Москвы, был вручён Ллойд Джорджу, Темперлей не пишет правду о лживом сообщении Ллойд Джорджа в парламенте о том, что он якобы не имел никакого представления о поездке Буллита в Москву. Излагая так называемое предложение Нансена, Темперлей ни словом не упоминает о том, что фактически это предложение исходило от Гувера и что имя Нансена было использовано лишь для попытки придать империалистической затее Гувера характер «гуманитарного предприятия». В таком же лживом стиле Темперлей трактует и другие проблемы, относящиеся к «русскому вопросу».

¹ *Temperley, History of the Peace Conference of Paris, London 1924, v. 6, p. 312.*

² *Ibid.*, p. 313.

Ни один исследователь, желающий изучить действительное положение вещей с «русским вопросом» на Парижской конференции, не может считать работу Темперлея правдивой. Эта работа является фальсификацией истории, особенно в части «русского вопроса».

Четвёртый том «Архива полковника Хауза» создаёт впечатление, что его редактор профессор Сеймур сделал всё от него зависящее для того, чтобы скрыть записи Хауза, относящиеся к обсуждению «русского вопроса» на Парижской мирной конференции.

Весь четвёртый том, посвящённый в основном периоду Парижской мирной конференции, даёт лишь слабые намёки на то, что «русский вопрос» вообще обсуждался на Мирной конференции. Между тем даже эти намёки, кое-где проскальзывающие в виде отрывочных записей, ещё больше оттеняют сознательную фальсификацию, на которую пошёл профессор Сеймур. Хауз принимал самое деятельное участие в обсуждении «русского вопроса» как в переговорах с представителями других стран (Ллойд Джорджем, Клемансо, Орландо и др.), так и внутри американской делегации. Можно предполагать, что в подлинном архиве Хауза имеются записи его разговоров, а равно и другие документы. Между тем именно эти записи и документы отсутствуют в издании под редакцией профессора Сеймура.

Характерно, например, что в четвёртом томе архива нет ни одной записи полковника Хауза или вообще какого-либо документа, относящегося к таким проблемам, как проект конференции на Принцевых островах, миссия Буллита, так называемый план Нансена, вопрос о признании Колчака и др. Между тем все перечисленные вопросы, обсуждавшиеся Мирной конференцией в период январь — июнь 1919 г., не могли пройти мимо Хауза. Однако о них, повторяем, в опубликованных дневниках Хауза не имеется ни одного документа.

Более того, из протоколов Мирной конференции, опубликованных государственным департаментом США, равно как из других источников, известно участие Хауза в обсуждении вопроса о созыве конференции на Принцевых островах (во второй стадии этого обсуждения, в конце февраля 1919 г., когда Вильсон находился в США), между тем по этому вопросу в четвёртом томе имеется лишь одна телеграмма на имя Вильсона, и притом телеграмма, которая должна создать впечатление об «отрицательном отношении» США к иностранной интервенции против Советской России.

Известно, что Хауз имел ряд разговоров именно по «русскому вопросу» с Черчиллем, который приезжал в середине февраля 1919 г. в Париж специально для обсуждения этого вопроса. Известно также, что Хауз находился в это время в контакте с Ллойд Джорджем при посредстве секретаря последнего, Филиппа Керра (поскольку сам Ллойд Джордж находился в Англии). Ни одного слова о всех этих разговорах найти в четвёртом томе невозможно.

Всё сказанное не оставляет сомнений в том, что редактор дневника полковника Хауза профессор Сеймур с целью извращения событий сознательно изъясил из бумаг Хауза всё, что касалось обсуждения «русского вопроса» и позиции США по этому вопросу.

Единственное исключение сделано для документа, носящего название: «Официальный американский комментарий к «четыренадцати пунктам». Этот комментарий был написан полковником Хаузом и

одобрен президентом Вильсоном. Пункт 6 комментария трактует вопрос о России и обосновывает (вопреки лицемерной фразеологии соответствующего пункта «14 пунктов») программу расчленения России и в частности отторжение Кавказа и установление иностранного протектората над Средней Азией.

Опубликование официального комментария, в особенности пункта 6 этого комментария, несомненно, нарушает явно выраженную тенденцию Сеймура скрыть действительную позицию США в «русском вопросе». Объяснение этой «непоследовательности» Сеймура, повидимому, заключается в том, что нельзя было не опубликовать официальный комментарий, поскольку он касался ряда важнейших проблем, обсуждавшихся на Парижской мирной конференции. С другой стороны, публикуя официальный комментарий, нельзя было изъять из него 6-й пункт.

Фальсификация профессора Сеймура делает четвёртый том архива Хауза документом, лишённым ценности (за исключением официального комментария) для исследователя «русского вопроса» на Парижской мирной конференции.

В книге Рене Мартеля «Франция и Польша», появившейся в 1931 г., «русский вопрос» затрагивается лишь постольку, поскольку речь идёт о судьбе Восточной Галиции (Западной Украины) на Парижской мирной конференции. Принимая во внимание, что книга Мартеля появилась задолго до того, как были опубликованы протоколы Парижской мирной конференции, нельзя не признать ценности ряда документальных доказательств, приводимых автором и вскрывавших аннексионистские решения Парижской мирной конференции, отдавшей Западную Украину панской Польше. Автор приводит убедительные данные относительно украинского характера Восточной Галиции (Западной Украины) и шаг за шагом показывает, как Клемансо и Ллойд Джордж при содействии Вильсона добились передачи этой украинской земли пилсудчикам. Он подробно описывает дискуссию по вопросу об отправке из Франции в Восточную Галицию польской армии генерала Галлера, которая должна была насильственно присоединить Восточную Галицию к Польше. Мартель частично опубликовал выдержки из протоколов отдельных заседаний конференции. Автор убедительно показывает, как пилсудчики и петлюровцы в своих обращениях к конференции выставляли в качестве основного аргумента в свою пользу готовность и способность участвовать в вооружённой интервенции против Советской республики.

Книга Рене Мартеля принадлежит к небольшому числу работ, дающих исторически верное описание той части дискуссии, которая была посвящена этой стороне «русского вопроса».

Если Тардые ставил своей задачей апологетику внешней политики французского империализма во время Парижской мирной конференции, то другой её участник — генеральный секретарь итальянской делегации Альдрованди Марескотти, книга которого появилась в итальянском издании 1934 г., имел основной своей задачей показать, как союзники «обделили Италию». В отличие от книги Тардые работа Альдрованди Марескотти представляет собой дневник с ежедневными записями (я оставляю в стороне вопрос о том, насколько эти записи 1919 г. были подвергнуты «исправлению» при издании

книги в 1934 г.). Этим в частности объясняется то обстоятельство, что «русскому вопросу» в книге Альдрованди Марескотти уделяется больше внимания, нежели в книге Тардье. Однако это «внимание» Марескотти выражает лишь в кратких заголовках проблем, относившихся к «русскому вопросу» и обсуждавшихся на конференции. В ряде записей дневника Альдрованди Марескотти мы находим такие заголовки: «Украина», «Россия», «В 11 часов приглашают Чайковского», «Предложение Нансена Ленину», «Вопрос о перемирии между Польшей и Украиной»¹. Во всех перечисленных нами местах после приведённых заголовков следует многоточие. Таким образом, читатель из книги Альдрованди Марескотти не может узнать, что скрывалось под этим многоточием; которым автор заменил содержание. Как и Тардье, Альдрованди Марескотти следует отнести к числу авторов, сознательно фальсифицировавших действительное содержание прений по «русскому вопросу» на Парижской мирной конференции.

Книга члена лейбористской партии Г. Никольсона «Как делался мир в 1919 году» не представляет собой мемуаров в собственном смысле этого слова. Участник Парижской мирной конференции (в составе английской делегации) Г. Никольсон вёл свой дневник во время самой конференции. Выдержки из этого дневника и составляют вторую часть его книги, носящую название «Как это казалось тогда». Таким образом, лишь вторая часть книги является дневником, отражающим события по горячим следам. Однако эти записи опубликованы значительно позже самих событий (через 14 лет) и в значительной мере под влиянием взглядов, отражённых в другой части этой же книги, носящей заголовок «Как это представляется теперь». Именно этим обстоятельством и объясняется тщательная подборка записей дневника 1919 г., который был опубликован в 1933 г. Само собой разумеется, что в результате подобной операции записи дневника Никольсона дают искажённую картину обсуждения «русского вопроса», фальсифицируют историю.

Никольсона нельзя обвинить в непонимании (как в 1919, так и в 1933 г.) значения и роли «русского вопроса» на Парижской мирной конференции. Об этом свидетельствуют записи в его книге.

В 1933 г. Никольсон писал, касаясь работ Парижской мирной конференции: «Во-первых, возникла русская проблема. Автор этих записок не намерен судить о том, поступал ли тогда Верховный Совет разумно в отношении России или предложения, подобные проекту конференции на Принцевых островах, были неблагоприятными и возникли под влиянием внезапного импульса. Факт остаётся фактом: Россия представляла собой серьёзную проблему, которую нужно было рассмотреть в самом начале, и эта проблема могла обсуждаться лишь руководителями мира на общей конференции»².

Так писал Никольсон в 1933 г. Однако в дневнике (запись от 9 января 1919 г., т. е. накануне открытия конференции и именно в тот период, когда обсуждался вопрос о порядке дня дискуссии) Ни-

¹ Альдрованди Марескотти, *Дипломатическая война*, Госполитиздат, 1944, стр. 238--242, 244, 295, 303, 313.

² Г. Никольсон, *Как делался мир в 1919 году*, Госполитиздат, 1945, стр. 105.

кольсон писал: «До нас дошли сведения, что русские составляют комитет или «конференцию» послов во главе с князем Львовым, в которую входят Сазонов, Гирс, Маклаков, Бахметьев и, кажется, Набоков. Это очень неприятно для тех, кто намерен вовсе игнорировать Россию. Я в восторге. В конце концов, мы занимаемся интересами России за её спиной. Наши правители, кажется, за большевизмом не видят России»¹.

В этой записи важно не то, что Никольсон думал о роли Львова, Сазонова и компании в решении «русского вопроса», а то, что он всё же понимал невозможность решения этого вопроса без самой России. В другой записи того же дневника 1919 г. Никольсон цитирует мнение Нансена, заявлявшего, что «мы безумцы, если берёмся разделяться с Россией за её спиной»².

Если таким образом Никольсон обнаружил известное понимание значения «русского вопроса», если вопреки ряду руководителей Парижской мирной конференции, считавших в угаре победы над Германией, что с Россией можно будет легко «разделаться», он не разделял этой тупой самонадеянности, то это всё же весьма далеко до понимания существа политики интервенции, которую проводили в Париже не только другие делегации, но и та, к составу которой принадлежал и Никольсон. В частности, как показывает запись в дневнике, Никольсон не понял подлинного смысла предложения, выдвинутого Ллойд Джорджем, о конференции на Принцевых островах. В записи от 26 января 1919 г. (т. е. через 4 дня после послышки приглашения на конференцию на Принцевых островах) Никольсон критикует работу Совета десяти за то, что последний разрешает важные вопросы, редко обращаясь к помощи специалистов, подготавливающих факты и аргументы. Никольсон утверждает, что «рано или поздно это пренебрежение к мнению специалистов приведёт к катастрофе», и добавляет: «До настоящего времени, за исключением водевиля с Принцевыми островами, большого вреда ещё не было». Кончает он свою тираду следующим заявлением: «Решение о Принцевых островах было принято без консультации с самими русскими; не удивительно, что они его отвергли»³.

О каких «русских» говорит Никольсон? Известно, что советское правительство ответило на приглашение, посланное 22 января — 4 февраля 1919 г., согласием принять участие в конференции. Отрицательный ответ был дан белыми «правительствами», причём этот ответ был инспирирован Парижем. Таким образом, в своей записи от 26 января Никольсон игнорирует позицию советского правительства и даже не упоминает о том, что именно в это время руководители Парижской мирной конференции ожидали этого ответа. Когда же этот ответ получился, Никольсон в своих записях на него никак не откликается. Но это не самое важное в трактовке Никольсоном «русского вопроса» и в частности вопроса о конференции на Принцевых островах. Назвав решение об этой конференции «водевилем», Никольсон попытался скрыть действительный смысл предложения Ллойд Джорджа. Это предложение отнюдь не было водевилем. Оно

¹ Г. Никольсон, Как делался мир в 1919 году, Госполитиздат, 1945, стр. 182.

² Там же, стр. 207.

³ Там же, стр. 199.

представляло собой попытку дипломатической западни против советского правительства. Провал попытки был результатом не только отказа белых «правительств» от участия в конференции, а следствием того, что советское правительство разгадало смысл и характер западни, которая скрывалась за предложением Ллойд Джорджа — Вильсона, следствием того, что руководители Парижской конференции надеялись в тот период разрешить «русский вопрос» при помощи вооружённой интервенции. Это хотел скрыть Никольсон.

Книга Ллойд Джорджа «Правда о мирных договорах» вышла в 1938 г., т. е. почти через 20 лет после событий, которые в ней описываются. Дело, однако, не в том, что изложение событий через 20 лет является трудным делом для любого мемуариста, но в том, что Ллойд Джордж 1938 года по своим политическим концепциям отличался в определённой мере от Ллойд Джорджа 1918—1920 годов. Это обстоятельство сказалось на его изображении дискуссии по «русскому вопросу», происходившей на Парижской мирной конференции. В 1938 г. Ллойд Джордж отдавал себе отчёт в мировом значении Советского Союза. Вот почему он считал необходимым, рассказывая о событиях 1919 г., изобразить себя в качестве государственного деятеля, который уже тогда «прозрел» в вопросе о России и способствовал со своей стороны созданию благоприятных условий для её развития.

Сказанное объясняет те методы фальсификации, к которым прибегает Ллойд Джордж в 1938 г. для того, чтобы тенденциозно изобразить свою позицию в «русском вопросе» в 1919 году. Достаточно привести подзаголовки, даваемые Ллойд Джорджем в главе VII его книги, озаглавленной «Россия», для того, чтобы получить представление о методах Ллойд Джорджа как «историка». Вот эти заголовки: «Правление большевиков приемлемо для большинства русского народа», «Россия — судья собственной судьбы», «Я поддерживаю Россию», «Керзон и Черчилль поддерживают белогвардейцев», «Я возражаю против военной интервенции», «Французская идея блокады России», «Активная деятельность Черчилля в пользу интервенции», «Моё беспокойство по поводу планов Черчилля» и т. д.

Все эти подзаголовки должны, по замыслу автора, создать впечатление, что Ллойд Джордж являлся в 1919 г. убеждённым противником вооружённой интервенции в России и активно боролся против её продолжения. Эта картина не имеет ничего общего с действительностью. Анализ действительных выступлений и заявлений Ллойд Джорджа как на заседаниях Совета четырёх и Совета десяти, так и на заседаниях военного кабинета Великобритании, а равно и парламента неопровержимо доказывает, что Ллойд Джордж вовсе не был противником вооружённой интервенции, а лишь противником её неприкрытой формы, т. е. интервенции при помощи солдат Антанты. Он весьма убедительно доказывал, что вооружённая борьба с Советской Россией потребовала бы от союзников посылки миллионной армии, на что союзники не могут пойти в силу политических, финансовых и иных соображений. Однако Ллойд Джордж отнюдь не отказывался от прикрытой формы интервенции, т. е. вооружённой борьбы при помощи армий окранных государств и белогвардейских «правительств». Такая форма интервенции казалась Ллойд Джорджу

более успешной и более выгодной. Однако об этом он не говорит буквально ни одного слова в своей книге 1938 г. Повествуя о своих «спорах» с Черчиллем, Ллойд Джордж говорит явную неправду, поскольку их разногласия заключались вовсе не в том, быть или не быть вооружённой интервенции, а лишь в вопросе о её форме.

Свое предложение о созыве конференции на Принцевых островах Ллойд Джордж изображает в качестве мирного предложения, которое должно было прекратить вооружённую интервенцию и гражданскую войну в России. Он сознательно умалчивает о том, что предложение конференции на Принцевых островах имело своей задачей прекратить наступление Красной Армии и легализовать расчленение России. Афишируя себя в качестве «друга России», Ллойд Джордж ни одним словом не упоминает о своих программных заявлениях в парламенте в 1919 г., заявлениях, в которых он развивал мысль о необходимости расчленения России. Излагая историю краха конференции на Принцевых островах, Ллойд Джордж возлагает вину за этот крах на советское правительство, которое якобы не приняло этого предложения. Это явная ложь, поскольку, как известно, нотой от 4 февраля 1919 г. советское правительство приняло предложение, в то время как белогвардейские «правительства» по прямому предписанию из Парижа отвергли предложение участвовать в конференции на Принцевых островах.

Всё сказанное позволяет считать, что книга Ллойда Джорджа «Правда о мирных договорах», в особенности в части, касающейся «русского вопроса», является фальсификацией истории.

Книга Марстона «Процедурные вопросы Парижской мирной конференции»¹, вышедшая в 1944 г., касается также и «русского вопроса». В то время как автор тщательно проследживает историю отдельных проблем, обсуждавшихся Парижской конференцией, он явно игнорирует «русский вопрос».

Описывая работу конференции в самом начале, т. е. в январе 1919 г., и упоминая о проекте конференции на Принцевых островах, Марстон бросает такую фразу: «С этого момента русская проблема становится для союзников одной из крупных оперативных задач, но не связанной с вопросом об организации конференции»².

Таким образом, признавая «русскую проблему» одной из самых крупных оперативных задач, автор отмахивается от необходимости исследования (в том же плане, в каком он исследует и другие проблемы) этого вопроса на том-де основании, что последний, дескать, не был связан «с вопросом об организации конференции». Эта фраза затемняет постановку вопроса. Ведь известно, что «русский вопрос» был тесно связан с организацией конференции. Не было почти ни одного заседания Совета десяти и сравнительно мало заседаний Совета четырёх, на которых «русский вопрос» не обсуждался бы. Это имело место как в первый период конференции, т. е. до подписания Версальского договора — 28 июня 1919 г., так и после его подписания и до окончания конференции в январе 1920 г. Бывали

¹ F. S. Marston, *The Peace Conference of 1919 Organisation and Procedure*, London 1944

² F. S. Marston, *op. cit.*, p. 64.

периоды, когда Парижская мирная конференция превращалась буквально в конференцию по «русскому вопросу». Как же можно после всего сказанного отмахиваться пустой фразой о том, что «русский вопрос» не был связан с вопросом об организации конференции?

Как ни старается Марстон избавиться от «русского вопроса», роль, которую последний играл на Парижской мирной конференции, вынуждает автора книги упоминать об этом «незаконном», с его точки зрения, вопросе. Но как он упоминает?

Говоря о представительстве отдельных стран на Парижской конференции, Марстон пишет: «Россия и Румыния, два государства, заключившие сепаратные договоры с неприятелем, были отнесены в список стран, о которых речь шла особо»¹. Этой фразой, зачисляющей Россию и Румынию в одну и ту же рубрику, Марстон ограничивается и лишь затем вскользь упоминает, что Румынии было предоставлено право послать на конференцию трёх делегатов, в то время как Россия была совершенно лишена какого бы то ни было представительства. Автор ни одним словом не упоминает о том, что дело было вовсе не в подписании сепаратных договоров, а в том, что Румыния, несмотря на подписание этого договора, была допущена на конференцию, так как она явилась соучастницей вооружённой интервенции против Советской России и непрерывно предлагала свои услуги для «борьбы с большевизмом». Именно поэтому союзники «забыли» о том, что Румыния подписала сепаратный договор с Германией и перешла на её сторону.

Такое же отношение к «русскому вопросу» автор проявляет и в других местах своей книги. Так, например, в главе «Конец конференции» перечисляются проблемы, которыми занималась конференция после подписания Версальского договора, но нигде автор не упоминает об обширных прениях по «русскому вопросу». А между тем именно в этот период обсуждались такие проблемы, как организация блокады Советской России, вопрос о мирных договорах между Советской Россией и Прибалтийскими странами, признание союзниками Прибалтийских стран, помощь Деникину, помощь Колчаку, признание союзниками Закавказских республик и т. д.

Общее отношение Марстона к «русскому вопросу» приводит его к фальшивой трактовке вопроса о Польше вообще и польско-украинской борьбе в Восточной Галиции (Западной Украине) в частности. Так, по вопросу о Польше Марстон пишет: «Совет десяти был также озабочен неустойчивостью положения в Восточной Европе, где вследствие отпадения России и постигшей эту страну катастрофы не было возможности непосредственно осуществлять контроль со стороны Парижа. Союзники вынуждены были создать новую «точку опоры» в лице Польши, и проблемы, касавшиеся этой зоны, с самого начала легли на Совет десяти»².

В этом вопросе автор скрывает его сущность и подменяет действительное положение вещей лицемерными фразами, извращающими факты. Между тем факты в вопросе о Польше заключались в том, что упоминаемый Марстоном «контроль со стороны Парижа» был

¹ F. S. Marston, op. cit., p. 36.

² Ibid., p. 106.

не чем иным, как созданием из Польши вооружённого плацдарма борьбы против Советской России. Именно организацией этого плацдарма систематически занимались как Совет десяти, так и Совет четырёх. Марстон об этом умалчивает и, например, упоминая мимоходом о переброске войск генерала Галлера в Польшу, ни разу не говорит, для какой цели предназначались эти войска.

Точно так же Марстон скрывает и извращает факты, относящиеся к борьбе между пилсудчиками и петлюровцами в Западной Украине и подлинной роли в этом деле союзников¹. Между тем даже с чисто процедурной точки зрения польско-украинские отношения занимали весьма большое место в работах Парижской конференции и в частности Совета десяти. Однако, если бы Марстон оказал этому вопросу то внимание, которое он заслуживал, ему пришлось бы рассказать о том, как Совет десяти использовал вооружённую борьбу между петлюровцами и пилсудчиками для натравливания как одних, так и других против Советской России.

Последний штрих, весьма ярко характеризующий позицию Марстона в «русском вопросе», даётся в главе, носящей название «Ретроспективный обзор». В этой главе, подводя итоги Парижской конференции 1919 г., автор пишет: «Большим несчастьем конференции была та неизбежная, по обстоятельствам того времени, брешь, которую представляло отсутствие на ней каких бы то ни было делегатов от России, вследствие чего последняя не принимала участия в решениях конференции, что глубоко отразилось как на их существе, так и на их прочности»².

Мы знаем, что эта «неизбежность» была, мягко выражаясь, весьма своеобразна. Дело заключалось в том, что Парижская *мирная* конференция, сделавшаяся с момента своего созыва генеральным штабом *вооружённой* интервенции против Советской России, устранила представителей Советской России от участия в ней.

Для понимания действительного содержания прений по «русскому вопросу» на Парижской мирной конференции книга Марстона не даёт правдивого материала.

Буржуазная историческая и мемуарная литература освещает интересующий нас вопрос в извращённом, фальсифицированном виде.

Обратимся к документации, касающейся Парижской мирной конференции.

В 1943—1948 гг. государственный департамент США выпустил серию документов, представляющих собой секретарские записи заседаний основных органов Парижской мирной конференции (Совета десяти, Совета четырёх и Совета глав делегаций, являвшегося после 28 июня 1919 г. руководящим органом Парижской мирной конференции). Эти документы, обнимающие собой период с 12 января 1919 г. по 21 января 1920 г. и носящие название «Документы, относящиеся к внешним сношениям Соединённых Штатов», насчитывают 13 томов. Одиннадцатый том специально посвящён протоколам делегации США на Парижской мирной конференции с 31 января по 4 сентября 1919 г.

¹ F. S. Marston, op. cit., p. 107.

² Ibid., p. 228.

Прежде всего необходимо отметить, что опубликованные записи заседаний основных органов Парижской мирной конференции являются до настоящего времени единственными источниками протокольного характера (если не считать соответствующей публикации министерства иностранных дел Великобритании, выпустившего в 1948 г. первый том документов, начинающихся, однако, лишь с 28 июня 1919 г., т. е. не совпадающих по периоду, охваченному документами США; об этом см. ниже).

Можно ли считать, что эти документы дают исчерпывающую и правильную историю дискуссии по «русскому вопросу» (мы оставляем в стороне, как выходящие за рамки нашей тематики, вопросы об общем анализе и оценке этих документов по другим проблемам Парижской конференции).

На этот вопрос мы должны ответить отрицательно.

Чтобы создать соответствующее, необходимое США, впечатление о той или иной дискуссии, в публикации государственного департамента не напечатаны некоторые протоколы, либо не напечатаны или сокращены документы, относящиеся к данному протоколу и поясняющие его действительное содержание. В целом ряде случаев имеются указания на то, что тот или иной документ не печатается. Документация не является исчерпывающей. Она отражает специфический интерес к тому или иному вопросу со стороны США.

Анализ секретарских записей заседаний основных органов Парижской мирной конференции даёт достаточное основание для улик в вопросе о фальсификации государственным департаментом действительной истории «русского вопроса» на Парижской мирной конференции. Анализ протоколов заседаний делегации США (том 11) даёт прямые улики против государственного департамента. Одиннадцатый том мог бы дать полное представление о линии поведения американской делегации в обсуждении «русского вопроса». Но именно потому, что целью государственного департамента являетсякрытие этой линии поведения, одиннадцатый том в особенности представляет собой фальсификацию. В протоколах ряда заседаний делегации мы можем прочесть лишь заголовки вопросов, относящихся к «русской проблеме» и обсуждавшихся на том или ином заседании делегации. Однако было бы тщетным усилием искать содержание прений, которые, судя по заголовку, велись. Именно этих прений в одиннадцатом томе, как правило, не имеется. Дается либо решение, либо отмечается, что вопрос был отложен. Судить по документам одиннадцатого тома о подлинной позиции делегации США на Парижской мирной конференции по «русскому вопросу» нельзя.

Таким образом, совершенно очевидно, что публикация государственного департамента США имеет отнюдь не задачу выявления действительной позиции США, а, наоборот, задачу представить эти позиции в извращённом виде при помощи фальсификации истории, замазать империалистические цели внешней политики США в «русском вопросе», изобразить позицию США как миролюбивую по отношению к Советской республике.

В начале 1948 г. появился первый том первой серии документов британской внешней политики (1919—1939 гг.). Этот том частично

охватывает период Парижской мирной конференции, поскольку документация начинается с 28 июня 1919 г., т. е. не затрагивает ни заседаний Совета четырёх, ни заседаний Совета десяти до подписания Версальского мирного договора. Это обстоятельство сильно обесценивает британскую документацию именно в части, касающейся изучения «русского вопроса», поскольку исключительно важные прения и решения, касающиеся Советской России, принимались в период до 28 июня 1919 г. И именно эту документацию британское министерство иностранных дел не сочло нужным опубликовать. Не трудно догадаться, с какой целью МИД Великобритании так «урезал» свою публикацию по «русскому вопросу». Эта цель идентична установке государственного департамента США. Как и последний, МИД Великобритании пытается скрыть и замазать действительную позицию Англии в 1919—1920 гг. Редакторы этого тома британской документации сами заявляют, что основной темой их документации является проблема сношений с германским правительством по вопросу о выполнении условий Версальского договора. К сказанному они прибавляют, что за этот период, который охватывается первым томом (28 июня 1919 г.— октябрь 1919 г.), «обычно не обсуждались проблемы, связанные с событиями в России, за исключением некоторых отдельных вопросов, как, например, торговое эмбарго»¹.

Это заявление выдаёт редакторов британских документов. В самом деле, именно в этот период (т. е. после 28 июня 1919 г.) на заседании глав делегаций обсуждались такие вопросы, относящиеся к проблеме Советской России, как, например, отзывание германских войск из стран Прибалтики, помощь Юденичу, помощь Закавказским республикам, блокада Советской России и т. д., что противоречит утверждениям редакторов первого тома. Утверждение редакторов британских документов свидетельствует об их стремлении фальсифицировать действительный характер обсуждения «русского вопроса» на второй части Парижской мирной конференции.

Протоколы заседаний английской (до 28 июня 1919 г.), французской и итальянской делегаций до сих пор (декабрь 1948 г.) не опубликованы; не опубликована также переписка между делегациями и соответствующими министерствами иностранных дел.

Чем вызваны скрытие документов и фальсификация буржуазной историографией действительного содержания «русского вопроса» на Парижской конференции 1919 г.?

Главной причиной этой фальсификации является нежелание открыть широким массам действительное содержание одной из позорнейших страниц в истории империализма. Именно этим объясняется систематическое замалчивание буржуазными мемуаристами и историками роли и значения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции. Парижская мирная конференция являлась центральным штабом вооружённой интервенции против Советской республики. Ряд наиболее преступных планов, направленных на вооружённое свержение советского правительства, расчленение России, превращение её в объект колониальной эксплуатации иностран-

¹ Documents on British Foreign Policy, 1919—1939, First Series, v. 1. 1919.

ного капитала, разрабатывался и обсуждался именно на этой так называемой мирной конференции. Как у непосредственных участников этих преступлений, так и у их учёных апологетов было достаточно оснований для того, чтобы скрыть действительное положение вещей, фальсифицировать историю Парижской мирной конференции и извратить действительное содержание дискуссий по «русскому вопросу».

«Русский вопрос» на Парижской мирной конференции разоблачил циничное содержание внешней политики империализма после окончания первой мировой войны. Лицемерной демагогией буржуазные политики, дипломаты и историки стремились и стремятся прикрыть нарушение элементарных принципов международного права, хладнокровно задуманное и столь же хладнокровно осуществлённое вооружённое нападение на страну, которая произвела величайшую в истории человечества революцию, замаскировать открытое вмешательство во внутренние дела этой страны, скрыть организацию и всемерную помощь контрреволюционным бандам, блокаду, обрекшую на голод и смерть миллионы детей, женщин, стариков. Парижская мирная конференция являлась совещанием представителей международного империализма, и ни у них самих, ни у их апологетов из числа историков нет желания поведать широким массам трудящихся о действительных размерах и характере преступлений, о планах, разработанных в 1919—1920 гг. в Париже. Этим объясняется огромная работа по фальсификации, которой занимаются буржуазные политики, дипломаты, историки в течение времени, прошедшего с момента Парижской мирной конференции.

На основании сделанного нами выше разбора части буржуазной литературы и источников, касающихся «русского вопроса» на Парижской мирной конференции, мы можем сказать, что написанное за рубежом о «русском вопросе» на Парижской мирной конференции является фальсификацией истории, не соответствует исторической правде.

Долг советских историков заключается в том, чтобы разоблачить подлинную политику англо-французского и американского империализма в «русском вопросе», в частности на Парижской мирной конференции 1919—1920 годов.

В советской исторической литературе в тех сравнительно немногих работах¹, которые посвящены Парижской мирной конференции в целом, авторы их, во-первых, ограничили своё исследование работ конференции 28 июня 1919 г. (т. е. днём подписания Версальского договора), в то время как конференция продолжалась до 21 января 1920 г., а, во-вторых, посвятили «русскому вопросу» непропорцио-

¹ Мы подвергаем анализу лишь некоторые специальные работы на интересующую нас тему, не останавливаясь на публикациях НКИД, сборниках документов, таких трудах, как «История дипломатии» под редакцией В. Потёмкина, и на таких произведениях, где повествуется о вооружённой интервенции в России или на отдельных её участках. — Б. Ш.

нально малое место. Уже то обстоятельство, что общие работы, касающиеся Парижской мирной конференции, не выходят за пределы 28 июня 1919 г., не даёт возможности их авторам заняться разработкой таких проблем, как роль Парижской мирной конференции в организации второго похода Антанты (осень 1919 г.), блокада Советской России, отношение союзников к странам Прибалтики и в частности к мирным переговорам между этими странами и Советской Россией, отношение союзников к Закавказским республикам, признание союзниками «правительств» меньшевистской Грузии, дашнакской Армении и муссаватистского Азербайджана, роль США в попытках расчленения Советской России, в прямой аннексии русской Армении и т. д. Эти проблемы остались вне поля зрения ряда советских историков, писавших о Парижской мирной конференции.

Ту же картину можно наблюдать и в статьях (в частности в предисловиях к переводным книгам), посвящённых отдельным проблемам Парижской мирной конференции.

В ранних работах советских историков, касавшихся исследуемого нами периода, преобладала неверная и глубоко фальшивая тенденция изображать Соединённые Штаты в качестве страны, игравшей наименьшую роль в вооружённой интервенции против Советской республики и даже проявлявшей якобы «мирные тенденции» по отношению к Советскому государству. Эта неверная, антиисторическая трактовка брала своё начало от М. Н. Покровского, который в своих работах утверждал «особую позицию» США и расписывал эту позицию в качестве миролюбивой по отношению к Советскому государству.

На такой же глубоко неправильной позиции, обеляющей США, стоял и другой автор — Мих. Павлович¹, который писал, что «из трёх главнейших врагов, боровшихся с нами в период вооружённой интервенции, наименее опасным и наименее упрямым и последовательным в войне против нас была Трансатлантическая республика».

Факты, часть которых приведена в нашем исследовании, полностью опровергают эти и подобные им утверждения относительно позиции США, являвшихся наиболее последовательным врагом Советского государства и притом не только в период вооружённой интервенции. Достаточно напомнить (не говоря уже о фактах периода интервенции), что, в то время как два других участника интервенции — Великобритания и Франция — установили с Советским Союзом нормальные отношения в 1924 г., США упорно отказывались от этого акта вплоть до 1933 г.

Позиция Покровского — Павловича нанесла большой вред в вопросе о выявлении действительной роли США в вооружённой интервенции.

Из работ советских историков, посвящённых Парижской мирной конференции, следует отметить исследование А. Рош «Борьба вокруг Версальского договора (1918—1919 гг.)». Однако, поскольку эта работа заканчивается моментом подписания Версальского договора, к ней приложимо всё то, что мы выше говорили об ограничении тематики исследуемой проблемы. С другой стороны, нельзя пройти мимо того, что в книге, насчитывающей 197 страниц, «русскому вопросу»

¹ Мих. Павлович, Советская Россия и капиталистическая Америка, М.—Л. 1922.

(глава так и называется) посвящено лишь 14 страниц, что не соответствует значению и роли «русского вопроса» на Парижской мирной конференции.

К числу несомненных достоинств этой, хотя и краткой, главы следует отнести правильную позицию автора, занятую им по вопросу о действительном содержании политики Ллойд Джорджа в отношении Советской России и в частности в отношении вооружённой интервенции. Автор вскрыл действительное содержание «мирного» предложения Ллойд Джорджа о созыве конференции на Принцевых островах, указав на то, что «английский премьер втайне надеялся посредством созыва конференции по «русскому вопросу» достигнуть расчленения России на ряд небольших государств»¹.

Не будучи в момент издания своей книги знаком с протоколами Парижской мирной конференции, опубликованными лишь несколько лет спустя, автор критически отнёсся к рассказам Ллойд Джорджа о его собственной политике 1919 г., приведённым в книге «Правда о мирных договорах».

По вопросу о том, являлся или не являлся Ллойд Джордж сторонником вооружённой интервенции, автор пишет: «Будучи последовательным проводником политики английского империализма и убеждённым противником Советской России, Ллойд Джордж по соображениям внутренней политики отвергал прямую военную интервенцию против советских республик. Он рассчитывал, что широкой поддержкой белогвардейских правительств британский империализм достигнет расчленения России»².

Таким образом, автор правильно подчёркивает, что Ллойд Джордж был противником не вообще всякой вооружённой интервенции против Советской России, а лишь интервенции в её прямой, неприкрытой форме, т. е. при помощи войск самой Антанты, и стоял за интервенцию в её прикрытой форме, т. е. при помощи войск окраинных государств и белогвардейских «правительств». Более глубокое исследование позиции Ллойд Джорджа, основанное на протоколах конференции, могло бы показать автору, что Ллойд Джордж отнюдь не отказывался в те или иные периоды от участия и в прямой форме интервенции. Вот почему нельзя утверждать столь категорически, как это делает автор, что «Ллойд Джордж не был сторонником военного похода против Советской России»³.

Если в работе А. Рош в основном правильно изложена позиция английского империализма в «русском вопросе», то этого нельзя сказать об освещении позиции США.

Позицию США в «русском вопросе» автор изложил только с точки зрения сравнения её с позицией Японии. Он пишет: «Позиции США и японского империализма в «русском вопросе» также расходились коренным образом. США опасались захвата Японией русских дальневосточных владений, что привело бы к усилению японского империализма — важнейшего противника Соединённых Штатов. Кроме того, это означало бы закрытие русского Дальнего Востока

¹ А. Рош, Борьба вокруг Версальского договора, М. 1941, стр. 79.

² Там же, стр. 81.

³ Там же, стр. 85.

и Восточной Сибири для проникновения туда американского капитала и торговли. Правящие круги США стояли и в «русском вопросе» на позиции «открытых дверей и равных возможностей», в отличие от Японии, намечавшей широкие захватнические планы»¹.

Автор прав, утверждая, что США опасались и противодействовали захвату Японией русского Дальнего Востока. Однако он не прав, рассматривая американскую политику «открытых дверей и равных возможностей», как нечто принципиально отличное от японской захватнической политики в отношении русского Дальнего Востока. Изучение протоколов Парижской мирной конференции и заявлений государственного департамента США не оставляет никаких сомнений в том, что США со своей стороны стремились к захвату русского Дальнего Востока и что участие американских войск в интервенции на Дальнем Востоке преследовало ту же цель, что и участие японских войск. Декламация об «открытых дверях и равных возможностях» должна была служить лишь прикрытием подлинных захватнических намерений и целей правящих кругов США.

Ограничиваясь этой стороной вопроса (противоречия между США и Японией), автор ничего не говорит об общей позиции США и Вильсона в «русском вопросе» в целом. В частности он умалчивает о том, что вопреки ряду благожелательных деклараций Вильсон на Парижской мирной конференции проводил ту же политику расчленения России, что и Ллойд Джордж. Комментарии полковника Хауза к «14 пунктам» Вильсона, одобренные самим Вильсоном, являются неопровержимым доказательством сказанного нами о подлинной позиции США.

Нельзя не остановиться на сделанном автором противопоставлении позиции Великобритании и Франции в вопросе о расчленении России. Цитируя замечания В. И. Ленина о том, что «Французам нужна сильная Польша и сильная Россия *царского типа*»² и что «Англия же, исходя из своего географического положения, стремится к другому — к раздроблению России», автор упускает из виду, что В. И. Ленин говорит в данном случае о «сильной России *царского типа*». Таким образом, речь идёт об определённом социально-политическом режиме. Что же касается Советской России, то политика Клемансо в этом аспекте не отличалась от политики Ллойд Джорджа. Клемансо подписал англо-французское соглашение о разделе «зон влияния» в России от 23 декабря 1917 г. Клемансо поддерживал петлюровскую Украину. Равным образом Клемансо совместно с Ллойд Джорджем поддерживал отторжение Прибалтики и Закавказья от России, не говоря уже о передаче Польше Западной Украины. Таким образом, налицо политика расчленения России, которую на деле проводил французский империализм.

Нельзя согласиться с автором в указании непосредственной причины срыва конференции на Принцевых островах. Автор пишет: «Опасаясь, что участие советских республик в конференции явится их признанием со стороны союзников и США, белогвардейские правительства отказались от посылки на Принцевы острова своих

¹ А. Рош, Борьба вокруг Версальского договора, стр. 83.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 259. Курсив мой. — Б. Ш.

делегаций и, при активном содействии французских дипломатов, со-
свали намечавшуюся конференцию»¹.

Распределение ролей между французской дипломатией и бело-
гвардейскими «правительствами» освещено неправильно. Активная
роль в срыве конференции на Принцевых островах принадлежала
французской дипломатии, которая не хотела созыва конференции на
Принцевых островах. Само собой разумеется, что белогвардейским
«правительствам» подобная позиция была наруку, и они поспешили
«отказаться от участия в конференции».

Работой, в которой затрагивается «русский вопрос» на Париж-
ской мирной конференции, является кандидатская диссертация
А. Гиршфельда «Версаль», сокращённый текст которой опубликован
в № 8 «Военно-исторического журнала» за август 1940 г.

К положительным сторонам этой работы следует отнести разо-
блачение подлинной позиции США по отношению к Советской Рос-
сии. Вопреки установившемуся ещё по почину М. Н. Покровского
ошибочному взгляду о том, что «позиция Соединённых Штатов по
отношению к русским и русской революции была иной, чем позиция
Антанты»², А. Гиршфельд правильно пишет: «Другой стороной основ-
ного задания американского империализма, с которым Вильсон при-
был в Европу, было уничтожение советской власти. Самым фактом
своего существования Советская Россия разрушала планы мирового
господства американского империализма. В этом направлении Виль-
сон действовал упорно ещё в период подготовки Версаля, активно
поддерживая любую антисоветскую акцию и прикрывая свою ли-
нию на расчленение Советской России лживыми фразами «для
масс»³.

В подтверждение правильности своего вывода о том, что США
проводили политику расчленения Советской России, автор диссертаци-
и «Версаль» привёл комментарии полковника Хауза к «14 пунктам»
Вильсона, документ, который полностью разоблачает лживость офи-
циальных заявлений Вильсона о том, что США были против расчле-
нения России.

Наряду с отмеченными выше правильными установками автора
в его работе имеются и неправильные, вызывающие серьёзные возра-
жения. Говоря о предложении Ллойд Джорджа созвать конференцию
на Принцевых островах, автор задаёт вопрос, чем было вызвано это
предложение. Отвечая на этот вопрос, автор утверждает, что Ллойд
Джордж внёс своё предложение потому, что «начал выражать сомне-
ние в успешном исходе интервенции». «Отсюда,— продолжает ав-
тор,— и вытекало его предложение созвать этих людей в Париже»⁴.
Что Ллойд Джордж в январе 1919 г. сомневался в успешности во-
оружённой интервенции,— верно. Однако эти сомнения Ллойд
Джорджа относились не к вооружённой интервенции как таковой, а
лишь к её неприкрытой форме, т. е. интервенции при помощи войск
Антанты. Как раз созыв конференции на Принцевых островах давал
возможность и Ллойд Джорджу и Вильсону продолжать воору́жен-

¹ А. Ролл, Борьба вокруг Версальского договора, стр. 85.

² М. Н. Покровский, Внешняя политика России в XX веке, 1926, стр. 80.

³ «Военно-исторический журнал» № 8, 1940, стр. 70.

⁴ Там же, стр. 76.

ную интервенцию, но только в прикрытой форме, т. е. при помощи войск окраинных государств и белогвардейских правительств. С другой стороны, предложение о созыве конференции являлось попыткой легализовать расчленение Советской России. Наконец, это предложение преследовало своей задачей приостановить распространение советской власти, что имело место как раз в тот период. Все отмеченные нами мотивы не нашли в работе А. Гиршфельда достаточно ясного изложения, а некоторые из них опущены.

Наконец, в вопросе об использовании союзниками германских войск в Прибалтике для вооружённой борьбы против Советской России А. Гиршфельд пишет: «Руководителям Антанты это мероприятие (т. е. оставление германских войск в Прибалтике) казалось, однако, слишком рискованным. Они учитывали, несомненно, что Октябрьская революция в России оказала большое влияние на германский народ и солдат и что *германская армия вряд ли может служить слепым орудием в руках Антанты*»¹. Подчёркнутые мною слова следует признать не только недоказанными, но и просто неверными. Изучение протоколов Парижской мирной конференции убеждает в том, что союзники считали использование германских войск в Прибалтике в вооружённой борьбе против Советской России не столь рискованным мероприятием, как это представляется А. Гиршфельду. На словах они об этом говорили и даже «настаивали» на эвакуации германских войск из Прибалтики. Однако на деле всё поведение союзников доказывает, что они стремились использовать и использовали германские войска именно для вооружённой борьбы против Советской России. Представитель Великобритании Бальфур прямо говорил, что участие германских войск в вооружённой борьбе против Советской России является положительной стороной их пребывания в Прибалтике. Союзники «не заметили» превращения германских войск фон дер Гольца в «русскую» армию Бермонта-Авалова. Опасения союзников, как бы при помощи германских войск германское правительство не захватило Прибалтику, были подчинены той выгоде, которую союзники получали, используя германские войска в вооружённой борьбе против Советской России. Когда при помощи Антанты была создана сила, способная в определённой мере заманить германские войска в Прибалтике, только тогда Антанта — англо-франко-американская коалиция — реально решила и *добилась* эвакуации немецких войск из Прибалтики.

Выше мы отмечали специфическую трактовку «русского вопроса» на Парижской мирной конференции, данную в книге Г. Никольсона «Как делался мир в 1919 году». Мы указывали, что Никольсон скрыл действительное содержание дискуссии по «русскому вопросу», происходившей на конференции. К сожалению, автор предисловия к русскому переводу работы Никольсона академик И. М. Майский не только не отметил это сознательное упущение Никольсона и полное игнорирование им роли и значения «русского вопроса» на конференции, но и со своей стороны дал неверную трактовку позиций главных действующих лиц в дискуссии по «русскому вопросу».

¹ «Военно-исторический журнал» № 8, 1940, стр. 76.

И. М. Майский пишет: «В момент открытия Парижской конференции гражданская война и иностранная интервенция были в полном разгаре. О приглашении Советской России в Париж для участия в мирных переговорах при таких условиях, конечно, не могло быть и речи. Особенно резкую позицию в этом вопросе занимала Франция. Однако отсутствие России на конференции, которая должна была решить судьбу Европы на много лет вперед, тревожило и беспокоило более дальновидных политиков. Вильсон и Ллойд Джордж в январе 1919 г. в самом начале Парижской конференции провели решение — пригласить все существовавшие в то время «русские правительства» на Принцевы острова (в Мраморном море) для переговоров о восстановлении мира в России. Как известно, советское правительство на это согласилось. Однако Франция совместно с правыми кругами Англии сорвала предполагавшиеся переговоры, «посоветовав» белогвардейским «правительствам» отклонить предложение конференции»¹.

В цитированном абзаце имеется ряд неправильных положений. Согласно И. М. Майскому, предложение о созыве конференции на Принцевых островах было сделано Ллойд Джорджем и Вильсоном потому, что их, как «дальновидных политиков», беспокоило «отсутствие» России на конференции, которая должна была решить судьбу Европы на много лет вперед. Такая постановка вопросов далека от действительного положения вещей. И Вильсон и Ллойд Джордж действительно были обеспокоены в январе 1919 г. Однако причина их беспокойства заключалась совсем не в том, что Россия была устранена с конференции, «решавшей судьбу Европы». Действительная причина беспокойства Вильсона и Ллойда Джорджа заключалась в том, что советская власть в конце 1918 г. и начале 1919 г. одержала ряд побед над интервентами и их белогвардейскими агентами. Советская власть распространялась, и все усилия интервентов остановить это распространение к январю 1919 г. оказались тщетными. Именно вследствие невозможности остановить успехи советской власти при помощи методов неприкрытой интервенции Ллойд Джордж и Вильсон выдвинули идею созыва конференции на Принцевых островах, причём условием созыва этой конференции было заключение перемирия на всех фронтах интервенции и контрреволюции. Таким образом, одной из основных целей предложения о созыве конференции была приостановка советского наступления. Эта цель сопровождалась и другой. Созыв на Принцевых островах представителей всех фактических правительств России и равные права, предоставляемые этим правительствам на конференции, должны были зафиксировать и узаконить расчленение России, т. е. добиться именно той цели, которую интервенты не могли достичь при помощи неприкрытой интервенции. Иными словами, выдвигая предложение о конференции на Принцевых островах, Ллойд Джордж и Вильсон выдвигали идею замены неприкрытой интервенции прикрытой. В этом заключался смысл «миролюбивого» предложения Ллойда Джорджа и Вильсона, а вовсе не в том, что они заботились об участии России в «решении судеб Европы».

О книге А. Тардье «Мир» мы говорили выше. Необходимо отметить, что в вступительной статье к русскому переводу этой

¹ Г. Никольсон, Как делался мир в 1919 году. Предисловие И. Майского стр. 9—10.

книги (выпущен в 1943 г.) Б. Е. Штейн чрезвычайно недостаточно останавливается на позиции Тардье и французской дипломатии в «русском вопросе». Хотя в статье и отмечается, что «русская проблема» представляла собой одну из основных проблем этой (Парижской) конференции» и что Тардье весьма скупо касается «русского вопроса», тем не менее автор вступительной статьи не раскрывает причины этой «скудости» ближайшего помощника Клемансо. Точно так же автор проходит мимо меморандума Тардье (см. выше), в котором нашла выражение тенденция французской дипломатии способствовать расчленению России.

Наконец, автор вступительной статьи не даёт достаточно развёрнутой характеристики проекта конференции на Принцевых островах.

Аналогичные замечания следует сделать и в отношении вступительной статьи А. Трояновского к русскому изданию IV тома «Архива полковника Хауза» (выпущен в 1944 г.). Об этом томе мы писали выше и в частности отметили отсутствие в этой книге записей, относящихся к «русскому вопросу». Равным образом мы отметили, что подобное «умолчание» является далеко не случайным и отражает попытку скрыть действительную позицию США как активного участника вооружённой интервенции в Советской Республике. Автор вступительной статьи проходит мимо этой попытки фальсифицировать историю. Отмечая известный комментарий полковника Хауза к 6-му (из 14) пункту Вильсона, комментарий, в котором полностью отразилась линия США на расчленение России (вопреки лицемерным заявлениям Вильсона, Лансинга и самого Хауза), автор вступительной статьи сопровождает этот комментарий следующим замечанием: «Так как практически проблема сводилась к тому, чтобы признать временные правительства (буржуазные «правительства», образовавшиеся на окраинах России и поддерживавшиеся интервентами. — Б. Ш.) и оказать им помощь, то в этом можно видеть зародыш идеи интервенции в пользу этих временных правительств»¹. Вряд ли нужно доказывать, что комментарий Хауза к пункту 6 представлял собой отнюдь не «зародыш идеи интервенции», которая (интервенция) при активном участии США в этот момент (осень 1918 г.) длилась уже несколько месяцев, а попытку создать единую программу интервенции и расчленения России.

К этому времени США активно осуществляли интервенцию (в том числе и собственными вооружёнными силами) на севере России и на Дальнем Востоке, помогая в то же время интервенции в Прибалтике и в других местах. Вот почему, квалифицируя планы США как «зародыш идеи интервенции», автор цитируемой статьи тем самым преуменьшает активную роль США в вооружённом походе на Советскую республику.

Наконец, необходимо остановиться на вышедшей в 1947 г. книге И. М. Лемина («Внешняя политика Великобритании. От Версаля до Локарно». 1919—1925 гг.), затрагивающей проблему Парижской мирной конференции. Одним из существенных пороков этой книги является смазывание роли и значения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции, в то время когда именно это

¹ «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. XXI.

вопрос был центральной проблемой конференции. Подходя к названной теме формально, автор пишет, что «первый вопрос, поднятый Вильсоном на Парижской конференции, был вопрос о Лиге наций». Это утверждение абсолютно не соответствует действительности. Ещё до формального открытия конференции (18 января 1919 г.) союзники и в том числе США обсуждали именно «русский вопрос», который, повторяем, играл наиболее существенную роль в работах конференции и который определял решения конференции по другим проблемам. Такое принижение роли и значения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции повторяет позицию буржуазных историков и мемуаристов, из кожи вон лезущих для того, чтобы затушевать и затемнить действительное значение «русского вопроса».

Всё сказанное позволяет прийти к выводу, что серьёзной задачей советских историков является разоблачение буржуазных взглядов и позиций, касающихся «русского вопроса», кем бы эти взгляды ни проповедывались, восстановление действительной роли и значения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции и правильное освещение позиций всех интервентов по отношению к Советской России.

БИБЛИОГРАФИЯ ¹

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Ленин В. И.* В Англии. Соч. Изд. 4. Т. 18, с. 246—247.
- Ленин В. И.* Империализм и раскол социализма. Соч. Изд. 3. Т. XIX, с. 301—313.
- Ленин В. И.* Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Соч. Изд. 3. Т. XIX, с. 359—378.
- Ленин В. И.* Финляндия и Россия. Соч. Изд. 3. Т. XX, с. 323—325.
- Ленин В. И.* Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 1—16.
- Ленин В. И.* Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 151—164.
- Ленин В. И.* Речь на митинге в Бутырском районе 2 августа 1918 г. Краткий газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 169—170.
- Ленин В. И.* Речь на митинге в Сокольническом районе 9 августа 1918 г. Краткий газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 174.
- Ленин В. И.* Письмо к американским рабочим. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 176—189.
- Ленин В. И.* Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 192—196.
- Ленин В. И.* Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой! Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 205—208.
- Ленин В. И.* Доклад на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 228—238.
- Ленин В. И.* Резолюция, принятая на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 239—240.

¹ Составлена Е. Н. Малиновской по материалам Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР.

- Ленин В. И.* Речь на торжественном заседании Всероссийского Центрального и Московского Советов Профессиональных Союзов 6 ноября 1918 г. Газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 242—243.
- Ленин В. И.* VI Всероссийский чрезвычайный съезд советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 245—272.
- Ленин В. И.* Ценные признания Питирима Сорокина. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 289—296.
- Ленин В. И.* Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 305—330.
- Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 331—412.
- Ленин В. И.* Речь на II Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства 25 декабря 1918 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 445—450.
- Ленин В. И.* Письмо к рабочим Европы и Америки. Соч. Изд. 3. Т. XXIII, с. 494—500.
- Ленин В. И.* Успехи и трудности Советской власти. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 51—78.
- Ленин В. И.* VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 109—179.
- Ленин В. И.* Чрезвычайное заседание пленума Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов 3 апреля 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 205—222.
- Ленин В. И.* Пленум Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов 11 апреля 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 227—242.
- Ленин В. И.* Третий Интернационал и его место в истории. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 246—252.
- Ленин В. И.* Речь на конференции железнодорожников Московского узла 16 апреля 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 255—259.
- Ленин В. И.* Речь о борьбе с Колчаком на конференции фабрично-заводских комитетов профессиональных союзов Москвы 17 апреля 1919 г. Газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 260—262.
- Ленин В. И.* I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 273—307.
- Ленин В. И.* О современном положении и ближайших задачах Советской власти. Доклад на соединенном заседании ВЦИК и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов, Московского Совета Профессиональных Союзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы 4 июля 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 351—361.
- Ленин В. И.* О задачах III Интернационала. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 382—399.
- Ленин В. И.* Ответ на вопросы американского журналиста. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 402—405.
- Ленин В. И.* Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 494—500.
- Ленин В. И.* Два года Советской власти. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 520—521.

- Ленин В. И.* Два года Советской власти. Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, ВЦСПС и фабрично-заводских комитетов, посвященном двухлетней годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 522—530.
- Ленин В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 542—551.
- Ленин В. И.* Всероссийская конференция РКП(б) 2—4 декабря 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 555—578.
- Ленин В. И.* VII Всероссийский съезд Советов 5—9 декабря 1919 г. Соч. Изд. 3. Т. XXIV, с. 587—628.
- Ленин В. И.* Речь на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района 26 января 1920 г. Газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 13—16.
- Ленин В. И.* Речь на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. Краткий газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 21—22.
- Ленин В. И.* Речь на конференции железнодорожников Московского узла 5 февраля 1920 г. Краткий газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 23.
- Ленин В. И.* Коль война, так по военному. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 24—25.
- Ленин В. И.* Речь на беспартийной конференции Благоше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г. Газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 26—28.
- Ленин В. И.* Речь на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 47—62.
- Ленин В. И.* Речь на заседании Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов 6 марта 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 65—70.
- Ленин В. И.* IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 89—130.
- Ленин В. И.* Речь на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих 1 апреля 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 131—136.
- Ленин В. И.* Речь на Всероссийском съезде рабочих стеклофарфорового производства 29 апреля 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 251—254.
- Ленин В. И.* Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 257—261.
- Ленин В. И.* Письмо к английским рабочим. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 262—265.
- Ленин В. И.* Речь на совещании по работе в деревне 12 июня 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 294—303.
- Ленин В. И.* Речь на Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. Газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 377—380.
- Ленин В. И.* Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 398—408.

- Ленин В. И.* Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 411—424.
- Ленин В. И.* Речь на Московской губернской партийной конференции 20 ноября 1920 г. Соч. Изд. 3. Т. XXV, с. 481—496.
- Ленин В. И.* VIII Всероссийский съезд Советов. Соч. Изд. 3. Т. XXVI, с. 1—59.
- Ленин В. И.* Речь на IV Всероссийском съезде рабочих швейной промышленности 6 февраля 1921 г. Соч. Изд. 3. Т. XXVI, с. 150—156.
- Ленин В. И.* Речь на заседании пленума Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов 28 февраля 1921 г. Соч. Изд. 3. Т. XXVI, с. 176—186.
- Ленин В. И.* Новые времена, старые ошибки в новом виде. Соч. Изд. 3. Т. XXVII, с. 3—11.
- Ленин В. И.* II Всероссийский съезд политпросветов 17—22 октября 1921 г. Соч. Изд. 3. Т. XXVII, с. 31—52.
- Ленин В. И.* Речь на праздновании четвертой годовщины Октябрьской революции на собрании рабочих Прохоровской мануфактуры 7 ноября 1921 г. Краткий газетный отчет. Соч. Изд. 3. Т. XXVII, с. 86.
- Ленин В. И.* IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г. Соч. Изд. 3. Т. XXVII, с. 109—144.
- Ленин В. И.* Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. Соч. Изд. 3. Т. XXVII, с. 317—321.
- Ленин В. И.* Советское строительство и задачи Советской власти. Январь 1919—март 1920 г. «Ленинский сборник» XXIV, с. 187—203.
- Сталин И. В.* Ещё о Стокгольме. Соч. Т. 3, с. 196—199.
- Сталин И. В.* Американские миллиарды. Соч. Т. 3, с. 232—235.
- Сталин И. В.* Иностранцы и заговор Корнилова. Соч. Т. 3, с. 286—288.
- Сталин И. В.* Речь на съезде финляндской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 г. Соч. Т. 4, с. 1—5.
- Сталин И. В.* Об украинской Раде. Речь на заседании ВЦИК 14 декабря 1917 г. Соч. Т. 4, с. 15—18.
- Сталин И. В.* Что такое украинская Рада? Соч. Т. 4, с. 19—21.
- Сталин И. В.* О «Турецкой Армении». Соч. Т. 4, с. 25—26.
- Сталин И. В.* О Киевской буржуазной Раде. Соч. Т. 4, с. 28—29.
- Сталин И. В.* Записка по прямому проводу народному секретариату Украинской советской республики. Соч. Т. 4, с. 41—44.
- Сталин И. В.* Украинский узел. Соч. Т. 4, с. 45—48.
- Сталин И. В.* Мирные переговоры с Украиной. Беседа с сотрудником газеты «Известия». Соч. Т. 4, с. 82—84.
- Сталин И. В.* Положение на Кавказе. Соч. Т. 4, с. 95—100.
- Сталин И. В.* О Донщине и Северном Кавказе (Факты и махинации). Соч. Т. 4, с. 104—115.
- Сталин И. В.* Логика вещей (По поводу «Тезисов» ЦК меньшевиков). Соч. Т. 4, с. 134—145.

- Сталин И. В.* О юге России. Беседа с корреспондентом газеты «Правда». Соч. Т. 4, с. 148—151.
- Сталин И. В.* Октябрьский переворот и национальный вопрос. Соч. Т. 4, с. 155—167.
- Сталин И. В.* Не забывайте Востока. Соч. Т. 4, с. 171—173.
- Сталин И. В.* Украина освобождается. Соч. Т. 4, с. 174—176.
- Сталин И. В.* С Востока свет. Соч. Т. 4, с. 177—182.
- Сталин И. В.* Дела идут. Соч. Т. 4, с. 183—185.
- Сталин И. В.* Политика Правительства по национальному вопросу. Соч. Т. 4, с. 225—229.
- Сталин И. В.* Два лагеря. Соч. Т. 4, с. 232—235.
- Сталин И. В.* Резервы империализма. Соч. Т. 4, с. 245—248.
- Сталин И. В.* К расстрелу 26 бакинских товарищей агентами английского империализма. Соч. Т. 4, с. 252—255.
- Сталин И. В.* Записка по прямому проводу В. И. Ленину из Петрограда 18 июня 1919 г. Соч. Т. 4, с. 262—264.
- Сталин И. В.* О Петроградском фронте. Беседа с корреспондентом газеты «Правда». Соч. Т. 4, с. 265—271.
- Сталин И. В.* К военному положению на юге. Соч. Т. 4, с. 282—291.
- Сталин И. В.* Выступления на IV конференции КП(б) Украины 17—23 марта 1920 г. Соч. Т. 4, с. 294—304.
- Сталин И. В.* Новый поход Антанты на Россию. Соч. Т. 4, с. 319—328.
- Сталин И. В.* О положении на юго-западном фронте. Беседа с сотрудником УкрРОСТА. Соч. Т. 4, с. 329—334.
- Сталин И. В.* Телеграмма В. И. Ленину 25 июня 1920 г. Соч. Т. 4, с. 335.
- Сталин И. В.* О положении на польском фронте. Беседа с сотрудником газеты «Правда». Соч. Т. 4, с. 336—341.
- Сталин И. В.* Политика советской власти по национальному вопросу в России. Соч. Т. 4, с. 351—363.
- Сталин И. В.* От автора. Предисловие к сборнику статей по национальному вопросу, изданному в 1920 году. Соч. Т. 4, с. 370—373.
- Сталин И. В.* О политическом положении республики. Доклад на краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа в г. Владикавказе 27 октября 1920 г. Соч. Т. 4, с. 374—381.
- Сталин И. В.* Три года пролетарской диктатуры. Доклад на торжественном заседании Бакинского Совета 6 ноября 1920 года. Соч. Т. 4, с. 382—393.
- Сталин И. В.* Положение на Кавказе. Беседа с сотрудником газеты «Правда». Соч. Т. 4, с. 408—412.
- Сталин И. В.* Да здравствует Советская Армения! Соч. Т. 4, с. 413—414.
- Сталин И. В.* О политической стратегии и тактике русских коммунистов. набросок плана брошюры. Соч. Т. 5, с. 62—87.
- Сталин И. В.* Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье. Доклад общему собранию тифлисской организации коммунистической партии Грузии. 6 июля 1921 г. Соч. Т. 5, с. 88—100.

Сталин И. В. Перспективы. Соч. Т. 5, с. 117—127.

Сталин И. В. Об объединении советских республик. Доклад на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. Соч. Т. 5, с. 145—155.

Сталин И. В. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. Предисловие к книге «На путях к Октябрю». Соч. Т. 6, с. 358—401.

Сталин И. В. VII расширенный пленум ИККИ 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Соч. Т. 9, с. 1—151.

Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) (Доклад и заключительное слово 27 июня — 2 июля 1930 г.). «Вопросы ленинизма». Изд. 10, с. 345—438.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5. М. 1946. 208 с.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М. 1946. 352 с.
Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. Изд. 2, испр. и доп. М. 1948. 244 с.

ДОКЛАДЫ, СТАТЬИ И РЕЧИ

Андреев А. А. Победа ленинско-сталинской национальной политики. М. 1935. 16 с.

Берия Л. П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Изд. 7. М. 1947. 288 с.

Булганин Н. А. Тридцать лет Советских Вооружённых Сил. Доклад на торжественном заседании в Большом театре в Москве 23 февраля 1948 г. М. 1948. 24 с.

Ворошилов К. Е. Ленин, Сталин и Красная Армия. М. 1934. 103 с.

Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М. 1937. 660 с.

Дзержинский Ф. Э. Избранные статьи и речи (1908—1926). М. 1947. 392 с.

Жданов А. А. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1946 года. 29-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. «Правда», 1946. № 265. 7.XI.

Жданов А. А. О международном положении. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М. 1948. 48 с.

Калинин М. И. Статьи и речи (1919—1935). М. 1936. 464 с.

Киров С. М. Избранные статьи и речи. М. 1939. 695 с.

Куйбышев В. В. Статьи и речи. М. 1937. 636 с.

Каганович Л. М. Международное и внутреннее положение и задачи комсомола. М. 1932. 106 с.

Маленков Г. М. Информационный доклад о деятельности ЦК ВКП(б) на совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М. 1948. 40 с.

Микоян А. И. Внешняя и внутренняя торговля СССР (Доклад на собрании московского партактива 10 октября 1926 г.). М. 1927. 53 с.

- Молотов В. М.* В борьбе за социализм (Речи и статьи от XVI до XVII съезда ВКП(б). М. 1935. 587 с.
- Молотов В. М.* Статьи и речи (1935—1936). М. 1937. 272 с.
- Молотов В. М.* К двадцатилетию Октябрьской революции. М. 1937. 40 с.
- Молотев В. М.* Вопросы внешней политики. М. 1948. 588 с.
- Орджоникидзе Г. К.* Избранные статьи и речи. М. 1939. 526 с.
- Свердлов Я. М.* Избранные статьи и речи. М. 1939. 190 с.
- Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. Т. I—III. М. 1926—1929.
- Хрущёв Н. С.* Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства Советской Украины. М. 1944. 56 с.
- Шверник Н. М.* 30 лет Советской власти. М. 1947. 32 с.

ДОКУМЕНТЫ

- Внешняя политика СССР.* Сборник документов. Т. I (1917—1920 гг.). М. 1944. 572 с.
- Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1939).* Изд. 6, доп. Ч. I. 1898—1925. М. 1941. VIII, 728 с. (Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)).
- Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях.* Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1926. 464 с.
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых РСФСР с иностранными государствами.* Вып. I. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу по 1 декабря 1921 г. П. 1921. VII, 252 с. (НКИД РСФСР).
- Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключённых с иностранными государствами до 1 января 1941 г.* М. 1941. 408 с. (Народный комиссариат внешней торговли Союза ССР).
- Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях.* Сборник документов... Под общ. ред. А. Я. Вышинского. М. 1939. 540 с. (Академия наук СССР. Институт права).
- Англичане на севере (1918—1919 гг.).* «Красный архив». 1926. Т. 6 (19), с. 39—52.
- Архивные документы о деятельности большевистской организации Азербайджана в 1919 и в начале 1920 г.* «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)». 1948. Т. XI, с. 137—146.
- Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г.* «Красный архив». 1940. Т. I (98), с. 31—67.
- Версальский мирный договор.* М. НКИД. 1925. XXXI. 198 с. (Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров. I).

- Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г.* (Из документов парижского «посольства»). «Красный архив». 1929. Т. 6 (37), с. 69—101.
- Врангелевщина* (Из материалов парижского «посольства» Временного правительства). «Красный архив». 1930. Т. 2 (39), с. 3—46; т. 3 (40), с. 3—40.
- Временное правительство Автономной Сибири.* «Красный архив». 1928. Т. 4 (29), с. 86—138; 1929. Т. 4 (35), с. 37—106; т. 5 (36), с. 31—60.
- Габричидзе И. И.* Германские оккупанты в Грузии в 1918 г. Сборник документов и материалов. Тбилиси. 1942. 160 с. (Тбилисский филиал ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). На груз. языке.
- Горская* контрреволюция и интервенты. «Красный архив». 1935. Т. 1 (68), с. 125—153.
- Документы о борьбе за Советы в Забайкалье.* В кн.: «Борьба за Советы в Забайкалье». Сборник... Чита. 1947, с. 281—358.
- Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году.* М. 1941. 160 с. (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) и Секретариат Главной редакции «Истории гражданской войны»).
- Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году.* М. 1942. 242 с.
- Документы об английской интервенции в Азербайджане в 1918—1919 гг.* «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)». 1948. Т. XII, с. 261—291.
- Документы по истории гражданской войны в СССР.* Т. 1. Первый этап гражданской войны. М. 1940. 544 с., 21 вкл. л.
- Из истории борьбы карельского народа за власть Советов.* «Красный архив». 1940. Т. 5 (102), с. 45—74.
- Из истории внешней политики правительства Врангеля (Экономические отношения с Францией).* «Красный архив». 1929. Т. 1 (32), с. 125—157.
- Из истории гражданской войны на Украине в 1918 г.* «Красный архив». 1939. Т. 4 (95), с. 73—102.
- Из истории семёновщины в 1919 г.* «Красный архив». 1934. Т. 6 (67), с. 131—146.
- Из истории французской интервенции в Одессе.* «Красный архив». 1931. Т. 2 (45), с. 53—80.
- Интервенция и северная контрреволюция.* «Красный архив». 1932. Т. 1—2 (50—51), с. 97—116.
- Интервенция на Севере в документах.* М. 1933. 94 с.
- Использование интервентами Северного морского пути.* 1918—1919 гг. «Красный архив». 1941. № 1(104), с. 151—198.
- К истории гражданской войны в Якутии в 1922 г.* «Красный архив». 1937. Т. 3 (82), с. 119—135.
- К истории интервенции в Сибири.* «Красный архив». 1929. Т. 3 (34), с. 126—165.
- К истории интервенции на Севере.* «Красный архив». 1940. Т. 1 (98), с. 125—144.
- Колчак и Финляндия.* «Красный архив». 1929. Т. 2 (33), с. 82—144.

- «Красная книга»*. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях. 1918—1920. М. 1920. 112 с. (РСФСР. Наркоминдел).
- Крах германской оккупации на Украине* (По документам оккупантов). М. 1936. 205 с.
- Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году* (Сборник документов Партархива ЦК КП(б) Белоруссии). Минск. 1947. 200 с.
- Крым в 1918—1919 гг.* (Материалы осведомительных органов Добровольческой армии и дипломатического представителя Всеволодского Войска Донского). «Красный архив». 1928. Т. 3 (28), с. 142—181; т. 4 (29), с. 55—85.
- Крымское краевое правительство в 1918—1919 гг.* «Красный архив». 1927. Т. 3 (22), с. 97—152.
- Листовки бакинских большевиков, выпущенные в 1919—1920 гг.* «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)». 1948. Т. IX, с. 145—157.
- Начало врангелевщины*. «Красный архив». 1927. Т. 2 (21), с. 174—181.
- Отечественная война против германских оккупантов в 1918 году*. Документы. М. 1941. 48 с. (Секретариат Главной редакции «Истории гражданской войны»).
- Польша и южно-русская контрреволюция* (Экономические взаимоотношения Польши с Деникиным и Врангелем). «Красный архив». 1931. Т. 4—5 (47—48), с. 90—111.
- Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг.* Сборник документов (Беломорск). 1944. 168 с. (Отд. гос. архивов НКВД Карело-Финской ССР).
- Разгром немецких захватчиков в 1918 году*. М. 1943. 335 с. (Секретариат Главной редакции «Истории гражданской войны»).
- РСФСР. Народный комиссариат по иностранным делам*. Отчёт Наркоминдела VII съезду Советов (ноябрь 1918 г.—декабрь 1919 г.). М. 1919. 27 с.—Годовой отчёт НКИД к VIII съезду Советов (1919—1920). М. 1921. 74 с.—Годовой отчёт НКИД к IX съезду Советов (1920—1921). М. 1921. 192 с.—Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчёт Народного комиссариата по иностранным делам. М. 1923. 82 с.
- Румынский произвол в Бессарабии*. 1918 г. «Красный архив». 1940. Т. 4(101), с. 64—100.
- Советская Россия и Польша* (Официальные документы за апрель—сентябрь 1921 г.). М. 1921. 121 с. (Наркоминдел).
- Советский Союз в борьбе за мир*. Собрание документов (за 1917—1927 гг.). М.—Л. 1929. 344 с.
- Советско-американские отношения*. 1919—1933 гг. М. 1934. 100 с. (НКИД. Сборник документов по международной политике и международному праву. № 9).
- Японская интервенция 1918—1922 гг.* в документах. М. 1934. 235 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОРЫ

- Ангарский М. С.* Второй поход Антанты и его разгром. М. 1940. 132 с. («История гражданской войны в СССР». Вып. III).
- Бабурин Д. С.* Из истории гражданской войны в Семиречье. «Труды историко-архивного института». Т. 3. Кафедра истории СССР. М. 1947, с. 217—263.
- Багиров М. Д.* Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана. Изд. 2. М. 1948, с. 158—218.
- Бах М.* Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за 10 лет (1917—1927). М. 1928. 167 с.
- Беридзе С.* 1917—1921 годы в Грузии (Хроника важнейших событий). Тбилиси. 1941. IV. 356 с. (Тбилисский филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)). На груз. языке.
- Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.).* Воспоминания и материалы. К 20-летию разгрома иностранной военной интервенции и белогвардейщины в Бурят-Монголии. М. 1940. 283 с.
- Борьба за Советы в Забайкалье.* Сборник статей, материалов и документов. Чита. 1947. 374 с.
- Гирченко В. П.* Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.). Улан-Удэ. 1940. 110 с. (Бурят-Монгольский гос. науч.-иссл. институт языка, литературы и истории).
- Гирифельд А. В.* О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке. «Вопросы истории». 1948. № 8, с. 3—22.
- Гусейнов И.* Борьба трудящихся Азербайджана против денкинщины в 1919—1920 гг. «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)». 1948. Т. IX, с. 54—84.
- Гусейнов Г.* Памяти 26 бакинских комиссаров. «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)». 1947. Т. VIII, с. 66—76.
- Заставенко Г.* Розгром німецьких інтервентів на Україні в 1918 році. Київ. 1948. 107 с.
- Ибрагимов З. И.* Советская власть в Баку в 1918 году. «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) — Институт истории партии имени Ст. Шаумяна». Баку. Т. II. 1946, с. 3—21. На азерб. языке. Резюме на русск. языке.
- История дипломатии.* Т. 2—3. Под ред. В. П. Потёмкина. М. 1945. Т. II, с. 303—394; т. III, с. 12—54.
- К XXX годовщине злодейского убийства 26 бакинских комиссаров агентами английского империализма.* Баку. 1948. 292 с. «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)». Т. XII.
- Корнатовский Н. А.* Борьба за красный Петроград (1919). Л. 1929.
- Корчин М. Н.* Борьба за Советы на Дону. Ростов н/Д. 1947. 100 с. (Партархив Ростовского обкома ВКП(б)).
- Куусинен О.* Финляндия без маски. М. 1943, с. 3—11.
- Лазарев Н. И.* Советско-канадские отношения в период 1918—1924 гг. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии». 1947. Т. IV. № 3, с. 242—256.

- Лихолат А.* Украинские буржуазные националисты на службе у иностранных империалистов (Из истории Украинской буржуазно-националистической директории 1918—1919 гг.). «Вопросы истории». 1948. № 12, с. 32—50.
- Марков С. Ф.* Отечественная война украинского народа против германских интервентов в 1918 году. М. 1941. 64 с. (Главное архивное управление НКВД СССР).
- Материалы и документы к VIII главе «Краткого курса истории ВКП(б)».* Л. 1941. 320 с.
- Миккер Р.* Борьба за советскую власть в Эстонии в 1917—1919 годы. «Исторический журнал». 1940. № 11, с. 45—56.
- Минаев В. Н.* Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. Ч. I. М. 1940. 216 с.
- Мировые экономические кризисы 1848—1935.* Т. I. М. 1937. 807 с.
- Мосесов П. Б.* Бакинская рабочая конференция (1919—1920 гг.). «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)». 1948. Т. IX, с. 85—111.
- Ольша Р.* Пролетариат держав Антанты в борьбе против интервенции в Советскую Россию (1919—1920 гг.). «Вопросы истории». М. 1947. № 10, с. 106—127.
- Осипов М.* К вопросу об английской интервенции в Азербайджане в 1918—1919 гг. «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)». 1948. Т. XII, с. 27—42.
- Рейхберг Г. Е.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). М. 1940. 209 с.
- Рош А.* Борьба вокруг Версальского договора (1918—1919 гг.). М. 1941. 197 с.
- Рубинштейн Н. Л.* Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922 гг.). М. 1948. 463 с.
- Рябов Н. И.* Последние дни белого «царства» в Приморье 1921—1922 гг. «На рубеже». Хабаровск. 1941. № 2, с. 179—199.
- Софинов П.* Чехословацкий мятеж «Исторический журнал». 1940. № 12, с. 47—60.
- Ставровский А.* Закавказье после Октября. Взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 года. М.—Л. 1925. 120 с.
- Сюкияйнен И.* Карельский вопрос в советско-финских отношениях в 1918—1920 годах. Петрозаводск. 1948. 170 с.
- Тарасов В.* Борьба с оккупантами на Севере (1918—1920 годы). «Борьба пролетариата». 1941. № 2, с. 105—142.
- Тарасов В.* Мурманск в 1917 г. «Борьба пролетариата». 1940. № 1, с. 71—94.
- Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане (1918—1919 гг.). М. 1941. 128 с. (Военно-историческая библиотека).
- Токаржевский Е. А.* Бакинские большевики — организаторы борьбы против германо-турецких интервентов в Азербайджане в 1918 году. Баку. 1947. 216 с. «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ — Институт истории партии имени Ст. Шаумяна». Т. VI.

- Хачапуридзе Г. В.* Большевики Грузии в боях за победу советской власти. М. 1947. 247 с.
- Четыркин А. В.* Развал тыла и разложение армии Деникина. «Исторические записки». 1941. Т. XII, с. 3—38.
- Штейн Б. Е.* Из истории первоначального периода гражданской войны. «Историк-марксист», 1940. № 4—5, с. 12—35.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. ДОКУМЕНТЫ

- Bartnoux L.* Le Traité de Paix. Paris. 1919. 249 p.
- Brocdorff-Rantzau U. K.* Ch. Dokumente. Berlin. 1922. 278 S.
- The Boullitt mission to Russia.* Testimony before the Committee on foreign relations United States Senate... New York. 1919. 6, 151 p.
- Correspondance diplomatique se rapportant aux relations entre la Republique Russe et les Puissances de l'Entante.* Moscou. 1919, 51 p.
- Documents on British Foreign Policy.* 1919—1939. First Series, vol. I. London. 1948.
- Japanese aggression in the Russian Far East.* Extracts from the Congressional record March 2, 1922 in the Senate of the United States. Washington, 1922. 111 p.
- Japanese intervention in the Russian Far East.* Washington. 1922. VII, 165 p.
- La Paix de Versailles.* La documentation Internationale. Paris. 1932.
- Papers relating to the foreign relations of the United States.* Washington (U. S. Publications of the Department of State). 1918. Russia Vol, I—III. 1931—1932; 1919. Russia. 1937. 807 p.; 1920. Vol. III. 1936, p. 436—727.
- Papers relating to the foreign relations of the United States.* Paris Peace Conference. Vol I—XI. Washington 1942—1947 (U. S. Publications of the Department of State).
- Russian-American relations.* March 1917 — March 1920. Documents and papers, comp. and ed. by C. K. Cumming and W. W. Pettit. New York. 1920. XXVIII, 375 p.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПЕРЕПИСКА, ВЫСТУПЛЕНИЯ

- (Aldrovandi Marescotti L.)* Альдрованди Марескотти Л. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914—1919). М. 1944. XXVI, 391 с.
- (Bertie F. L.)* Берти Ф. Л. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М.—Л. 1927. 230 с.
- Clémenceau G.* Grandeur et misères d'une victoire. Paris. 1930. IV, 374 p.
- (D'Abernon)* Д'Абернон. Посол мира. Страницы из дневника лорда д'Абернона. Берлин. 1920—1926 годы. Т. I. От Спа (1920) до Рапалло (1922). (М.) 1931. 216 с.
- (Densterville)* Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии (Воспоминания). Тифлис. 1925. XV, 281 с.
- (Erzberger M.)* Эрцбергер М. Германия и Антанта. Мемуары. М.—Пг. 1923. 356 с. (Библиотека современных мемуаров).

- Foch F.* Mémoires pour servir à la guerre de 1914—1918. Т. 1—2. Paris. 1931.
- Von der Goltz,* Meine Mission in Finnland und Balticum. München. 1921. (*Graves W. S.*) Грэвс В. С. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М. 1932. XVIII, 248 с.
- (*House E.*) Хауз Э. Архив полковника Хауза. Подгот. к печати Ч. Сеймуром. Перев. с англ. Т. 1—4. М. 1937—1944.
- Lloyd George,* War memoirs, vol. 1—2. London. 1933—1936. (*Lloyd George D.*) Ллойд Джордж Д. Европейский хаос. Л.—М. 1924. 151 с. То же под загл.: «Мир ли это?» Л.—М. 1924. 246 с.
- Lloyd George D.* The truth about the peace treaties... Vol. 1—2. London. 1938.
- Mordacq H.* L'armistice du 11 Novembre 1918, Paris. 1937.
- (*Nitti F.*) Нитти Ф. Европа без мира. Пг.—М. 1923. 222 с.
- (*Pichon*) Пишон. Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. М.—Л. 1925. 93 с.
- (*Tardieux A.*) Тартье А. Мир. М. 1943. XXIV; 432 с. (Библиотека внешней политики).
- Thompson Ch. T.* The Peace Conference day by day. With an introd. letter by E. M. House. New York. 1920. 425 p.
- (*Word J.*) Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда Джона Уорда. М.—П. 1923. 172 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОРЫ

- (*Baker R. S.*) Бекер С. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. По документам и запискам председателя Американского комитета печати на Версальской конференции... М.—Пг. 1923. 451 с.
- Berger P. M. et Allard P.* Les dessous du Traité de Versailles, Paris. 1933. 250 p.
- Dolmaine A.* Les Alliés contre la Russie. Paris. 1926.
- (*Jordan W.*) Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема. М. 1945. XXIV, 303 с. (Библиотека внешней политики).
- Marston F. S.* The Peace conference of 1919. Organization and procedure. London. 1944. XI, 276 p.
- Martel R.* La France et la Pologne. Realités de l'Est européen. Paris. 1931. III, 325 p., carte. (Martel R. Les grands problèmes).
- (*Marty A.*) Марти А. Восстание на Чёрном море. М.—Л. 1940. 390 с.
- Mermeix.* Le combat des Trois. Notes et documents sur la Conférence de la paix. 2-e éd.—Paris (1922). 311 p.
- Mermeix.* Les négociations secrètes et les quatre armistices. Paris. 1921.
- (*Nicolson H.*) Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М. 1945. 298 с.
- (*Nowak K.-F.*) Новак К.-Ф. Версаль. М.—Л. 1930. 205 с.
- (*Sayers M. and Kahn A. E.*) Сейерс М. и Кан А. Тайная война против Советской России. М. 1947. 456 с.
- Temperley H. W. Y.* A history of the Peace conference of Paris. Ed. by H. W. V. Temperley. Vol. 1—6. London. 1920—1924.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Авалишвили — 331.
Авареску — 35.
Айронсайд — 114, 298, 302.
Алексеев — 29, 316.
Альби — 114—115.
Анри — 186, 285—286.
Аптолико — 177, 179.
Аукинглосс — 131—132, 157, 165, 169, 171.

Б

Бальфур — 52, 81, 83, 103, 109, 121, 124, 127, 129, 138, 142—143, 152, 154, 183, 185, 196—197, 207, 212, 217, 221, 227, 257, 260—264, 284, 310, 333, 337, 343—344, 362, 364, 368—370, 373, 375—376, 388, 440.
Баллода — 209.
Баммат — 104—105.
Барнс — 65.
Бахметьев — 177, 429.
Бертелеми — 189, 194.
Бертелло — 31—32, 57, 289, 293, 305, 313, 344, 396.
Бермонт-Авалов — 205, 209, 225, 255, 257, 275, 282, 289—290, 440.

Беркенгейм — 394—396.
Беккер — 420, 423—424.
Битти — 348.
Биконсфильд — 401—402.
Бич — 331.
Бичерахов — 90.
Блисс — 131—133, 135, 145, 152, 153.
Богаевский — 316.
Борден, Роберт — 84.
Бригс — 331.
Братиану — 103, 307—309, 312.
Бристоль — 342—343.
Буклер — 76, 78—79, 109, 425.
Буллит — 5, 9, 109, 140—142, 144—146, 150—163, 165, 168—173, 175—176, 202, 231, 398, 410, 412, 418, 421, 425.

В

Вайда, Войвод — 312—313.
Врангель — 316, 392.
Веселаго — 41—42.
Веджвуд — 160.
Вейган — 287.
Виар — 186.
Вильгельм II — 216.

Гильсон, Вудро — 11—12, 14—17, 20—22, 24, 26, 48—50, 59, 65—68, 72—74, 76, 78—80, 82—84, 86, 89—93, 98, 104, 106—108, 110—114, 120, 129—131, 133—136, 138—141, 151—152, 157, 159—163, 165—172, 175, 179—180, 184—185, 190, 192, 194, 197—198, 204, 218, 230—231, 233—236, 238—244, 259, 270, 287, 295, 297—298, 303, 320, 323, 331, 337—346, 357, 360, 362—364, 369—370, 372—373, 402, 408—411, 413, 415, 418, 422—424, 426—427, 430, 438—442.

Вильсон, Генри — 227, 348, 351.

Винниг — 205.

Винниченко — 319.

Воровский, В. В. — 96.

Г

Гардинг — 219—220.

Галлер — 136, 182, 184—186, 192—194, 198, 427, 433.

Гессенский, Карл — 216.

Гёте — 207.

Геррок — 109.

Гертер — 109, 131.

Гибсон — 286.

Гирс — 429.

Гирифельд — 439—440.

Гоф — 256, 259, 262—264, 288.

фон дер Гольц — 209—210, 213, 216—217, 223, 254—258, 275, 282, 284, 288, 440.

Грин — 209, 225, 228.

Грэвс — 234.

Грю — 228.

Гувер — 157, 165—170, 175, 177, 179—180, 211, 218, 222, 225—227, 340—341, 410, 412, 425.

Гулевич — 277.

Гучков — 232.

Гэд — 279.

Д

Дальбия — 34.

Даллес, Фостер — 369—370.

Деникин — 6, 14, 25, 29, 65—66, 90, 94, 100, 107—108, 123, 163, 178—179, 188, 230—232, 240, 242, 244, 248, 251—252, 264, 273, 278, 283, 286, 290—291, 316, 319—326, 330—332, 340, 347—349, 352, 356, 358, 360, 368, 370, 382—385, 388, 392, 400—401, 403, 407, 409, 413—416, 432.

Дриздель, Вальтер — 47.

Дремонд, Эрик — 154.

Дэвис — 267—268, 386—387, 389.

Дюкс, Поль — 54.

Долмайн, Андре — 58.

З

Звегинцев — 36, 42.

И

Имбри — 249, 258.

Имперали — 386.

К

Каледин — 31—32, 104, 316.

Камерер — 394.

Камбон, Жюль — 191, 193, 196.

Кан — 166, 346.

Като — 44.

Караулов — 104.

Каутский — 203.

Керр — 109, 128—129, 133—135, 141—143, 151, 153, 235—239, 426.

Керенский — 18.

Кемп — 36, 40—41.

Керзон — 63—65, 299, 301, 347—348, 351, 355—356, 387—388, 392, 430.

Киккучи — 44.
Клемантель — 177, 179.
Клемансо — 14, 16—17, 20—21,
 24, 29, 57, 62—63, 67, 71—72,
 74, 80—82, 86, 89, 92, 103,
 106—108, 114, 120, 122—123,
 139, 156, 163, 168, 171, 179—
 180, 184, 192, 194, 198, 201,
 235—236, 240, 243, 259, 270,
 276—277, 283, 285—286, 288—
 289, 303, 308, 312—313, 315,
 323, 331, 334, 337, 339, 341—
 344, 347—348, 351—352, 355,
 357, 359, 362, 368, 378, 384—
 388, 391—394, 397, 399, 402,
 405, 409, 413, 415, 418, 421—
 422, 424, 426—427, 438—439.
Клайн — 158.
Колчак — 5—6, 14, 25, 65, 67, 73,
 90, 94, 100, 107—108, 123,
 157, 160, 162—163, 178—180,
 188, 219—220, 227, 230—233,
 236—246, 248—252, 257, 260—
 264, 268, 270, 283, 286, 289, 291,
 295—296, 309, 319, 321—322,
 325—326, 330—332, 340, 348,
 356, 358, 360, 366—368, 370—
 371, 382—385, 389—390, 392,
 401, 403, 407, 409, 413—416,
 421, 423, 432.
Корнилов — 316.
Конти — 103.
Коуль — 300.
Корнатовский — 249, 259.
Краснов — 90, 99, 316, 319,
 414.
Краус — 284.
Кристенсен — 78.
Круу — 288—289, 292, 311,
 377.
Крупп — 290.
Крю — 140.
Кук — 172—173.

Л

де Лагатинери — 36.
Лайдоннер — 259.

Лансинг — 21, 40, 49, 67—68,
 119—120, 131, 133—136, 140—
 141, 144—146, 151—153, 197,
 198, 206, 209, 212—213, 218—
 219, 221—224, 239, 267, 269—
 270, 279, 300—301, 309, 315,
 346, 372—373, 402, 411, 420.
Ленин, В. И. — 6, 8, 11, 12, 15, 18,
 19, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29,
 30, 38, 41, 42, 43, 44, 46, 47,
 48, 53, 55, 56, 57, 58, 64, 69,
 88, 89, 97, 98, 113, 122, 138,
 139, 145, 146, 150, 151, 157,
 159, 160, 162, 163, 164, 173,
 178, 180, 203, 204, 214, 215,
 231, 232, 238, 241, 245, 246,
 248, 252, 253, 254, 264, 273,
 274, 275, 279, 280, 281, 287,
 289, 294, 303, 304, 316, 317,
 318, 325, 336, 349, 350, 361,
 362, 379, 380, 381, 383, 397,
 402, 403, 405, 406, 407, 408,
 409, 410, 411, 416, 417, 418,
 422, 428, 438.
Ленсдоун — 154.
Литвинов, М. М. — 76, 78, 145—
 146, 425.
Ливен — 205, 209, 225, 255—256,
 284.
Линдсей — 299.
Локкарт — 39—40, 43, 46, 55.
Лорд — 190—191, 213.
Ллойд Джордж — 14, 16—17,
 20—21, 24, 62—67, 69—75,
 80—86, 89—92, 94—95, 101,
 106, 108—110, 112—114, 118,
 128—131, 133—134, 136, 138—
 139, 141—143, 151—163, 165,
 168—169, 171, 175, 179—180,
 183, 186—188, 190, 192, 194—
 195, 198—199, 201, 205, 230—
 232, 235—236, 238—240, 242—
 243, 259, 278, 283—285,
 295, 303, 308, 312—313, 315,
 319—320, 323, 332, 337—338,
 340—341, 346—348, 350—351,
 353—356, 359, 362—364, 383—
 387, 389, 391—394, 397—402,
 408—411, 413, 415, 418, 420,
 424, 426—427, 429—431, 437—
 442.

Лучевич — 244.
Людендорф — 328.
Львов — 66, 429.
Лярош — 218, 311.

М

Майский, И. М. — 441.
Маклаков — 177, 429.
Макса — 77.
Макино — 103, 219—220.
Маннергейм — 85, 114, 207, 216—
219, 249—251, 277, 415.
Маргулис — 272.
Марескотти, Альдрованди —
420, 427—428.
Мартин — 36.
Марти, Андре — 57—58.
Мартелль — 243.
Мартель, Рене — 182, 195, 199—
200, 420, 427.
Марстон — 307, 431—433.
Марч — 259, 261.
Мееровиц — 244.
Мермекс — 62, 424—425.
Мильеран — 313.
Миллер — 169, 171, 256, 301.
Мильнер — 29.
Милюков — 18.
Моргентау — 340—341.
Моррис — 239.
Моррисон — 213.

Н

Набоков — 102, 429.
Нансен — 157, 165—180, 202, 231,
410, 412, 421, 425—426, 428—
429.
Недра — 210, 226, 254.
Никольсон, Г. — 307, 420, 428—
429, 441.
Ниссель — 288, 290—292.
Нитти — 333, 356—357, 359, 394,
402.
Нокс — 73, 152, 155, 268.
Нордлиен — 76.
Носке — 205, 209, 289.
Нуланс — 54, 74—75, 84, 186, 425.

О

Орландо — 14, 62, 72, 74, 168, 171,
236, 243, 308, 332, 333, 337,
402, 411, 426.

П

Падеревский — 184, 283—286.
Павленко — 191.
дю Парке — 255.
Паскаль — 54.
Петлюра — 20, 58, 102, 187—188,
319.
Пилсудский — 85, 183, 198, 201—
202, 392.
Пишон — 66—67, 69, 71, 74, 84,
103, 107—108, 182, 185, 189,
193, 196, 210, 218—219, 221,
223—224, 226, 261, 263, 309,
402, 425.
Покровский, М. Н. — 439.
Полк — 267, 269, 286—287, 289,
291, 296, 334, 344, 346, 375—
377.
Поска — 106, 244, 272.
Пуль — 41—42, 49, 296—299.

Р

Рампон — 103.
Ригс — 321—322.
Ридинг — 85, 91.
Робинс — 59.
Родзянко — 225, 240, 246—248.
Розвадовский — 191.
Рош — 437—439.

С

Савинков — 55, 66.
Сайерс — 166, 346.
Сайондзи — 236, 332.
Сазонов — 66, 102, 106—107, 177,
429.
Сапега — 183

Сарре — 34.
Свинхувуд — 215.
Свердлов, Я. М. — 55.
Сент-Олер — 34, 308.
Сейду — 367—368.
Сесиль, Роберт — 65, 154, 177, 179.
Сеймур — 48, 155—156, 423, 426—427.
Сидоренко — 107, 244.
Синклер — 205—206, 210.
Скавениус — 74—75, 84, 425.
Скоропадский — 90, 319.
Смэтс — 153—154.
Соммерс — 49.
Соннино — 52, 72, 74, 81, 120—121, 124, 127, 197, 198, 218.
Сольсбери — 154.
Сталин, И. В. — 10, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 22, 23, 24, 25, 31, 43, 44, 54, 55, 56, 57, 58, 61, 89, 90, 91, 92, 95, 104, 105, 113, 138, 139, 162, 167, 181, 184, 185, 188, 214, 215, 216, 217, 231, 232, 246, 247, 251, 252, 304, 306, 314, 315, 316, 317, 319, 325, 327, 330, 335, 336, 337, 345, 358, 359, 360, 361, 380, 400, 405, 408, 409, 411, 413, 414, 416, 417, 418, 419.
Стефенс, Линкольн — 159—160.
Стивенс, Дж. Ф. — 233—234.
Стольберг — 251, 277.

Т

Тардые — 71, 307, 309—310, 376—377, 420—422, 427—428.
Темперлей — 425—426.
Титтони — 262, 283, 288, 310—311, 333—334, 368.
Томсон — 331.
Топчибашев — 244.
де ла Торетта — 260—261, 394.

У

Уайз — 394.
Уайт, Вильям — 109, 131, 342, 368—369.
Уайт, Генри — 145, 152—153.
Ульманис — 206, 254.

Ф

Фасциотти — 35.
Фельнс — 109.
Филимонов — 104.
Филиппс — 267—268, 320.
Фош — 65—66, 136—139, 161, 163, 182, 184—190, 192—193, 208, 255, 257, 282, 284—285, 291, 292, 312, 348, 350—354, 357, 359, 424.
Францез д'Эспере — 57, 84, 325.
Френсис — 40, 77, 295, 297, 302.
Фромажю — 377—378.

Х

Хайкинг — 289.
Харборд — 341.
Хармсворд, Сессиль — 159—160.
Хаскель — 324, 332—334, 341, 343—344, 346.
Хауз — 20—21, 48, 50, 68, 120, 129—131, 138, 141—142, 145—146, 151—156, 165, 168—169, 171, 184, 270, 422—423, 426, 438—439.
Хичкок — 76—77.
Холл — 36.
Хольсти — 276.
Хор, Семюэль — 159—160.
Хэнки, Морис — 153, 177.

Ц

Церетели — 18, 352.

Ч

Чайковский — 55, 90, 94, 106—
107, 123, 238, 294—295, 297,
302, 323, 414—415, 428.

Чиксте — 106.

Чиллин — 295.

Чемберлен — 29.

Чермоев — 104—105, 244.

Черенский — 53.

Черчилль — 17, 24, 63—65, 70,

92, 101, 102, 107—108, 110—

111, 114—115, 117—129, 131—

132, 134—135, 139, 160—163,

180, 182, 240, 248, 252, 273,

278, 283, 296, 319—320, 348,

352, 355, 392, 402, 411, 413,

415, 426, 430, 431.

Чикди — 240—242, 389—390.

Чичерин — 145—146, 172—173.

Чхеидзе — 244.

Ш

Шллойя — 387.

Шаумян, С. Г. — 55, 329.

Шеффердсон, Уитней — 155.

Шильде — 290.

Щ

Щербачёв — 31—33.

Э

Эберт — 256.

Энвер — 328.

Этьеван — 276, 278.

Ю

Юденич — 6, 65, 107, 188, 219

225, 231, 240, 246—254, 256—

257, 259, 264, 270, 272—279,

283, 286, 290—293, 340, 360,

383, 385, 392, 403, 407, 409

415, 435.

Юз — 84.

Юрьев — 36—37, 42, 55.

Редактор *Я. Лившиц*
Ответственный корректор *Э. Патеревская*
Художник *Н. Седельников*
Технический редактор *А. Данилина*

Подписано в печать 3 мая 1949 г. Тираж
20000 экз. А00292. Объем 29 п. л.
24,25 уч.-изд. л. Заказ № 88. Цена 10 р.

Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР. Москва, Валуевая, 28.

10 руб.

ИЗДАНИЕ 9
ПРЕДЛА — 30 КБ

Б.Е. ШТЕЙН

«РУССКИЙ
ВОПРОС»
НА
ПАРИЖСКОЙ
МИРНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ